

FORGOTTEN REALMS

СЕМБИЯ

ВРАТА В КОРОЛЕВСТВА

КНИГА I

ЗАЛЫ ШТОРМОВОГО ПРЕДЕЛА

06

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ФИЛИПА ЭТАНСА

История в семи частях, которая происходит в стенах могущественного города Селгонт, находящегося на северном побережье Моря Упавших Звёзд в Сембии.

Зима Года Ненастроенной Арфы, 1371 по Летоисчислению Долин. Сембия, под руководством успешных торговых принцев, процветает.

Здесь мы встретимся с могущественными торговыми лордами Сембии и семьей Ускеврэн.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “Forgotten Realms”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. ПАТРИАРХ: Огненная Чаша - Эд Гринвуд - **Elstan, Scorpion81, maelin**
2. МАТРИАРХ: Песнь Хаоса - Ричард Ли Байерс - **PuPPen**
3. НАСЛЕДНИК: Ночной урок - Клейтон Эмери - **Энори Найтингейл**
4. ДОЧЬ: Цена - Вороника Уитни-Робинсон - **Redrick**
5. ВТОРОЙ СЫН: Тридцать дней - Дэйв Гросс - **Энори Найтингейл**
6. ДВОРЕЦКИЙ: Возрождение - Пол Кемп - **Keij**
7. СЛУЖАНКА: Внешность обманчива - Лиза Смедман – **Elstan**

Русская обложка: **nikola26**

Редактура: **Энори Найтингейл**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

Залы Штормового Предела

**Патриарх
Огненная Чаша
Эд Гринвуд**

Перевод: Elstan, Scorpion81 и maelin

Редактура: Энори Найтингейл

— Ещё какие-то дела? — спокойно спросил глава дома Ускеврэн через край поднятого бокала.

Свет от лампы мерцал на последних подслащенных льдинках и винах, поданных с ними. Небольшое подёргивание его стиснутой челюсти позади бокала было единственным намеком на отвращение, которое Тамалон Ускеврэн чувствовал, обедая в собственном банкетном зале с его двумя самыми ненавистными конкурентами — и кредиторами.

— О, да, Ускеврэн, — сказал человек с волосами, поблескивающими сединой, и изумрудными глазами, блестящими коварством, в праздной манере, которая никого не одурачит, — есть ещё одна вещь. — Улыбка Прескера Талендара была шелковистой. — Я привёл кое-кого, кто очень хочет с тобой встретиться.

Один из четырех до настоящего времени молчавших мужчин, которые сидели между Тамалоном и Саклатом Соаргилом — толстый, презрительно улыбающийся сын человека, который пытался убить Тамалона шесть раз и нанял кого-то еще, чтобы обеспечить жестокий, холодный конец дням Тамалона по крайней мере ещё дюжину раз — наклонился вперед. Что-то, что могло быть призраком улыбки, украсило его лицо. Это был незнакомец в зеленом камзоле, с позолоченными изображениями прыгающих львов, которые напоминали давно пропавшего старшего брата Тамалона - Перивела... Давно, когда он был молод и энергичен. Перивел нашел время вернуться тогда назад, чтобы затем тайно произвести на свет сына?

Тамалон знал в лицо трёх остальных мужчин, молчаливо обедающих за его столом. Первым был Айристар Вельвонт, хладнокровный профессиональный маг-наёмник, чье присутствие здесь этой ночью, должно быть, стоило Талендару несколько тысяч пятизвездников, по крайней мере. Он был кнутом, препятствующим приподнятому нраву перерасти во что-то большее... Или притуплять множественные угрозы, которыми хозяин мог бы заливать гостей в собственном доме.

Человеком возле Вельвонта был Энсайбл Лоакрин, законодатель Селгонта. Лоакрин был идеальным свидетелем и владельцем такого же тщательно невыразительного лица, как и у Тамалона.

Третьим человеком, намного ниже ростом и толще остальных собравшихся за столом, был священник, чьи одежды описывали его как слугителя Латандера, бога созидания и возрождения. Имя священника ускользнуло от Тамалона, но несколько больших блюд жареного гуся с орехами не смогли ускользнуть от Повелителя Огня Латандера – и три графина хорошего вина к настоящему моменту также не смогли избежать встречи с ним.

Они были свидетелями, эти трое, присутствующие здесь, чтобы наблюдать за любой хитростью, которую мужчина в зелёном и Талендар могли замыслить, и следить, чтобы мечи оставались в ножнах.

Тамалон наклонил брови так, чтобы его лицо выражало вежливый интерес, что было крайне далеко от его настоящих мыслей. – И встретив меня...? – спокойно напомнил он.

– ... я разочарован сдержанным и формальным характером моего приёма, – ровным голосом перебил его человек в зелёном. – В конце концов, я твой брат, Тамалон.

Он сделал паузу, чтобы дать Тамалону время открыть рот от изумления и задать громкий и нетерпеливый вопрос, но глава дома Ускеврэн бросил на него успокаивающий взгляд, приподняв бровь буквально на полдюйма.

Прежде чем молчание затянулось слишком надолго, мужчина в зелёном поднялся и сказал звучным голосом, который не мог не достигнуть слуг, неподвижно стоящих вдоль стен, даже служанку, деловито вытирающую пыль в самом дальнем углу зала. – Пусть все здесь знают правду о моём наследстве. Я – Перивел Ускеврэн, законный наследник моего родителя Алдимара, и глава дома Ускеврэн. Этот дом связан так, как я связываю его, его монеты текут как я повелеваю, и как я говорю, да будет стоять Ускеврэн.

Слова были старой формулировкой, созвучной закону Сембии. Глава дома полностью контролировал его инвестиции и деловые сделки. Если это и правда был Перивел, то у Штормового Предела – прекрасного городского поместья Ускеврэна – появлялся новый хозяин. Тамалон мгновенно потерял бы всю власть над богатством, которое он так кропотливо восстанавливал, и впредь здесь правил бы этот незнакомец.

Было, однако, небольшое осложнение. Перивел Ускеврэн был мертв больше сорока лет.

* * * * *

Последнее воспоминание Тамалона о его брате хаотично возникло в его голове, яркое и ужасное, как всегда. Штормовой Предел был в огне, и там был Перивел, кричащий вызов красному, бьющемуся сердцу ада из падающих балок и ревущего, мчащегося огня, его меч сверкал, когда он рубил и колол троих – троих! – Талендаров.

Лошадь под Тамалоном в ужасе становилась на дыбы, её обожжённая грива и бока ужасно воняли. Она ринулась с криком вперёд, в более тёмные и

прохладные улицы, унося неистовствующего Тамалона от треска огня и криков умирающих.

От дома остался всего лишь почерневший каркас, когда он увидел его снова. Его пепел хранил кости многих, но не отдавал ни единого живого человека, ни трупа, которого можно было бы назвать по имени. Священники допросили несколько обгоревших черепов при помощи жутких заклинаний, затем направились в утомленном удовлетворении, чтобы назвать Тамалона Ускеврена наследником дома и представить ему счет за их священные труды. Они, по крайней мере, были уверены, что Перивел умер в огне. Конечно, с уходящими годами, их боги забрали каждого из них, и никого не осталось, чтобы повторить их показания теперь, кроме Тамалона.

Так это было; так это было всегда: Тамалон Ускеврэн стоит один против врагов его семьи.

Опять один. Он всё больше уставал от этого. Возможно, пришло время отложить вежливость в сторону и выйти, как лев. Если бы он мог быть уверен, что одолеет всех змей, которые с шипением ползали в темноте вокруг дома Ускевренов.

И в этом была проблема. Боги никогда не облегчали сембийцам жизнь, позволяя быть уверенными в чём-либо.

* * * * *

– Я полагаю, брат, – сказал Перивел плавно, – ты задаёшься вопросом, почему я сегодня ночью здесь, в компании людей, чьи семьи имели в прошлом разногласия с нашей семьёй?

Он ждал, что Тамалон взорвётся в протесте, но глава дома Ускеврэн лишь бесшумно, почти лениво махнул рукой, предлагая ему продолжить.

Глаза претендента вспыхнули – не обманулся ли он, увидев в глазах Тамалона капитуляцию? – и широким движением руки он вынул запечатанный документ из нагрудного кармана своего камзола. Перивел протянул пергамент к свету лампы, чтобы все могли увидеть, что печать цела. Он взглянул на Прескера Талендара, получил торжественный кивок согласия, и медленно сломал печать.

Айристар Вельвонт двинулся со скоростью жалящей змеи, его длинные рукава взмыли ввысь, когда он выбросил пухлую руку с длинными пальцами, и положил её на руку фальшивого Перивела.

Когда претендент покорно остановился, волшебник пробормотал что-то и протянул другую руку за документом. Эта рука оставляла слабое голубое сияние на своём пути, которое прилипло и взвилось вокруг пергамента. Все мужчины за столом заметили это. Это была распространённая защита, чтобы пергамент не был порван, сожжён или затронут другой магией.

Затем Вельвонт дал свой экстравагантный разрешающий жест, и претендент торжествующе сунул документ Тамалону под нос.

Таламон спокойно прочитал его, не прикасаясь. Было похоже, что

Перивел Ускеврэн задолжал дому Талендара много денег, и назвал залог, на случай если деньги – семьдесят пять тысяч золотых пятизвездников, не меньше – не будут выплачены.

Залогом был сам Штормовой Предел – дом, который Тамалон отстроил заново, до последнего оконного стекла и ровно вырезанной арки. Глава дома Ускеврэн не смотрел на огромные покрытые мрамором колонны, которые возвышались вокруг него. Он не бросил взгляд на изящные лампы из переливающегося дутого стекла, которые висели над столом, чья стоимость превышала даже стоимость декоративно вырезанных колонн... Но его вопрос, казалось, больше был обращён к ним, чем к кому-либо из сидящих за длинным, уставленным графинами столом, когда он пристально посмотрел через похожий на пещеру зал и мягко спросил: – Как же получилось, что Ускеврены стали должны Талендарам, и почему никто в этом доме не знал об этом?

– Я только недавно возвратился в Селгонт, – сказал претендент с воодушевлением, – после долгих лет, сначала как пленник, потом, как преданный слуга Талендаров, как их собственность в отдалённой земле Амн. Я... я задолжал Прескереу Талендару стоимость корабля, на который Талендары назначили меня капитаном, разбившегося на скалах около Вестгейта.

Умно. Тамалон позаботился, чтобы тёмная ярость, поднимающаяся внутри него, не отразилась у него на лице. Падение Ускервенов в день, когда его отец, Алдимар, торговал с пиратами – преступление, которое тогда, как и теперь, судилось согласно сембийским законам, как и само пиратство. Любая выплата, которую Тамалон мог сделать этому человеку, называвшему себя его братом, могла быть объявлена Талендарами как плата пирату, доказывая, что Ускерены вновь взяли за старые делишки. Фальшивый претендент или нет, Ускеврэн будет уничтожен. В этом отношении претендент, Перивел он или нет, мог и сам быть пиратом.

Людей, обвиненных в пиратстве в Селгонте, всегда избегали жители города, не желавшие разделить их судьбу: месяц тяжелой и отвратительной работы (обычно заделывание пробоин на дне кораблей или же добыча и доставка камней для восстановления городской стены), ампутация одной из рук преступника. Виновные приговаривались судебными чиновниками к перелому других конечностей, а раны оставлялись не заживлёнными, ибо поговорка гласила: «Да будет боль их учителем».

При его возрасте, за шестьдесят лет, Тамалон бы усердно проработал месяц, тогда как этот притворщик отрекся бы от него и разграбил семейные кладовые, так как ни одна семья не стала бы торговать с ним из страха самим быть объявленными пиратами. Ускеврэн падет, а Талендары завладеют всем и, как пить дать, нанесут особый визит высеченному и стонущему Тамалону Ускеврэну, дабы поиздеваться и помучить его новостями о том, что они сотворили с его собственностью.

И закончил бы он свои дни искалеченным и больным, замученный слугами Талендара и наемниками, посланными на охоту, и издевались бы над

ним на улицах, ради развлекательного чтения отчетов во время банкета. Он слышал их прежде с упоминанием дома Фелтелента, ломавшего пальцы один за другим одному слепому старику несколько месяцев подряд просто ради потехи.

В Сембии было слишком легко уничтожить человека.

Едва ли более трудным было уничтожение все семьи, независимо от ее богатства, чести и родословной.

Его отец умер, сражаясь с такой судьбой. Тамалон мог сделать не меньше, чего бы это ему не стоило, и сколько бы боли не принесли эти игры и борьба. Тамалон был должен Штормовому Пределу, его детям, их жизням, их ярким обещаниям, как иначе.

Он лениво поднял взгляд, сумев придать лицу бесстрастное выражение. Семьдесят тысяч золотых пятизвездников были суммой, не находящейся в его распоряжении. Не была подобная сумма и сокровищем, которое Тамалон позволил бы Талендару урвать из казны Ускеврена, даже и владей он такими деньгами. Но лишись он своего дорогого сердцу дома – и умнейшие и лучшие из селгонтцев станут сторониться его и его людей, как бедняков, у которых каждая монета на счету... И вновь Ускеврэн окажется разорен.

Крах и разруха повсюду, и зловещие улыбки с другого конца стола на лицах мужчин, ждущих его падения в ловушку, которую они ему уготовили.

Телендары были старейшей и самой гордой семьей во всем Селгонте. Никто не смел перечить им или же отказывать им в визите. Как противники и давние конкуренты, они были жестоки и с лихвой оправдывали свой знак – ворон с окровавленным клювом. По всему континенту Фаэрун были разбросаны их агенты. Только дурак пренебрежительно обходился с Талендарами из Селгонта.

– Я надеюсь, что ты, брат мой, избежишь любых неприятностей, – сказал фальшивый Перивел в тишину. – В конце концов, именно тебя зовут Старым Филином... и весь Селгонт знает, что Тамалон Ускеврэн человек слова – человек, который всегда сдержит свое обещание.

Смех почти сорвался с губ Тамалона. Столько раз это было уже сказано и повторено жителями Селгонта, что стало неким девизом, который он сказал много лет назад. Он знал, что однажды эти слова вернуться к нему и сыграют злую шутку.

Человек, всегда держащий свои обещания, поводил взглядом по столу, позволив губам искривиться в усмешке, чем сдержал так и порывающееся сорваться с них рычание. Пусть поломают головы, что же за веселый секрет он хранит. Так как за столом сидят Талендар и Соаргил, они поймут, что это был не более чем блеф.

Они, в конце концов, пришли подготовленными. Невидимые защитные поля окружали их всех, чтобы в случае необходимости защитить от любого оружия, которое мог бросить в них Ускеврэн, и голод пылал в их глазах. Они были готовы и жаждали крови Ускеврена. Вот и хорошо...

Тамалон снова взглянул на долговую расписку, и подождал, пока они

сделают еще один напряжённый вдох, прежде чем поднял зелёные, пылающие глаза от пергамента, чтобы взглянуть на человека, называющего себя его братом.

– Я никогда не видел вас или этот документ прежде, – спокойно сказал он претенденту, – и эта подпись не похожа ни на одну из тех, что я видел в наших хранилищах. Докажите мне что вы Перивел Ускеврен.

Это последнее, резкое предложение было брошено в напряжённую и выжидающую тишину, как бросают перчатку, вызывая на поединок. Мужчины вокруг стола, кажется, слегка подались вперёд в волнении. Глаза Прескера Талендара и Саклата Соаргила заблестели в предвкушении удовольствия.

Тамалон не смотрел на них. Он глядел ясным и твёрдым взглядом в незнакомые глаза человека, называвшего себя Перивелом Ускевреном. Не отводя взгляда, он протянул пергамент, но не претенденту, а нанятому волшебнику.

Вельвонт принял документ с улыбкой, больше напоминающей усмешку. Несмотря на то, что всё внимание в этот момент было обращено на него, он даже не попытался скрыть её.

Легкая усмешка, изогнувшая уголки губ Перивела, не дрогнула, когда он снова посмотрел на Тамалона. Он слегка пожал дюжими плечами и сказал мягко: – Принесите мне чашу.

Ухмылка, появившаяся в глазах Перивела и выражавшая настоящий триумф, сказала Тамалону две вещи: то, что это не мог быть его брат, чью злорадную улыбку Тамалон помнил очень хорошо, и то, что этот самозванец, кем бы он не был, считал, что он может доказать, что является Перивелом Ускевреном. Старший брат Тамалона, глава дома Ускеврен, с исключительным правом покупать, продавать и расплачиваться своим имуществом, был похоронен в пепле сорок с лишним лет назад.

Тамалон твёрдой рукой поставил стакан и позвонил в колокольчик, вызывая дворецкого.

– Кейл, – спокойно приказал патриарх, – принесите сюда чашу.

Когда дворецкий наклонил свою лысую голову и молча повернулся, чтобы выполнить приказ, триумф в глазах Перивела загорелся ещё сильнее. Пальцы Тамалона нащупали хорошо знакомую рукоять ножа, пристёгнутого к предплечью, внутри рукава. Он по давней привычке погладил твёрдую, всегда ободряющую гладкую поверхность эфеса. Битва началась.

* * * * *

То, что называвший себя Перивелом Ускевреном человек знал о чаше, ничего не доказывало. Половина старых домов Селгонта слышала о существовании Глотка Ускеврена. Давным-давно она была зачарована магом Фалдинором Ускевреном, Хелемголарном Семь Молний, чтобы не давать гулякам красть его мёд. Позднее чары чаши были изменены так, что только

человек из рода Ускеврэн мог дотронуться до нее голой рукой и не быть немедленно сожжён.

В огне Тамалон и увидел в первый раз эту большую чашу из простого металла – точнее, сопротивляющуюся рычащему огню. Она плавала одна, тёмная и жуткая, среди гудящего огня, пожирающего Штормовой Предел. Тамалон уставился на нее в изумлении, прежде чем его двоюродный дед Роэль стремительно вырвался из дыма, чтобы унести его от огня, смерти и разрушенных мечтаний.

Чаша был одной из немногих вещей, спасённых из пепла. Она была найдена спокойно стоящей на вершине обугленной насыпи, которая прежде была комнатами слуг – и самими слугами – прежде чем они беспомощно провалились в огненный ад кладовых, находящихся ниже.

Штормовой Предел пал тогда. Он не должен пасть снова.

Так или иначе, солнечный свет, льющийся в окна восстановленной высокой галереи, никогда не казался столь же золотым как свет, который светил в окна первоначальной галереи. Тогда свет падал на карты и документы, и переписанные собственноручно Тамалоном бумаги, когда старый Нелембер преподавал тихому, наказанному сыну Ускеврена историю его семьи.

Историю семьи, которая началась где-то в другом месте — его старый наставник никогда не рассказывал где именно — но перебралась на кораблях в Селгонт, чтобы возвыситься и разбогатеть при Фалдиноре Ускеврене.

«Слишком смелые чтобы прятаться», означало семейное имя на каком-то забытом языке. Определённо, Фалдинор был по всем признакам человеком резким и сильным, ввязывавшимся в одну драку за другой и никогда не отступавшим. Он был так же хорош, как и его слово, в чем многие с восхищением убедились – некоторые за свой счёт. Фалдинор Медведь использовал деньги, поступающие от флота купеческих кораблей, курсирующего по Морю Павших Звёзд, чтобы организовывать вооружённые экспедиции к вершинам вокруг Высокой Долины, чтобы копать шахты под самыми челюстями и когтями зверей, которые сделали Штормовые Клыки — все еще опасные сегодня — такими рискованными в ту пору. Эти шахты обеспечили достаточно золота и серебра, чтобы сделать Ускевреннов владельцами большей части Селгонты, и позволили Фалдинору построить себе настоящий дворец. Как человек прямолинейный, он назвал его согласно его виду: Чёрные Башни.

Тамалон родился в этом растянутом, незащищённом особняке среди садов, и наблюдал как Селгонт поглощал его земли поле за полем, рощу за рощей, ферму за ферму, наполняя семейную казну, но иссушая при этом частичку его сердца с каждой новой вырубкой и зданием. Почему его дикость началась, безумие мятежной юности, из которой он вышел, потрясённый и собранный, всего лишь за несколько месяцев до того, как огонь заявил свои права на великолепный новый дом Ускевреннов?

Чопорный, осторожный старый Нелембер вошёл в хаос сердца и мыслей

Тамалона, и заложил основы гордости, с тщательностью каменотёса.

Гордости в семье не без недостатков. Старший сын Фалдинора, Тобеллон, был высок и удивительно красив. По словам Нелембера, «он был больше похож на короля, чем сами короли когда-либо». Также он был охотником, бабником и кутилой, промотавшим огромное состояние из семейных сокровищ на охоту на дракона, спорт, в котором цветок рода Ускеврэн потерпел (к счастью для него) абсолютную неудачу.

Он охотился на гораздо более кроткую добычу с гораздо большим успехом, оставляя за собой след из разъярённых отцов и шокированных матерей, по всей южной Сембии. Может быть, эта ошибка и ускорила его гибель.

Некто, никогда потом не найденный, нанёс удар Тобеллону ночью в лесу во время охоты на оленей, и его молодой сын Алдимар стал главой дома Ускеврэн.

Алдимар был недобрым, с чопорными губами отцом Тамалона. Его глаза были твёрдыми и упорными, как два острия меча, и он никогда не разговаривал со своими своенравными сыновьями кроме как тоном холодного, резкого презрения.

Нелембер видел, как напряжено лицо Тамалона, когда они говорили о его отце, и пока он нёс чашу из его запертого кабинета в конец комнаты.

– Подумай об отце и прикоснись к чаше, – приказал старик.

Его никогда прежде не подпускали к семейной реликвии, которую слуги называли «Огненная Чаша». Больше из любопытства, чем по каким-либо ещё причинам, Тамалон прикоснулся к ней.

* * * * *

– Дядя, – пробормотал молодой человек, моргая, – ты вообще можешь считать деньги?

Похожий на огромного медведя человек рыгнул, неопределённо махнул волосатой рукой с грубыми пальцами и прогремел в ответ: – Пригоршнями... а что?

– Дядя Роэль, – в раздражении сказал Алдимар, – этот сундук был полон десять дней назад! До краёв был наполнен деньгами на домашнее хозяйство и плату слугам за год. Где эти деньги теперь?

Роэль снова оглушительно рыгнул. – Ушли, – грустно признал он.

– Ушли куда?

Медведоподобный мужчина поднял бокал, который никогда не был далеко от его руки, показал внутрь его, затем повернул его в сторону Алдимара. Ничего не вытекло. Бокал был пуст.

* * * * *

Тамалон снова оказался в высокой галерее, молодой и покрытый

холодным потом, смотрящий на чашу на столе перед ним, вместо пустой глубины бокала в нетвёрдой руке Роэля.

Нелембер молча протянул ему кружку с чем-то тёплым – бульоном из фазана – и сказал сухо: – У богатых отцов всегда такой лёгкий выбор, не так ли?

Тамалон пристально посмотрел на своего учителя, затем снова взглянул на чашу. После долгого молчания он пробормотал: – Просто скажи мне; я услышу и пойму. Я не прикоснусь к ней снова.

Старый наставник неприятно улыбнулся и сказал: – Думай об этом, как о правде, ждущей у твоего локтя, когда бы ты не усомнился.

Тамалон слушал и учился. Алдимар был тихим, прилежным юношей, позволившим своим буйным дядям Роэлю и Тивамону вести дела Ускевренов – пока Тивамон не был убит в пьяной драке в таверне с полудюжиной пьяных собутыльников, все из разных семей, и ни одного из «благородных». На следующий день, после того как урна была запечатана в склепе, до той поры тихий Алдимар твёрдо отодвинул своего дядю Роэля в сторону и принял контроль над семейными делами.

Алдимар к тому моменту был человеком молодым и неопытным, но при этом достаточно образованным и практичным для того, чтобы вести дела семьи. Единственное, чего он боялся, была месть Роэля, но старый медведь лишь порычал пару-тройку раз и затем счастливо занялся тем, что стал тратить всё свое свободное ото сна время (что было половиной, или около того) на распутство, попойки и пьяные падения из седла во время скачек от одного охотничьего домика Ускевренов к другому.

Через некоторое время Алдимар женился на Балантре Тоэмалар, потрясающе красивой, тихой девушке из семьи Саэрлуан, богатой и знатной, но беднеющей. У них родилось два сына, Перивел и Тамалон, прежде чем она умерла при третьих родах вместе с новорождённой дочерью. Тамалону запомнилось её тихое пение, тёмные как две звезды глаза и длинные непокорно вьющиеся волосы.

Старший сын, Перивел, был любимцем отца. Он был красивым, сильным юношей, такой же умелый наездник каким был его двоюродный дед Роэль, но с умом острым как у Алдимара. В тени своего брата Тамалон стал тихим, прилежным наблюдателем... И, после обучения у Нелембера, семейным счетоводом. Перед пустыми сундуками Тамалон испытывал ужас.

При Алдимаре род Ускевренов воспарил к новым вершинам процветания, превзойдя даже своё прежнее величие. Алдимар женился во второй раз, и постепенно стал более суровым и вспыльчивым, несмотря на то, что его влияние сделало его некоронованным правителем Селгонта. Перивел всерьёз рассматривал возможность завоевания Долины Битвы. Этому спорному королевству к северо-востоку от Сембии надлежало стать провинцией Перивела, и, как он надеялся, «хлебной корзиной королевства», а также неиссякаемым источником его богатства.

Затем всё это рухнуло. Умиравший пират открыл тёмный секрет

Алдимара. Кроме законных сделок с землёй, ссуд владельцам лавок и караванщикам, богатство Ускеврендов было основано на пиратстве. Через Алдимара и семейный флот, Ускеврены снаряжали корабли для пиратов, укрывали их награбленные богатства, и взамен обогащались за счёт контрабанды и пиратского золота.

Словно стая волков, обступающая упавшего оленя, конкурирующие семьи накинулись на Ускеврендов. Старые враги по торговле, такие как Соаргилы и Талендары, новые алчные претенденты на золото, вроде семей Баэродримеров и Изивисков наняли волшебников, чтобы открыть правду. Когда Алдимар проигнорировал их визиты и не появился перед следователями, которым они пожаловались, его враги встретились чтобы обсудить план войны, выработать соглашение, и тотчас напали на Штормовой Предел, стремясь захватить – или убить – Алдимара.

Конечно, будучи Ускевреном, он принял их вызов.

* * * * *

Со вспышкой и рёвом, расколовшими ночь, стража ворот и их помещение кувыркаясь взлетели в небо среди переливающегося голубого пламени.

– Что всеми светлыми богами...? – закричал Перивел, вскакивая от своей игры в шахматы так резко, что фигуры разлетелись по доске, а старый Нелембер еле успел уклониться от необдуманного взмаха, вложенного в ножны меча наследника.

– Если я не ошибаюсь, – тихо ответил отец Перивела, стоя у окна, словно тёмная статуя, – это наши друзья из дома Соаргилдов и дома Талендаров, пришли навестить меня, и настроены показать, что забыли, как открывать ворота.

– Ну, разорители! – Перивел едва мог говорить от ярости. Сембия еще не слышала таких оскорблений как те, которыми он сыпал в этот момент.

– Отец, – спросил Тамалон решительно, отшвырнув в сторону книгу, – что нам делать?

Алдимар Ускеврен пожал плечами таким усталым жестом, что сыновья в изумлении посмотрели на него. – Что еще? – ответил он. – Сражаться, и продать наши жизни подороже. Если двое из нас падут, позаботьтесь, чтобы третий выжил и остался на свободе, чтобы сохранить имя Ускеврендов до тех дней, когда мы сможем отомстить. У меня больше нет ни сил, ни желания убегать и скрываться. Пусть для меня всё кончится здесь.

Он вынул жезл из одного рукава, длинный нож из другого и шагнул вперёд, не увидев ошеломлённых взглядов, которыми обменялись сыновья за его спиной.

Минуту назад братья бездельничали в ожидании, когда отец посвятит их в детали своих последних планов. Они ждали, что он скажет, какие потрясающе огромные взятки ему придётся заплатить, чтобы избежать тюрьмы в связи с этим пиратским скандалом. Теперь же, казалось, они стоят

на зубчатых стенах своей обречённой крепости, глядя на могилу, ожидающую их отца... и возможно их самих.

Крики и удары слабо доносились с лестницы снизу, затем звуки неистово бегущих ног ударили по их ушам, и стража дома была сметена. Эти звуки, казалось, о чём-то напомнили Алдимару.

– Нелембер, – отрывисто скомандовал глава дома Ускеврен, не останавливаясь и не поворачивая головы, – доставь леди Илрилтеску и её служанок в безопасное место как можно быстрее. В Сторловый Дуб к утру, если возможно, но вывези их из города немедленно, что бы ни случилось после. Слышишь?

Старый наставник, бледный как воск стоящих рядом свечей, вынужден был сглотнуть дважды, прежде чем смог выдать из себя: – Да, господин. Сторловый Дуб.

Следующие слова Алдимара потонули в грохоте расколовшегося потолка в зале впереди, обваливающегося среди визга служанок из кладовой внизу. Огонь охватил лестницы, разбрасывая искры и угрожая трём Ускевренам.

Повелитель Штормового Предела отпрыгнул назад и бросил два быстрых, ястребиных взгляда через плечо. От того, что он увидел, его глаза вспыхнули, и он прохрипел:

– Отойдите от меня, оба! Какое светлое будущее будет для дома Ускеврен, если одна балка накроет нас всех, а?

Перивел недоверчиво тряхнул головой, когда сыновья Алдимара снова обменялись взглядами и послушно разошлись в стороны. Тамалон в изумлении наблюдал, как ужас с невероятной быстротой заполняет его мир.

Внизу показались головы в шлемах, покачивающиеся среди облаков пыли, целеустремлённо поднимающиеся вверх по широкой лестнице.

– Алдимар Ускеврен! – прокричал мужчина. – Негодяй и пират! Сдавайся!

Алдимар повелительным жестом взмахнул рукой, приказывая сыновьям молчать, и встал на лестнице, сунув нож обратно в ножны и доставая второй жезл из рукава.

Это было оружие, которое его сыновья прежде никогда не видели, и не знали, что отец умеет владеть им.

Копьё чёрного магического огня прыгнуло вверх по лестнице. Там, где оно с треском ударило, голова Нелембера исчезла с его плеч. Пока тело в спазмах дергалось и покачивалось, снизу лестницы раздался ещё один крик. Этот голос знали все три Ускеврена.

– Алдимар! – проревел Рилдинел Соаргил, голосом глубоким как фырканье быка, на которого он был похож, – ты покойник! Слишком труслив чтобы сдаться или выйти и драться! Я клянусь, мы разнесём этот дом, пока не найдём тебя или твоих останков под обломками. Где ты прячешься, во имя всех забытых Вокин денег?

– Я здесь, Рилдинел, – отозвался Алдимар притворным голосом молодой девушки, дразнящей того, кто ее ищет. – Здесь.

Когда его старый друг Нелембер упал позади него, оба жезла в руках

Алдимара ожили, наполняя лестницу пеленой белого пламени.

Воины в доспехах, поднимавшиеся по лестнице, вскрикнули, умирая, сбитые с ног и отброшенные силой, которая обожгла их и расплавила мечи и доспехи. Внизу, за солдатами, Ускеврены видели тёмную фигуру, пошатывающуюся среди исчезающего, тёмного пламени жезлов. Мгновение спустя то, что оставалось от зала, изверглось вверх, устремившись к усеянному звёздами небу. Взрыв отбросил всех назад, и наполнил их уши звенящей какофонией. Казалось, волшебник не был готов к магии Алдимара.

Лохматая голова, тёмная и влажная от крови, подпрыгивала на ступенях возле ног Перивела несколько долгих мгновений. Все трое знали это бросающееся в глаза лицо. Казалось, Рилдинел Соаргил тоже был застигнут врасплох.

Что ж, теперь уже ничего больше не удивит и не побеспокоит его.

– Я не могу не заметить, дети мои, что у дома Соаргилов новый глава, – несдержанно пробормотал Алдимар. – Давайте посмотрим, сможем ли мы дать им еще до утра. Животные амбиции должны быть сполна вознаграждены.

Пока Перивел посмеивался над этой остроумной шуткой, жезлы в руках его отца снова разразились белым огнём.

Только несколько стонов последовало за второй волной пламени. Из лежащего в руинах шпиля вырвался неистовый шквал, и изящная башня леди Илрилтески медленно обрушилась на их глазах, огонь извергнулся из ее маленьких арочных окон.

Тамалон увидел, как Алдимар изменился в лице, и судорожно сглотнул слюну. – Я уверен, что её там не было, отец, – едва смог выговорить он. – Она...

Следующий взрыв сотряс ступени под их ногами, за мгновение до того, как обрушилась башня и пол ушёл у них из-под ног, бросив беспомощно на ближайшие стены. Пыль вздымалась из щелей между массивными камнями, пока они, пошатываясь, поднимались, стремясь уйти подальше от стен, которые дрожали словно живые.

Перивел с рычанием вытащил меч. – Они уничтожают башни вокруг нас!

Алдимар грустно кивнул. Громовой грохот камней перерос в кратковременный крик, отражаясь вокруг трёх пытающихся обрести опору Ускевренов, затем начал замирать.

– Талендары хорошо платят своим волшебникам, – заметил патриарх, когда шум немного утих. – Они, должно быть, часто разочаровывались в своих надеждах, раз используют всё это наёмное колдовство – и вот! Вот мы здесь, злодеи и предатели, чье присутствие Селгонт не может более терпеть. – Улыбка, появившаяся на его лице, была не очень приятной.

– Найдите их, мои сыновья, – приказал он, – и убейте для меня несколько магов. Заставьте их пожалеть о цене за нашу смерть.

Перивел шагнул к огромной лестнице, но глава дома Ускеврен схватил его за локоть и втащил обратно. Сыновья были поражены силой своего родителя.

– Не напрямик, где они вас поджидают, – резко сказал Алдимар. – Какой

мне прок от мёртвого наследника?

Одно тёмное мгновение казалось, что Перивел собирается огрызнуться в ответ, но этот момент прошёл, и он медленно кивнул.

– Проход к хранилищам? – спросил Перивел с жестокой усмешкой. – Обойдём конюшни и подкрадёмся к ним сзади?

– Брат, – сказал Тамалон, показывая в разрушенное окно, – я думаю, они уже обошли конюшни.

Синее сияние волшебного света лениво клубилось от распростёртых, поднятых рук тёмной фигуры во внутреннем дворе ниже. Свет продвигался вперёд через пыльный хаос от упавших башен к зияющей ране в стенах особняка, куда упал купол одной из них.

Через этот пролом можно было увидеть восьмерых стражников из охраны дома Алдимара, с мечами и копьями наготове, осторожно обыскивающих каждый угол разрушенной комнаты в поисках незваных гостей.

– Нет, – прорычал Алдимар. – Дураки – вас всех зарежут! Вернитесь обратно! Вер...

Его голос замер. У него не было заклинания, чтобы они услышали его, и не было никакого способа спасти их. Смертоносное сияние уже неумолимо проникало в комнату. Ускеврены мрачно наблюдали, как голубой свет ворвался внутрь, словно штормовая волна, обрушивающаяся на затопленный прибрежный лес. Он смёл мебель и разбросанные окоченевшие тела, превратил в летящие осколки лампы и зеркала, и швырнул на пол статуи.

– Яростные когти Тиморы... – медленно выдохнул Перивел, наблюдая как пожирающая магия продвигается вперед через особняк, уничтожая каменные стены, словно они были сделаны из масла, – как мы можем одолеть это?

– Сразить его источник, – решительно ответил его отец, и показал в разбитое окно. – С помощью этого.

Кольцо на его руке внезапно запульсировало, и маг, создавший голубое пламя, начал завывать и биться в агонии, голова его вспыхнула словно факел. Сыновья Алдимара снова взглянули на отца с изумлением. Что еще их «ничего не имеющий общего с такой ерундой как магия» отец припас в тайне за минувшие годы?

– Отец, – тихо произнёс Тамалон, – может быть это твой последний шанс позволить нам узнать секреты вроде этих боевых заклинаний?

Алдимар пристально посмотрел на него. – Я ожидаю смерти прежде, чем наступит утро, но чёрт меня побери, если я сдамся заранее.

– У нас наверняка осталась не более чем горсть стражников, – нетерпеливо произнёс Тамалон. – Может быть, даже остались только мы троём!

Его отец пожал плечами. – Что с того? Пока мы живы, мы будем сражаться – пока останется только один из вас, чтобы бежать. У дома Талендара в рукавах припрятано столько магии, что я не хочу, чтобы один из вас размахивал заклинаниями, пытаясь ускользнуть... по ним вас выследят и поймают.

Он снова повернулся к окну – как раз в момент, когда оно взорвалось, и внутрь полетели кинжально-острые стеклянные осколки и длинные языки пурпурного и белого пламени.

Алдимар успел крикнуть «Ложитесь!», прежде чем упал на спину, отброшенный взрывом через всю комнату.

Перивел колебался лишь мгновение, прежде чем вслед за Тамалоном рухнул вниз. Он был в считанных дюймах от пола, когда что-то ослепительное нахлынуло через балкон, подобно огромной волне, обрушивающейся на пляж и заливающей землю за ним. В комнате вспыхнул свет.

Подбородок Перивела встретился с вздувшимся полом, так что застучали зубы, когда он упал. Воздух, такой горячий, что кожа на щеках покрылась волдырями, с рёвом пронёсся над ним.

Когда он снова смог видеть, воздух был наполнен едким запахом обгоревших предметов, и маленькие огоньки танцевали во многих местах на стенах и потолке. Где-то перед ним послышался ужасающий стон его отца.

– Отец? – позвал он.

– Я здесь, – последовал ответ, голос был так напряжён, что Перивел едва узнал его.

Перивел кое-как встал на ноги, и попытался шагнуть вперед. Казалось, комната безумно качалась и вращалась вокруг него. Это было всё равно, что идти по палубе корабля в разгар шторма. Его глаза, казалось, застило красным туманом. Позади себя он разглядел Тамалона, слабо пробирающегося через зазубренные остатки того, что было позолоченным креслом лишь мгновение назад. Лицо его было окровавлено.

– Перивел, – раздался спокойный голос хозяина Штормового Предела откуда то из покрытого пылью хаоса впереди, – не подходи. Голос отца был по-прежнему нетвёрдый и пронизанный болью, но, по крайней мере, снова был похож на голос Алдимара Ускеврена.

– Отец? – позвал Перивел, карабкаясь через сломанную мебель и неуклюже пытаясь нащупать меч, который он потерял.

– Не подходи, Перивел.

Услышав командную нотку в голосе отца, Перивел остановился, всматриваясь вперёд. Как раз вовремя чтобы увидеть, как очередная башня была разорвана заклинаниями и начала своё оглушительное, сотрясающее землю падение. Пролом, через который он смотрел, стал еще больше чем прежде. Ряд окон исчез, как и стена сада, в которой они раньше находились.

Мысли Перивела смешались в беспорядке. В какой-то момент своих поисков, когда другие заклинания раскалывали ночь снаружи, он упал на пол и обнаружил ползущего к нему Тамалона. Младший из Ускевренов смотрел на своего брата сквозь кровавую маску. В одной руке у него был зажат потерявшийся меч Перивела.

– Брат, – выдохнул он, – я...

Следующие его слова так и остались невысказанными, так как раздалось невнятное бормотание их отца, сначала слишком тихое, потом растущее с

ужасной страстью, складывающееся в слова, значение которых они не могли разобрать. Это был всплеск растущего горя и ярости, от которого, казалось, поднимался пол, словно волна, бегущая к берегу.

Оба брата упали, перекатываясь и задыхаясь от новой боли, которую причиняли им осколки разгромленной мебели.

Они остановились, наткнувшись на опрокинутую, теперь безоружную статую крылатой женщины, которая показывала больше искусное убранство, нежели скромность, и наткнулись на пропавшую стену – и отца.

Алдимар Ускеврэн стоял, широко расставив ноги, на покачивающемся холме из камня как наездник, подгоняющий скачущую лошадь. Низко наклонившись над полом, плитка на котором плавилась, словно была сделана из сиропы, а не твёрдого камня, он удалялся от них, ринувшись вперёд на магической волне.

Он направлялся к огромному проёму, где располагались солнечные окна, двигаясь во внутренний двор вниз, где находились маги Талендара и Соаргила. Двигающиеся с ним камни издавали скрипящие, глубокие звуки, которые почти заглушали странный тихий голос Алдимара.

Глава дома Ускеврэн что-то удовлетворённо бормотал себе под нос.

– Отец, – спросил Перивел, – что ты делаешь?

– Умираю, сын, – ответил Алдимар неторопливо, когда поток камня вынес его из комнаты ввысь. – Я умираю. Пожалуйста не отвлекайте меня теперь.

Сыновья Ускеврэна вынуждены были цепляться за колонны и края шатких, разрушенных стен, чтобы не быть вынесенными в солнечное окно потоком камня. Алдимар уже был высоко над ними. Волна камня, изогнувшись в дугу, заслонила собой лунный свет.

Снизу слышались крики, вспышки и треск нескольких заклинаний. Одно из них направило на огромный язык движущегося камня медленно ползущую, изорванную сеть молний. Сыновья увидели, как Алдимар пошатнулся и скорчился, когда её голубые пальцы накрыли его.

– Зачем ты делаешь это, отец? – крикнул Перивел.

Глава дома Ускеврэн повернулся, чтобы посмотреть на сыновей. – Человек – это только лишь воспоминание о его делах, в конечном счёте, – прокричал он. – Дела же измеряются сдержанными обещаниями. Не забудьте, оба: Ускеврэны держат своё слово!

Он взмахнул рукой. Это был сигнал для его заклинания – и волна камня внезапно с ужасной скоростью рухнула вниз.

Искорёженное окно зазвенело, когда каменный кулак ударился о землю. Перивел и Тамалон с отчаянной поспешностью ухватились за первое, что попало под руку, чтобы не упасть.

Они сделали это как раз вовремя, чтобы увидеть, как ужасный удар превратил Мармарона Талендара, главу одноимённого дома, и почти тридцать воинов и нанятых магов вокруг него в кровавую кашу. Они увидели покорёженное тело отца наверху этой бесформенной массы, охваченное сияющей энергией заклинания, которое он создал. Они услышали последний,

раскатистый крик Алдимара: – Умрите, Соаргилы! Умрите, Талендары! И хорошенько запомните наконец: Ускеврены сдерживают свои обещания!

Слова с грохотом повисли над вздымающейся пылью, усиленный магией крик, звучащий, когда уже губы, произнесшие их, ушли в небытие. Затем всё стихло. Алдимар Ускеврэн перестал существовать.

Перивел и Тамалон через пелену слёз усталились на засыпанный булыжниками внутренний двор. Всё было неподвижно, кроме лениво оседающей пыли, и одной раненой птицы, взмахивающей крыльями возле разрушенного фонтана, затем неуверенно взлетевшей в разрушенную комнату, где нашли свою смерть стражники, и пропавшей из вида.

– О-отец, – прошептал Тамалон. – Ты будешь отомщен. Я клянусь.

– Мы клянёмся, – эхом отозвался Перивел, голосом, напоминающим звук алмазного ножа, режущего стекло. Он поднял руку и отдал честь мечом, который держал в ней – не своим, который он снова потерял посреди этой суматохи, а тем военным мечом, висевшим на стене в ножнах с тех пор, как они помнили себя.

Голубое пламя пробежало по лезвию, образовав облако шипящих искр на острие меча. Затем раздался удар молнии, пронесшейся через весь двор. Перивел и Тамалон обменялись изумлёнными взглядами.

– Интересно, какие еще тайны скрывает этот дом? – вздохнул младший сын, наблюдая за рунами, пылающие вдоль меча Перивела.

Его брат бросил на него мрачный взгляд. – Не волнуйся, – пробормотал Перивел. – Мы вряд ли останемся в живых достаточно долго, чтобы выяснить это.

Он направил свой меч на находившийся в отдалении опрокинутый фонтан, напоминавший стиснутые челюсти, и увидел, как покосившиеся камни медленно обваливаются и разрушаются под ударом сверкающей молнии.

С другой стороны Штормового Предела молодой мужчина с мечом в руке с ненавистью посмотрел на молнию и прорычал: – Кажется ты сказал там никого не осталось в живых?

Тяжело дышащий, окровавленный, бородатый человек согнулся около столба у ворот, содрогнувшись, когда новая волна боли пробежала от его раздробленной руки, наклонил на мгновение голову, пытаясь противостоять ей, затем всхлипнул, когда мужчина с мечом нетерпеливо пнул его.

– Умоляю о милосердии, лорд Талендар, – с трудом произнёс раненый, – но я говорил правду. Там не было никого кроме меня и кучи камней, когда я убегал.

– Тогда это, должно быть, работа Ускеврена, – проворчал другой стоящий рядом мужчина, приподнимая свой меч. – Выходит у них был волшебник.

– Алдимар Ускеврэн всегда утверждал, что не хочет иметь ничего общего с магией, – запротестовал третий молодой дворянин, махая украшенным драгоценными камнями ручным топором.

– Кажется, Алдимар Ускеврэн делал много лживых заявлений, –

отрывисто произнёс лорд Раджелдус Талендар. Он был главой своего дома лишь считанные минуты, но его голос уже звучал более серьёзно и резко. Похоже, ответственность за управление семьёй меняла людей. Первым делом, они начинали быстрее отдавать приказы окружающим. – Нам лучше уйти. Я не пойду через дом, поднявшийся против нас, в темноте, раз у них есть маги наготове.

– Утром будет ещё хуже, – прогремел лорд Лоаргон Соаргил. Он тоже был главой своего рода лишь считанные минуты, и тоже стал более рассудительным. – Они будут ждать нас. Всего лишь пара слуг с арбалетами могут сделать обыск дома весьма неприятным занятием. – Его брат Блестер положил украшенный самоцветами топор на плечо и молчаливо кивнул в знак согласия.

– Ноги моей не будет в этом доме, – сказал Раджелдус неумолимо, глядя на тёмные очертания Штормового Предела над собой. – Я собираюсь привести наших собственных лучников и спокойно стоять в стороне, пока мы будем сжигать это место вместе со всеми Ускевренами. Любого, кто попытается сбежать, мы застрелим, а остальных поджарим, завтра с рассветом.

Он мрачно улыбнулся своим братьям Марклону и Эрелделу, которые кивнули ему, выражая одобрение, затем снова повернулся к двум выжившим Соаргилам. – Вы со мной? Или здесь наши пути расходятся? – спросил он.

Лорд Соаргил бросил страстный взгляд на особняк, видимо начиная понимать, что никогда не получит шанса спокойно пограбить легендарные богатства, хранящиеся в нём. Если бы Соаргилы были где-нибудь в другом месте, ничто не могло бы остановить Талендаров, чтобы войти в Штормовой Предел силой, для грабежа, и не существовало аргументов, которые он рискнул бы предъявить этому юному главе Талендаров с холодными глазами, поступив так.

Рука богатых сембийцев никогда не колебалась присвоить себе неохраняемые ценности.

– Мы остаёмся, – проворчал он. – Между нами нет вражды, и позаботься сообщить своим лучникам, что мы будем наступать. С первым лучом рассвета. Мы сожжём Штормовой Предел вместе с Ускевренами. – Он снова бросил взгляд на особняк. Дым все ещё валил из некоторых дыр в его разрушенных стенах. – Пусть боги подготовят Ускевренам судьбы, которые они заслуживают.

– В этом нет необходимости, – прорычал Марклон Талендар. – Мы отправим их к ним прежде, чем боги увидят – и убедятся во всём этом. Этот дом должен пасть так громко и сенсационно, чтобы никто не пропустил урок и не отважился поставить под сомнение наше законное верховенство снова.

Лорд Соаргил одарил его длинным, мрачным, изучающим взглядом, но ничего не ответил.

* * * * *

Твердая, знакомая гладкость чёрного, украшенного звездой эфеса потеплела под пальцами Тамалона. Эти пальцы так и чесались поднять его и безжалостно бросить кинжал прямо в немногих из тех, чьи лица он вспоминал с яростью.

Горящий Штормовой Предел вместе со всеми Ускевренами. Они добились бы успеха, также, если бы не разврат Роэля. Он, очевидно, навещал вторую жену Алдимара, Тескру, в течение некоторого времени...

Тамалон осознал, что качает в неверии головой, как всегда он делал, если сталкивался с подобными крохами истины. Илрилтеска, точеная красавица из дома Берент, была изысканной, превосходной актрисой и опытной притворщицей, хотя Тамалон никогда не замечал в её к нему отношении даже намёка на злой умысел. Они оба с Перивелом были от неё в восторге, и он все еще мог поверить, что ей могла понравиться неистовая грубость Роэля. Но слава богам, что она...

* * * * *

– Тамалон – очнись, дьявол тебя побери!

Голос был женский и безумно сердитый. Из бесконечного ада умирающего Алдимара и пылающего Штормового Предела, который он преодолел, прошел сквозь залы с кричащими и умирающими людьми, которые не смогли найти выход оттуда, Тамалон, моргая, медленно поднимался к свету.

Он исходил от свечи, зажатой в обнаженной и дрожащей руке леди Тескры Ускеврен, воск стекал по ее изящным пальчикам, капая на его обнаженное плечо. Кто-то – Тескра, без сомнения – перевязал самые тяжелые раны и уложил его в одном из гостевых покоев, а его меч и доспехи ждали своего часа на сервировочных столах рядом с ним.

Тамалон молча сел и потянулся за поясом от штанов, чтобы не лишиться их, пока будет одевать доспехи.

– Сейчас не время, – сердито прорычала Тескра, в её глазах бушевала ярость. – Они уже здесь, а я использовала все свои стрелы. Мне не по силам согнуть любой из боевых луков. Бери меч и пошли! Перивел не сможет вечно сдерживать их в одиночку.

Тамалон обнаружил, что его ботинки все еще были на ногах. Он схватил свой меч и пояс с кинжалами, и побежал к двери, Тескра держалась рядом с ним. Тонкий меч подпрыгивал на её бедре, и также у неё были кинжалы, прикрепленные к предплечьям. Небольшой круглый щит стражи дома подпрыгивал у неё на груди, прикрывая шелковую сорочку с глубоким вырезом, служа грубым нагрудником, другой щит был небрежно припоясан к её правому боку. Тамалон мрачно вспомнил, что уже ни одному стражнику, вероятно, никогда не понадобится никакой щит снова.

– Сколько? – спросил он, давая своей мачехе проскользнуть мимо него, чтобы показывать путь.

– Для начала шестьдесят или около того, – через плечо проговорила она, протискиваясь в один из секретных ходов, обычно завешанных гобеленами и закрытых панелями. Ей пришлось замедлить ход и придерживать плوشку со свечой, чтобы не уронить её, когда они спускались вниз по влажным каменным ступеням. – Было темно, причем скоро рассвет, поэтому видно плохо. Думаю, нам удалось справиться с большей их частью и со всеми лучниками. Они взяли нас в кольцо, но чтобы задеть нас драконьим огнем, им придется приблизиться ближе. Они хотят поджечь нас издалика стрелами, но им приходится подносить огонь вплотную к нам. Блестер Соаргил пытался бросить пару огненных стрел, но лук он использовать не может. Одна из стрел упала прямо на его сапоги.

Они оба рассмеялись за мгновение до того, как Тескра вывела их в разгромленную комнату, бывшую ранее складом белья. Она вела его сквозь груды щебня к пролому в стене, где за обожженными обломками разрушенной заклинанием стены обосновался Перивел, посылая оттуда стрелы по далеким противникам.

Его глаза пылали лихорадочным огнем, и он отрывисто бросил: – Эй, вы двое, ваша вон та сторона! Они пытаются ползти вдоль стен, где я не могу их увидеть.

Тамалон послушно перевел взгляд вправо, но ничего не увидев, посмотрел влево. Тескра, стройная и красивая, уже опустилась на одно колено, пытаясь заглянуть за угол.

Тамалону удалось заметить блик лезвия до того, как она закричала, и он вовремя подставил свой меч, чтобы чужой клинок соскользнул и уткнулся в стену в паре дюймов от её бедра. Тескра возникла в зоне досягаемости меча с горячей свечой в руке и ткнула ею в лицо бородатого мечника.

Борода вспыхнула с ужасным треском. Вооруженный мужчина хрипло закричал и отшатнулся, пытаясь беспорядочными взмахами клинка держать их на расстоянии. Тескра, подобно атакующей змее, бросилась ему под ноги и свалила наземь.

Когда мужчина упал, росчерком молнии блеснул один из её кинжалов – она была готова ударить, но голова нападающего с мокрым и глухим звуком ударилась об стену. Его жизненный путь закончился на этих плитах, поэтому не было необходимости пронзать врага сталью.

Тамалон уже шагал вдоль стены, гнев рос в нём и вместе с ним голод – потребность – нанести удар по одному из этих людей, которые убили отца и ограбили его дом. Он удовлетворил свое желание достаточно скоро, отбив в сторону копьё, чтобы схватить его обладателя за горло, поворачивая того кругом, в другого солдата, который следовал за ним, затем сделал выпад мечом, пронзив своего врага насквозь. Пронзенный им боец завопил, а Тамалон схватил его меч и зарубил обоих. Потом младший Ускеврэн использовал меч, чтобы вскрыть горло второго мужчины, и поспешно отступил туда, где Перивел и Тескра сражались с человеком, который напал на них с другой стороны. Молния спрыгнула с кончика клинка Перивела, в то

время как Тамалон прибыл, и когда она взорвалась, человек закачался и умер.

– Я пытался достать Раджелдуса или Лоаргона, но они продолжают держаться далеко позади и находятся вне поля моего зрения, – тяжело дыша, выдохнул Перивел. – Как твои дела, брат?

– Не очень, – признался Тамалон. – Здесь, и ещё вон там много дыма. Они, наверное, подожгли дом в нескольких местах, пока мы с ними тут сражались.

– Я не удивлен, – мрачно ответил Перивел. – Вспомни, что говорил отец об устойчивых ценах за наши жизни. Ладно, сейчас мой черед поработать. Тебе придется уйти – и забрать с собой Тескру.

– Сбежать, да еще оставить тебя умирать здесь? – спросила Тескра, щёки ее пылали. Она бросила камень в лицо ещё одного воина Талендара и вдогонку вонзила кинжал в шею. Его кровь залила её прежде, чем она успела отскочить, но она не колебалась. Пользуясь своим ножом, оттащила обвисшее тело врага, загородив им путь следующему атакующему. – Чья это была идея?

– Леди, вы делаете нам честь, – проворчал Перивел, обмениваясь мощными ударами с огромным воином Соаргила, чьи усы и крючковатый нос делали его похожим на моржа, – но мы обязаны исполнить последнюю волю отца. Один из нас должен обеспечить вашу безопасность и остаться в живых, дабы не угас род Ускевренов.

– Чтобы умереть в других сражениях, в последующие годы, – ответила мачеха с горечью. – Хотя, видимо, без моего Алдимара.

Женщина плюнула в лицо воину, затем бросилась на него с мечом, высоко подпрыгнув и оттолкнувшись плечом от стены, она ударила в грудь сапогами. Вскричав от резкой боли, тот отшатнулся, пытаясь отогнать её мечом. Тескра издала недовольный возглас, как и любой другой на её месте, и, ограниченная окружающим беспорядком, попыталась проткнуть своим окровавленным мечом шею бьющегося с Перивелом врага.

Дым вокруг них становился гуще, и откуда-то сверху и сзади трёх сражающихся Ускевренов рос рёв. Это был голодный рёв пламени, несущегося через комнаты Штурмового Предела... рёв погибающей семьи.

– Вы бы лучше подумали о том, как вам скрыться, – обратился Перивел к Тамалону, кашляя из-за дыма. – Не думаю, что у них остались маги или лучники, но и я сам не могу больше стрелять.

Тамалон повернулся, чтобы выразить своё несогласие. Хотя сражение на самом деле внушало опасения и претило ему, у него не было права бросить всё и оставить Перивела на откуп жаждущих его крови врагов.

Он ещё никогда не отступал. Неожиданно загрохотало, и над их головами воздух прошил луч, треща в полете искрами. Каскадом посыпался вниз пылающий щебень, заставляя Тескру совершить безумный прыжок ради спасения. Её колени прошли по горлу вздрогнувшего от неожиданности Блестера Соаргила, и когда они оба свалились на землю, он все ещё хватал воздух ртом. Кинжал леди Ускеврен деловито опустился на его лицо и горло.

Тамалон пошёл на отчаянный риск и, шатаясь, попытался уйти в сторону от обжигающего жара, пробираясь в сторону человека, который не мог видеть

его из-за дыма, чтобы отбить клинок мечника Соаргила, прежде чем тот смог бы нанести вред Тескре. Его клинок вспорол ей левый бок, и пока она рыдала и корчилась от боли, Тамалон обрушил град ударов на врага, пока тот не упал, давая младшим Ускевренам возможность заколоть его.

Штормовой Предел пылал далеко не на шутку, обжигаяще горячий задымленный воздух скрывал все видимое пространство. Пепел медленно опадал в пылающем воздухе, и где-то рядом в одного воина попал падающий луч, заставив сгореть заживо, крича от боли.

– Я должен думать об уходе, – прошипел Тамалон вслух, когда он с трудом пробирался через задымленные развалины, пытаясь парировать удары другого мечника Соаргила.

Неожиданно за его спиной взревело пламя и стало намного светлее. Жар существенно усилился. Тамалон, задыхаясь и пошатываясь, отошел от своего врага, и лишь тогда осмелился обернуться и посмотреть, где же вспыхнуло.

К нему ползла задыхающаяся Тескра. Её длинные волосы растрепались и тлели. За ней он увидел стену пламени, куда упирались два луча, подобные раскаленным прутьям, которые прожигали её насквозь. Что-то тёмное кружилось в воздухе в самом сердце пламенной стены.

Большой металлический кубок чёрного цвета, но вроде бы нетронутый огнём. Мог ли это быть... Глоток Ускеврена? Отец рассказывал о нем, упомянув, что когда на него падала кровь чужака, не семьи, он вспыхивал огнем.

Тамалон выбрал своей целью победу над Соаргилом, перехватив поудобнее меч противника и свой собственный кинжал. Почти сразу ему пришлось отступить, скользя и спотыкаясь о щебень под ногами, поскольку они столкнулись, и полученный от более мощного тела Соаргила импульс отбросил Тамалона назад.

Внезапное жжение, опережая боль от проступивших настоящих волдырей, заставило младшего Ускеврена захрипеть от боли и отвести обнаженный бицепс подальше от клинка мечника, порезавшего его. Яростно улыбаясь, Соаргил сломил сопротивление Тамалона, и его меч всё ближе... и ближе подбирался к нему.

Как тень мести, за ним выросла Тескра, и, взвилась в воздух, чтобы достать высокого врага кинжалом. Молниеносным движением она перерезала ему горло.

Соаргил, булькая, обернулся, и пока кровь толчками выплескивалась наружу, он с неверием смотрел на неё все время, пока медленно не угас его взгляд. Он начал опускаться на землю и умер. С невеселой улыбкой Тескра помогла ему, затем посмотрела на Тамалона.

Он ещё раз бросил взгляд на темную, жуткую, плавающую чашу. Тескра проследила за его взглядом, и, изумленно выдохнув, сказала: – Я забыла, что она делала это. Помощь – ваш отец показал мне её однажды, когда мы с ним слишком много выпили. – На мгновение лицо женщины исказилось от горя. Она сглотнула, встряхнув головой, так как её губы дрожали, а затем отрезала:

– Довольно! Пора тебе повиноваться приказу отца и брата, и убраться отсюда.
– С вами, леди, – напомнил ей Тамалон.

Тескра нетерпеливо кивнула, взглядываясь в развевающийся дым, затем её лицо напряглось.

– Будь осторожен, – отрезала она. – Ты лишь наполовину одет, а сюда уже идёт много мужчин в доспехах. Оттуда!

Тамалон посмотрел туда, куда она указывала, и дым покорно рассеялся вдали на мгновение, чтобы полностью показать полудюжину мужчин в блестящих доспехах, осторожно передвигающихся вперёд, их лица были жесткими, а на лезвиях длинных мечей, в их одетых в латные рукавицы руках, отражался танцующий свет от огня.

– Трое братьев Талендаров, – сообщил Тамалон мрачно, – и семь или около того стражников. Мы не можем надеяться противостоять им и выжить.

Тескра выстрелила в него взглядом, затем расстегнула кожаный ремешок вдоль одного предплечья ловкими, быстрыми пальцами.

Как только она сняла один из своих вложенных в ножны кинжалов, она ударила им по руке младшего Ускеврена, и принялась уверенной рукой мастера распускать ремни, чтобы приладить их для него, коротко и четко ответив на ошеломленный взгляд Тамалона: – Ты – короткий кинжал, Там. Ты никогда не брал с собой много оружия. Теперь же одень это, и никогда не стесняйся его использовать.

Тамалон рассматривал клинок достаточно долго, чтобы заметить выгравированную белую звезду на гладкой чёрной рукояти, затем его взгляд вновь обратился на врагов.

Те тоже увидели и оценили их, и холодные улыбки начали скользить по их лицам, когда они приближались, с неторопливой осторожностью маневрируя между телами павших, падающими тлеющими угольками, и щебнем.

Тескра смотрела на них, прищурив глаза, оценивая, кто как ловко и с какой скоростью двигается, а кто небрежно или зрительно неуклюже. Но вдруг за ними она увидела ещё что-то, и на мгновение выражение её лица изменилось, хотя она и постаралась быстро отвести взгляд.

В звуки ревающего пламени и падающих лучей вплелся стук лошадиных копыт, и клинок Перивела начал забирать жизни их врагов. Сквозь дымные клубы можно было увидеть, как встал на дыбы конь, ударив копытами одного из защищённых доспехами воинов. Всадник использовал своё преимущество, чтобы сразить и потоптать копытами вооруженных противников, даже когда он свесился с седла, чтобы зарубить третьего Талендара.

– Роэль! – радостно закричала Тескра, бросившись вперёд.

Тамалон дёрнулся вслед за ней, его сердце стало биться сильнее. Мужчина, подобный медведю, потерял равновесие, закричав для поднятия боевого духа и от гнева, и вылетел из седла, рухнув прямо на отбивающегося врага.

Роэль Ускеврен отскочил. Его противник бился в конвульсиях, затем

обмяк и рухнул на месте. Двоюродный дед Тамалона никогда не выпускал вожжи из одной руки. Он был одним из нескольких в целой Сембии, кто в силах был совладать с фыркающим, испуганным жеребцом, а не оказаться на земле. Роэль поднялся на ноги с лающим смехом, притянув коня за вожжи спиной к себе, и ориентируясь на звуки, издаваемые кем-то позади него, обернулся и ударил копьём в его сторону, одновременно дав и пощёчину своей огромной рукой.

Похожий на медведя, Ускеврэн был достаточно быстр для того, чтобы превратить эту пощёчину в полноценный удар – и противник просто налетел на его кулак.

Облачённая в шлем голова воина откинулась назад, и его одетое в доспехи тело послушно сделало ещё несколько шагов вперед, выгнувшись напоследок, и рухнуло наземь. Роэль увидел, что один из нескольких воинов, которых он свалил ранее, пытается перевернуться и встать, и опять потянул за собой коня, пока не смог крепко ударить хрипящего человека по лицу.

Мужчина утратил всякий интерес к битве или приближающемуся пожару, а Роэль запрокинул голову и опять взревел от смеха. Тескра преодолела последние шаги, и, прыгнув к нему, обхватила его ногами, стремясь покрыть его лицо поцелуями.

Тамалон на мгновение уставился на неё, разинув от удивления рот, пока Роэль не увидел его и опять не разразился ревущим смехом. – Великие боги, мальчик, ты ещё никогда не видел воссоединившихся любовников? Только посмотри на себя!

Тескра повернула голову, не изменяя своей позы, и сказала: – Тамалон, возьми поводья у Роэля и убирайся!

– Не надо, Тесси, – протянул Роэль. – Всем хватит лошадей на обратном пути.

– Но воины Соргила и Талендара... – запротестовала она.

– Все, кто охранял наших лошадей, теперь мертвы. Они опустошили конюшни, прежде чем напасть на нас, и я думаю, чтобы остановить вас. Я сломал меч, занимаясь этим, но только дюжина из них или около того не сможет ничего приготовить на завтрак на этом огне.

Похожий на медведя старший Ускеврэн указал головой на Штормовой Предел. Рёв не прекращался, и языки пламени уже были выше некоторых башенок.

– Тамалон, возьми коня. Мы возьмём Тесси для визита к её родственникам из дома Сандолфин на денек. Не представляю, как эти старые пронырливые ведьмы из дома Берент отнесутся к её ножам и крови на них, да и ко всему прочему, но мне не нравятся ни те, ни другие. Можешь быть уверен, им нужны сплетни. Держи ушки на макушке, ладно, Тесси? Даже Талендары не рискнут сунуться к ним с мечами наголо. Давай, парень, беги! Вижу, что эти отбросы из Соаргилов пытаются подобраться сюда!

– Клянусь всеми богами, – вслух пробормотал Тамалон. – Его радует подобная перспектива!

Когда он пробежал мимо, улыбка Тескры дала понять ему, что она слышала его слова. Она подхватила поводья, так как Роэль мог держать клинок только в одной руке, а другая ему нужна была для чего-то более интересного. Леди Илрилтеска запрокинула голову к задымленным небесам, и из её губ сорвался долгий, прерывистый вздох, пока Тамалон бежал сквозь рассеивающийся дым. И вздох этот не был от боли.

Он обнаружил лошадей, фыркающих и топающих ногами в страхе от огня, и человеческие тела, лежавшие везде вокруг них. Лошади были оседланы и взнузданы, и их поводья были привязаны к воротам, которые вели к садовой ограде. Он выбрал ту, на которой ездил раньше, мрачно подавив её попытку освободиться от него, и поехал обратно. Ему пришлось ударить её по крупу плоской стороной клинка и дёрнуть за поводья, чтобы заставить войти в дым. Тамалон не обвинял животное за его нежелание, особенно, когда услышал звон стали о сталь впереди.

Дым продолжал клубиться, ускользая подобно сорванному плащу, показав Роэля и Тескру, сражающихся с пятью – нет, шестью мечниками Соаргилов. Когда Тамалон подъехал, один из них крикнул, взмахнул руками и упал, его кишки вывалились наружу.

Этого было достаточно для лошади Тамалона – даже до того, как сверкающие тлеющие угольки выпали из дыма и приземлились на её холке.

Лошадь заржала и сердито взбрыкнула, споткнулась на одну сторону и практически снесла копытами голову одному из Соаргилов. Кто-то закричал и ткнул её мечом, и лошадь отскочила с такой силой, что споткнулась о тела и тяжело упала. Тамалону удалось вовремя освободить ноги.

Он вцепился за высокую заднюю луку седла, пока подпаленная лошадь каталась по земле, стегая её и вопя от страха. На чистой силе он сумел забраться в седло как раз к тому моменту, когда она встала на ноги перед бешеной скачкой.

Вдруг, из ниоткуда перед лошадью Тамалона, приветственно махая ему, оказался смеющийся Роэль с вцепившейся в него Тескрой.

– Убирайся! – заорал он. – В другой раз, тогда и прославишься!

Он хлопнул сапогами по лошадиным бокам, и помчался прямо в дым. Перепуганная лошадь Тамалона последовала за знакомым жеребцом, и они вместе пронеслись сквозь дым и падающие обломки, устремляясь сквозь языки огня, чтобы избежать ревущего костра пламени, который ещё на рассвете был гордым строением – Штормовым Пределом.

Они приблизились к месту, куда издалека падали пылающие лучи и сверкали молнии. В объятый пламенем комнате, покрывшийся испариной и кровью, Перивел, тяжело дыша, быстро и мастерски, уклонялся и парировал удары. В одной его руке был кинжал, а во второй – меч, и ему требовались они оба, чтобы припереть к стенке Марклону, Эрлдела и лорда Раджелжуса Талендаров.

Роэль с трудом метнул извлеченный из ножен меч. Сверкнув, тот достиг своей цели, глубоко вонзившись в голову Эрлдела Талендара.

В то время как Эрелдел медленно сваливался, подобно неохотно срубленному дереву, Роэль проревел: – Я вернусь, лорд Ускеврен! Оставь мне немного веселья!

В ответ Перивел свирепо улыбнулся, за мгновение до того, как Марклон Талендар достал его двуручным ударом, в который вложил все свои силы, и древний меч в руке наследника разразился потоком сверкающих голубых лучей, заставивших всех бойцов отшатнуться назад.

– Я... Останусь здесь! – крикнул Перивел, задыхаясь и вытаскивая меч из распростертого тела. Он помахал им в воздухе и закричал: – За Ускевренов – навсегда!

Раджелдус и Марклон Талендар пришли в себя, обменялись взглядами, и в мрачном унисоне двинулись на лорда дома Ускеврен. Как раз тогда, когда Тамалон опасно откинулся в седле своей мчащейся лошади, чтобы крикнуть предупреждение, сияющие лучи над Перивелом Ускевреном затрещали и начали падать. Последующий грохот, и рёв яркого пламени, которое выросло на его месте, были последним в Штормовом Пределе, что Тамалон видел в тот день. Испуганная лошадь понесла его прочь через удушливую лавину дыма.

* * * * *

Украшенная звездой рукоять кинжала в его рукаве была столь же гладкой, как всегда. Тамалон позволил им всем ждать и задаваться вопросом, что же на самом деле значила спокойная, кривая улыбка, застывшая на его лице, и снова отправился мерить шагами погружённые в тень залы задумчивости.

Лошадь быстро несла его в неистовом галопе через Селгонт, бессмысленно мчась до тех пор, пока взошедшее солнце не положило начало следующему дню. Роэль вернулся к огню в тщетной попытке вытащить оттуда кого-нибудь живого, и вышел из жгучего пламени настолько сильно обгоревшим, что больше походил на монстра, чем на человека.

Мужчина, которого слуги Ускевренов называли Великим Медведем, так никогда полностью и не восстановил своё здоровье и редко покидал постель, в течение того ужасного года. Не раз Тамалон заставлял ночью гордую Тескру плачущей в одиночестве в одной из комнат башенки, опорожнявшей графин не беспокоясь о кубке, и пристально смотревшей на освещенные улицы жестокого Селгонта.

Он никогда не произносил ни слова упрёка, но вместо этого сидел с ней. Обычно она ничего не говорила, а просто предлагала ему графин – и обычно он принимал его для большого глотка или двух. Он сидел с ней до утра, прижимая её к груди, если сон заявлял на неё свои права. Для такого маленького, элегантного существа – Тескра всегда казалась ему больше младшей сестрой, чем второй матерью – она храпела как лошадь.

После того, как Роэль сошел в могилу, она вскоре последовала за ним.

Тамалон старался не замечать жалости в глазах немногих оставшихся с ним слуг, когда он решительно принялся восстанавливать всё по кусочку. На

несколько лет он покинул Селгонт, оставив разрушенный Штормовой Предел, чтобы вести торговлю в небольших портах Сембии или даже в соседнем королевстве Кормир. Постепенно он возродил семейное состояние, но этот труд мог ввергнуть его в пучину отчаяния, если бы не встреча и не женитьба на Шеймур, отличавшейся пылким нравом, хитростью и боевой отвагой, которые смогли опять разбудить в нем тёплые чувства.

Ускеврены держали торговый флот, что в глазах Селгонта было равнозначно пиратству, поэтому Тамалон не стал заниматься традиционным семейным делом. Вместо этого он скупал и продавал землю, пока не стал разбираться в тонкостях этого дела, предвидя, где будут расширяться города и развиваться перспективные торговые маршруты. Чекая собственные деньги, он снабжал ими ремесленников, которых игнорировали и принижали крупнейшие торговые кланы Сембии: простые люди у него работали кузнецами, резчиками по дереву, ювелирами и тому подобное.

Он пережил вместе с ними трудные времена, честно ведя свои дела, и имя Ускеврэн для них перестало означать «безнравственного, попирающего закон пирата», но приобрело значение «верного друга». Он продавал их товары в городах, сделал их богатыми, тем самым пополнив и казну Ускевренов. В Сембии вернуть богатство значило обелить имя... поэтому с приходом весны Ускеврены принялись возрождать Штормовой Предел, вернувшись в Селгонт, как будто ничего и не было.

Конечно же, не обошлось без слухов, которые распускались домами – Соаргилы и Талендары занимали видное место среди остальных – те, кого не обрадовало возвращение побеждённого соперника, но в торговых залах Селгонта Тамалон Ускеврэн поступал справедливо. Подобное поведение было редким случаем в остальных великих домах.

С началом неприятностей, Шеймур занялась созданием охраны, которую обучили и тайно проверили на лояльность, чтобы отсеять неблагонадежных. Некоторые из наиболее назойливых Соаргилов и Талендаров «исчезли».

Были наняты маги. Утром обнаружили больше мёртвых тел, а склады и корабли Соаргилов и Талендаров были сожжены – так же, как был сожжён Штормовой Предел.

Когда цена стала слишком высокой, единственные оставшиеся огни тлели только в глазах Соаргилов и Талендаров, но эти две семьи больше не осмеливались открыто атаковать Ускевренов или их слуг на улицах.

Годы спустя Штормовой Предел восстал из пепла во всей своей блистательной красе, и множество людей в Селгонте почитали Тамалона за честность, безрассудную, но обходительную манеру вести дела и сообразительность в работе. Семья Ускевренов действительно процветала, пользовалась высоким положением и снова имела множество врагов.

Как оказалось, даже слишком много врагов.

* * * * *

– Дворецкий! – внезапно прокричал мужчина, назвавшийся Перивелом Ускеврен. – Предлагаю привести сюда всех моих любимых родственников. Я безумно хочу, чтобы они присутствовали здесь и стали достойными свидетелями того, как я верну принадлежащее мне по праву богатство.

Дворецкий, Эревис Кейл, казалось колебался несколько мгновений. Он уже прошел сквозь арку в полумрак плохо освещенного коридора, и нельзя было быть уверенным, что он хорошо расслышал приказ этого претендента.

«Провались все к танцующим богам, – думал Тамалон, – этот человек может быть Перивелом или же любым человеком из тех, кто имел доступ к пленному Перивелу и много времени на вопросы о его семье».

Тамалон поднял глаза на звук слабого шороха с балкона банкетного зала, заметил рукав, который, он знал, принадлежал его дочери Тазиенне, и снова опустил свой пристальный взгляд на врагов за столом. Его сыновья и дочь казались порождениями разряда молнии – столь быстро они откликались на малейшее распоряжение Эревиса Кейла. Кто-то из слуг, должно быть, уже предупредил их о том, что назревало в зале.

Глава дома Ускеврен глубоко вдохнул и подумал: «Высшие Боги, пусть мои дети молчат, по крайней мере, до испытания».

С этим нанятым волшебником, чья голова была переполнена смертоносными заклинаниями, и присутствующим здесь законодателем, достаточно было бы брошенного с балкона слова – не говоря уж об оружии – чтобы дать Талендарам и Соаргилам достаточный повод начать вражду всерьез.

Тамалону не нужно было смотреть, чтобы знать, когда его жена вошла в зал. Он ощущал тепло её взгляда – и, как всегда, почувствовал себя сильнее, как будто её присутствие было ему и тайным плащом, и прочным щитом. Она, наверное, вернулась раньше с пирушки, которая, она полагала, продлится до утра. Шеймур с первого взгляда учует витающую здесь опасность, и заставит их сыновей и дочь помолчать.

Конечно, одна опасность всегда уступает место другой. В Селгонте никогда не было никого, включая Тамалона, кто смог бы заставить помолчать Шеймур.

Как будто опровергая тёмные мысли Тамалона, зал внезапно погрузился в тишину, словно все в нем затаили дыхание. С величественной торжественностью, почти неслышно ступая, дворецкий вошел в сердце этой тяжелой, ждущей тишины, неся Глоток Ускеврена на серебряном блюде.

Кубок стоял один, большой и просто выглядящий. Он казался старым, но каким-то прочным, столь же непоколебимым как старые фундаментальные камни Штормового Предела. Эревис Кейл, очевидно хорошо осведомлённый о важности этого события, поднял блюдо высоко перед собой и замедлился, так, чтобы Огненная Чаша была всем хорошо видна издали.

Айристар Вельвонт повелительно указал пальцем на себя, затем на стол, требуя, чтобы дворецкий поставил её перед ним, но Кейл спокойно прошёл мимо мага и принёс блюдо своему господину.

Тамалон подарил ему легкую улыбку одобрения, и жестом показал, что дворецкий должен подать кубок человеку, носящему имя Перивела Ускеврена.

Претендент посмотрел на него с удивлением. Тамалон одарил его более широкой улыбкой и жестом указал взять кубок.

Притворщик с подозрением заглянул в его глубины. Там было пусто и немного пыльно. Словно внезапно сражённая его видом, молодая горничная, какое-то время бесшумно скользившая в дальнем конце зала, вытирая пыль, развернулась и поплыла вперёд, с тряпкой наготове в худенькой руке. Тамалон жестом отправил её обратно в тень. Она склонила голову, молча кивнув в знак подтверждения, и вернулась к работе.

Перивел, колеблясь, слегка повернул голову, как будто ожидая какого-нибудь знака от мага. Прескер Талендар зашевелился, послав еле заметную улыбку на балкон, откуда Ускеврен молча наблюдал за происходящим внизу – но если колдун Вельвонт и подал какой-то знак претенденту, Тамалон его не заметил.

Внезапно мужчина, утверждавший, что он Перивел Ускеврен, протянул руку к блюду Кейла, столь же настойчиво и непреклонно, словно какая-то статуя. Претендент протягивал руку, колеблясь, затем устремился вперед, чтобы схватить кубок как ястреб, нападающий на добычу.

Он схватил его, и... высоко поднял над головой, чтобы все увидели: не огненную чашу, а просто старый, пустой кубок.

– Ну? – спросил зал Перивел Ускеврен, в триумфе. Несгоревший, и не ждущий ответа, он поставил чашу обратно на стол.

Законодатель, внимательно глядя через стол ни на кого, формально спросил: – Саер Вельвонт, это действительно подлинная Чаша Ускеврена?

Маг склонил голову в присущей ему ухмылке, мгновением раньше он замысловатым жестом провёл рукой перед чашей. – Несомненно, – ответил он твёрдо.

Законодатель Селгонта наконец поднял глаза, чтобы встретить пристальный взгляд Тамалона. – Ну, кажется, всё достаточно ясно, – сказал он, его голос набирал силу с каждым словом. – Это Пер...

Имя было обрублено, как будто топором, когда хозяин Штормового Предела поднял одну руку в сигнале, и пробормотал: – Кордривваль?

Шторы позади него разошлись и вперёд вышел тощий, белобородый старик, мучительно ковылявший старыми бёдрами. – Я слежу, лорд, – спокойно доложил он.

– Маг, – спросил Тамалон, – Саер Вельвонт, всего минуту назад, накладывал какое-нибудь заклинание на Огненную Чашу?

– О, да. Саер Вельвонт заколдовал её непосредственно перед тем, как он, – Кордривваль указал на мужчину, претендующего быть Перивелом Ускевреном, – протянул руку, чтобы прикоснуться к ней. И Вельвонт только что убрал это заклинание, когда притворялся, что проверяет подлинность чаши. Он...

Внезапная судорога потрясла старого волшебника, и тень прошла по его

лицу. – Мой лорд! – выдохнул он, голос вдруг стал неразборчивым. – Он...

Кордривваль Имлет, вероятно, не намеревался закончить свои дни, сваливаясь как срубленное дерево на импортный Ташлутанский ковер, сотканный со сценой двух драконов, сражающихся в смертельной схватке, но это был роскошный ковер. Он восхищался им много раз, демонстрируя превосходную проницательность. Столь толстым и мягким он был, что тело мага ударилось об него с еле слышным звуком.

– Слишком много лжи может убить любого, – ровно отметил Саер Вельвонт. – Его сердце, по всей видимости, было слабым. Возможно, он был старше, чем казался. Я надеюсь, что он не был должен вам чрезмерно много монет, лорд Ускеврэн?

Глаза Тамалона были столь же холодными, и острыми, как два обнажённых кинжала, когда он встретил насмешливый взгляд наёмного мага. – Он сказал то, что я уже слышал, – ответил Тамалон, – возможно произнесение слишком многих необдуманных заклинаний «может убить любого». Это тоже было вашим опытом, Саер?

Волшебник небрежно, едва заметно пожал плечами. – Я видел, как обе ошибки приводят к смерти, прежде – и надеюсь не увидеть такие вещи снова. – Он поднял руку, когда говорил, и все увидели, что крошечные звёздочки света мерцали и кружились вокруг нее. – Я только очищу умы каждого здесь от всякого сомнения, используя волшебство на ча...

Левый мизинец Тамалона едва шевельнулся, но Кейл был очень внимателен. Дворецкий сделал два шага вперед и наклонился, чтобы одним быстрым, молниеносным движением вырвать одну ножку стула, на котором сидел маг, сваливая испуганного Вельвонта на пол. Мощь зачарованного света рассеялась во все стороны; все обедавшие замерли, встав, затем снова сели. Полдюжины мужчин в чёрных доспехах с золотой головой лошади Ускевренов, сверкающей на их груди, появились из-за штор, с обнажёнными мечами, смазанными сонным зельем, наготове. Вельвонту, в конце концов, очень хорошо заплатили, чтобы иметь дело только с такого рода неприятностями.

Высоко оплачиваемый волшебник, рыча от ярости, оказался на коленях, поднимая руку, чтобы указать на дворецкого – но затем его рука внезапно остановилась, так как четыре меча стражников дома нетерпеливо скользнули вперед, окружая её сверкающими остриями.

– Произнесение непрошенных заклинаний в частном доме? – пробормотал Кейл. – Я уверен, вы не пытались сделать что-нибудь в этом роде, лорд. В конце концов, наказание за это – два года в кандалах на доках... И лорд-законодатель сидит здесь.

Он склонил голову и спокойно добавил: – Прошу прощения за стул. Мне всё равно, что произошло у него с ножкой, но его нужно немедленно починить, а тем временем буду рад предложить вам другое место.

Айристар Вельвонт бессловесно зарычал на него и поднялся на ноги, его лицо было темным от гнева.

Гнев и страх можно было также увидеть и на лицах других гостей. Рычание раздалось где-то глубоко в горле Саклата Соаргила, белые костяшки его пальцев дрожали на рукояти клинка. Законодатель стрельнул в него успокаивающим взглядом и громко спросил ледяным, твердым голосом: – Так чаша расколдована?

– Должна быть, – тяжело ответил Тамалон. – Но я не буду принимать здесь, этой ночью, результаты любой магии этого наёмного кол...

Пламя Латандера поднял толстую руку, многообразие колец, поблескивающих в свете горящих свечей. – Вы не должны так делать, лорд Ускеврэн. Мои навыки могут определить то, что лорд законодатель хочет знать. Если позволите?

Он посмотрел с осторожной формальностью на законодателя Лоакрина и на Тамалона, получая их кивки, прежде чем медленно повернулся, чтобы встретиться глазами с дворецким, стоящим с мечниками. Кейл предоставил почти незаметный собственный кивок, перед тем как молча отвернулся, чтобы взять другой стул для Саера Вельвонта, подняв его с тихим изяществом.

Глаза Тамалона сузились на незнакомую и сложную молитву, которая лилась из толстых губ священника. Она не походила ни на одно из когда-либо слышанных им вопрошаний о справедливости или откровении, но она как будто связывала новую магию со старой.

Прежде, чем он смог пошевелиться или сказать что-либо, молитва закончилась, и священник в согласии поднял плоские ладони своих рук к сводчатому потолку. Все смотрели на него в нетерпеливой, выжидающей тишине.

– Нет, – сообщил священник им всем, тщательно избегая взгляда лорда Ускеврэна, – она не носит никаких следов недавних заклинаний, только древние чары, и те, удивительно сильные, после стольких лет.

– Мне проверит её Высокий Мастер Знаний Яннатар из Святилища, – решительно заявил Тамалон, называя селгонтский храм Огма, – и пусть он судит. – Он не дал своим гостям времени для споров, так как протянул вперёд руку, чтобы поднять чашу.

Когда его пальцы сомкнулись вокруг знакомого кубка, тот извергнулся прыгающим огнём.

Удивлённый глава дома Ускеврэн отдернул обожжённую руку со вздохом боли, и человек, который называл себя Перивелом Ускеврэном поднялся со своего места с широкой улыбкой триумфа.

– Теперь, я думаю, мы знаем кто самозванец, – почти весело сказал он. – Ты не мой брат, и у тебя и твоих ребят нет прав на этот дом. Он мой.

* * * * *

Хрипящее, дышащее с присвистом существо в кровати больше напоминало ящероподобного, чем человека. Все его волосы были сожжены, обгорелая плоть свисала скрученными, покрытыми волдырями лоскутами там,

где должно было находиться лицо. Только два сердитых карих глаза говорили Тамалону, что это был его двоюродный дед Роэль.

Хрип в этих тяжело работающих лёгких сказал ему еще одну вещь: возможно, Роэлем ему быть не так долго.

Глаза поймали Тамалона, как будто они были двумя остриями мечей, вонзающимися в его внутренности и поднимающими его беспомощного, связанного.

– Обещай мне, – раздалось ужасное, грубое рычание. Это было всё, на что он теперь был способен. Но и оно сломалось и дрогнуло на втором слове.

– Всё, что в моих силах, дядя, – быстро сказал Тамалон, склоняясь рядом, чтобы умирающий знал, что он был услышан.

Перестав быть дружелюбным и рычащим медведем, Роэль вернулся к Штормовому Пределу и прорвался сквозь пламя в поисках выживших; не найдя никого, он возвратился вот в таком состоянии.

Роэль изо всех сил пытался сесть, цепляясь за молчаливую, белую как кость леди около кровати для поддержки. Его огромные руки напоминали костистые, скрюченные когти. Их нащупывание, трясущееся схватывание, должно быть, причиняли Тескре ужасную боль, когда они поднимали своего владельца, но она не издала ни одного звука и покачала головой, когда Тамалон подошел, чтобы помочь Роэлю. Тихие слезы падали как дождь на постельное бельё, над которым она стояла.

– Сделай Ускевренов великими снова, – прорычал Роэль. – Богатыми... важными... уважаемыми! – Кашель схватил его на мгновение, и он нетерпеливо покачал головой, выступивший от напряжения пот поблескивал на его изуродованном лице. – Не трать впустую своё... время... как это сделал я.

– Дядя, я снова восстановлю величие нашего рода, – горячо сказал Тамалон. – Я клянусь.

– Огненной Чашей? – тяжело дыша, спросил Роэль.

Тамалон энергично кивнул, дико посмотрел на слуг, которые стояли у двери, и сказал: – Приведите...

Подобная когти рука, обхватившая его руку, обладала мощью, способной её расплющить. – Нет... времени, – прорычал Роэль. – Дайте мне поцеловать... Тесси...

Леди быстро наклонилась, чтобы приблизить свою голову к его, но свет в тех сверкающих глазах угас прежде, чем она успела это сделать.

Когда голова Роэля упала назад, Тамалон увидел, что его обезображенные губы застыли в последней, безумной улыбке.

* * * * *

– Позвольте мне уточнить ситуацию, – осторожно сказал законодатель Селгонта, стараясь не смотреть на сердитые лица мечников, нависших над столом. – Эта чаша определяет, кто является истинным Ускевреном, а кто нет?

– Точно! – торжествующе проорал Перивел. – Эта чаша содержит волшебство, более старое, чем кто-либо в этом зале, которое заставляет ее загораться, если кожа любого, не являющегося истинной крови Ускевреном касается её. Мой предок Тобеллон зачаровал её таким образом, из соображений тщеславия, после смерти мага Хелемголарна. Смотрите!

Все глаза в комнате проследили за взмахом его руки, на большой, простой кубок, который стоял незамеченным на столе, его пламя угасало.

– Никакая ложная рука не касается её сейчас, – сказал Перивел, многозначительно глядя на Тамалона, – поэтому она находится в спокойном ожидании. Никто из тех, в чьих жилах не течет кровь Ускевренов, не может прикоснуться к Огненной Чаше, не разбудив её пламя.

– Никто из тех, в чьих жилах не течет кровь Ускевренов, не может прикоснуться к Огненной Чаше без этого краткого воспламенения? – законодатель Лоакрин медленно повторил слова претендента, делая их вопросом. Он бросил взгляд на Перивела, получил кивок, а затем неспешно повернул голову к Тамалону.

И глава дома Ускеврен кивнул, неторопливо и обдуманно.

Законодатель прочистил горло, и повернул голову, чтобы рассмотреть чашу.

– Итак, – медленно проговорил он, – в таком случае, казалось бы...

Его голос замер подобно звуку рога, в который перестали дуть. Его рот широко открылся от изумления. Головы повернулись, чтобы проследить за его удивленным пристальным взглядом, и у всех в зале, отвисли челюсти.

Служанка, которая спокойно вытирала пыль и убиралась везде в банкетном зале, только что вышла вперед, чтобы взять чашу. Теперь она, весьма изношенной тряпкой, с внимательной сосредоточенностью протирала её, вращая голыми руками над столом. Но никакой намек на пламя не вырывался из кубка.

Мужчины за столом глазели на неё в течение долгого, напряженного времени, когда она полировала чашу, очевидно не обращающую внимания на их испытующие взгляды, до того, как законодатель пошевелился снова.

На этот раз, его взгляд был направлен на мужчин, сидевших вокруг него, и он не был дружелюбным. – Мы сидим за столом одного из самых могущественных торговцев нашего города, – холодно произнёс он, – и стремимся отплатить за гостеприимство, пытаюсь вырвать его дом – этот дом, в который, я видел, он возвращается и который оставляет в течение многих десятилетий преуспевающей торговли – от него, заявив, что он не тот, кем был многие годы в глазах всего Селгонта.

Законодатель позволил мгновению холодной тишины повисеть в воздухе, прежде чем быстро добавил: – Я считаю, и тем самым заявляю в словах, которые повторю перед лордом Сейджем Пробитером и Хулорном непосредственно, что для такого серьёзного обвинения нужно больше доказательств, чем пламя, которое может или не может исходить из этой чаши, когда она того пожелает. Сембия – земля, которой правит закон, и всегда будет

править. Я всё сказал.

Он уронил тяжёлую руку на стол. Как будто бы в ответ, чаша поднялась в воздух, чтобы повиснуть над графинами и выплюнуть наружу слабый ореол пламени.

Когда шёпот пробежался по толпе наблюдающих слуг, Тамалон позволил себе улыбку облегчения. По крайней мере, несколько светских трюков, которыми Тескра научила его управлять чашей, с помощью кольца на мизинце левой руки, всё ещё работали.

Таким образом, Ускеврены будут жить в Штормовом Пределе ещё некоторое время. По крайней мере до того, как этот претендент, или какие-то другие происки, не вцепятся в них снова.

Тамалон предоставил своим гостям вежливую улыбку и опустил взгляд на холодное и неподвижное тело Кордривваля Имлета, распростёртое на ковре — о, он пошлет за целителями, и очень хорошо заплатит за воскрешение, но он знал, что было слишком поздно, и ничто уже не поможет — и дал безмолвное обещание самому себе. Оно было не тем, которое позволило бы любому отпрыску дома Талендар, дома Соаргил, или всякому, притворяющемуся Перивелом Ускевреном впредь спокойно спать по ночам.

Весь Селгонт знал, что Тамалон Ускеврэн человек слова, и что он во что бы то ни стало исполнит свои обещания.

Матриарх Песнь Хаоса Ричард Ли Байерс

Перевод: РуРРен

Редактура: Энори Найтингейл

1370 г. по Л.Д.

Когда занавес задней сцены открылся, внутри головы Шеймур Ускеврэн что-то начало неприятно пульсировать. Увертюра, тема которой постоянно и неожиданно менялась, сама по себе была утомительной, но теперь, когда на сцену вышли вокалисты в монструозных костюмах и начали петь, опера стала действительно невыносимой. Ни лирика певцов, ни игра актёров на передней части амфитеатра под открытым небом не имели логического смысла, однако нежная пепельно-белокурая матрона с серыми глазами не могла выкинуть из головы сравнение сюжета оперы с глупой шуткой, смысл которой она никак не могла понять.

«Просто прелестно» — подумала Шеймур. Что ж, по крайней мере, ей удалось заставить выйти в свет свою невыносимую дочь, что было необходимо

для молодой леди. Шеймур посмотрела налево и увидела, как Тазиенна, её дочь, морщится и ёрзает, сидя на твёрдой известняковой скамье. Прекрасная молодая девушка с нежными зелёными глазами, волнистыми иссиня-чёрными волосами, достигающими ей до плеч, одетая в кормирское красное платье с причудливым лифом, не скрывала своего недовольства, чем позорила себя и свою семью. Шеймур громко и безнадежно вздохнула, давая понять Тази, что заметила её потуги, но не собирается отвечать на провокацию. Потом она заметила толстого седовласого вдовца, сидящего позади её дочери.

Шеймур узнала Дарвуса Берента только потому, что знала каждого члена всех самых влиятельных семей в Селгонте. До сих пор она была уверена, что пожилой торговец был с твёрдым, но безобидным характером, подобно старому волу, которого больше не используют в поле, но и забивать не стали. Теперь же, Дарвус злобно уставился в затылок Тази. Несмотря на прохладный вечерний ветерок, лоб пожилого мужчины покрывала испарина, а его пальцы нервно бегали по рукояти кинжала. Пышногрудая девушка, слишком молодая, чтобы быть его внучкой, оскорбилась отсутствием внимания у своего спутника и злобно фыркнула. Вряд ли со стариком было что-то не так. Может, просто старческая слабость?

Воспользовавшись паузой, которую взяли вокалисты, Шеймур позвала старика по имени, используя тот холодный тон, который редко давался людям, соответствующим её статусу, не говоря уже и об обычных людях. Хотя, надо сказать, что на Тази он уже перестал работать.

Дарвус дернулся и подпрыгнул, встречаясь взглядом с белокурой женщиной. Его глаза мигали, а рот пытался выдать какой-то звук. Старик был так удивлён, будто увидел, как Шеймур совершает какое-то невероятное преступление. Он вскочил и двинулся прочь, топчась по ногам других людей, сидящих в том же ряду. Как ни странно, никто не отреагировал на старика, решившего резко покинуть представление.

Шеймур хотел пойти за стариком, но тут, где-то в толпе зрителей, раздался душераздирающий крик, и женщина принялась взглядом искать источник шума. Наконец, она увидела, как кричащая рыжеволосая Кенна Тоэмалар вскочила со своего места, и разорвала своё платье. Глаза молодой девушки закатились, а из её рта во все стороны летела слюна. Она царапала своё обнаженное тело, с лёгкостью отрывая от него куски, будто бы оно уподобилось трухлявому дереву. Больше всего поражало то, что никто из окружающих девушку людей даже не повернул голову в её сторону – все зрители расслабленно наблюдали за оперой.

Ровно так же певцы и актёры не замечали событий, происходящих среди зрителей. Музыканты продолжали играть музыку, не обращая внимания на фиолетовые огоньки, замерцавшие между ними и зрителями.

— Что-то не так, — сказала Тази. Как всегда, она была скорее заинтригована, нежели напугана.

— Очевидно, — ответила Шеймур. Она встала, чтобы выкрикнуть предупреждение, но тут её ушей достигла музыка, после чего её разум

обволокли фиолетовые молнии, и женщина тут же потеряла сознание.

* * * * *

Шеймур позволила Харрику, ухмыляющемуся неровными зубами лакею, одетому в сюртук сине-золотого цвета семьи Ускеврен, взять себя за руку и вывести из кареты. Тази же нетерпеливо прыгнула на землю.

Перед ними предстал огромный зал, архитектурный стиль которого был скрыт за многочисленными арками, карнизами, балконами, витражами, фресками, горгульями и Боги знают, чего еще. На момент, в голове Шеймур появилась мысль, что все это неправильно, и она не должна здесь сейчас находиться, но как только заговорила Тази, эта мысль улетучилась из её головы.

— Дворец Красоты, Абисс его подери, — прошептала Тази.

В целом, Шеймур была согласна с дочерью. Концертный зал и, одновременно, художественная галерея, построенная Андетом Ильхаммаром, на самом деле была архитектурным преступлением. Но она не собиралась говорить это, чтобы не поощрять грубость дочери.

— Ты можешь грубить и издеваться, но только здесь. Как только мы переступим порог этого дома, я хочу, чтобы ты вела себя так, как полагает дочери семьи Ускеврен. В конце концов, сам Хулорн пригласил нас принять участие в его «магическом представлении» ...

— О, чёрт возьми, — перебила молодая девушка, — да ты даже не знаешь, что это такое.

— В письме говорилось, что это будет новый и незабываемый опыт, так что если у тебя не хватает изысканности, чтобы насладиться им, то хотя бы сделай вид, что ты польщена подобным приглашением.

Тази закатила глаза.

— Ладно-ладно. Давай поскорее покончим с этим.

Гвардейцы, одетые в серебряные доспехи и чёрные плащи, узнали представительниц дома Ускеврен, и отошли в сторону, давая женщинам пройти. Шеймур посмотрела на огромную арку, обрамляющую вход и напоминающую огромную пасть, которая вот-вот проглотит её. Как она и ожидала, на неё тут же навалилась сильная усталость. Ей показалось, что её дочь тоже стала жертвой усталости. Наверняка Тази не горела желанием проводить весь вечер, слушая величественную камерную музыку и болтая о благотворительности и культуре со старыми жёнами купцов. Она провела слишком много вечеров в подобной компании.

Шеймур поджала губу. Ей сильно захотелось... нет, она должна отбросить эти мысли. Она должна была быть достойной женой купца, и подготовить своих детей к тому, что в будущем они должны быть настолько же достойными. Лиира видит, это очень сложно.

Тамлин, её старший сын, был в порядке, что бы там не думал его отец. Но младший, Тал, нуждался в надсмотре и поддержке. И ведь действительно,

Шеймур приходилось следить за каждым его шагом, и не потому, что она хотела. Но он, по крайней мере, старается. Тази же и этого не делает. Да, она научилась вышивке, манерам, музыке и другим женским навыкам, что позволят ей находиться в высшем обществе, а также знает основы торговли и бухучёта, что поможет ей найти подходящую профессию. Но все, что её заботило, это развлечения с молодыми людьми, попойки и прочие неприятности, не подходящие ей по статусу.

Во всяком случае, сегодня подобного не произойдёт. Девушка обречена провести вечер в компании снобов.

Тази, видимо, почувствовала мысли матери и её взгляд. Она повернулась к Шеймур и показала ей язык.

Пройдя через арку, женщины оказались в большом фойе с высоким потолком, освещенном магией и украшенным различными гобеленами, фресками и скульптурами, среди которых особенно выделялась статуя всадника, стоящая по центру фойе на полу терраццо. Это была скульптура Раухавюра Ворона, основателя Сембии. По легенде, он убил весьма могущественного горгона, однако, насколько Шеймур известно, это был миф, и Раухавюр никогда не совершал подобный подвиг. У пьедестала статуи стояли столики с различными угощениями и напитками, рядом с которыми толпились гости, разодетые в богатые одежды и дорогие украшения. В воздухе витала изысканная музыка залкунов и феларров.

Лакей стукнул тростью по полу и объявил гостей, после чего Долер Милн, по прозвищу Лисья Шкура, суетливо протиснулась через гостей, чтобы поприветствовать новоприбывших.

Все ещё скучающая, Шеймур приложила значительные усилия, чтобы растянуть губы в приветливой улыбке.

Долер была красивой женщиной лет сорока с лицом в форме сердечка, которое, как всегда, чуть ли не светилось от макияжа. Она использовала алебастровую пудру для отбеливания кожи, фукус для насыщения губ красным цветом и настойку белладонны для увеличения зрачков. Сегодня на ней было надето оранжевое платье с глубоким вырезом. Вокруг женщины витал приятный аромат «розовой воды».

— Шеймур! — визгнула девушка, — Как я рада видеть тебя! — её голос напоминал женщине нож, который резал слух подобно маслу, — Маленькая Тазиенна, ты тоже здесь! Ты наконец-то вытащила её из подвалов и казарм, и она тоже выглядит красиво! — после этих слов восторженная аристократка рассмеялась, а Тази сморщилась от этого неприятного звука, — Конечно, некоторые не заботятся о внешнем виде, что делает их похожими на... каких-нибудь растрепанных девок из варварских краёв, но я даже нахожу это экзотичным.

Долер вновь рассмеялась.

Шеймур не нужно было смотреть на дочь, чтобы почувствовать ярость, закипающую в ней. Женщина резко ткнула её локтем под рёбра, охлаждая пыл молодой девушки.

— Как это мило с твоей стороны, Долер, — с улыбкой на лице ответила Шеймур, — Как твои дела? Я слышала, ты все еще берешь уроки танцев у мастера Роландо? Я с нетерпением жду твоего сольного представления.

Долер злобно ухмыльнулась и ответила:

— На самом деле, сейчас я взяла перерыв от танцев, дабы сконцентрироваться на занятиях изобразительным искусством. А теперь, не простите ли вы меня? — с этими словами женщина легонько поклонилась и ускользнула обратно в толпу.

— На самом деле, тихо прошептала Шеймур Тази, — я слышала, что мастер Роландо сам прекратил эти уроки. По его словам, Долер обладает удивительной грацией трехногий свиноматки.

— Значит, ты спросила её о танцах лишь для того, чтобы лишний раз поиграть на её нервах? — спросила Тази, — Но почему ты не позволила мне ответить ей?

— Потому что твой ответ, я полагаю, был бы грубым и несдержанным, а это не та игра, в которую тут играют. Если у Долер получилось бы пошатнуть твоё самообладание, значит она победила.

— Значит, эта игра невероятно глупа, — ответила Тази.

В этот момент камерная музыка затихла, и фойе заполнили звуки сдержанных аплодисментов.

Раздался звук фанфар, и все гости обернулись в сторону большой мраморной лестницы, по которой медленно спускалась мужская фигура с поднятыми в приветствии руками. На нём был надет бархатный зеленый плащ с золотыми узорами, и, судя по всему пафосу, сопровождающему выход мужчины к гостям, это мог быть лишь Андет Ильхаммар, Хулорн Селгонта, которого считали эксцентричным даже друзья, не говоря уже и о врагах. Шеймур удивилась, что правитель Селгонта предстал перед ними в подобном наряде — судя по слухам, что она слышала уже несколько лет, Андет был своего рода магом, и уже не первый год пытался стать титаном или каким-то другим существом. Возможно, этот плащ скрывал какие-то неудачные последствия превращения, хотя, зная Андета, легче было предположить, что он просто поддался детскому желанию игры в переодевания.

— Приветствую вас, лорды и дамы! — сказал Хулорн своим ломанным тенором, — Надеюсь, вы готовы удивляться, потому что у меня есть для вас сюрприз! Как многие из вас знают, я нанимаю специальных людей для поиска давно утраченных предметов ценности и искусства, и вот, всего за несколько лет, мои агенты сделали множество удивительных открытий! — он махнул рукой, занавес у подножья лестницы открылся, и публика смогла лицезреть резную статую кентавра из черного дерева, — Однако самой ценной находкой является Видение Хаоса — опера, написанная самим Гуреном Красной Дудкой!

По толпе гостей Андета прокатилась волна восторженного и удивленного шёпота. Те из аристократов, кто имел серьёзную страсть к музыкальному искусству, а Шеймур настолько долго воспитывала в себе её, что матриарх всерьёз полюбила музыку, естественно были заинтригованы подобной

находкой, ведь даже спустя три столетия после своего исчезновения, Гурен все ещё считался одним из величайших композиторов. Те же, кто симулировал удивление, вспоминали тёмную сторону творчества Красной Дудки. Легенды гласят, что Гурен был великим мистиком и не редко обращался за помощью к демонам. Поговаривают даже, что он обменял свою душу на талант.

Хулорн на мгновение остановился, наслаждаясь шёпотом гостей, вызванным его заявлением, после чего продолжил:

— И я, конечно, решил поставить эту оперу! Мои лучшие музыканты репетировали её в течение последних десяти дней...

— Нет! – закричал кто-то из толпы, — Вы не должны делать этого!

Как и все, Шеймур обернулась к кричащему. Она увидела низкого человека с крючковатым носом и копной грязных седых волос, который как-то смог проскользнуть в фойе. Мужчина тяжело дышал, что было видно по его опускающийся и поднимающийся груди, скрытой под безвкусным алым вельветовым дублетом, который был украшен дешёвыми позолоченными кольцами. Шеймур не знала этого человека, но, по его наряду, признала в нём члена общества художников Селгонта.

Двое стражников в момент оказались по бокам от человека и скрутили тому руки.

— Прошу прощения, Хулорн! — выкрикнул один из стражников, — Я понятие не имею, как этот человек проник сюда.

— Пожалуйста, — взмолился низкий человек, пытаюсь выкрутиться из захвата гвардейцев, - Вы должны выслушать...

— Мастер Куэйнс, — сказал Андет, — Однажды я уже выслушал вас, — он махнул рукой, — стража, выведите его.

Гвардейцы потащили мужчину к выходу, а когда тот попытался запротестовать, тут же был заткнут ударом кулака в латной перчатке по лбу. Шеймур сочувствующе поморщилась, а Тази пробурчала какое-то непристойное оскорбление.

— Прошу простить меня, — сказал Андет, — Этот явно неуравновешенный мужчина преследовал меня уже пару месяцев. Надеюсь, в этот раз у стражи получится отговорить его от подобных действий. Но хватит о нём. Пойдёмте же, творение Гурена ждет нас!

Хулорн спустился с лестницы и повёл своих гостей вглубь Дворца Красоты. Когда все аристократы двинулись вслед за Андетом, Шеймур поняла, что знает, как будут развиваться события дальше. В ту ночь она впервые встретила Гандара, сына Дорина. Богатый дворф-торговец не знал, что является заклятым врагом матриарха дома Ускеврэн. На нём, как всегда, красовался бурый дублет, заправленный за широкий золотой пояс с шипами из опала. Под его длинной белой бородой можно было разглядеть множество золотых цепей.

— Это был тот самый Гандар, и он выглядел именно так, как она всегда себе и представляла. Но как это возможно?

— Мне неприятно признавать это, — сказал Тази, — но, возможно, это

мероприятие будет не таким уж и ужасным.

— Что? — рассеянно спросила Шеймур. Она изо всех сил пыталась отделаться от мысли о странной встрече, но не сомневалась, что дочь просто шутит.

— Если оперу написал демонопоклонник, то в его опере, должно быть, все будет не так банально.

— Искусство оперы подразумевает наслаждение ею и мыслями, которые она пробуждает, а не в вульгарных ассоциациях, вызванных её звучанием или происхождением. Смотри, там Долер. Пойдём к ней.

— Зачем?

— Потому что она моя подруга.

— Неужели? После всех оскорблений...

— И что? Так ведут себя все женщины нашего статуса. Однажды и ты поймёшь.

— Надеюсь, нет.

К удивлению Шеймур, Андет вывел гостей за пределы великолепного театрального зала и, проведя через тесные коридоры гримёрных, складов и кладовых, вывел группу аристократов под открытое ночное небо.

Оглянувшись по сторонам, Шеймур поняла, что она и остальные гости оказались посреди ограждений, отделяющих Охотничий сад, личный парк Хулорна, от остального леса. Перед ними, окруженный естественной оградой из древних дубов, красовался древний амфитеатр, архитектура которого напоминала о древней эльфийской культуре. Большинство жителей Селгонта верили в то, что их город был выстроен на остатках древнего поселения эльфов, и, видимо, этот амфитеатр, выстроенный посреди естественного углубления в земле, доказывал их правоту. Сцена была освещена магическим светом, благодаря которому Шеймур смогла разглядеть труппу, настраивающую инструменты посреди сцены.

— Хотел бы я открыть свой театр этой оперой, — сказал Андет, — Но мастер труппы сказал, что представление необходимо дать именно в этой обстановке, так что я дал своё согласие на использование древних руин, входящих в мои владения.

— Спасибо Ледяной Деве, что в этом году выдалась лёгкая зима, — пробормотала Тази, — Хотя, я думаю, что Безумный Анди вытащил бы нас сюда, даже если бы на улице бушевала выюга.

— Не называй его Безумным Анди, — шикнула Шеймур, — Особенно когда он находится в нескольких шагах от нас.

Затем матриарх ахнула, внезапно осознав, что однажды уже переживала последние две минуты. Она подошла к Хулорну, чтобы предупредить его...

* * * * *

Кто-то потряс её за плечо. Вздвогнув, Шеймур обернулась и увидела свою дочь.

— Мама? — спросила Тази. В её голосе прослеживался намёк на беспокойство.

— Я в порядке, — ответила матриарх. Она обернулась назад и поняла, что была слегка дезориентирована. Шеймур огляделась по сторонам и поняла, что она стоит в фойе Дворца Красоты перед статуей Ворона. Долер и сильно похожая на неё, но немного более молодая её сестра Паленца тоже были здесь. Но не было ни слуг, ни гвардейцев, ни других гостей. По лицам сестёр Милн Шеймур поняла, что они дезориентированы ещё сильнее.

— Хорошо, а то мне показалось, что ты тоже в трансе. Помнишь, мы были в амфитеатре? А теперь мы как-то оказались здесь.

— Да, — ответила Шеймур. Она помнила, что она сидела рядом с дочерью и хотела закричать, когда поняла, что все зрители находятся в каком-то трансе, но что-то остановило её, и вот матриарх оказалась здесь. — Но...как? — спросила Шеймур, — Я имею в виду, как мы попали в амфитеатр?

Тази немигающим взглядом посмотрела на мать. — Я не знаю.

— Что случилось? — спросила Паленца, внезапно подпрыгнувшая к женщинам семьи Ускеврэн.

Шеймур встряхнула головой. Сейчас она должна отбросить все мысли и сделать так, чтобы сёстры Милн не начали паниковать.

— Я не совсем уверена, — начала Шеймур, — но мне кажется, что мы стали жертвами какого-то магического происшествия. По счастливому стечению обстоятельств, мы вчетвером оказались у выхода. Я считаю, что нам следует покинуть Дворец и отправиться за помощью.

Тази фыркнула — Я никуда не пойду. Мы должны сами помочь тем людям.

Шеймур злобно посмотрела на дочь. — Хоть раз в жизни не будь идиоткой! Люди в амфитеатре в опасности. Мы должны отправиться в город и попросит помощи гвардейцев...

Она хотела добавить еще несколько слов, но её прервал глубокий рык. Она обернулась на звук и увидела одного из дворецких Андета, ворвавшегося в фойе. Оленьи рога проросли из его лба, оставив после себя толстые серые дыры, а в его голубых глазах горела ярость. Он обхватил двумя руками окровавленный меч и кинулся на Шеймур...

* * * * *

Шеймур присела у сундуков Гандара. На её лице была надета маска с красными полосками и вкраплёнными бриллиантами, а на шее болталось золотое ожерелье — два весьма ценных трофея, которые она нашла в доме дворфа-торговца. Она улыбнулась, предвкушая успешное завершение ограбления, но тут она поняла, что все это — прошлое. Она уже пережила это, и знала, что будет дальше.

Дверь в сокровищницу распахнулась, и на пороге Шеймур увидела дворфа в пижаме и ночном колпаке. Его борода, как и всегда, была чёрная, как

гуталин. По бокам от дворфа стояли двое стражников и один маг. Шеймур вскочила на ноги и обнажила свой меч, зовущийся «Альбруин». Клинок мерцал жутким синим светом, освещая лицо дворфа, перекрывшего единственный выход из сокровищницы.

Стражники были вооружены сембийскими мечами и щитами, а Гандар, который имел репутацию умелого воина, держал в руках боевой топор, очевидно, тоже зачарованный и обманчиво смещающийся взад-вперед. Но как будто ей было мало трёх воинов, в проходе стоял еще и маг – дряхлый тонкий мужчина, едва выше своего нанимателя, он направил палочку из слоновьей кости прямо в голову Шеймур.

Внезапно, плечо пронзила дикая боль. Её шёлковая рубашка загорелась, повергая сознание Шеймур в агонию. Девушка упала и начал кататься по полу среди монет и драгоценных камней, зная, что у неё есть всего несколько секунд перед тем, как стражники окажутся возле неё.

Она отчаянно поднялась на ноги. Огонь погас, но её плечо жгло и пульсировало болью. Та часть её сознания, что помнила происходящее, знала, что до конца своих дней девушка будет носить своеобразный шрам, напоминающий звезду, но это её не беспокоило. Хуже всего было то, что пока Шеймур пыталась погасить огонь, разгоревшийся на её плече, маска развязалась и слетела с лица девушки.

Гандар удивленно уставился на её лицо. Ну конечно он узнает Шеймур Карн! Она и её семья были в этом поместье на банкете всего пару дней назад. Именно тогда молодая аристократка и определила местонахождение хранилища.

Воспользовавшись его удивлением, она проскочила мимо дворфа, оттолкнула мага и выпрыгнула в открытое окно, но от такого побега она не получила удовольствия. Что ей делать? Теперь, когда весь Селгонт узнает, что дочь-подросток Джарвиса Карна, и грабитель аристократов это одно и то же лицо, ей придётся навсегда покинуть город...

* * * * *

Шеймур моргнула и поняла, что вновь оказалась в фойе, напротив обезумевшего дворецкого. Она заставила себя думать об этом и только об этом.

Её тело инстинктивно приняло боевую стойку, но женщина тут же замешкалась — её спутники не знали и не должны были узнать о её воинских навыках.

Человек с рогами поднял меч и побежал на Шеймур. Женщина сделала вид, что остолбенела, но в последний момент отскочила в сторону, пропуская нападающего мимо себя. Пытаясь выглядеть максимально неуклюжей и неумелой, Шеймур упала на пол, сделав вид, будто она споткнулась. Она схватилась за ногу, будто ушибла её, тем самым задевая лодыжку дворецкого и роняя того на пол. Длинный меч лязгнул о пол.

Тази взяла почти бесценный бюст Сьун и разбила его о голову безумца. Тот безвольно повалился на пол, усыпанный осколками.

Сёстры Милн прижались друг к другу.

— Благословенный Ильматер, благословенный Ильматер, благословенный Ильматер, — шептала Паленца. Учитывая тепличные условия, в которых выросли сестры, это было не удивительно, однако Шеймур, не смотря ни на что, испытала прилив призрения.

Если бы у Тази был с собой меч, то она наверняка бы обнажила его и стала махать им из стороны в сторону, что только больше напугало бы Паленцу и Долер.

— Хватит ныть, — шикнула Шеймур на Паленцу, — Мы в безопасности, так что теперь можем сбежать.

Четвёрка женщин тихо двинулась к выходу из Дворца, и только Тази иногда оборачивалась в сторону амфитеатра с наполненными горечью и сожалением глазами. Дамы были так увлечены своими мыслями, что ни одна из них не заметила ядовито-жёлтого паука с раздутым животом, напоминающим огромный грецкий орех, исписанный причудливым узором салатного цвета. Паук, размером с ладонь великана, притаился в складках роскошного гобелена слева от входа в фойе.

Шеймур успела увидеть арахнида прежде, чем тот успел наброситься на кого-нибудь из женщин. Она ударила кулаком прыгнувшего паука, отбрасывая его в сторону. Прежде чем отлететь, паук успел укусить руку матриарха, которая болезненно вскрикнула. Сестры Милн и Тази обернулись к Шеймур.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Паленца.

— Ничего, — быстро ответила женщина, — Я споткнулась и чуть не упала. Прошу прощения, что напугала вас. — Шеймур обтёрла кровь с руки об своё синее платье. Интересно, откуда мог взяться такой паук. В своё время, она путешествовала по землям от Сембии, от южного побережья Лунного Моря, но никогда не видела прежде подобных особей.

Тази открыла высокие двери дворца, и увиденное тут же вытеснило из головы Шеймур размышления об экзотическом пауке или обезумевшем слуге.

За дверьми должна была быть видна широкая площадь, освященная мерцающими факелами, а также, вдалеке Шеймур должна была увидеть Башню Селгонта, но вместо этого она увидела лишь гигантские деревья, лианы, и редкий солнечный свет, пробивающийся сквозь густую листву исполинских деревьев.

Тази открыла рот и присела на корточки, подбирая с земли засохший лепесток орхидеи и внимательно рассматривая его. Наверное, таким образом она хотела убедить себя, что оказалась в настоящих джунглях. — Мир изменился, — наконец сказала Тази, — Он будто переливается. Люди сходят с ума и меняют форму, а эти джунгли...когда-то давно на месте Селгонта действительно был тропический лес, но он давно был уничтожен...

— Да, — кивнула Шеймур, про себя подумав, что её воспоминания о

прошлом были не простыми мыслями. Видимо, её сознание бросало во времени. Наверно поэтому эти воспоминания выглядели настолько точно.

— Как такое могло случиться? — визгнув, спросила Долер.

— Если мы успокоимся, то... — начала Шеймур, но была прервана своей дочерью — Тихо! Слушайте...

Когда Шеймур прислушалась, она услышала звериный рык, рыдание и безумный смех, доносившиеся из Дворца Красоты. Но самыми жуткими были звуки завывающей дудки и стонущей скрипки. Инструменты продолжали наигрывать мелодию из оперы Гурена Красной Дудки.

— Странно, что мы все еще слышим музыку, — сказала Тази, — Нас от амфитеатра отделяет столько стен.

— Это если музыка обычная, — ответила Шеймур, — Но если она магическая, то это даёт ответы на все вопросы и, что самое важное, необходимое нам решение. Если все это произошло из-за этой музыки, то кто-то из нас должен отправиться в амфитеатр и остановить музыкантов.

* * * * *

Тази насмешливо цыкнула языком и сказала — Ты что, тоже сходишь с ума?

— Надеюсь, что нет, — ответила Шеймур.

— Тогда в чём дело? Я понимаю, почему ты хочешь избавиться от этих двоих, — продолжила Тази, указывая клинком меча на сестёр Милн. Долер подозрительно покосилась на меч, с которым совсем недавно на них напал обезумевший дворецкий, но не выказала никакого беспокойства, — Но почему я должна остаться с этими бесполезными...дамами? Я умею сражаться, и ты знаешь об этом.

— Потому что мне будет гораздо спокойнее, если ты останешься в безопасности.

— Никто не будет в безопасности по-настоящему, пока играет эта музыка. Я пойду с тобой и точка. — Очевидно, ничто не могло отвратить девушку от её затеи. Что ж, хорошо.

— Дамы, — сказала Шеймур сестрам Милн, — в таком случае, мы найдем для вас какое-нибудь безопасное место, где вы должны будете затаиться.

Четыре аристократки медленно двигались по коридорам Дворца Красоты, пока не нашли маленькую кладовую с твёрдой дверью. Долер и Паленца зашли в кладовую, после чего закрыли дверь и заперли замок изнутри.

— И ты хочешь, чтобы я однажды стала похожа на этих пустоголовых и плаксивых дурочек?

— Признаю, они немного напряжены, — ответила Шеймур, выглядывая за угол в поиске потенциальной угрозы. Ей казалось странным, что с каждым её шагом температура в помещении будто менялась с теплой на холодную, — но несмотря на это, они никогда не поднимали юбки в самых грязных тавернах Селгонта, прыгая в кровать к любому придурку, что говорит низким голосом

и выпивает несколько кружек эля за один присест.

— Из-за чего ты превратилась в засохший гриб, — спросила Тази с раздутыми от возмущения ноздрями, — Это потому, что ты завидуешь способностям отца? Я всё никак не могу понять, почему ты не хочешь даже спать с ним в одной постели?

Две аристократки вышли в фойе, где дворецкий с рогами все еще бездвижно лежал на полу.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой отношения с твоим отцом.

После этих слов, по залу пронёсся стон и скрип.

Шеймур обернулась к источнику шума и увидела, что волосы быка, верхом на котором сидела статуя Раухавюра, стали живыми. Затем камень быстро превратился в плоть. Горгон. Он медленно, почти изящно спустился на пол, сбрасывая со спины каменного Раухавюра и махая своим хвостом, светящимся ало-красным светом и резко выдувая воздух подсвеченными зелёным светом ноздрями...

* * * * *

Внезапно, перед Шеймур предстал другой монстр, напоминающий огромного человека, только состоящего из чёрного дыма. В его длинных клыках и острых когтях отражался свет уличных фонарей.

Он возник перед группой искателей приключений сразу же, как только за их спинами закрылась массивная каменная дверь, отделяющая склеп от остальной гробницы. Но они не растерялись – воины тут же обнажили свои мечи, а колдуны и священники начали читать заклинания.

Страж склепа набросился на искателей приключений и начал убивать. Мечи и кинжалы не могли его остановить, но магия имела эффект. Вдоль стен стояли причудливые механизмы из бронзы с небольшими хрустальными вставками. До сих пор никто из отряда, даже мудрый служитель Огма Анакс, понятия не имели, как выглядит цель их поисков, однако теперь стало очевидно, что древнее сокровище – это какой-то механизм. Видимо, магия как-то привела механизм в действие – он начал шипеть, после чего покрылся слабым фиолетовым дымом. Тем времени чудовище подпрыгнуло к Сорну и взмахом одной руки превратило его голову в кровавое месиво, после чего зарычало и припало к земле. Кавит Синий взмахнул руками в сторону монстра, но несколько сияющих магических снарядов не принесли ему вреда. Монстр резко обернулся и со скоростью удара молнии напал на мага, перекусив тому шейную артерию. Аппарат продолжал работать и шуметь, из-за чего вскоре стены склепа начали трястись.

Шеймур стояла как вкопанная, жалея о том, что ей пришлось продать Альбруин пару месяцев назад. Так или иначе, она должна была что-то сделать. Девушка согнула ноги в коленях и двинулась монстру за спину, надеясь атаковать его с тыла, но чудовище резко рыкнуло и рвануло сквозь других соперников, дабы достать Эскандера, который без остановки посылал в

монстра стрелу за стрелой. Шеймур знала, что не трусость заставила отступить долговязого юношу. Его меч не был магическим, в отличие от наконечников стрел.

В этот момент, Шеймур осознала, что знает, что будет дальше. Пока она обдумывала осознанное, из её рта вырвался неконтролируемый крик.

Эскандер попытался увернуться от удара, но дух был быстрее. Три когтя проткнули тело лучника, мгновенно убив его, но монстр, взбешенный стрелами, торчащими из его тела, поднял труп, возможно единственного человека, которого когда-либо любила или полюбит Шеймур, и начал махать им из стороны в сторону. Девушка в ярости атаковала духа, не замечая, что из-за работы механизма весь склеп ходит ходуном настолько сильно, что уже было невозможно бежать по прямой. Серебряный амулет, который Шеймур украла из хранилища Гандара, отскочил с её шеи. Когда он только сбежала из города, она нашла мудреца и заплатила тому за опознание магических свойств украшения. Маг так и не смог сделать этого, однако убедил девушку, что амулет наверняка был заряжен каким-то магическим заклинанием.

Дух резко обернулся и махнул рукой в сторону Шеймур. Она попыталась увернуться от когтей монстра, но его ладонь больно ударила её по плечу и повалила на дрожащий пол.

Какое-то время она лежала и наблюдала, как по потолку расползаются трещины, вызывая скрежет, напоминающий стон богов. Дух размахнулся рукой, готовясь проткнуть тело девушки своими когтями. Шеймур вспомнила, что она должна попытаться встать, но тут поняла, что руки не слушались её, а сознание чуть не провалилось в темноту от шока и боли.

Потолок начал рушиться, а из механизма полетели молнии, одна из которых попала в амулет Шеймур, лежащий на полу.

Дух завопил, резко развернулся и ринулся на механизм, разнося тот на мелкие части и пропадая. Девушка пару раз моргнула, всматриваясь в трещины на потолке, сквозь которые в склеп просачивался слабый свет серого от туч неба.

Шеймур встала и ринулась к своим друзьям, но нашла не то, что ожидала. Многие из её напарников были завалены камнями или просто убиты, но загадка, заставляющая девушку моргать и задаваться вопросами о реальности происходящего, заключалась в другом. Трупы её друзей выглядели так, будто лежали тут в течение нескольких десятилетий.

Сухая ломкая кожа плотно прилегала к костям, пустые глазницы черепов были наполнены пылью, а оружие и доспехи покрылись ржавчиной.

Девушка, ошеломленная увиденным, подошла к месту, где, судя по всему, лежал скелет Эскандера. Она стояла рядом несколько минут, после чего вышла пошла навстречу дневному свету.

* * * * *

— Назад! — закричала Тази.

Шеймур отпрыгнула назад, трясая головой. Она вновь вернулась в фойе Дворца Красоты, увидев перед собой странного гигантского монстра, который мог оказаться таким же сильным, как и дух, убивший Эскандера, только теперь погибнуть могла её дочь.

Горгон неуклюже оглядывался. Должно быть, он сам был настолько удивлен происходящим, что не заметил двух женщин. Но когда Шеймур и Тази начали медленно пятиться назад в коридор, чудовище обернулась к ним. Красный свет из глазниц монстра олицетворял ту ярость, что ютилась в его сознании. Огромный чешуйчатый бык топнул ногой, раскалывая тераццо.

Между Шеймур и чешуйчатым монстром выскочила Тази, держащая в правой руке меч дворецкого, а в левой метательный дротик, парочку которых всегда прятала где-то в одежде. Младшая аристократка полагала, что её мать не сможет даже нарезать овощей для салата, так что взяла на себя всю полноту роли защитницы.

Шеймур напряженно осматривала комнату в поисках оружия. На глаза попадались лишь вазы, бюсты и прочие предметы искусства, которые запросто уложили бы еще одного лакея, но будут бесполезны против огромного монстра. Горгон взревел, опустил голову и понёсся на Тази.

Младшая девушка обхватила меч двумя руками, готовясь к встрече с монстром, и, как бы трудно не было Шеймур решиться на это, она развернулась и побежала в сторону амфитеатра.

До всего случившегося во дворце были стражники, а значит, возможно, где-то здесь была оружейная. Шеймур молила всех богов, чтобы её дочь продержалась, пока она не найдёт оружие.

Матриарх быстро двигалась по коридору, заглядывая во все комнаты, пока ей на встречу не вышел двухметровый орк.

Мерзкое существо со свиным пяточком было облачено в яркие фиолетовые кожаные доспехи и принадлежало Селгонту не больше экзотического паука. Возможно, это была еще какая-то ожившая статуя, или где-то во Дворце Красоты открылась пространственная дверь в место, где обитают гоблиноиды. В любом случае, сейчас Шеймур больше волновал меч, который орк сжимал в своей грязной руке.

Не тратя времени, женщина размахнулась и пнула орка между ног, а когда тот склонился от боли, со всей силы ударила кулаком по приплюснутому носу гоблиноида. Его глаза налились злостью, но гораздо больше болью. Шеймур вырвала меч из рук орка и позволила ему повалиться на пол и потерять сознание.

Шеймур сняла туфли с каблуками и, отбросив их в сторону, побежала обратно в фойе. Она постоянно думало о том, насколько её решение было правильным, ведь одно дело ударить в промежность орка, а другое — противостоять огромному монстру, тем более что она не брала меч в руки уже двадцать шесть лет.

Чёрт возьми, да на кону стояла жизнь её дочери!

Приближаясь к фойе, Шеймур слышала злобный рёв и стук копыт, а

значит, Тази была еще жива, что заставляло матриарха бежать еще быстрее.

Платье трепеталось, хлопая по ногам Шеймур. Она ворвалась в фойе и увидела, что каменный пьедестал, с которого слез горгон, теперь был обрушен. Шеймур увидела, что лиф Тази был разорван, а на рёбрах зиял кровавый порез. На горгоне же было несколько мелких ран и ссадин, одна из которых красовалась прямо на его носу.

Тази увидела Шеймур и закричала:

— Мама, нет! Держись подальше от...

Горгон воспользовался отвлечением девушки и набросился на воительницу, намереваясь вспороть своими рогами её живот. Тази отпрыгнула в сторону, парируя взмах рогов горгона. Заблокировать такой удар было тяжело, и молодая девушка потеряла равновесие, что дало горгону возможность атаковать вновь.

Шеймур рванула вперед, используя весь объём своих лёгких, чтобы закричать и отвлечь внимание горгона на себя. К счастью матриарха, монстр обернулся в её сторону, и теперь все, о чём ей нужно было переживать — сохранность её собственной жизни.

Огромный бык навис над Шеймур, после чего бросился на неё. Женщина увернулась, попутно вспоминая все, как ей казалось, ушедшие навыки. Она вспомнила, как парировать, атаковать, обманывать соперника ложным наступлением или нападением. Шеймур даже удалось порезать шею горгона. Монстр резко развернулся, но женщина отпрыгнула и нанесла ещё один удар. Тут же подскочила Тази, порезавшая спину монстра. Две аристократки работали слаженно, как проверенная временем команда — одна женщина отвлекала монстра на себя, пока вторая атаковала его. Воздух наполнился запахом крови и пота, и спустя пару минут горгон жалобно хрюкнул и убежал в дальний конец комнаты, после чего развернулся к аристократкам.

— Ха! — выкрикнула Тази, — Смотри, он повержен!

Горгон гортанно рыкнул и поднял голову.

Шеймур никогда прежде не сталкивалась с горгоном, но, вспомнив рассказы, что она слышала об этом диковинном чудовище, быстро прыгнула на дочь, повалив её на землю.

И как раз вовремя, ведь горгон раскрыл рот, и из его пасти вылетело облако зелёного дыма, которое молниеносно пронеслось над головами девушек и попало прямо в рогатого дворецкого, все еще лежащего на полу без сознания. Кожа и одежда человека начали покрываться серой толстой коркой, пока все тело дворецкого не превратилось в камень.

Горгон взревел и вновь атаковал, но женщины успели увернуться, после чего быстро поднялись на ноги и продолжили бой.

Через несколько минут, сердце Шеймур начало биться быстрее, и, несмотря на более юный возраст, Тази тоже начала уставать, а вот их соперник казался всё таким же быстрым и яростным. Не успела матриарх и глазом моргнуть, как битва обратилась против неё и её дочери.

Всё дело в проклятой чешуе. Несмотря на то, что женщины оставляли

порезы на теле горгоны, единственным уязвимым местом монстра казались его глаза, но он так тщательно защищал их, что ни одна из женщин так и не смогла ткнуть мечом в глаза горгона.

Как его победить? Шеймур в последний момент увернулась от рога горгона, который чуть не проткнул бок женщины. Она перевела дыхание, и перед её взором возник образ скульптуры Ворона верхом на горгоне.

Скульптор изобразил Раухавюра, сидящего верхом на горгоне и положившего меч на его спину. Конечно, это была весьма туманная подсказка, но других вариантов у Шеймур не было.

— Тази, отвлеки его! — воскликнула матриарх. Молодая девушка кивнула и из последних сил яростно атаковала монстра, атакуя и блокируя его опасные выпады.

Шеймур проткнула свой корсет насквозь, надеясь, что плотная ткань выдержит меч, пока женщина совершает рискованный приём. Матриарх подбежала к отвлечённому горгону и прыгнула на его спину, зацепившись рукой за выступающее ребро. Шеймур вспомнила свою молодость, когда ей приходилось цепляться за сточные трубы и различные подоконники. Женщина напрягла мускулы и подняла себя на спину взбешённого горгона.

Она никак не могла найти слабое место, на которое, возможно, намекал скульптор. Монстр никак не мог стряхнуть женщину со спины, так что остановился и начал вбирать воздух, готовясь вновь выплюнуть облако окаменения. Шеймур занервничала, но увидела небольшую выемку посреди чешуи и со всей силы вонзила в неё меч.

Огромный бык жалобно взвизгнул, поднял голову и выплюнул маленькое зеленое облачко, после чего повалился на землю. Шеймур в последний момент спрыгнула с его спины и откатилась в сторону, дабы не быть придавленной огромной тушей. Женщина резко встала и обернулась к горгону, бездыханно лежащему на полу. Он умер.

Улыбка растянулась на её лице. Было приятно узнать, что после стольких лет без практики, её боевые навыки остались при ней.

— Мама! — закричала Тази, — Как...что...где ты научилась так драться?

Улыбка на лице матриарха мгновенно растаяла. Одно дело убить паука, и притвориться неуклюжей, а другое — запрыгнуть на спину опасного монстра. Но, так или иначе, Шеймур хотела избежать честного ответа на этот вопрос. — Я...я не знаю, - ответила женщина, — Я просто делала то, что первое пришло в голову. Видимо, уроки танцев и верховой езды имеют какую-то ценность не только во дворцах Селгонта.

— Ну уж нет, — возразила Тази, — Невозможно так хорошо драться, если не обучиться этому специально.

— Иногда я видела, как тренируются твой отец и братья, — ответила Шеймур. Она подошла к трупу горгона, обхватила рукоять меча и вытащила его из бездыханной туши, — Я просто старалась повторять за ними.

— Твои оправдания все еще пахнут как куча навоза, — ответила Тази. Вдруг, Шеймур почувствовала, что что-то стало хуже. Будто изменилось.

— Музыка, — тихо сказала матриарх, — она стала громче...

Тази прислушалась и кивнула. — И правда, музыка стала громче.

— Тогда мы должны поспешить и остановить музыкантов до того, как они закончат оперу, — сказала Шеймур, — Если мои подозрения верны, то самое страшное произойдёт в конце.

Две аристократки двинулись в сторону амфитеатра, наблюдая странности, происходящие во Дворце Красоты.

Для начала, орк, у которого Шеймур отобрала меч, попросту исчез, оставив после себя лишь маленькую маслянистую лужицу, будто просто растаял. В соседнем зале сосны росли с потолка, пока пара бесов бросали друг другу голову третьего демонёнка. Проходя мимо больших дверей в театр Андета, Тази невольно открыла рот — весь зал был заполнен водой, в которой плавали разноцветные диковинные рыбы, но вода не вытекала через раскрытые двустворчатые двери театра, будто те были перекрыты толстым слоем идеально чистого стекла. Девушка ткнула пальцем в воду, и, вытащив его, поняла, что воду ничего не держало. Она просто застыла.

Аристократки встретили множество слуг Хулорна, но все они были в том же трансе, что и зрители в амфитеатре. Как женщины не пытались, но, казалось, ничто не способно разбудить слуг. Несколько человек были превращены в кровавое месиво каким-то зверем, которое, очевидно, бродило где-то во дворце. Шеймур посмотрела на окровавленные останки. Складывалось ощущение, будто кто-то, или что-то, разорвало тело на несколько частей, начиная с нижней челюсти и заканчивая бёдрами.

Тази сморщилась и отвернулась.

— Что же тут произошло, — прошептала Шеймур себе под нос, — Какая-то бессмысленная бойня...

— Если все так плохо, то почему ты такая бодрая? — будто обиженно спросила Тази.

— Это не так, — быстро ответила матриарх, однако тут же сама задумалась о правдивости своих слов. Действительно, она чувствовала искреннюю жалость к погибшим слугам и гостям и сильно переживала за жизнь своей дочери, но вместе с чувством опасности пришло небывалое обострение внимания и возрождение всех боевых навыков женщины. Эти чувства напомнили Шеймур о том, почему дочь одного из богатейших вельмож Селгонга встала на путь воровки.

Женщина все еще пыталась скрыть своё волнение от дочери, когда натолкнулась на зеркало. Женщины отражались в нём как-то иначе, отчего создавалось впечатление, будто они идут вверх по стене...

* * * * *

Нет. Шеймур поняла, что смотрит на точное подобие себя, лежащее на богатой кровати и в белоснежном одеянии. Это была её внучатая племянница, которая так сильно полюбилась Шеймур за последние десять дней, но так

загадочно и неожиданно умершей сегодняшней ночью. Линдриан, кучерявый племянник Шеймур стоял с другой стороны кровати и рыдал, постоянно повторяя:

— За что? За что? За что?

— Они хотят уничтожить нас, — прорычал в ответ Фендо. Волосы старшего брата Шеймур полностью покрылись сединой, а подагра, терзающая его здоровье, не давала его бровям разойтись в облегчении. Обычно остроумный и скорый на сарказм, мужчина был необычайно серьёзен.

После того, как Шеймур пришла в себе от произошедшего в склепе, она решила отправиться в Селгонт и повидать семью. Конечно, ей нужно было держаться в тени, ведь даже через сорок лет после её кражи, знатные семьи Сембии помнят о её преступлении, однако наверняка считали её погибшей.

Фендо принял сестру с распростёртыми объятиями и, выслушав её историю, рассказал, что дом Карн, в последнее время, потерпел множество финансовых неудач, из-за чего семья оказалась на грани банкротства. Глава дома был уверен, что кто-то за всем этим стоял, но не мог точно сказать кто.

Шеймур начала размышлять о серии грабежей, но долг дома Карн был настолько велик, что грабежи не могли покрыть его, так что единственным вариантом оставался брачный союз с другим богатым домом, который смог бы обеспечить денежные влияния в дом Карн и удержать его на плаву.

К счастью, молодой глава дома Ускеврэн, Тамалон, был готов взять в жёны юную дочь Линдриана, ибо его собственный дом потерял уважение после торговли с пиратами моря Падающих Звёзд, а заключив союз с некогда великим домом и удержав тот на плаву, а затем, возможно, и объединив дома Карн и Ускеврэн, Тамалон рассчитывал ворваться в тройку ведущих домов Селгонта. Хотя сам Тамалон утверждал, что любил юную представительницу семьи Карн. Так или иначе, спасение было рядом. Но теперь кто-то использовал яд или, возможно, тёмную магию, чтобы убить невесту Тамалона и разрушить брачный союз домов.

Внезапно, Фендо сильно сжал плечо Шеймур своей пораженной подагрой рукой и сказал:

— Ты выглядишь точь-в-точь, как она. Никто не заметит подмены...

* * * * *

— Мама? — позвала Тази.

— Да, — быстро ответила Шеймур, отворачиваясь от зеркала, — Я в порядке, — она удивлялась, как магия заставляет её переживать все худшие моменты жизни матриарха.

Так или иначе, нет смысла задумываться об этом сейчас, когда любой монстр может выскочит буквально из ниоткуда. Шеймур оставалось лишь быть начеку и наслаждаться тяжестью меча.

Проходя по коридорам, женщины заметили ответвление, которого прежде не было, и которое упиралось в стену, образуя тупик. Наконец, они нашли

дверь, отделяющую Дворец Красоты от заднего двора.

— Надеюсь, там будет Охотничий сад, а не Великий ледник или что-то еще в этом духе, — пробурчала Тази и открыла дверь.

Тут же музыка наполнила голову Шеймур, но головокружение быстро прошло. Действительно, дверь выводила в Охотничий сад, прямо к эльфийскому амфитеатру, и, несмотря на необычный вид окружающего пространства, он скорее был жутким, чем красивым.

«Чаша» амфитеатра сияла фиолетовым светом, будто тысячи диких светлячков заполнили его. Свет был настолько густым и плотным, что женщины с трудом могли различить силуэты гостей, которые, судя по всему, все еще сидели на своих местах и заворуженно наблюдали за представлением.

Несколько фиолетовых огоньков горели немного в стороне от амфитеатра, создавая над собой едва видимые горы Великого Ледника, бурлящие вулканы Мацтики и причудливые дворцы Эвермита. Видимо, магия музыки пыталась открыть портал в отдалённые и экзотические части света, о чём свидетельствовали джунгли Чалта у главного входа.

— Давай же, — сказала Тази, после чего обе женщины вышли в сад.

— Думаю, нам придётся применить силу, чтобы остановить музыкантов, — сказала Шеймур, — но не убивай их. Думаю, они сами не знают, что делают.

— Ты думаешь, что я кровожадная дура? — возмущенно спросила Тази. Перед женщинами появилось несколько огоньков красного и желтого цвета. Огоньки превратились в двух существ, с ногами, руками и туловищем человека, но с кожей и головой гепарда. В своих руках они держали искривлённые односторонние мечи и, взревев, гуманоиды атаковали женщин.

Шеймур отступила на шаг и чуть не поскользнулась на мхе. Тем не менее, она успешно парировала выпад человека-гепарда и проткнула его голову прежде, чем тот успел принять защитную стойку. Она обернулась и увидела, как её дочь исполняет весьма рискованный, но вместе с тем и эффективный прием — Тази присела на корточки и проткнула живот соперника, который сдавленно вздохнул и повалился на землю.

— Неплохо, — сказала Шеймур. В ответ на это, её дочь несколько секунд смотрела на неё так, будто похвала от матери была очень неожиданной и приятной.

Через несколько секунд молчания, женщины пошли в сторону амфитеатра. Шеймур была преисполнена уверенности и готовности справиться с любым сюрпризом, какой только сможет преподнести музыка. Однако магия вернулась к более привычному методу обороны — музыка зазвучала еще громче, сияние в амфитеатре стало насыщеннее, и что-то буквально подхватило матриарха...

* * * * *

Шеймур сидела перед туалетным столиком и рассматривала себя в

зеркало, пока две служанки наносили ей макияж и красили её ногти. Когда-то она и сама могла все это сделать, но боялась, что потеряла всякое умение с тех пор, как покинула Селгонт.

О, раны Ильматера, как ей хотелось снова убежать!

Линдриан стоял рядом, следя за тем, чтобы слуги наносили ей именно тот макияж, который бы выбрала его подобная дочь, и осыпал Шеймур своими советами.

— Ты всегда должна помнить, — сказал её племянник, — что моя дочь была похожа на тебя внешне, но внутри была полной противоположностью.

— Я знаю, — со вздохом ответила Шеймур, — Я тоже была с ней знакома, если ты не забыл.

— Она была изысканной, — продолжил кучерявый племянник, будто не услышав слова Шеймур, — Чувствительной. Нежной. Даже робкой. Она бы никогда не проронила злого слова...

— Я понимаю, — ответила Шеймур, не желая дерзить отцу, только-только потерявшему дочь.

— Я надеюсь. О Ильматер, если Тамалон только узнает, что мы выдали за него самозванку. И не просто самозванку, а легендарную преступницу. Тогда, полагаю, он аннулирует брак и, возможно даже, начнёт войну против нашего дома, а тебя, тётя, отдаст гвардии Хулорна.

Шеймур резко встала, взяла бутылочку с духами и, бросив её в Линдриана, прошипела:

— Я сказала, что поняла! А теперь, оставь меня одну!

Некоторое время племянник тупо смотрел на неё, затем кивнул и удалился из комнаты.

После того, как слуги закончили приготовления, Шеймур спустилась вниз по лестнице, и, споткнувшись на каблуках, чуть не упала, но успела схватиться за перила. Боги, как она могла похоронить настоящую себя ради личины почти незнакомой ей женщины? Как она, девушка, познавшая настоящую любовь, может согласиться на брак по расчёту?

С другой стороны, как она могла стоять в стороне и наблюдать за развалом её семьи? После смерти Эскандера и остальных, её семья была единственными людьми, которыми она дорожила, или хотя бы даже просто знала. И ко всему прочему, Шеймур казалось, что подобная участь была её судьбой. Как еще объяснить то, что она в одно мгновение пережила тридцать лет, а её внучатая племянница была похожа на неё как одна капля на другую?

Но вот Шеймур собралась, натянула на лицо небрежную фальшивую улыбку и спустилась в фойе родового поместья Карн на встречу со своим будущим мужем...

* * * * *

Шеймур несколько раз моргнула и поняла, что она и её дочь снова находятся в фойе Дворца Красоты. Она не могла сказать, сколько прошло

времени, но туша горгона уже начала разить гнилью.

— Проклятье! — крикнула Тази, сплюнув на пол и пнув голову Раухавюра. Резной мраморный шар покатился по полу.

— Значит, я была права, — задумчиво сказала Шеймур, — Это была не случайность, что мы перенеслись из сада сюда. Видимо, магия Гурина каким-то образом захватывает наше сознание, не подпуская к музыкантам.

После нескольких секунд молчания, матриарх продолжила:

— Но, тем не менее, мы должны это сделать, — после этих слов, Тази изумленно посмотрела на мать, — ведь если опера закончится, то совершится что-то страшное, а подмога... боюсь, никакой подмоги мы тут не получим.

— Но если мы не можем добраться до амфитеатра, что нам делать?

— Помнишь того старика, что прервал Андета? Куэйнса. Очевидно, он знал о том, что произойдёт. Возможно, он сможет помочь нам.

— А ты не думаешь, что его могли утащить в городскую тюрьму? — нахмурившись, спросила Тази.

— Возможно, но мне он показался безобидным. Вероятно, стражникам тоже, и они попросту заперли его где-нибудь во дворце. Надо попробовать найти его.

Женщины пошли по коридору. Шеймур чувствовала, как ей мешает платье, так что она остановилась и отрезала часть платья по середине бедра.

Тази некоторое время смотрела на свою мать, затем последовала её примеру и срезала своё платье, но обувь снимать не стала. Видимо, её босоножки не сильно сковывали движения молодой аристократки.

— Мне, конечно, это все нравится, — начала Тази, — но однажды тебе придётся сказать — кто ты и что сделала с моей матерью.

Шеймур улыбнулась и ответила — Я её съела.

Женщины продолжили своё путешествие по коридорам Дворца Красоты. В какой-то момент, музыка стала играть ощутимо громче, а воздух наполнился странным медным запахом. За поворотом лежал широкий коридор, пол и стены которого были залиты кровью. Тени, пляшущие на стенах, были армиями, непрерывно сражающимися друг с другом. Множество маленьких человечков проливали настоящую кровь. Но больше всего Шеймур беспокоило то, что ей показалось, будто впереди она увидела двух женщин, выглядевших точь-в-точь, как она и её дочь. К сожалению, она не успела рассмотреть силуэты, так как они скрылись за поворотом на другом конце широкого коридора.

Шеймур пыталась уйти от больших залов и галерей, ведь вряд ли стражники заперли бы пленника в месте, которое могли посетить гости Хулорна.

Наконец, женщины пришли в подвал. Казалось, будто магия обошла это место стороной, хотя музыка звучала здесь так же громко, как и в остальной части дворца.

Тази аккуратно прикоснулась к железной ручке плотной двери и попыталась открыть её. Не получилось. Дверь была заперта на ключ, а изнутри

подвала доносился бессловесный булькающий крик.

Две женщины переглянулись и принялись выбивать дверь ногами, однако она никак не хотела поддаваться. Шеймур уже было подумала, что они могут делать то же самое часами и все равно никакого эффекта не будет.

Тази неуверенно посмотрела на мать:

— Я...думаю, я могу кое-что попробовать.

Тази достала из бюста маленький мешочек, в котором лежал небольшой свёрток ткани. Развернув его, младшая аристократка начала выбирать инструмент из широкого ассортимента воровских отмычек.

Теперь пришла очередь Шеймур удивляться. Неужели её дочь пошла по пути вора? По пути самой Шеймур, когда та была молода? Порядочной аристократке стоило бы разозлиться, на матриарх дома Ускеврэн лишь рассмеялась и сказала — Отлично! Откой этот замок и пусть Маск поцелует твои пальцы.

С гордостью она наблюдала за дочерью, которая изящно и ловко взломала достаточно сложный замок за пару десятков секунд и открыла дверь.

Внутри женщины увидели помещение с низкими потолками и кандалами, закрепленными на стенах. К сожалению, музыка Красной Дудки изменила природу цепей, и теперь металлические звенья перерастали в зелёную лозу, на концах которой были цветки, напоминающие челюсти, которые сомкнули свои зубы на конечностях беспомощного Куинси. Судя по волдырям на руках старика, растения выделяли какой-то сок, который переваривал Куинси заживо.

От увиденного Тази визгнула и прыгнула к растениям, которые тут же напали на молодую девушку, а один стебель устремился прямо к Шеймур.

Убить растения оказалось не так просто — они имели множество челюстей, которыми могли наносить удары, и на самих стеблях не было ярко выраженных жизненно важных органов, по которым можно было бы нанести смертельный удар. Вероятно, слабые места растений, если такие вообще были, были спрятаны под землей и за стеной.

Затем, стены треснули, и сквозь щели показались десятки новых стеблей, которые врезались в женщин и прижали их к стенам.

Огромные листья закрывали рот и нос Шеймур, закрывая доступ к кислороду, а маленькие челюсти плевались кислотой. Матриарх некоторое время билась и сопротивлялась, пока, наконец, не обмякла.

* * * * *

— Мама? — выдохнула Тази.

Шеймур открыла глаза и увидела дочь, стоявшую посреди множества разрубленных стеблей и листьев, некоторые из которых приобрели коричневый оттенок.

— Мама, ты в порядке?

— Со мной все хорошо, — ответила Шеймур, поднимаясь на ноги, — А ты?

— Тоже, но эти растения сильно потрепали меня.

— Это полезно, — ответила старшая женщина, будто учитель ученику, — Так твои рефлексy улучшаются.

— Ага, а еще оно умирает от этой кислоты, но я поняла, о чём ты хотела сказать.

Женщины начали разгребать кучи стеблей и листьев, пока не нашли еле дышащего Куинси.

— Спасибо, - прошептал старик.

— Всегда пожалуйста, — ответила Шеймур, — Я бы хотела отвести вас к целителю, но, боюсь, что сейчас это невозможно — мы должны остановить оперу Гурена. Кто вы и что знаете о ней?

— Я играл в труппе, которую нанял Андет для презентации оперы. Это была большая честь для нашего коллектив, хотя я не мог понять, почему творение такого великого мастера, как Гурен Красная дудка, звучит настолько ужасно.

— Да уж, мы заметили, — вставила Тази.

Несмотря на измученный вид, Куинси улыбнулся.

— Все было хорошо, однако на второй день репетиции произошли странные и ужасные вещи – коробки начали падать сами по себе, костюмы разлетелись в разные стороны, а наш барабанщик Борн, сильный и здоровый мужчина, повалился замертво. Естественно, мы подумали на музыку, учитывая репутацию автора, однако Андет отказался слушать нас. Он считал, что в этой музыке скрыто какое-то таинственное послание, которое должно привести Хулорна к его судьбе.

— Ах да, — ответила Шеймур, — Судьба Андета. Он уже несколько лет ищет эту судьбу, и, полагаю, мы можем исключить здоровое управление и мудрые решения.

— Так что, когда Андет отказал мне, я похитил копию оперы и покинул труппу. Видите ли, помимо всего прочего, я – верный послушник Милил, и изучаю музыку как с экзотерической, жреческой, так и эзотерической, тайной стороны магии. Я надеялся изучить оперу и понять, почему она вызвала все эти странные события.

— И что же вы обнаружили? — спросила Тази.

— Нечто ужасное. Оказывается, Гурен вплёл в свою музыку демонопоклоннический ритуал. Если его опера будет сыграна до конца, то на месте представления и в ближайшем радиусе образуется зона постоянного хаоса.

Шеймур была не самым усидчивым ребенком, но из детских занятий по философии помнила, что её преподаватель рассказывал о природе хаоса и порядка, так что она могла точно сказать, что в таких условиях жизнь будет невозможна.

— Зачем он сделал это? — снова спросила Тази.

— Ну, полагаю, он был просто безумен, — ответил Куинси, — Или же хотел создать таким образом разрушительное оружие. Подумайте только, ты

даришь прекрасный подарок своему врагу, он ставит эту оперу и *бац*, — сказал старик, стукнув кулаком о свою ладонь, — зона хаоса прямо у тебя дома. В любом случае, когда я узнал о природе музыки, помчался к Хулорну, проскользнул через потайной вход...ну а дальше вы и сами все видели.

— Насколько будет велика эта зона хаоса? — спросила Тази, играясь со своим метательным ножом.

— Я не могу быть уверен, но, возможно, зона хаоса накроет весь Селгонт.

С этими словами холод пробежал по спине Шеймур. Её сознание захватила волна беспокойства за дочь, мужа и сыновей.

— Но меня все ещё мучает один вопрос, — начала матриарх, — Во время репетиции вы должны были проиграть оперу до конца. Почему магия не активировалась еще тогда?

— Для активации необходим лунный свет, а мы всегда репетировали во дворце, дабы избежать зимних холодов. Полагаю, после моего заявления о катастрофических последствиях. Которые будут вызваны оперой, Андет, как и я, начал изучать музыку, и понял, что для активации нужен лунный свет, и именно поэтому решил провести представление в уличном амфитеатре.

— Тогда другой вопрос, — начала Тази, — как нам остановить музыку? Когда мы были около амфитеатра, магия захватила нас и отпустила лишь тогда, когда мы вновь оказались в фойе дворца.

Куинси лишь покачал головой.

— Боюсь, я ничего не могу предложить.

— Возможно, могу я, — сказала Шеймур, — Тази, помнишь, когда мы вышли на улицу, повсюду мерцали фиолетовые огоньки? А когда мы спустились в подвал, их не тут было.

— Растения были доказательством обратного, но, в целом, ты права.

— Не кажется ли тебе, что магия оперы деформирует лишь то, что находится на уровне земли. Возможно, если бы мы могли подобраться к источнику музыки сверху...

— Возможно, ты и права, но я не думаю, что это даст нам больше секунды или двух.

— Но что если мы воспользуемся этой секундой, чтобы изменить магию? Тогда, возможно, она не сможет захватить нас.

Шеймур попыталась объяснить свой план дочери.

— Совершенно безумно. Мне нравится, — с улыбкой сказала Тази.

Женщины помогли Куинси разгрести к стенам отрубленные стебли, после чего покинули подвал. Во время их отсутствия коридоры дворца окончательно превратились в лабиринт, но, в конце концов, они пришли в фойе.

Тази сняла со стены большой гобелен, на котором были изображены сюжеты быта Селгонты — торговцы продавали товары, возницы перевозили грузы и людей, а попрошайки просили милостыню. Женщины разрезали гобелен на две части, размером с одеяло, после чего закрепили их на своих спинах, привязав ткань шнурками с туфлей дворецкого. Шеймур на секунду задумалась о стоимости этого гобелена, но выбросила бесполезные мысли из

головы.

В любом случае, он был дешевле, чем весь Селгонт.

— Полагаю, теперь мы должны попасть на крышу, однако магия сильно изменила Дворец Красоты. Полагаю, единственный путь...

— Снаружи здания, — быстро ответила Тази.

— Да. И раз у тебя есть отмычки...

— Да, я смогу забраться по фасаду, но как же ты?

— О, не переживай, я дам тебе фору.

Женщины спешно вышли из здания, и увидели, что теперь их окружали горы, которые врезались в стены дворца, что сильно помогло в подъёме вверх по вертикальной поверхности. Тази скинула свои босоножки и полезла наверх, вслед за матерью. Благодаря ловкости рук, горам и безвкусному фасаду Дворца Красоты, мать и дочь всегда имели три точки опоры.

Женщины забрались на крышу дворца и легли на неё, тяжело дыша после тяжёлого подъёма.

— Знаешь, — начала Тази, — я все думала над твоими словами.

— Какими?

— Ну, про то, что у нас будет секунда или две. Что если магия превратит нас в улиток до того, как мы остановим музыка?

— Даже если так — риск, это часть веселья, — игриво ответила Шеймур. Затем она встала и подошла к краю крыши. Поначалу ей казалось это простым, но теперь, когда она стояла на краю крыши Дворца Красоты, наблюдая за Охотничьим садом и постоянно меняющимся горизонтом, матриарх в полную силу ощутила вес, держащий её на поверхности и не позволявший взмыть в воздух, подобно надувному шарик. Тем не менее, на карте стояла судьба всего города и, что самое важное, её семьи. Тех людей, из-за которых она отказалась от своей прежней жизни и начала новую. Шеймур закрыла глаза и вдохнула, но оступилась и упала вниз.

Тази взвизгнула и подскочила к краю. Шеймур лишь крикнула и нервно ухватилась за край крыши, попутно ломая все ногти и разбивая в кровь пальцы. Она была готова упасть вниз и разбиться в лепешку, но, к своему удивлению, она смогла найти выступающий камень и более-менее крепко ухватиться за него. Тази легла на крышу и схватила мать за руку. Глядя на неё сверху-вниз, она спросила — А это тоже часть веселья?

Шеймур лишь улыбнулась и показала дочери непристойный жест, после чего подтянулась и взобралась на середину крыши.

В течение нескольких минут женщины молча сидели на крыше, разглядывая сменяющиеся пейзажи: джунгли Мацтики, горы Халруаа, пустыни Калимшана и изумрудные поля островов Муншаэз. Внезапно, раздался скрежет камня о камень, и на крышу залезла ожившая статуя воина, прежде украшавшая фасад здания в одной из декоративных арок. Голем обнажил свой каменный меч...

* * * * *

Фонарь в руке Тамалона освещал одинокую ночную поляну. Шеймур, стоявшая позади мужчины, подняла юбку и достала из-под неё меч. Она с легкостью могла вонзить клинок между его лопаток, но ей хотелось увидеть лицо мужа, когда тот вздохнёт в последний раз.

— Ну и где тот сюрприз, о котором ты мне говорила? — спросил Тамалон.

— В моей руке, — ответила женщина.

Он обернулся и его все еще черные, в отличие от длинных волос на голове, брови подпрыгнули на лоб.

— Ты собираешься убить меня?

— Определённо, и я советую тебе постараться, ибо я не отступлю.

— Я знаю, что ты меня не любишь, но зачем тебе делать это?

— Потому что я знаю.

Тамалон покачал головой. — Не понимаю. Да и не важно. Я не верю, что ты действительно хочешь сделать это. Может, ты больна? Ты же даже не знаешь, как управляться с ме...

Шеймур ловко взмахнула коротким мечом и порезала щёку мужа.

— Дерись, старый змей. Дерись, или умри, как овца в мясной лавке.

Тамалон стёр кровь с щеки, затем отошёл на пару шагов назад и обнажил свой длинный меч.

* * * * *

Что-то сбило Шеймур с ног и отбросило её к краю крыши. Одна нога повисла в воздухе, но матриарх судорожно подалась вперед, хватаясь за плитку и удерживая себя на крыше.

Она моргнула и поняла, что Тази толкнула её, дабы Шеймур могла избежать удара каменного голема.

Тази фехтовала с такой лёгкостью и изяществом, будто сражение проходило на ровном полу, а не на крыше, где один неверный шаг мог стоить жизни. К тому же, в отличие от Тази, статуя, оживленная музыкой Гурена, была не настолько ловкой, как, даже, каменная горгулья.

К сожалению, это играло и против Тази — её длинный меч с лязгом отскакивал от статуи, не оставляя на ней хоть каких-нибудь повреждений. А тем временем на крышу взбиралось всё больше и больше оживших статуй воинов, оживленных магией.

Шеймур рванула вперед и, проскочив под горизонтальным ударом каменного меча, толкнула голема, который оступился и свалился с края крыши. Женщина чуть не отправилась за ним следом, но вовремя остановилась, наслаждаясь звуком бьющихся о землю камней.

— Наконец-то ты решила поучаствовать в драке, а не стоять с разинутым ртом, как упырь, — сказал Тази, подошедшая к Шеймур.

— Мне стало скучно — эта статуя так медленно наступала, что я решила действовать первой.

Две женщины обернулись и увидели, что каменные статуи окружили их.

— Видимо, придётся прорываться, — прошептала Шеймур, — Тази, помоги

мне достать лису, - сказала матриарх, указывая пальцем на статую лисицы, стоящую на двух ногах и держащую в лапе каменную дубину.

Женщины одновременно побежали вперед, уворачиваясь от ударов статуй, стоящих по бокам от лисы. Пнув статую двуногого животного и скинув ту с крыши, Шеймур обернулась и увидела, как неловко и медленно поворачиваются к ним остальные големы.

Она задумалась о своём видении. Это точно не было прошлое. Но могло ли это быть будущее?

Там, на поляне, Тамалон говорил правду – она никогда не любила его. Иногда даже презирала. Но она не могла убить отца своих детей. Очевидно, это был лишь глупый сон, навеянный музыкой Гурена.

Сейчас она должна была забыть об этом и сосредоточиться на статуях, которые все еще угрожали её жизни. Шеймур улыбнулась, вспоминая, как в детстве бродила по саду своих родителей, скрываясь в тенях от гостей, после чего заползала под большие столы и, уворачиваясь от ног аристократов, воровала их кошельки, дорогие цепи и прочие побрякушки.

Внезапно, её удовольствие прошло, ведь музыка Гурена стала глубже – появилось больше струнных инструментов, придавая звучанию более жуткий и драматичный мотив. За свою бытность матриархом, Шеймур слышала множество опер и сейчас быстро поняла, что концерт подходит к концу, а у неё и Тази осталось очень мало времени.

— Тази! Мы должны действовать!

Тут же крыша начала расползаться в разные стороны. Плитка с шипением посыпалась вниз, и лишь благодаря ловкости рук, Тази успела схватить свою мать за платье и не дать той провалиться в образовавшуюся дыру.

— Знаешь, - начала Тази, тяжело дыша, — Я никогда не думала, что скажу это, но с меня хватит потрясений на сегодняшний вечер. Сейчас я была бы не прочь попасть на какой-нибудь скучный приём или концерт.

Шеймур бегло осматривала крышу. Если дыра раскроется под их с Тази ногами, то они упадут вниз и, как минимум, сломают обе ноги. Матриарх заметила фиолетовый огонёк рядом с пяткой левой ноги дочери. Очевидно, что на этом месте должна была появиться трещина.

— Тази, ко мне!

Девушка прислонилась к матери, и в этот же момент участок крыши, на котором она стояла, раскололся и упал внутрь дворца.

Тази и Шеймур обменялись кивками и рванули к краю крыши, избегая одновременно и ударов големов, и обрушающихся участков крыши. Один из каменных мечей рассёк плечо Шеймур, оставляя глубокий кровавый след на теле матриарха.

Наконец, когда крыша напоминала скорее паутину, девушки добрались до восточного края, и, прыгнув с него, ухватились за ветки близстоящего высокого дерева. Шеймур обернулась и увидела, как голем, ранивший её, провалился вниз.

Она посмотрела вниз и ахнула – фиолетовое облако пульсировало и

мерцало, будто было живым. Шеймур знала, что через минуту или чуть больше зона хаоса вырастет и утопит Селгонт в безумии и смерти.

Спустившись поближе к амфитеатру и повиснув прямо над ними, женщины сняли со спины куски ткани и сбросили их на музыкантов, и если Боги смилостивятся над ними, то ткань накроет музыкантов и перекроет им доступ к лунному свету, из-за чего магия должна остановиться.

Тази спрыгнула вслед за тканью и в мгновение ока выбила трубы и барабан из рук троих окружавших её музыкантов. Шеймур же, спрыгнувшая вслед за Тази, ловкими ударами ног свалила на землю певцов, остановив их пение. План был безумным, но, слава Маску, он работает!

Часть светящегося облака отделилась от общего тела и взмыла в воздух и сформировалась в гиганта, который занёс кулак для удара.

Тази, увидев это, пнула виолончелиста. Шеймур не отставала от дочери, и раскидывала певцов в разные стороны. Наконец, когда большинство членов труппы лежали на земле, фиолетовый гигант растворился в воздухе, а фиолетовые огоньки, будто подхваченные каким-то порывом ветра, унеслись навстречу тёмной и тихой ночи.

— Да! – воскликнула Шеймур, размахивая мечом над головой, – Да! Да! Да!

Зрители неуклюже поднялись со своих мест, моргая и осматриваясь по сторонам. Но вот она увидела Гандара. Если дворф увидит шрам на её обнаженном плече, то все поймёт...но ей было все равно. Если тайне, легенду которой она строила десятилетиями, суждено раскрыться сейчас, то пусть это произойдёт.

Гандар начал поворачивать голову в сторону Шеймур, как вдруг её накрыл большой кусок ткани, который на неё накинула Тази.

— Мама, тебе пора научиться вовремя реагировать, — сказала Тази.

Шеймур успокоилась, выдохнула и сказала:

— Я просто задумалась обо всем произошедшем. Но спасибо.

* * * * *

Шеймур заметила, что с каждой минутой гостей становилось все меньше. Она была приятно удивлена, когда узнала, что все предметы и люди, подвергшиеся деформации под влиянием магии Гурена, вернулись в прежнее состояние. Сейчас Шеймур сидела в фойе, превращенное в медицинский лазарет, и следила за тем, чтобы Куинси получил всю необходимую помощь. Она поняла, что, действительно, ей не стоило показывать свой шрам, и мысленно постоянно благодарила дочь за то, что та вовремя накинула на неё кусок гобелена.

Опьяненная победой, она чуть не пошла на крайние меры. Если все узнают о её настоящей личности, то Тамалон мог развестись с ней и разрушить дом Карн. Ко всему прочему, он мог завести новую семью, а своих прежних детей признать незаконными. Это было вполне возможным, учитывая то, что глава дома Ускеврэн не скрывал недовольства своими детьми.

К тому же, ей очень повезло, что аристократы были слишком ошеломлены возвращением к жизни. Все знали, что женщины из дома Ускеврэн спасли их, но никто не догадывался о пути, который женщины преодолели.

Но если все так хорошо, то почему Шеймур чувствовала себя такой опустошённой?

Тази подошла к матери и присела рядом, поигрывая бокалом с глинтвейном.

— Если будем говорить тихо, то нас никто не услышит. Скажи мне.

Шеймур лишь выгнула бровь.

— Не понимаю, о чём ты.

— Да ладно, ты так и будешь притворяться, что никто не учил тебя сражаться, или лазить по стенам, или...

— Еще раз повторяю, я просто делала все возможное.

— Мама, пожалуйста, не говори так. Я никогда больше не поверю, что ты хочешь вернуться к тому сухому крамольному существованию, что влекла прежде.

— Я хочу лишь снова вернуться к жизни достойной женщины, а еще больше я хочу, чтобы ты забыла обо все произошедшем сегодня так же, как я попытаюсь забыть про твои отмычки. Иначе я обо всем расскажу твоему отцу.

Тази потрясенно отстранилась.

— Это шантаж?

— В каком-то роде.

— Хорошо. Я забуду о сегодняшнем вечере, но не забуду о настоящей тебе, мама. Ты мне понравилась именно такой. Ту Шеймур Ускеврэн я уважала всем сердцем.

Шеймур почувствовала, как холод отступает от её сердца.

— Я тоже горжусь тобой, даже если нечасто говорю об этом.

Она посмотрела на другой конец фойе и увидела, как камергер Андета протягивает Куинси кожаный мешочек.

— Давай найдём свободную карету и вернёмся уже домой, — сказала Шеймур.

Наследник Ночной урок Клейтон Эмери

Перевод: Энори Найтингейл

Их предупредил только тихий свист.

Два сигнала, по одному с каждой стороны темной тенистой аллеи.

В то же мгновение Вокс и Эскевар возникли по бокам от Тамлина. Вокс,

огромный, старый и черный как ночь, поднял боевой топор, в то время, как Эскевар, юноша с честным лицом, достал клинки.

— Это был какой-то сигнал? — Тамлин нащупал в темноте рукоять своего меча. Троица могла видеть огни на обоих концах тропинки, потому что парк Двенадцати Дубов венчал небольшой холм в самом сердце оживленного побережья Селгонта. Но здесь, среди древних дубов, похожих на каменные колонны, они могли застрять на какой-нибудь узкой гористой тропе.

— Звучит как пастуший свиток. — Эскевар Держал в одной руке длинный меч острием вниз, а в другой рубящий нож его широким лезвием вверх. Молодые люди прищурились, чтобы разглядеть хоть что-то в темноте впереди. Тамлин и Эскевар были одеты в крепленные шелка и шерсть, яркие и скроенные по последней моде. Ветеран Вокс же носил рабочую одежду, плащ из черной медвежьей шкуры, и был практически неразличим в темноте. Выдыхая морозные облачка на каждом слове Эскевар прошептал: — Мы можем... *Берегись!*

Высокий, как башня, Вокс зарычал и рубанул прямо вниз своим топором с длинной рукоятью. Лезвие ободрало плоть и вонзилось в грязь, когда какое-то животное, быстрое, маленькое и тяжелое, врезалось в ногу мастера боя и сбilo его с ног. Локоть Вокса ударил Тамлина так сильно, что наследник едва не проткнул мечом Эскевара.

В авангарде Эскевар услышал приближающиеся шаги или топот копыт. А потом его боднули в живот, словно тяжеленным тараном. Злобные зубы вцепились в складки камзола и разорвали его начисто. Дыхание зверя воняло, как выгребная яма. Эскевар ощутил холод зимней ночи голым животом. Замерзший, он нервно сглотнул: его плоть эти зубы разорвали бы так же легко. Собачий рык заставил Эскевара подпрыгнуть и кинуться к Тамлину. Он дернул ногой скорее инстинктивно, чем осознанно, и услышал, как в воздухе щелкнули зубы. Им нужно было пространство, чтобы нормально сражаться, подумал Эскевар, и все же, он и Вокс должны были защищать Тамлина. Работа телохранителя никогда не была легкой. Злой и испуганный, молодой мечник размахивал сталью, как ветряная мельница. Удар ножом слева ничего не задел, но его длинный меч встретился с плотью. И все же Эскевар был сбит с толку: эта собакоподобная тварь прыгнула вперед, укусила его за камзол и в одно мгновение отпрыгнула от меча. Что же это за собаки такие умные?

— Дайте мне сражаться! — Стиснутый с обеих сторон, Тамлин не мог даже достать меч. Сделав шаг в сторону, он поднял клинок, чтобы отразить атаку, затем накинул плащ на левое предплечье в качестве щита, забыв, что у него, как и у Эскевара, есть небольшой нож, потому что они были появились совсем недавно, последний писк оружейной моды. Тамлин почувствовал, как большая мозолистая рука Вокса потянулась к его плечу. Идея защиты Вокса состояла в том, чтобы отодвинуть Тамлина в сторонку, как малыша, а потом, раскачивая своим огромным двуручным топором во все стороны, встречать его лезвием всех желающих. Тамлин уклонился от руки своего телохранителя. Он перерос этот вид защиты, по крайней мере, так он надеялся.

Присев на корточки и не зная, что делать, Тамлин ждал, когда враг наткнется на острие его меча. Вместо этого бесшумный и смертоносный, как арбалетный болт, вонючий пес-монстр вцепился в его левую руку, завернутую в плащ. Тамлин вскрикнул, когда его занесло на гравий и придавило. Но даже Тамлин, скверный боец, понял, что собака спрыгнула с ветки дерева. Может быть, это были вовсе не собаки, а кто-то летающий? Горгульи? Гремлины? Кто? задыхаясь от удара, опираясь на руку, Тамлин полз по гравию. Инстинктивно он ткнул мечом в сторону нападавшего, невольно спасая себе жизнь. Пес отпустил накидку и вцепился Тамлину в лицо. В нескольких дюймах от подбородка молодого лорда, зубы пса заскрежетали по стальному лезвию. Рычание перешло в скулеж, когда его морда была рассечена до кости. Тамлин чуть не задохнулся от дыхания твари, и пес увернулся в сторону. Собственный клинок Тамлина ударил его по бархатной шляпе, как железный прут. Из порезанного подбородка хлынула кровь. Чувствуя отвращение к своей неумелости, Тамлин злобно пнул его ногой. сапог глухо стукнул по мускулам, но пес исчез в темноте. Покачнувшись, когда огромная рука Вокса дернула его за плечо, Тамлин встал на ноги. — Девять ночных врат! Нам повезло.

— Они нас окружили! — Крикнул Эскевар. — Спиной к спине!

Словно падающая линия костяшек домино, фыркание и рычание окружало ночных путешественников со всех сторон. Затем из-за темных деревьев донесся резкий свист какого-то невидимого псаря. Хором взревев, собакоподобные монстры прыгнули.

Ветеран Вокс взмахнул своим длинным топором по широкой дуге, задев холодной сталью с полдюжины собак. Не поворачивая клинка, он откинул его назад и был вознагражден мясистым шлепком рукояти собственного топора, ударившего по черепу и сломавшего челюсть. Собака низко пригнулась, и ее острые зубы прорвали сапоги из лошадиной кожи, словно вбитые молотком гвозди. Вокс отступил на шаг, удерживая вцепившуюся тварь, а затем тяжело припечатал ее коленом в спину. Хлопнув свободной рукой по рукояти топора, он нанес удар прямо в живот и почувствовал, как лезвие глубоко впилося в него. Сладко-солоноватый вкус крови смешался с запахом сточной канавы, исходившей от зверя. Другой пес врезался Воксу в плечо, но гигантский воин носил зимой накидку из медвежьей шкуры, и тварь только порвала накидку. Вокс ткнул рукоятью топора ему в живот, так что он перевернулся и упал на спину, слабо брыкаясь и скуля.

У Эскевара и Тамлина, ветеранов очень немногочисленных стычек, дела шли еще хуже. Собака в прыжке зацепила Эскевара за плащ и повалила на землю. Эскевара душили металлические застёжки, пока мягкая оловянная пластина не треснула. Озадаченный, пес опрокинулся назад, и плащ запутался в его зубах. Яростно нанося удары ножом, наемник пробил дыру в плаще и порезал псу грудь. Другая собака вцепилась ему в левое предплечье. Острые как бритва зубы впились в перчатку из телячьей кожи Эскевара и заскрежетали по костям его запястья, заставив вскрикнуть. Он отчаянно ударил рукоятью

меча по голове пса — раз, другой, третий, но тот не отпускал его. Опускаясь на колени, Эскевар знал, что следующим ударом она разорвет ему горло.

Тамлин пожалел, что не уделял больше внимания урокам Вокса по фехтованию. Его плащ исчез, сорванный невидимым зверем. Он запоздало вспомнил о своем широком ноже и выдернул его из-за пояса. Начисто лишенным изящества движением, он рубанул воздух и мечом, и ножом, надеясь, что не перережет себе запястье. Когда Эскевар закричал, Тамлин ткнул в огромную фигуру, висящую на руке его друга. Лезвие встретилось с плотью, жесткой, как сыромятная кожа, и на секунду Тамлин замер, а затем сильно толкнул его, подавшись вперед. Меч заскрежетал по ребрам, и только тогда Тамлин вспомнил урок: никогда не колоть в ребра, потому что лезвие может соскочить. Как раз в тот момент, когда Тамлин об этом вспомнил, раненая собака упала, лезвие изогнулось и застряло в кости, а рукоятка вырвалась из его руки и исчезла.

— Распроклятая тьма! — Взорвался Тамлин. — Вокс меня убьет!

— Он скорее оглохнет, — Эскевар зашипел от боли в разодранном запястье. Его нож висел на ремешке около раны. — Тамс, ты спас мне жизнь!

— Разве? — Удивился Тамлин. — О. Ничего особенного, старина, я — *АЙ!*

Во второй раз за ночь Тамлин рухнул на свой зад, когда мускулистая рука Вокса сбила его и Эскевара с ног. Тамлин мельком увидел две огромные фигуры, несущиеся вниз, словно камни, пущенные из катапульты, а затем серебристый отблеск прорезал звездное зимнее небо. Тамлин ахнул, поняв замысел мастера боя, и снова подумал, что у Вокса должна быть кровь орка или огра в жилах, чтобы видеть в темноте, как кошка. Два собакоподобных существа, которые бросились с деревьев, были перехвачены серебряным лезвием топора Вокса. Оба пса были сбиты с ног тяжелым клинком. Рассеченная плоть, брызги крови, и собаки упали на землю.

Тамлина и Эскевара подняли и поволокли вниз по тропинке. Вокс не мог говорить, но его толчок все сказал без слов. «*Беги!*» Держась вместе, троица рысцей побежала по скользкой гравийной дорожке. Когда дорога выровнялась, они помчались сломя голову. Впереди тропинка разветвлялась вокруг неглубокого бассейна, окруженного вертикальными колоннами, скамейками и цветочными клумбами: летняя площадка для родителей и нянек, где можно посидеть, пока дети плещутся. Зимой парк пустовал, а бассейн покрыт льдом, и зловеще поблескивал в звездном свете. Сквозь прерывистое дыхание и топот ног троица услышала позади новые зловещие свистки. Они представляли себе быстрый топот собачьих лап, барабнящих по земле. Тамлин как раз собирался спросить, какую на развилку повернуть, чтобы обогнуть бассейн, когда Вокс споткнулся, как загнанная лошадь. Ударившись головой, Тамлин и Эскевар перевалились через каменный край бассейна и заскользили на животах. Эскевар зашипел, когда его оголенный живот проехался по льду. Тамлин резко опустил руку, в которой все еще держал нож, чтобы остановиться. Лезвие раскололо лед, а затем застряло так резко, что он описал дикое, сводящее желудок вращение. Плюхнувшись, как выброшенная

на берег рыба, Эскевар катился до тех пор, пока рукоять его меча не царапнула борозду со сводящим зубы визгом. Оба молодых человека попытались подняться, но поскользнулись и растянулись на земле. Кряхтя, ноя, замерзая, они вонзали оружие в лед, как кошки, чтобы подтянуться к краю бассейна. Вокс, будто не один человек, а целая армия, стоял спиной к каменному фонтану и убивал собакоподобных существ. Его сверкающий топор врезался в спину собаки, искалечив ее задние лапы. Тварь заскулила, как щенок. Замах наотмашь сбил с ног низко летящую собаку, а встречная дуга ударила другую по черепу. Рыча и лая, все больше собак окружали колосса, но они оказались достаточно сообразительными, чтобы не нападать. Тамлин и Эскевар схватились за каменный край бассейна, когда Вокс снова поднял свой топор.

Свист остановил борьбу. Различные свистки, низкие, высокие, заставили собак броситься прочь. Тамлин и Эскевар прищурились, но не увидели никаких таинственных свистунов, только сгорбленные фигуры, скачущие среди темных деревьев. По-кошачьи острое зрение Вокса увидело больше. Резко выбросив вперед левую ногу и замахнувшись топором далеко назад, он метнул длинное оружие в светлую фигуру, очерченную темным стволом. Спутники Вокса слышали, как сталь врезалась в плоть, а затем и булькающий крик. Вокс уже бежал. Тамлин и Эскевар рванули следом.

Вокс склонился над раненым человеком, чье дыхание булькало кровью. Гигантский боец щелкнул пальцами. Эскевар достал из кармана волшебную свечу и прикоснулся фитилем к стали. Завернутая в бумагу трубка вспыхнула ярким пламенем, и Вокс схватил Эскевара за запястье, чтобы поднести свет поближе. — Горец! — сказал Эскевар.

— На нас напали варвары? — смущенно спросил Тамлин. — Я ожидал увидеть старых добрых городских головорезов.

Косматые, коротко остриженные волосы, густая борода и смуглая кожа говорили о том, что он всю жизнь провел на свежем воздухе. Напавший был одет в длинную домотканую рубаху и зашнурованный шерстистый жилет. Лохматая овчина была странного темно-коричневого цвета и утолщалась на плечах, придавая ему горбатый вид. Безжалостный топор Вокса вспорол ему живот. Скрючившись от боли, он пролил галлоны крови, скопившиеся в черную лужу.

Прищурившись при свете свечи, Вокс осмотрел горло мужчины, но не нашел ни деревянного, ни костяного свистка, что означало, что собачник свистел сквозь зубы. У горца была только короткая дубинка, пробуренная и утяжеленная свинцом, и длинный нож. На поясе у него болтался кошель из беличьей кожи, и Вокс с помощью длинного ножа разрезал его. Ничего больше не обнаружив, Вокс перерезал горцу горло и оставил умирать.

— Тебе вряд ли нужно его грабить, Вокс. — Голос Тамлина слегка дрожал. Он не часто бывал свидетелем смерти, и простая жестокость телохранителя всегда поражала его. — Оставь парню несколько монет, чтобы родственники могли похоронить его.

Свирепо глядя из-под темных бровей, Вокс коснулся своего лба, а затем

резко отдернул пальцы. Он указал на свои глаза, потом на мертвеца и широко растопырил пальцы. Привычные к немому языку жестов, молодые люди поняли, что воин имел в виду: *«Ты что, сошел с ума?» В этом покушении есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд.*

Пройдя дальше, Вокс осмотрел мертвую собаку — или монстра, похожего на собаку. Похожие по форме существа оказались более приземистыми, чем собаки, почти горбатыми, с короткими толстыми ногами. Вокс потрогал лохматый мех, погладил его по груди и указал на мертвеца. Молодые люди поняли, что меховая куртка горца была из собачьей шкуры. Квадратные кости черепа имели крошечные вислые уши и зубы, похожие на зазубренное стекло. Прогорклый запах исходил от несвежего пота, крошек навоза и зловонной крови на их мордах. Вторая туша оказалась для него неожиданностью. Наклонившись, Вокс развернул кожаную мембрану, которая тянулась от бедер зверя к его горбу: комок мускулов для движения коротких крыльев. Эскевар потянул за крыло и дернул мертвой ногой. — Это похоже на крылья летучих мышей! Но летучие псы? Я никогда не слышал ни о чем подобном!

Вокс вытянул крыло, чтобы проверить вес собаки, и обнаружил, что она довольно тяжелая. Он провел рукой по земле, *скорее парящие псы*. Быстрый взгляд в свете догорающей свечи показал, что у другой собаки были рудиментарные крылья не больше, чем у голубя, а у третьей вообще не было крыльев. Затем свеча погасла и погрузила их в ночь.

— Это не дьявольские псы и не призрачные гончие, о которых я слышал в тавернах, — сказал Эскевар. — Колеса огненные! В последнее время этот город стал еще более странным, чем обычно. Все виды странностей всплывают из ниоткуда!

— Можешь винить семью Соаргилов и их некромантию, — рассеянно ответил Тамлин. — Может нам стоит предупредить охрану Хулорна?

— Нет. Они зададут тысячу вопросов, а у нас не будет ответов. И мне холодно. — Из-за усталости от битвы, раненого запястья, оборванной одеждой и потерянного плаща Эскевар неудержимо дрожал. — Давайте зайдем куда-нибудь погреться.

— А как же мой меч?

Толчок сзади был способом Вокса сказать: «оставь его». Оставив мертвых собак и их хозяина, они покинули мертвый зимний парк ради освещенных улиц, безопасности и тепла.

* * * * *

— Мастер Тамс, — Пискнула девушка. — Вы ранены!

— А? О, нет, Долли. — Тамлин стянул с себя порванную одежду, пока служанка помогала ему. — Это Эскевару не повезло. Я в порядке.

— Нет, не в порядке. — Несмотря на поздний час и притихшие залы, Долли все еще носила свою форму и ждала хозяина. Слуги поместья Ускеврендов носили голубые рубашки под белыми накидками, золотой камзол, и золотой

тюрбан, который сейчас подчеркивал короткие темные волосы Долли. Отложив одежду Тамлина в сторону, она нежно коснулась его щеки. Хозяин вздрогнул от боли, и палец Долли покраснел. — Этот порез от меча нужно обработать прямо сейчас.

За спиной Долли, Эскевар и Вокс закатили глаза. — Порез? — Тамлин ощупал рану, взволнованный знаком отличия. — Вот это да! Останется ли от него заметный шрам?

— Долли, если тебя это не слишком затруднит? — Прошипел Эскевар, снимая перчатку из телячьей кожи. Раны от зубов, в форме полумесяца зубастой челюсти сочились красным. — Не могли бы вы позвать Кейла и его волшебную шкатулку целебного табака? Пока ты будешь мазать подбородок Двойки, они могут отрубить мне руку и запечатать обрубок горячей смолой. Тамалон Ускеврэн Второй, которого звали Тамлин или Двойка, изучал в Серебряном зеркале свою рану на подбородке. Семеро сонных слуг вошли в зал, неся с собой гулкое эхо, горячую еду, глинтвейн, бинты и свежую одежду. Недавно построенные башни Штормового Предела уже казались древними с беспорядочно разбросанными комнатами с высокими потолками, которые поглощали любое тепло, и каменными стенами, которые отзывались эхом на каждый кашель и шепот. Очаг, достаточно большой, чтобы зажарить быка, был разожжен, и трое бродяг сгрудились у огня. Они с благодарностью выпили по теплым кружкам Старого Ускеврэнского, острого и пряного вина, которое отец Тамлина производил в своих виноградных бочках.

В свете камина Тамлин был похож на своего отца — среднего роста, с волнистыми темными волосами и темно-зелеными глазами. Эскевар был худой, как жердь, рыжеволосый, весь в веснушках и казался недокормленным и нервным, что на самом деле было не так. Вокс был громадиной, чья единственная черная бровь и свирепая борода скрывали темное лицо, которое намекало на кровь орков или огров. Отнявший у него дар речи белый шрам скрывала черная коса, перекинута через левое плечо. Нанятый много лет назад в качестве боевого мастера Тамлина, Теперь Вокс служил ему телохранителем. Найденыш Эскевар был куплен на улице по дешевке, первоначально он был мальчиком для битья и учился вместе с Тамлином, но теперь стал его компаньоном, охранником, секретарем и лучшим другом. Когда все трое были перевязаны и причесаны, Эскевар тихо спросил — Неужели старый Филин все еще ухает?

Слуги смутились услышав это прозвище Тамалона Ускеврэна первого. Долли, следившая за ритмом жизни в особняке, произнесла — Хозяин и хозяйка удалились на покой. Мастер Талбот отправился на небольшую охоту в горы. Он надеется добыть оленя к столу на Лунный Фестиваль. Госпожа Тази смотрит спектакль у госпожи Квикли.

Эскевар нахмурился. — Двойка, может быть, нам лучше остаться здесь, в стенах поместья, до рассвета и посмотреть, что посоветует твой отец? Эти сумасшедшие собаки-убийцы, кем бы они ни были, были натравлены на нас охотниками-людьми. Если мы встретим Заррину...

— Мы непременно встретим ее. — Тамлин обстучал носок ботинка, когда кухонный мальчишка натянул его высокий сапог. — Отец поручил мне миссию, и я прослежу, чтобы она была выполнена, и будь проклят этот сброд.

Эскевар и Вокс страдальчески вздохнули. Юноша сказал — проклятый сброд может привести к ранней смерти, друг мой. Почему собрание не может подождать до рассвета, хотя осталось всего несколько часов, ведь сейчас зима. — Отец настаивал на секретности. — Тамлин натянул стеганный камзол красного цвета, расшитый золотым знаком клана Ускевренов — конская голова и якорь. Поверх него он повязал широкий черный пояс с ножнами для меча и ножа. Ученика оружейника попросили подняться с постели и принести новый меч. Слуги молча ждали, когда хозяин уйдет, чтобы они могли пойти спать. Долли пригладила темные непослушные волосы Тамлина.

Молодой хозяин продолжил — Конечно, *всё* в Селгонте держится и делается в секрете. Теперь, когда Соаргилы исчезли из поля зрения, самое время забрать их заброшенные владения и контракты, говорит отец. И так будет, как только мы попадем на скотные дворы. О, а где они находятся, кстати?

Эскевар потер лицо и что-то пробормотал себе под нос.

Нависший Вокс поднял палец для краткого урока, а затем позаимствовал у Эскевара небольшой нож. С толстым лезвием, клетчатой рукояткой из тикового дерева и ремешком вокруг запястья, он выглядел как садовничий инструмент для обрезки кустов. Лезвие ножа имело странную форму и глубокий желобок вдоль всей длины. Будучи мастером оружия старой школы, Вокс ненавидел желобки на лезвии за ослабление прочности клинка, но эксперименты в фехтовании были в моде у молодежи Селгонта. Эта прорезь «разрушителя клинка» была придумана для замены громоздкого щита. Несущий в левой руке этот нож, боец рубанул бы вниз, чтобы одновременно отбиться от противника и зацепить его клинок желобом. Повернув нож, можно было сломать или заблокировать вражеский клинок, таким образом, подставляя правую руку под длинный меч. Эскевар и Тамлин практиковались в этом маневре, но Вокс объявил, что «клоунада с игрушками днем» не лучшая практика для уличных боев в крошечной темноте, когда они наполовину пьяны. Вокс еще раз продемонстрировал, как поднимать новомодный нож вверх, направляя длинный меч вниз, и как вращать «стальной круг», будто лопасти ветряной мельницы, вместо щита. Повинуясь приказу мастера боя, Эскевар некоторое время упражнялся, размахивая мечом и рубя по всей длине зала.

Тамлин возился с булавками и медальонами, принесенными на бархатной подушке. Будучи частой мишенью похитителей и убийц, он испытывал суеверный страх перед талисманами удачи. На одном из них был изображен бесенок, сжимающий в руке золотую монету-амулет для хорошей торговли, и этот амулет Тамлин приколот над сердцем. С пряжки его перевязи свисала крошечная цепочка с перчаткой, символизирующей силу, а к шляпе была приколотата Серебряная стрела, пронзившая два сердца, в надежде, что Заррина поддастся его собственным чарам. Тамлин надел круглую синюю шляпу с

игривым фазаньим пером, накинул на плечи синий плащ, отороченный горностаем, и встал в позу, положив руки на пояс с мечом. Слуги одобрительно зааплодировали при виде его элегантного вида, а Тамлин улыбнулся и поклонился — ну как вам?

Вокс провел руками по его лицу, затем изобразил круги вокруг глаз. Эскевар перевел — я согласен. Белый мех сделает вас светящимся в темноте. — Эскевар натянул шляпу и позаимствованный плащ. На нем была прекрасная одежда, но более простая, чем у Тамлина, а Вокс носил простой коричневый балахон и кожаный жилет под медвежьей накидкой и ходил с непокрытой головой. Оба носили маленькие булавки с лошадиными головами и якорями, обозначавшие, что они находятся на службе в доме Ускевренов. Эти двое ждали у двери. Прихорашиваясь перед зеркалом, Тамлин усмехнулся. — Чушь какая. У меня нет никаких врагов. Только куча друзей. Ну что ж, мы уходим. Пожелайте нам удачи в нашем предприятии на ... э-э ... — Скотобойне, — подсказал Эскевар.

— Да, точно.

Лакей открыл большую двустворчатую дверь, из которой вырвался поток холодного воздуха с моря, и захлопнул ее после ухода Троицы. Дрожащие слуги отправились спать. Долли взяла с собой порванный плащ Тамлина, чтобы починить его, зная, что он, вероятно, никогда больше не наденет его.

* * * * *

— Тамлин! Молодой Мастер Ускеврен, на пару слов, пожалуйста!

— Круг волшебника! — простонал Эскевар. Вся троица боролась с жестким ветром, который завывал над морем Упавших Звезд и пронизывал их до костей. Найтол был самым холодным месяцем, и не раз ночные путники скользили по кусочкам льда, пересекая изрытые колеями улицы. Тем не менее улицы были оживленными, потому что с десяток компаний бродило от таверны к таверне. Для молодых гуляк ночь была еще слишком ранней.

Многие приветственно махали Тамлину и его телохранителям.

Теперь к ним подбежал одинокий человек. Падрейга Тулберроу называли «Падрейг Паломник» потому что его руки всегда была протянуты и всегда пусты. У него постоянно готовился какой-нибудь замысел. Хитрец знал, что Тамлин всегда был мягкосердечен, и его товарищи никогда не могли его переубедить. — Мастер Тамлин! — Падрейг был высоким, но слабым, в дурацкой вислоухой меховой шапке, меховой шубе и многослойном одеянии преуспевающего посредника. — Сегодня ты выглядишь потрясающе, настоящий отпрыск Селгонта, и достойный наследник трона твоего отца!

— Ох, оставь, Падрейг. — Тамлин улыбнулся этой лести. — Мой дорогой отец вряд ли король, просто хитрый торговец.

— Великолепный торговец! — разливался Падрейг, — и совершенно очевидно, что хитрость перешла к его старшему сыну. Попомните мои слова, Мастер Тамлин, Вы будете *править* этим городом однажды! И я знаю, как

помочь вам достичь этих небесных высот! Прошли слухи...

Эскевар пробормотал Воксу, который всегда стоял позади Тамлина — сначала намажь печенье маслом, а потом уже кусай.

—... специальное предложение только для моих самых близких друзей и лучших клиентов, мастер Тамлин. Я не могу упустить ни одной детали, все это очень секретно, но этот план...

— Жулик! — прошипел Эскевар.

—*план* — Это касается только лучших семей Селгонта, — продолжал Падрейг. Мастер Тамлин, если вы вложите всего лишь тридцать Воронов —

— Тридцать воронов? — возмутился Эскевар. — Я столько в год не получаю!

Не обращая внимания на работягу, Падрейг продолжал — Ничтожная сумма, конечно, но с большим потенциалом для роста. Вам будет жаль упустить такую возможность, мастер Тамлин. Когда сумма вернется пятикратно, все будут знать кто самый умный торговец в городе...

— Мы знаем кто, — проворчал Эскевар, — и пусть он утонет в заливе и накормит рыб. Хотя раз в жизни сделает что-то полезное.

— О, заплати ему, Эскевар, и перестань ворчать, — сказал Тамлин. — Как только я заключу сегодняшнюю сделку, мы будем купаться в монетах.

Все еще ворча, Эскевар отсчитал тридцать серебряных монет из кошелька, но не отдал их, пока Падрейг не подписал расписку в его записной книжке из красной кожи с пометкой «инвестиции.» Как только он снова пересчитал монеты, уши Падрейга насторожились. — С какой миссией вы сегодня вышли, мастер Тамлин? — Это очень умно со стороны вашего отца доверить вам семейное дело.

— Мы направляемся на скотный двор. У нас секретная встреча с —*Ай!* Тамлин дернулся, когда палец Вокса ткнулся ему в спину, как кинжал. — Э-э, то есть, мы просто прогуляемся вдоль Сарн-стрит и обратно. Так много эля и так мало времени, знаешь ли! Ха-ха!

— Разве я не знаю? Да-да! — Смеясь, с монетами в руках, Падрейг растворился в тени, как джинн в дыму. Потирая спину, Тамлин проворчал — черту тьму, Вокс! Я на десять дней стану красным из-за ушиба почки!

— Если твой отец услышит, что ты проболтался о его тайных планах, — предупредил Эскевар, — ты будешь весь в синяках от того, что тебя сбросят с каждой лестницы каждой башни Штормового Предела.

Тамлин не нашелся что возразить, и они двинулись дальше.

Селгонт, сгрудившийся на изломанном побережье Сердцеземья, представлял собой пестрое лоскутное одеяло из украшенных драгоценными камнями домов, сверкающих парков, извилистых улочек и гордых людей. Авантюристы махали друзьям, пока шли по Лароукан-лейн, потому что башни Штормового Предела тяжело нависали над гаванью, в то время как скотобойни располагались вдоль западных ворот города, которые выходили на сельскохозяйственные угодья и виноградники. Стиснув зубы от резкого ветра, Эскевар проворчал — мы будем вонять, как десятидневный навоз! Зачем кому-

то планировать тайную встречу в стаде коров?

— Контракты касаются как четвероногих зверей, так и двуногих, как выразился отец.

— Что еще он сказал об этих переговорах? Или мы с Воксом будем так же удивлены, как и отряд Заррины?

— Доверься мне, Эс.

Друзья Тамлина только вздохнули.

На скотных дворах было шумно даже после полуночи. Многие скотоводы и пастухи загоняли животных еще до закрытия городских ворот, чтобы они могли привыкнуть к своим непривычным загонам. Спокойные животные на аукционе стоили больше, чем пугливые. Тамлин и его эскорт кружили вокруг мычащего скота и бормочущих овец, наблюдая, куда они ступают, потому что скот оставил свой след на улицах Селгонта. Полупрозрачные сферы плавали над некоторыми животными, как светлячки-фонарики. Трубки, вставленные в задние проходы коров, и тлеющие угли сжигали выделяющийся газ для освещения — удобная часть фермерской магии, которая всегда забавляла новичков на рынке Селгонта. Среди лабиринта загонів располагался фондовый рынок для хранения ценных бумаг. В длинном, продуваемом сквозняками, раскачивающемся сарае стояли стойла и судейский круг где животных выставляли напоказ перед участниками торгов. Войдя в высокие двойные двери, клан Ускевренов обнаружил, что здание теплое, как пекарня, душное, как теплица, и благоухающее, как весенний луг. Фермеры и погонщики скота разговаривали или пели своим животным, чтобы успокоить их. Некоторые копили гроши, спали в стойлах вместе со своими животными, потому что скопившиеся животные обогревали помещение лучше, чем печки из листового железа.

Секретная конференция была перенесена на второй этаж, который был разделен на кабинеты и конференц-залы. Как лидер отряда, Тамлин первым поднялся по лестнице, но Эскевар преградил ему путь. — Нам чуть не отгрызли головы в парке двенадцати Дубов. Позвольте мне сначала заглянуть внутрь, *милорд*?

Широкая лестница тянулась над стойлами, где овцы и крупный рогатый скот удовлетворенно жевали жвачку. Фермерша вычищала безмятежного бело-коричневого зверя. Топая вверх по ступенькам, Тамлин прошептал — это тайная встреча, так что будьте похожи на скупщиков скота. Повысив голос, он позвал — Я говорю, разве это не прекрасная корова! Да, действительно, великолепная корова, сударыня! И еще повезло с двумя цветами! Как раз то, что мне нужно, чтобы кормить моих телят! Держу пари, что она производит ведра молока!

Фермерша озадаченно подняла голову. Вокс фыркнул, что означало смех, а Эскевар ухмыльнулся. Кивнув большому зверю, Вокс приложил два пальца ко лбу, приложил один палец к паху и сделал двойное натягивающее движение.

Тамлин отрицательно покачал головой. — Прости, я не понимаю.

— Он говорит, что твоя корова — это бычок, — ответил Эскевар. — И удачи

его подоить.

— Ой. — Тамлин последовал за своим другом в холл второго этажа. Наверное, этому учат в фермерской школе. Это не то, что нам, купцам, нужно знать.

Позади Вокс сделал знак, что задушил себя. Эскевар усмехнулся, но здоровой правой рукой вытащил свой нож. Через посредников своих посредников, Тамлин Ускеврэн должен был встретиться с Зарриной Фоксмантл в самой дальней комнате, сразу после двух ударов колоколов. Тамлин слышал звон городских колоколов, далекий, но отчетливый в густом морском воздухе, как раз в тот момент, когда Эскевар щелкнул замком и распахнул дверь, не делая ни шагу вперед. *Тук!* Мимо просвистел метательный кинжал и с глухим стуком ударился о дверной косяк.

— Ах вы, подлые ублюдки! — пронзительно завопил женский голос. Идите сюда, чтобы мы могли убить вас!

Трое мужчин осторожно заглянули в дверь. Дальний левый угол освещался тремя фонарями, свисавшими с низких стропил. Поцарапанный стол был окружен шаткими скамьями и табуретами — единственной мебелью. На стенах между многочисленными колышками для плащей и пальто висели засиженные мухами объявления и списки. Закрытые ставнями окна в торцевой стене выходили на загоны для содержания животных. За столом, окруженная четырьмя слугами, стояла молодая и красивая блондинка. У нее в руках не было ножей, как заметила делегация Ускевренгов, но ее сверкающие карие глаза выглядели острыми и опасными. Пятерка Фоксмантлов проиграла войну. На пурпурном вышитом жилете предводительницы не было золотых пуговиц, ей не хватало шляпы и перчаток, а накидка висела криво, потому что порвалась цепочка. Ее слуги в пурпурном и синем — две женщины и двое мужчин — были одинаково грубо одеты. У женщины был подбит глаз, а у мужчины одна рука висела на перевязи. Все пятеро оцетинились оружием.

В основном, мужчины отмечали Заррину, одну из пяти потрясающих дочерей Фоксмантл. В пабах любили обсуждать, кто из наследниц Фоксмантла самая красивая, самая дерзкая и самая привлекательная в постели. Заррина изо всех сил старалась получить власть в своей семье, отказываясь от роли «плодящейся суки, которая рождает кучу сорванцов, чтобы мать с отцом качали их на своих коленях.» Тамлин и Заррина были старыми друзьями по песочнице, потому что только недавно эти две семьи вступили в соперничество. Фоксмантлы всегда занимались сельским хозяйством: давили вино, выращивали красители, солили мясо, дубили шкуры и меха, а Ускеврены до Великого семейного пожара возделывали море. С тех пор как Тамалон первый начал покупать и сдавать в аренду фермы, сотрудничество с Фоксмантами стало необходимым, чтобы они не конкурировали на рынке и не заставляли цены падать. Прелестная Заррина кипела от злости, но больше не проявляла агрессии, поэтому Тамлин выхватил нож из дверного косяка и, улыбаясь, протянул его ей.

— Я говорю, что вашему приему не достает обычного лисьего веселья, Зар.

Может быть, вы потерпели какую-то неудачу на усыпанных бриллиантами улицах нашего города?

— Ты чертовски прав, мы терпели неудачи! — Заррина выхватила у него метательный нож. Тамлин неосторожно держал его за лезвие и теперь смотрел на свои пальцы сквозь прорези в перчатках. — А что это за идея натравить на нас этих псов, гнашеров?

— Гнашеров? Летающих собак? — Тамлин рассеянно почесал подбородок и заставил ссадину кровоточить. Эскевар снял левую перчатку, чтобы показать мокрые бинты. — Мы тоже их встретили, — сказал Тамлин, — и их свистящих хозяев.

— Хозяев? — спросила Заррина. — Мы не слышали никакого свиста.

— Мы слышали. Вокс убил одного. — Тамлин рассказал о чужеземном горце в шершавой жилетке из меха гнашера.

Заррина мило надула губки. Ее светлые волосы, собранные в пучок на затылке, подчеркивали вдовий пик над светлыми бровями. — Мы просто завернули за угол и наткнулись на воющую стаю. Мы думали, что это голодные волки, которые пробрались в город за скотом. Они прожевали и выплюнули моих слуг и меня. Одному в храме Селуны ампутировали руку.

— Где на вас напали, Миледи? В какой части города? — спросил Эскевар. — И когда?

— Под охотничьими садами, недалеко от дворца Хулорна. Воины Фоксмантлов охраняли северные ворота, где дорога Галогара переходит в дорогу Ротовира. — Вскоре после захода солнца.

Вокс поднял два пальца, вытянул руки, согнул ладони, изображая дерево, показал десять и два пальца, а потом перед его глазами забегали животные. — Да, это примерно в двух милях от парка двенадцати Дубов, — перевел Тамлин. Как могут их хозяева передвигать свирепую стаю собак-монстров по улицам, оставаясь незамеченными? Вы заметили, что у некоторых есть крылья? — Обе стороны сравнили свои наблюдения, но мало что узнали. Время от времени снизу доносился рев быка или теленка.

— А кто его знает? — Заключила Заррина. — Может быть, эти горцы-сумасшедшие или культисты. А может быть, они работают на кого-то в Селгонте. Если бы кто-то из нас был похищен, выкуп принес бы стаю воронов. Нам просто нужно быть настороже, как обычно. — Для пущей убедительности она провела пальцем по вышитому на груди фамильному гербу: три бдительных глаза в пурпурной оправе — Оставь это пока и приступим к делу. Нам с тобой нужно разделить тарифы на въезд, торговлю грузовых судов и скотоводов.

— Отец проинформировал меня. — Передав свой плащ Эскевару, Тамлин сел на табурет и потер руки, как это делал бы его отец. Соаргилы — порази их семь раз чума! — держали возничих под своим каблуком, убивая смутьянов и вымогая деньги у остальных. Но в последнее время ни один из их головорезов не собрал денег на защиту: извините, налоги на гражданский надзор. Так что сбор средств у ворот осуществляется бессистемно. Оба наших дома хотят

участвовать в торгах по контрактам на проезд через ворота. Вместо того чтобы ссориться на улицах, мы должны прийти к какому-то соглашению.

— У меня есть одно: сама простота, — предложила Заррина. — Смотри. Дом моей семьи выходит окнами на дорогу Ротовира. Ваша семья держит городской дом недалеко от пути Мантикоры. Почему бы не позаботиться о наших отдельных воротах? Мы договоримся с сенешалем Хулорна о плате за проезд от Северных ворот, а ты поедешь по Западным. Вы же видели, какое оживленное движение на этих складах. Представьте себе доход, который вы собирали бы в течение года! Мы бы пожертвовали некоторым обязательствами, чтобы поддерживать мост через Эльзиммер, но это стоит того, чтобы не пересекать город только для того, чтобы опустошить казну.

Они разговаривали. Улыбаясь, самодовольный и очарованный красотой Заррины, Тамлин не замечал сигналов Вокса и Эскевара позади себя. Прежде чем спутники поняли это, Тамлин плюнул на ладонь и пожал руки. — Послушай, Зар, это просто потрясающе! Мы будем держаться подальше друг от друга и все процветать! Мой отец будет доволен, и твой тоже, я уверен! Нам нужно отпраздновать... Эскевар, что это за шум?

Рев и блеяние скота стали такими громкими, что переговорщикам пришлось повысить голос. Казалось, что каждое животное в пределах квартала ревело или визжало. Лаяли собаки, кричали фермеры. Эскевар скользнул по коридору и рысцой вернулся назад. — Что-то пугает скот! Они почти сломали стойла внизу! Я не вижу, что их так пугает!

— Ну так иди и узнай! — Приказал Тамлин. Эскевар поспешил прочь. Люди Заррины переложили поближе оружие. С топором в руке Вокс открыл ставни на окнах.

Словно выпущенные из катапульты, два крылатых пса влетели в открытое окно и врезались в мастера меча. В ту же секунду Эскевар ворвался в комнату, схватил дверь и попытался захлопнуть ее. Три бескрылых гнашера ударили в дверь и сбили с ног распростертого телохранителя.

В комнату галопом влетели еще четыре гнашера, стуча когтями по покрытому песком полу. Еще двое влетели в окно. Каждый боролся за свою жизнь.

Тамлин мельком увидел коричневые спины и желтые зубы и ощутил сточное зловоние. Затем гнашер зажал ломающие кости челюсти на его высоком до колен ботинке. Другой прыгнул и вдавил Тамлина спиной в стену. Свирепые зубы зацепились за его камзол, и Тамлин был почти опрокинут под тяжестью собаки. Третий прыгнул на своего товарища и щелкнул зубами, как медвежий капкан. Только бешеное размахивание руками спасло правую руку Тамлина. Споткнувшись о собаку, дергавшую его за ногу, Тамлин растянулся на руках и одном колене, слишком хорошо понимая, что его горло уязвимо для нападения. Заррина схватила табурет и ударила им собаку по голове. Табурет разлетелся вдребезги, но собака была сбита с ног тяжелым ударом. Выхватив свой меч, Заррина безрассудно прицелилась и пронзила ножом скрюченную ногу Тамлина. Кровь хлынула фонтаном, когда твари проткнули горло.

Тамлин пинком отшвырнул умирающего пса. Другой пес уклонился от клинка Заррины, щелкая и рыча. Почти освободившись, Тамлин увидел, что они по уши увязли в своре бешеных убийц.

Распластавшись на спине, Вокс схватил одного зверя за горло, а другого отбросил назад рукоятью топора. Не в силах высвободить оружие, он пнул третьего зверя. Эскевар танцевал над ним, размахивая и рубя прыгающих животных ножом и мечом. Обескураженное животное обогнуло Эскевара и бросилось в лицо Вокса. Мастер меча попытался перекатиться, но тут Эскевара сбила с ног собака, ударившая его в живот. Эскевар плюхнулся на Вокса вместе с двумя рычащими собаками. Человеческие и собачьи ноги брыкались вокруг головы Вокса. Клинки Эскевара закружились, как ветряная мельница. Животные, схваченные Воксом, вырвались на свободу, чтобы избежать стального круга. Мечник перевернулся на четвереньки. Эскевара свалили на бок. Собаки набросились на медвежью спину Вокса. Выругавшись как бешеный, Эскевар дико ударил ножом, чтобы защититься, и проткнул свое бедро своим же ножом. Истекая кровью, Эскевар нанес удар, а затем сделал выпад, чтобы подняться на ноги. Вокс ударил его по боку, и они оба упали спина к спине. Где же, во имя семи грешников, Тамлин?

Наследник Ускевренов прятался за столом, который Заррина бросила на бок и оттащила к стене. Он образовал сплошную баррикаду, но концы были открыты настежь. Метнувшаяся собака зажала каблук сапога Заррины. Она сбросила ботинок, но тут же наткнулась на Тамлина и ударилась носом о стену. Мысль о кровоточащем распухшем носе разожгла ее пламенный нрав, и Заррин закричала, резанув сталью по всему, что двигалось.

Тамлин вооружился сталью в каждую руку, но неправильно, так что нож торчал острием вниз, а меч острием вверх. Он хлестнул обоими, но сталь бесполезно ударилась о сталь. Тем не менее, он изо всех сил пытался увидеть, что происходит в другом месте, зная, что они должны покинуть комнату.

Заметались и закачались тени, когда кто-то ударился головой о фонарь. В безумном свете Заррина издала боевой клич и принялась колотить по мельтешащим, рычащим, прыгающим гнашерам, пока кровь не запятнала стены и потолок. Четверо слуг Заррины притаились в углу за табуретами и скамейками, а через щели и над верхушками кололи собак, чтобы удержать их на расстоянии. Эскевар и Вокс, окровавленные, покрытые песком и безумно дерущиеся, стояли спина к спине, рубя и коля. Пока Тамлин наблюдал, Вокс сделал ложный выпад высоко вверх, а затем вонзил свой огромный топор с такой силой, что голова собаки раскололась, и лезвие глубоко вонзилось в сосновые доски пола.

Обводя взглядом комнату, Тамлин попытался сосчитать, но по комнате уже бегали собаки — дюжина или даже больше. Слева от него шесть монстров прорвали импровизированную баррикаду и напали на слуг Заррины. Две, нет, еще четыре собаки ворвались в комнату, тяжело дыша от жажды крови.

Заррина с криком вскочила из-за стола, чтобы защитить своих слуг. Тамлин остался один, когда семь собак бросились на него.

— Я не могу здесь оставаться! — пробормотал наследник. Широко размахивая клинками и скрипя зубами, он перепрыгнул через стол и чуть не приземлился на собаку. Чудовища тут же принялись грызть его сапоги и одежду. Одно крылатое существо подпрыгнуло, чтобы оторвать ему голову. Когда Тамлин отчаянно увернулся, пес пролетел мимо и врезался в своих товарищей. Ударив по головам рукоятью меча и ткнув ножом, Тамлин помчался к Эскевару и Воксу. Его единственный план состоял в том, чтобы умереть вместе со своими товарищами, как герой легенды, но быть съеденным уродливыми собаками казалось глупой и легкомысленной смертью.

— Вокс! — Тяжело дыша и ударяя ногой собаку по голове. — Крикнул Тамлин, чтобы воин не ударил его кулаком в спину. — Эскевар! Мы должны выбраться отсюда!

Вокс опустил топор, но промахнулся мимо собаки. Лезвие вонзилось в деревянный пол, и Вокс отпустил торчащее древко. Резко развернувшись, грубые руки Вокса схватили Тамлина и подняли его с пола. — Вокс! Что ты...

Покачиваясь над головой Вокса, как ребенок, Тамлин мельком увидел ночные огни скотного двора и звездное небо за открытым окном. Затем он пронзительно закричал, когда его ботинки вышли за оконную раму. — Вокс! Нет!

Выброшенный ногами вперед из окна, Тамлин завыл, пролетая по воздуху, но не долго. Вой закончился стоном, когда его спина ударилась о странную кучу, а затем криком, когда он прикусил язык. Запыхавшийся и измученный, Тамлин втянул в себя воздух и густой запах коров. Вокс швырнул его в огромную грудку навоза, наваленную рядом с большими дверями.

Кряхтя, хромая, истекая грязью, Тамлин с трудом поднялся на ноги. Голова его закружилась, он убрал оружие в ножны и посмотрел в окно. Мелькнула и исчезла чья-то голова. Тамлин слышал крики и вопли, а также злобное нескончаемое рычание и лай. Ему нужно было снова вступить в бой. Он не был выдающимся бойцом, но его друзья и Заррина нуждались в каждом клинке, чтобы отбиваться от монстров. Гнашеры, как назвала их Заррина. Любопытное название.

Пошатываясь, Тамлин доковылял до больших дверей сарая, которые были распахнуты на ширину плеч. Внутри горел слабый свет, а может быть, это были звездочки перед глазами, потому что он чувствовал головокружение. Какой-то звук заставил его оцепенеть. Свист.

Свист раздавался из-за амбара, так что горец, дрессировщик собак, был здесь вместе с Тамлином. — Нехорошие вести, — тяжело дыша, пробормотал наследник и нырнул в дверь.

В судейском зале раздался *ответный* свисток.

Окруженный, Тамлин застыл в дверном проеме и почти впал в панику от вида несущегося на него быка.

Большой пятнистый бело-коричневый бык заревел и опустил свою массивную рогатую голову. Тамлин едва успел увернуться, когда рог, похожий на кинжал, зацепился за его грудь. Взревев, как боевая труба,

перепуганное животное широко распахнуло двери и с грохотом пронеслось мимо, как боевой слон. Коровы и овцы бежали следом, блея и мыча, словно спасаясь от лесного пожара.

Не имея возможности попасть внутрь, и не будучи в безопасности снаружи, Тамлин заметил наружную лестницу и со всех ног метнулся вверх. Он надеялся, что за ним не погонятся животные, но с его удачей, мрачно подумал он, невесть откуда возьмутся гигантские обезьяны или горные козлы, заберутся наверх и столкнут его с лестницы.

Грубая дверь наверху оказалась запертой. Тамлин секунду раздумывал, куда бы ему пойти дальше, когда дверь распахнулась, едва не ударив его в челюсть. Эскевар и Вокс, окровавленные, растрепанные и вооруженные обнаженной сталью, резко остановились как раз перед тем, как Тамлин рухнул вниз по лестнице.

— Держись крепче!

— За собой следи! Вы в порядке? Что там происходит?

— Да, в порядке! Где Заррина?

— Не знаю!

Тамлин и Эскевар что-то бормотали, а Вокс отчаянно сигналил. Внизу скот все еще в панике бежал из судейского зала. Затем вся стая рычащих гнашеров и прочих существ вырвалась из двери бурой рекой. Резкие свистки, три или больше, пронзительно раздавались на фондовом рынке. Стая разделилась снова, и снова, и исчезла в тени.

Во внезапно наступившей тишине у мужчин перехватило дыхание. — Вокс, а почему ты выбросил меня из окна? — спросил Тамлин.

Ого! — Эскевар фыркнул. — Двойка, ты воняешь!

— Благодарю Вас, дорогой друг, за столь любезное перечисление моих недостатков в отношении личной гигиены. Вокс?

Руки немого ветерана замелькали в воздухе. Тамлин перевел — эти собачьи твари, гнашеры, охотились только за мной и Зарриной? — Откуда ты это знаешь? Они прекратили атаку, как только я вышел из боя и Заррина выскочила за дверь? Ага. Это объясняет... ничего. Я ничего не понимаю.

— Никто из нас не понимает, — вздохнул Эскевар. Он поставил одну ногу на стояк, потому что его проколотое бедро пульсировало болью. — Свистящие горцы, должно быть, послали гнашеров за тобой и Зарриной. Помнишь, на нее напали раньше, как и на нас? Это была прекрасная возможность застать сразу двух ценными дворянами в одной уютной комнате. Почему они хотят поймать или убить вас обоих?

Тамлин согнул правую руку. Придавленная ранее столом, она раздулась так, что перчатка сжала запястье, как жгут. — Боже мой, ну и ночка! После этого мы должны были пойти выпить. Ну ладно, давай вернемся домой и переоденемся. Снова. По крайней мере, отец будет доволен, что я договорился о тарифах на ворота до исчезновения Заррины.

* * * * *

— Безвольный, безрукий, твердолобый избалованный придурок! То, что ты сейчас мне рассказал — это самый сногшибательный идиотизм, который я когда-либо имел несчастье слышать, не говоря уже о том, чтобы принимать в нем участие!

Тамалон Ускеврэн Первый только разогревался. Невероятно взволнованный, он расхаживал перед камином в своей конторе. Тамлин ерзал на деревянном стуле с высокой спинкой, а Вокс и Эскевар стояли позади него в таком же молчании.

— Зачем раздаривать *только* пошлины на ворота? — бушевал старец. — Почему бы не отдать *все* наши контракты? Почему бы не вырвать ключ от семейных сундуков из моей старческой, *парализованной руки* и не распахнуть ворота нашей жалкой лачуги-усадьбы и *обеими* руками рассыпать наше золото и серебро по улицам, чтобы каждый нищий мог их собрать? *За что* боги наказали меня сыном, чья пустая голова заросла паутиной? Ну почему судьба не послала мне слюнявого, невнятно бормочущего *идиота*, которого я мог бы каким-то крошечным образом, благодаря долгим часам мучительного труда, обучить выполнять *полезную* работу, например, приносить дрова или кормить свиней? Вместо этого я испытываю *ужасные мучения*, видя, как этот болван с дыней на плечах разрушает всю мою работу и швыряет мое состояние на ветер с самых высоких башен Штормового Предела, нашего родового поместья на *данный момент*, потому что я не сомневаюсь, наступит время платить по счетам, и мы обнищаем и забьемся в сточные канавы из-за вопиющей, неуклюжей ошибки *моего сына*.

Там было еще много чего, но в конце концов старейшина выдохся. Он рухнул в кресло и выпил залпом остывшее вино. Тамалон Ускеврэн, «Старый Филин», был похож на своего сына. Он поседел и покрылся морщинами, но никогда не сутулился, а его темно-зеленые глаза и все еще черные брови могли заставить нахмуриться даже принца, не говоря уже о том, кто промотал его деньги.

Комната отражала этого человека: аккуратный, эстетичный, интеллигентный, застегнутый на все пуговицы. На аккуратно накрытом столе лежала поздняя закуска, ждала шахматная партия, стопка раскрытых книг. Тихая непринужденность с роскошью, древними богатствами и секретами исходила от стен.

Когда отголоски этой тирады стихли, Тамлин негромко откашлялся. — Если я не ошибаюсь, ты, кажется, расстроен, отец. Возможно ли, что, хотя мы не должны останавливаться на этой неприятной теме, ты мог бы сказать, почему?

— Почему? — Патриарх свирепо смотрел на него до тех пор, пока Тамлин не почувствовал себя бурундуком, столкнувшимся с лесным волком. Тамалон чеканил каждое слово. — Потому что ты не сумел договориться о контракте в интересах семьи, сынок. Вот почему.

— А. Тамлин переваривал эту новость, но сосредоточенность была непривычным занятием. — Хм, может ты объяснишь, что не так? Я

действительно обеспечил налоговые права на Западные ворота, куда заходят фермеры. Это обещает принести неплохие деньги.

Тамалон издал сдавленный звук и отхлебнул вина, словно выпивая яд. Тяжело вздохнув, он признал — да, ворота принесут монету-другую. Вот чем занимаются фермеры: мелочью. Видите ли, у них не так уж много свободного времени, ведь сборщики налогов Хулорна объезжают фермы и собирают налоги первыми. Все, что ваша семья может собрать у западных ворот, — это подушный налог на домашний скот: монета с головы. В хороший день мы могли бы собрать сотню или даже больше.

— Ага. — Тамлин сделал вид, что задумался. — сотня монет. На это я мог бы купить... ух...

— Посмотрите на моего сына, министра финансов, который не знает, сколько что-нибудь стоит, считает, — отрезал отец. — Тамлин, за сотню медяков можно купить тебе новую пару перчаток. Не так уж много, учитывая, что ты уже потерял двенадцать пар этой зимой. Твой бюджет на одежду, кстати, в три раза больше, чем тратят младшие дети, но мы будем плакать об этом позже. А теперь позвольте мне объяснить, почему я хочу, чтобы Заррина Фоксмантл была моим сыном, а ты, Тамлин Ускеврэн второй, был рыботором, потерявшимся во время шторма в дырявой лодке на озере драконов!

Лорд поднялся, как и его голос. — Конечно, Заррина захочет получить тарифы Северных ворот! И не потому, что их родовое поместье стоит по соседству: что это за дурацкая отговорка? Все движение из Ордулина, Сурда и Тулбега идет через Северные ворота, и в отличие от Малхессенов, которые пользуются западными воротами и посылают свои тарифы вперед, северное движение полностью не облагается налогами, а значит, пошлины собираются у ворот! Кроме того, северные ворота выходят на мост Эльзиммер, который взимает плату за пешеходное движение и взимает пошлины со всех входящих грузовых судов! Итак, пока ты стоишь у Западных ворот, собирая коровьи щепки и пуская пыль в глаза, мой прискорбно старший и пустоголовый сын, Фоксмантлы надорвут свои спины, таща все эти налоговые деньги! Я не могу поверить, как сильно ты провалил эту миссию! Как же бедная Заррина Фоксмантл не надорвала живот, сдерживая смех? Когда об этом станет известно, я стану посмешищем для Селгонта!

— Может быть, дорогой отец, если бы ты объяснил мне все это заранее, я бы мог...

Тамлин замер, когда лицо старого Филина оказалось в нескольких дюймах от его носа. С глазами, тлеющими под черными бровями, патриарх прошипел ледяным пугающим шепотом — Я - все - объяснил. Ты — не — слушал - меня.

— О, — пискнул Тамлин. — Совершенно верно. Но это было так... сложно. Все эти вариации. «Если это, то и то, если только это, в таком случае это...» Я прошу прощения. Если это вообще можно исправить...

— Можно. — Выпрямившись и выглядя очень высоким, несмотря на свой средний рост, лорд указал костлявым пальцем на дверь. — Забирай своих стражников бесчестия и уходи. Найди Заррину и отмени эту жалкую сделку.

— Ох, сейчас? — Тамлин притворно зевнул. — Нас протащили через всю скотобойню, отец, и вот уже дважды на нас нападают дьявольские псы, швыряют через лед и выбрасывают из окон...

— Пошёл! — Трое посетителей взмыли с места, и метнули к двери словно по воздуху. Спускаясь по широкой винтовой лестнице, они слышали, как пожилой лорд тяжело шаркает сзади в мягких туфлях. К тому времени, когда они добрались до двери, которую сонный лакей вежливо придержал открытой, Тамалон уже отдал последние распоряжения.

— Живее, — сказал он сыну. — Отправляйся туда, найди Заррину и исправь то, что ты испортил. Или я лишу тебя карманных денег, сожгу твою одежду, продам твои товары, расплачусь с твоими слугами, вычеркну твоё имя из городского реестра и *сварю тебя в красном перечном масле!*

Трое провинившихся шагнули в холодную ночь, но Тамлин все же заглянул в щель двери. — Э-э, отец, я знаю, что не сделал ничего такого, что могло бы тебя удовлетворить, но мне просто любопытно, ты ведь не думаешь, что это последнее, правда? О красном перечном масле и тому подобном?

Дверь медленно со скрипом закрылась. Тамлин наблюдал, как неширокое лицо отца сузилось ещё больше. — Боюсь, сын, что именно так я и сделаю, — прорычал он сквозь сжатые губы.

Дверь захлопнулась.

Запертый снаружи на высоких каменных ступенях в ветреную зимнюю черную ночь, Тамлин некоторое время смотрел на дверь, потом, перевел взгляд на своих друзей. Ухмыляясь, он заверил их — на самом деле он не имеет этого в виду.

Прикусив язык, Вокс и Эскевар поплелись вниз по лестнице.

* * * * *

— Забавно, я думал, что отец будет доволен. Трое компаньонов тащились по центральной части Сарн-стрит, временно лишившись крова, если не считать двух больших домов Тамлина и трех гостевых квартир, разбросанных по всему городу. — Он должен быть рад, что я так быстро уладил этот вопрос, — бессвязно пробормотал наследник. Когда меня заставляют посещать его деловые встречи, они тянутся часами. Все эти разговоры о деньгах — ерунда!

— Если бы не эти деловые встречи, — проворчал Эскевар, сжавшись от холода и ненависти его, — ты бы никогда не заснул.

— Это правда, — согласился Тамлин. — И все же Заррина так легко передумала, соглашаясь со всем, что я говорил, что я думал, она растаяла от моего очарования.

Вокс шел сзади, наблюдая за улицей с обеих сторон и ничего не сообщая. — Моя голова не такая светлая, и не подходит для ведения дел, Двойка, но даже торгуясь на рынке, ты никогда не платишь первую цену, которую просят. Ты согласился на предложение *Заррины* в мгновение ока, а затем перешел к празднованию!

— Верно, верно. И все же я новичок в этой «работе». Пока что это ужасно скучно. Что же нам теперь делать?

— Твой отец велел найти Заррину. — Голос Эскевара сочился кислотой. — Иногда мне трудно поверить, что ты его сын. Или даже большую часть времени.

— Найти Заррину . . . хм-м . . . — Плащ Тамлина хлопал его по плечам, а мерзлый снег хлестал по щекам. Медвежья шкура Вокса начала покрываться инеем. Эскевар проклял богов снега, зимы, бури и некоторых других. — Как ты думаешь, где она может быть?

Эскевар досчитал до двадцати, вместо того чтобы стукнуть друга по голове. Вся троица уже успела побывать в усадьбе Лисьей Мантии. Привратник не впустил их, так как отношения между семьями были враждебными, но служанка призналась, что Заррина уже давно ушла на скотный двор и еще не вернулась.

— Если Заррины нет дома, — упрекнул его Эскевар, — то она, вероятно, пьянствует в пабе, поджав ноги у камина и держа в руке горячий коدل, произнося тост за свой успех в сплавлении тебя вниз по реке!

— Верно. Тамлин кивнул и так резко повернулся, что врезался в Эскевара. — Извини, старина. Давайте попробуем несколько пабов. У меня в любом случае в глотке давно пересохло. Все эти переговоры порождают жажду еще большую, чем практика владения мечом.

Эскевар сморгнул снег с век, когда Тамлин направился к освещенному дверному проему. — Эй, я же пошутил!

Из-за спины Вокс издал единственное ворчание, которое говорило: «С тех пор как вы двое в последний раз практиковались на мечах, уже все свечи прогорели и расплавили подсвечник.»

Сарн-стрит чаще называли «Пьянь-стрит». Шестнадцать пабов выстроились вдоль одной только северной стороны авеню, и через несколько часов решительные авантюристы попали в каждый из них. В каждой таверне Тамлин здоровался с друзьями и незнакомцами, покупал выпивку, рассказывал забавные истории, обнимал смеющихся женщин и, по подсказке Эскевара, спрашивал, не видел ли кто Заррину. По мере того как тянулась ночь и число посетителей паба росло, Тамлин заводил все больше друзей, ласкал все больше женщин и рассказывал все более длинные истории, и даже Эскевар забыл о Заррине. Вокс послушно ходил в каждый паб, пил мало, всюду наблюдал и с отвлечением постукивал ногой.

В конце концов Тамлин и Эскевар ввалились в «Черный олень», последний паб на этой улице, и рухнули на скамейки. В отличие от большинства пабов, где мебель была слишком тяжелой, чтобы ее можно было выбросить, а помещение стояло распахнутым настежь, чтобы бармены могли видеть, что происходит, в «Олене» были кабинки с высокими стенами, тенистые углы и тусклый свет, что делало его излюбленным местом встреч торговцев наркотиками и ядами, ростовщиков и скупщиков краденого, работоторговцев, контрабандистов, воров средней руки и прочих «слуг низшего класса». Тем не

менее, часто посещая такое сомнительное место, посетители чувствовали себя опасными, поэтому благородные молодые люди в виде франтов, похабников и щеголей собирались вместе. Естественно, многие из них были друзьями семьи или, по крайней мере, дружелюбны. Едва наследник Ускеврена занял место, как он потребовал порцию оленьего стаута для своих лучших друзей, некоторых из которых он даже мог назвать по именам.

— Это отличное место, чтобы спросить — что бы мы там ни искали, — пробормотал Тамлин. — Этот «Олень» славится ... неприятностями и ... незнакомцами. Лучшее место для самых худших вещей, да? Бармен, где моя выпивка?

— Ты мог бы и повеселеть после этих восхвалений. Скажи спасибо своим карманным расходам. — Унылый Эскевар, который хранил деньги, вывернул кошель. Серебро и медяки застучали по столу и полу, и как хмельные селгонтцы развеселились! Эскевар наклонился, чтобы поднять монеты, и упал со скамьи под новые одобрительные возгласы. Некоторые друзья помогали собирать монеты, в то время как другие прикарманивали их. Подвыпивший, Эскевар пересчитывал и сбивался, каждый раз получая новую сумму.

— Ничего страшного, Эс. У меня есть кредит! — Тамлин потребовал еще кружку, хотя к первой еще не притронулся. Выпив и пролив пиво на свой камзол, Тамлин попытался сосредоточиться, когда Вокс сделал резкий выпад поперек его горла.

Перерезать? Горло? Что, за моей спиной стоит головорез? О, пускай режет! Ты хочешь сказать, что мой отец лишит меня карманных денег? О, я не думаю, что он это сделает — Эй, куда все идут?

При этих страшных словах «лишит меня карманных» новообетенные друзья наследника исчезли в других местах. В течение нескольких секунд, Тамлин, Эскевар, и Вокс сидели в одиночестве. Никто в пабе, даже уборщики навоза, грабители могил и сборщики налогов, не желали сидеть с ними рядом.

— Распроклятая тьма. Тамлин отхлебнул крепкого пива и рыгнул. — Прости. Я хотел спросить этих ребят о чем-то, но не мог вспомнить, о чем именно. Кстати, а кто-нибудь видел Заррину Фоксмантл? Она блондинка, примерно такая же высокая — ой! — Взмахнув рукой, Тамлин чуть не свалился со скамейки, и опять забыл, о чем спрашивал.

Эскевар храпел, лежа лицом вниз на противоположной скамье. Вокс слушал двух сестер-певиц, которые поднялись на крошечную сцену. Становясь угрюмым из-за отречения своих друзей, Тамлин жадно поглощал выпивку и дулся, в то время как две девушки пели сладко и высоко:

Наложен чарами запрет всем юным девам
Проложить дорогу к Стилстон Холлу
По плечам рассыпав волосы златые
Освободить Там Лина молодого

Тамлин наострил уши. Это была песня «Там Лин», старинная, как горы, и

его тезка. Он безучастно следил за словами, которые часто слышал, но никогда не обдумывал. Там Лин, красивый рыцарь, упал с лошади во время несчастного случая на охоте. Пойманный королевой фей, он стал ее рабом и был вынужден служить в ее Полночном Дворе, который являлся этому миру только при полной луне. Его готовили к жертвоприношению окровавленному Богу. Пока в священный зал не вошла Дева Линделл, более отважная, чем большинство, чтобы встретиться с плененным Там Лином. Он сказал ей, что его единственная надежда на свободу — это если она поймает его падающим с лошади. И вот они все устроили: Линделл прошла безумное испытание в адскую ночь, чтобы поймать своего новообращенного возлюбленного. И вот Там Лин был освобожден, молодая пара объединилась, и песня закончилась.

— Что ж, дурные предзнаменования. А что, если бы она не поймала его? Удача и хорошие времена не могут длиться вечно... — Пробормотав что-то себе под нос, Тамлин вздрогнул. Пропущенная сквозь алкогольный туман, зловещая песня гудела в его мозгу, как панихида. Волшебные проклятия, молодой лорд, пойманный в ловушку несчастьем и судьбой, призрачная не-жизнь и приговор к жертве — и сам Тамлин, молодой лорд, изгнанный из дома. Была ли его единственная надежда в том, чтобы спасти невинную девушку? Никто в Селгонте не был невинным...

— Милорд Ускеврэн?

Подпрыгнув на месте от звуков собственного имени, Тамлин, оторвал нос от кувшина и увидел девушку, худую и бледную, как эльф. Под поношенной накидкой, которая при ближайшем рассмотрении оказалась одеялом, на ней был только батистовый халат, украшенный спереди рисунком, и потрепанные башмаки на ногах. Под мышкой у нее торчала пачка пергаментов, перевязанных выцветшей лентой. Ее большие глаза покраснели от холода или слез.

— Э-э, да, я Лорд Ускеврэн, или буду им когда-нибудь, если мой отец когда-нибудь умрет, а я, возможно, не умру, если только он действительно не выполнит свою угрозу, в чем я сомневаюсь или надеюсь... Э-э, на чем я остановился?

— Милорд. — Девушка облизнула потрескавшиеся губы и начала свою речь. — Интересно, сэр, не хотите ли вы написать свой портрет? Меня зовут Симбелин...

— Симбелин! — Подорвался Тамлин. — Как та девушка из песни! Еще одно предзнаменование! О, нет, подожди. Ее звали Линделл...

— С-сэр? — Девушка не слышала слов песни, поэтому она продолжала — я одна из лучших художниц в городе. Я могу показать вам образцы. Самые мудрые дворяне соглашаются, что они прекрасны. У каждого лорда и леди должен быть написан свой портрет, и раз уж вы такой смелый и красивый...

— Нет, нет, нет. Спасибо, нет. — Тамлин глотнул стаута, чтобы успокоить нервы. — Мне не нужен портрет. Никто не хочет, чтобы мое лицо висело на стене, хотя мой отец хотел бы, чтобы мое тело висело на фонарном столбе. Я не могу поверить, что он выбросил меня как мусор...

Он замолчал, потому что девушка заплакала. Она пыталась подавить свое горе, но слезы текли по ее бледным щекам. Дрожа и всхлипывая, она не могла остановиться. Тамлин смущенно на нее посмотрел. Даже Вокс, который обычно наблюдал за происходящим везде вокруг, уставился на нее.

К столику торопливо подошел бармен с дубинкой, болтающейся на ремешке у него на запястье. Он схватил девушку за руку с тубусом. — Ну-ка, отребье, не приставай к посетителям! Простите, милорд, я сейчас ее вышвырну...

— Нет! Тамлин покачал головой в тщетной попытке прояснить ее. — Слишком много людей было выброшено на холод! Мы... побеседуем. Посади ее там. Садись, девушка.

Симбелин села, медленно, как будто она вот-вот сломается. В животе у нее заурчало. Тамлин прищурился. — И что же это было?

С отвращением нахмурившись, Вокс сбросил со стола бутылку Тамлина, так что та выплеснулась на пол.

Щелкнув пальцами, он показал бармену, чтобы тот принес еду, достаточную, чтобы накрыть стол. Вскоре официантка поставила на стол поднос с пирожками из оленины, маринованными яйцами, утиными грудками, арбузными ломтиками, черным и белым хлебом, свежим маслом, зеленым и белым сыром, инжиром, изюмом и холодной свиной лопаткой. Грубый Вокс подал сигнал костлявой девушке, и та вгрызлась в еду.

— О, Она очень голодна. Тамлин посмотрел на ее тонкую, поношенную одежду. — и бедна.

Грубая рука Вокса ударила Тамлина по затылку, хотя тот едва ли это почувствовал. Жестикуюлируя, мастер меча согнул пальцы над бровями и нахмурился, затем провел рукой по лицу и изобразил, как кто-то рисует.

— Мой отец. Его лицо. Крашеное. — Тамлин изо всех сил старался думать. — Нет, ему бы это не понравилось. Мама красит лицо, но женщины любят... уклонение от очередного удара прочистило Тамлину мозги. — О да, я понимаю! Девочка, как тебя зовут? Симбелин? Позволь мне взглянуть на твои образцы, если ты будешь так любезна.

Художница что-то жевала одной рукой, а другой развязывала ленту. Тамлин пролистал наброски лордов и Леди Селгонта, затем акварельные пейзажи. — Прелестно, блестяще. Полно... Цветов и всяких других вещей. Да, я найму вас, чтобы вы написали портрет моего отца. У него уже давно не было портретов, и он не будет жить вечно, если мне повезет. Я подарю его ему на Новый год, если он меня впустит. И мы напишем одну из картин матери для праздника Луны. И Тази, если мы сможем стереть эту усмешку с ее лица. И Тала тоже. Мы повесим его фотографию на ворота, чтобы отпугнуть всяких бродяг — ха!

— Благодарю вас, милорд, благодарю! Симбелин вытерла рот салфеткой и снова заплакала. — Простите, что я плачу, милорд, но это была тяжелая зима. Мне поручили нарисовать Лорда и Леди Соаргил, и я целыми днями рисовала, чтобы найти позу, которая им понравится, но потом Лорд Соаргил передумал и выставил меня за ворота, а мне так и не заплатили ни гроша за всю мою тяжелую работу...

— Не волнуйся, дорогая. Мы не жалкие Соаргилы. Ускеврены всегда держат свои обещания. Несмотря ни на что. Мы поместим вас в главном доме в качестве нашего придворного художника. Вы сможете там же спать: мы могли бы разместить целую армию в наших гостевых комнатах. И вы сможете есть на кухне, если смета повара выдержит ваш аппетит.

— О, благодарю вас, милорд! — сглотнула девушка. — И я умею писать не только портреты! Мне бы очень хотелось рисовать пейзажи и морские виды...

— А? Наверное, это достойно восхищения. Вы можете украсить главный зал фреской. Он нуждается в свежих красках, мрачная старая свалка. Или мы пошлем тебя в Северную башню, чтобы ты нарисовал там гавань, а потом холмы на Западе...

— Вы так добры, сэр. — Симбелин с трудом сдерживала слезы. — Все говорят, что вы самый внимательный и щедрый молодой лорд в Селгонте, и теперь я вижу, что это правда. Вот почему я обратилась к вам. Вы были моим последним шансом, правда. Вы спасли мне жизнь. Мне негде было переночевать и не было никакой надежды на будущее...

— Перестань, дорогая, не надо. Таким образом я спасаю невинную девушку, а не наоборот, и таким образом отгоняю дьявольских тварей, скрывающихся вокруг. — Это смутило девушку, и Тамлин с удивительной нежностью накрыл ее холодную руку своей. — в любом случае, это не я придумал, а Вокс. Он выглядит вполне способным есть младенцев, но на самом деле он самый лучший компаньон, которого только можно пожелать. С Воксом на моей стороне, я не боюсь рисковать где-либо в Селгонте. Он лучший боец на всем побережье моря Упавших звезд.

Тамлин хотел было поднять свой бокал, но вспомнил, что телохранитель его опрокинул. — Ах. Вокс, можно мне капельку чего-нибудь выпить за твое здоровье? Я был бы тебе очень признателен...

Вместо ответа мастер меча невинно предложил Тамлину маринованное яйцо и холодную утиную грудку.

Желудок юного лорда расстроился, а лицо побледнело. — Простите, я на минутку, — пропищал Тамлин и, пошатываясь, направился к двери.

В конце концов Тамлин, пошатываясь, вернулся к столу, вытирая рот. Симбелин продолжала рыться в еде, словно армия орков. — Милорд, мне очень неприятно просить вас, но мне нужно несколько монет, чтобы купить краски и холст...

— Легко. Нахмурившись при виде спокойно спящего на скамейке Эскевара, Тамлин подцепил его сапогом и с грохотом повалил своего друга на грязный пол. — Эскевар, дай ей немного денег!

Очнувшись, Эскевар пополз обратно к столу. — Я же сказал тебе, Двойка, что мы на мели. И все это в кредит.

Со вздохом отвращения Вокс сунул руку под рубашку, вытащил кошелек из беличьей шкуры и высыпал монеты на стол. Тамлин подвинул серебряные монеты к Симбелин, отсчитав семь на удачу.

Тонкая рука Эскевара опустилась на деньги. Тамлин возразил — Эс, сейчас

не время быть жадным!

— Нет, смотри! Страхнув с себя сон, Эскевар перешел к делу. Он держал в руке большую серебряную монету, потертую, блестящую и украшенную странными знаками. Монета была круглая, но в центре ее был пробит треугольник. — Я никогда раньше не видел треугольных монет. А здесь их, хм, шестнадцать. Где ты их взял, Вокс?

Вокс изобразил свист, а затем перерезал кому-то горло. Тамлин перевел — кошелек от мертвого свистуна, укротителя гнашеров!

— Погоди-ка. Эскевар наморщил лоб. — Если горцы привезли эти монеты из своей страны... И они тратят их в пабах или магазинах... Где бы мы ни нашли партию этих монет, мы могли бы найти убежище горцев поблизости!

— А зачем искать этих горцев? — спросил Тамлин. — Они пытались убить нас. Разве мы не должны избегать их?

— Не пытайся думать, когда пьян, Двойка, — отрезал Эскевар. — На самом деле нам не нужны горцы, но они пытались похитить или убить тебя и Заррину. Может быть, они знают, где Заррина. Натасканные псы, или гнашеры, могут вынюхивать людей, знаешь ли.

Сбитый с толку и в конец озадаченный, Тамлин ответил — Ты просто выдумал это, чтобы хорошо выглядеть перед девушкой.

— Какой девушкой? — спросил Эскевар. — А, этой. Нет! Может быть, вы подумаете минутку? ради любви Селуны, все, что ты сделал сегодня вечером, — это потратил деньги впустую и вышвырнул нас из дома...

Вокс изобразил, как он наклоняется и его рвет.

— и блеванул прямо на улице, — добавил Эскевар. — Едва ли это признак героя.

— Ах так? Я...Я — Смущенный и возмущенный, Тамлин замолчал.

— Я знаю, как вы можете найти больше монет, — вмешалась Симбелин.

— Знаешь? — спросили оба мужчины. — Как?

— Магия.

* * * * *

— Хей, лорд Тамлин! Можно вас на пару слов?

— Кишки богов! — прорычал Эскевар. — Почему никто не раздавит эту кровососущую пиявку?

Остановившись на продуваемой зимними ветрами улице, Тамлин, Эскевар и Вокс принялись искать голос. Он шел откуда-то сверху. «Синий простак» представляла собой трехэтажную таверну из камня и дерева. Ступенчатые балконы тревожно наклонялись над улицей. Летом шлюхи обоих полов болтались наверху и зазывали потенциальных клиентов. Зимой балконы были покрыты льдом. Паломник Падрейг узнал его с балкона второго этажа, толстый и высокий, в меховой шубе и широкополой шляпе. Раньше, выпрашивая деньги, он носил заискивающую улыбку, но теперь его ухмылка скривилась, как у лисы. Рядом с Падрейгом стояли неприятный юноша и

пожилой мужчина, оба годные перерезать горло калеке за медяк. Балконы третьего этажа были темными и пустыми.

— Мастер Тамлин, ваш план идет полным ходом! Падрейг театрально поклонился. — Скоро вы будете сидеть на самом высоком месте в башнях Штормового Предела!

— Что? — Внизу, на улице, Тамлин откинулся назад и чуть не упал, потому что спиртное все еще крепко держало его. — Я ... Я что-то пропустил, Падди? О чем ты толкуешь?

— Ваши тридцать Воронов, сэр, были вложены как раз вовремя! Весь город знает, что ваше пособие урезано! Ратиган Зеленый изготавливает яд, а теперь вы наняли портретистку, чтобы та подобралась к вашему отцу! Вы не можете войти в поместье, но она может! Так что пока вы остаетесь на ночь в Фонарном переулке, ваши приспешники будут делать вашу грязную работу!

За спиной Тамлина Вокс откинул медвежью накидку, чтобы освободить свой боевой топор. Мастер боя указал на двери «Простака» и изобразил рубку. Тамлин удержал его, спросив обоих спутников — в чем дело? А кто такой Ратиган? Откуда он знает о девушке? Я думал, что она невиновна! А мой дом в Фонарном переулке? — Подожди! Если эта девушка — часть какого-то заговора Соаргилов...

— Стой, Двойка! Это же чушь собачья! — Эскевар сплюнул на улицу. — Это еще один из его мошеннических трюков с шантажом, прядет паутину из сплетен! Он подставляет тебя за какое-то странное покушение на твоего отца!

— Кто-то планирует убить моего отца? — Тамлин в ужасе разинул рот, отчаянно желая протрезветь. — Я имею в виду, что это уже пытались сделать раньше, но я тут ни при чем! Но что подумает отец?

— Он подумает, что это ты организовал заговор! — В безопасности на высоте, — рассмеялся Падрейг. — У меня есть свидетели и квитанция на тридцать Воронов! Эти деньги позволят нанять достаточно наемных убийц — я говорю, что...

Стоя на улице и глядя вверх, Вокс внезапно дернул Тамлина назад, в то время как Эскевар потянул его вперед, крича — *шевелись!*

На балконе второго этажа Падрейг, разинув рот, глянул вверх, заблеял и нырнул в таверну, как и старый головорез. Молодой хулиган задержался слишком надолго. Опрокинувшийся с балкона третьего этажа массивный комод упал и разбился вдребезги на втором балконе. Молодого мошенника вытащили, когда балкон был начисто оторван от здания. Дерево, дуб, лед и раздавленный труп рухнули на улицу.

Тамлин и его друзья выглянули из-под прикрытия двери напротив. Завсегдатаи высыпали из «Синего простака», чтобы поглазеть на окровавленные обломки. Наверху Падрейга нигде не было видно. Но уже на третьем балконе...

— Тамлин, ты наш должник! С высоких перил ухмылялись Гарт Гимбл, прозванный «Змеёй Селгонта» за свою зеленую чешуйчатую тунику, и пламя на ней, всегда красное. Печально известные обитатели тенистого подземелья

Селгонта, они в прошлом пропускали вместе с Тамлином пару стаканчиков. — Не обращай внимания на Падрейга! — крикнул Гарт. — я не хочу тебя обидеть, но он оседлал ветер! Эй, а сколько бы ты заплатил за его голову или какую-нибудь другую часть?

— Ух ... — Сказав сегодня слишком много, Тамлин придержал свой язык. — Э-э, в этом нет необходимости. Но спасибо тебе, Пламенный Гарт! Я действительно тебе кое-что должен.

С шутивными приветствиями пара прошла на темный третий этаж и исчезла, как привидения на рассвете.

События проносились слишком быстро, чтобы Тамлин успел их осознать, но, по крайней мере, в голове у него прояснилось. Глядя на разбитый балкон на улице, он размышлял — интересно, кого там раздавило?

— Таракана, если он общается с Падрейгом. Завернувшись в плащ, Эскевар кивнул в сторону улицы. — Пошли. Мы должны завоевывать расположение Гильдии волшебников. Они ложатся спать на рассвете, как вампиры.

* * * * *

— У тебя есть какие-то странные монеты, и ты хочешь найти клад побольше?

— Думаю, да, — ответил Тамлин, все еще не придя в себя от подробностей. Затем Вокс ткнул его в почку, и он сказал — Пожалуйста.

Хелара оказалась поразительно высокой женщиной с ниспадающей гривой светлых волос, которые она то и дело распушала, словно позируя. Ее малиновое платье было подпоясано тройной золотой цепочкой, увешанной амулетами всех форм и размеров.

Здание гильдии магов представляло собой беспорядочную развалину в юго-восточном конце Селгонта. С верхних этажей открывался вид на городскую стену и море. Мрачная гостиная была обставлена мебелью странной формы, украшена блестящими безделушками и пропахла химикатами, пеплом и благовониями. Десятилетний паж ждал у стены, сдерживая зевоту.

— Я бы хотела, чтобы кто-нибудь бросил нам вызов, — пробормотала Хелара. Она говорила быстро и в то же время лениво, занятая не меньшим количеством планов, чем Паломник Падрейг, за исключением того, что ее планы обычно удавались. — Это слишком простое заклинание. «Подобное притягивает подобное», будь то деньги, или любовь, или любовь к деньгам.

Старатели-гномы и дворфы все время упражняются в этом в горах: серебряная стрелка компаса указывает на серебро, после небольшого заговора.

— Так сказала Симбелин, — объяснил Тамлин, — хотя откуда художник знает магию, я не понимаю. Ты можешь наколдовать мне это заклинание сегодня вечером? Нам нужно найти этих горцев.

— И? — Хелара почувствовала благоприятную возможность. — Что будете делать, когда найдете их?

— А? — Сморгнул Тамлин. От душного дымного воздуха у него распухла

голова. В зале гильдии было тихо, как в библиотеке. Волшебники обычно были шумными людьми, но, возможно, дома они держались более сдержанно — Я не могу сказать точно.

— Когда мы найдем горцев, — влез Эскевар, — и если мы сможем избежать их острозубых сторожевых, мы сможем узнать зачем они пытались схватить Двойку, и видели ли они Заррину.

— Заррину? Заррину Фоксмантл? — Светлые брови волшебницы взлетели вверх. — Она пропала?

Вокс ткнул Тамлина пальцем, чтобы тот не отвечал. — Мы не видели ее в последнее время, но Селгонт — большой город. Эти свистящие горцы и их гнусные собаки — на редкость гадкие твари. Вы сможете их найти?

— А вы сможете заплатить? — спросила Хелара в ответ. — По улицам ходят слухи, что отец напрочь лишил Тамлина денег.

— Этот слух быстро распространился, — проворчал Тамлин. — Неужели нет ничего, о чем можно было бы посплетничать лучше, чем о моих карманных?

— Мы сможем заплатить позже, — сказал Эскевар. — Составь вексель, и Тамлин его подпишет.

Хелара надула накрашенные губы, но согласилась. — Давай сюда свои странные монеты.

— Позови Магдон, — приказала она маленькому пажу. — И разбуди Офелию. Она может нам понадобиться.

Все трое моргнули, когда появилась вызванная пара. У сестер, хотя и не близнецов, были белые волосы, белая кожа и розовые глаза. В остальном они были приземистыми и коренастыми, как деревенские девчонки, и достаточно крепкими, чтобы сразиться с быком. — Нет, мы не прокляты, а всего лишь альбиносы, — сказала Магдон, когда мужчины разинули рты. Что вам нужно?

Синяя мантия Магдон была трижды перетянута черным поясом, а ее костлявые пальцы были испачканы странными красками. Желтое платье Офелии было без пояса, но расшито пламенем по подолу и рукавам. Она зевнула, села на скамейку и почесала волосы. Хелара вручила Магдон серебряные треугольные монеты и какие-то инструкции и вышла из гостиной. Магдон велела посетителям подождать и последовал за ней. Офелия зевнула и почесалась. Когда Тамлин спросил, чем она занимается, она ответила только — у меня есть скрытые таланты.

Не имея возможности занять себя чем-то кроме ожидания, компания опустилась на кривые кресла и покосившиеся стулья. Наняв пажа в качестве посыльного, Эскевар дал ему монету и записку для Кейла, дворецкого Штормового Предела, подчеркнув, чтобы тот *не беспокоил* Лорда Ускеврена. Не прошло и часа, как появились трое дюжих мужчин в ливреях Ускеврена, синих с золотым значком в виде лошадиной головы и якоря. Слуги пришли с кабаньими копьями, такими высокими, что они не могли поместиться в высоту гостиной и стоять прямо.

Магдон вернулась. Из ее белокожей руки свисало какое-то звенящее

приспособление. Шестнадцать серебряных монет были поочередно нанизаны на серебряную цепочку с черной бусинкой, совиным черепом, раковиной гребешка, тремя синими перьями, пробкой, шишковатым серым камнем и другими кусочками. Со дна свисала изогнутая полоска золотой фольги, раскатанной так тонко, что она дрожала без малейшего ветерка. Устройство напоминало детский ветряной колокольчик.

— Что это? — спросил Эскевар.

— Ваш компас. — Подняв зачарованную цепь, Магдон подула на золотую фольгу. Пока та мерцала и покачивалась, вверх и вниз по цепи с шипением пробегали голубые искорки. Постепенно золотая фольга осела и заострилась. — Он указывает не на север, а на более крупный клад треугольных монет.

— Правда? — Освеженный дремотой, Тамлин потянулся к цепочке, но Магдон оттолкнула его руку. — Эта магия тонкая и чувствительная, как паутина. Я понесу сама.

— Ты пойдешь с нами?

— Мы все пойдем. Ученики нуждаются в руководстве. — Хелара прошествовала в комнату с видом королевы. Мантия красного цвета, шелестевшая по полу, была отделана пурпурной подкладкой и подшита тигровой шкурой, которая оттеняла ее непокорные золотисто-рыжие волосы.

Магдон и Офелия они были одеты в простые серые плащи с наброшенными капюшонами, которые почти закрывали их головы.

Эскевар кивнул, увидев их. В Сембии, крестьянским девушкам, направлявшимся на «работу в город», неизменно дарили такие плащи в качестве прощального подарка. Несомненно, таланты девушек были обнаружены в какой-нибудь деревне, и они перешли в Гильдию волшебников. И все же, если Магдон была «волшебником-творцом», как думал Эскевар, он задавался вопросом о «скрытых талантах» Офелии и ее огненной вышивке.

Выйдя на пронизывающий ночной ветер, пропитанный морской солью, трое мужчин, три женщины и трое вооруженных слуг обнаружили, что компас Магдон звенит и звенит, дуя во все стороны. Троим магам пришлось сбиться в кучу, прикрыв плащами хрупкий артефакт. Остановившись, он указал на Рэмпарт-стрит и на Роуз.

Подгоняемые зимними ветрами, они продолжали утомительные хождения, сгрудившись, выжидая и двигаясь дальше. Женщины уверяли их, что они медленно направляются к кладу треугольных монет. Искатели не были так уверены, но Эскевар подумал, что им незачем платить этим женщинам, в случае ошибки с магическим отслеживанием.

Иногда они замечали друзей, снующих по холоду из паба в паб. На Аллее торговцев скобяными изделиями к Тамлину пристроилась маленькая гибкая женщина. Аристократ развлекался с Айрис раз или два и улыбался, когда она терлась о него. Исхудаив, Айрис была одета только в куртку и штаны из кроличьей кожи, и наклонила шею, чтобы ничего не было видно под ней.

— Прелестно, дорогая, хоть и мурашки по коже. Мы торопимся, но я зайду попозже. Я надеюсь. — Тащась вперед, — размышлял Тамлин, — Айрис

почему-то напоминает мне Дылду. Где она сейчас?

— Не видел ее со времен войны с сахуагинами, — сказал Эскевар. — Но пираты и контрабандисты не живут долго даже в мирное время. Как звали ту художницу? Она станет лакомым кусочком, если ее откормить. — Молодые люди бессвязно обсуждали знакомых женщин, не обращая внимания на сестер-альбиносов и рыжеволосую Хелару, которая шмыгала носом то ли от отвращения, то ли от холодного ветра.

В тени охотничьего сада Хулорна четкость компаса уменьшилась. Не так высоко на скале возвышался дворец Хулорна со шпилями, похожий на колчан с торчащими стрелами, а у его подножия тянулась высокая каменная стена, окружавшая охотничий сад площадью в десять акров, заросший дикими сорняками. Скрывались ли там какие-нибудь животные, и действительно ли Хулорны охотились на них, никто не знал. Уже довольно давно никто не видел бывшего губернатора, и ходили обычные странные слухи. Вдоль стены тянулась охотничья улица, местами освещенная светящимися шарами, чтобы отпугнуть браконьеров. Напротив стены, соседи-снобы щеголяли домами, безвкусными даже по Селгонтским стандартам. Разномастные башни, арки, изогнутые лестницы, огороженные живой изгородью сады, башенки, трехцветные трубы, фальшивые фасады, фрески, балконы и другие нелепые атрибуты украшали квартал.

— Вот оно — Он указал на двухэтажный дом из кирпича и дерева, стоявший за кирпичной стеной с глубокими арками. Большой дом, окруженный деревьями и садами. В доказательство маг в красном плаще и сестры-альбиносы прикрыли магический компас. Оглянувшись через плечо при свете светящихся шаров, мужчины увидели полоску золотой фольги, свернувшуюся калачиком по направлению к дому. — Это единственное место в городе, где могут быть эти треугольные монеты.

— Великолепно! — Тамлин уставился на затененный дом. — Э-э, и что теперь?

Ответа не последовало.

Эскевар нарушил тишину — Может, если мы скажем страже Хулорна, что владелец дома...может водиться с горцами и летающими собаками...Нет. Пожалуй, нет...

Дрожа и шмыгая носом, статная Хелара сказала — Почему бы не постучать в дверь и не посмотреть, кто ответит?

Не имея лучшего плана, девять охотников прошли через кирпичную арку и наткнулись на богато украшенные железные ворота, запертые на замок. Вокс взмахнул толстым лезвием топора, и ворота распахнулись. Не говоря ни слова, девятка поднялась по узкой галерее, которая наполовину огибала безмолвный дом. Зимние ставни, окаймленные войлоком, не пропускали изнутри ни звука, ни света. Дверь была красной с простой железной защелкой. Не подавая признаков жизни, искатели чувствовали себя глупо, как дети, пойманные за подглядыванием. Все посмотрели на Хелару.

— Все в порядке. Я постучу. Но если никого нет — Ай!

Один стук вызвал ливень желтых искр, которые зашипели и заскользили по фасаду двери. Отброшенная назад, Хелара чуть не упала с галереи, прежде чем Вокс поймал ее. Дверь была испорчена дымящимся следом от ожога. Зашипев, она обнаружила, что костяшки пальцев и кулак покрылись волдырями, а рукав платья обуглился до запястья.

— Вы ублюдки! — она тяжело дышала. — Я вам устрою!

Восемь спутников попятились, когда Хелара, закатав рукава, плюнула на ладони и произнесла тихое заклинание, похожее на проклятие. Упершись ногами, маг ударила обеими ладонями по двери. Вспыхнул мигающий желтый свет. Он осветил всю галерею, завихрил волосы Хелары и заставил ее одежду дымиться. Перекрывая треск и брызги искр, маг закричала хриплым голосом: *«Рас-пал ска-ай! Рас-пантил- а -туу! Рас-пасен ма-нан-тал!»*

Либо ее заклинание сработало, либо его сила слилась с заклинанием двери, либо вместе они удвоились или утроились, ибо Хелара получила результат.

Дверь и большая часть стены взорвались.

Битые кирпичи и деревянные щепки разлетелись во все стороны, как снаряды из катапульты. Только волшебный щит Хелары, ее первое произнесенное шепотом заклинание, спасло Тамлина и его друзей от того, чтобы быть убитым летящими обломками, потому что смертоносный дождь летел вокруг мага по парящей дуге, огибая невидимый пузырь. Куски стены рушились, хрустя внутри дома и на галерее, хотя никто ничего не видел, потому что кирпичная пыль, дым, хлопья краски и другие обломки кружились, как мусор, пойманный пыльным дьяволом. Части второго этажа опасно накренились, затем, с жутким грохотом и скрежетом обвалился угол дома. Люди кричали и визжали, когда галерея, разрушаясь под ногами, покатила вниз, к зияющему дверному проему. Спутники покатились вниз и врезались в осыпающуюся кирпичную стену. Все больше пыли поднималось и бурлило, заставляя людей чихать и задыхаться. Тамлин и сестры-альбиносы попали в ловушку, застряв в обломках. Вокс поднялся на ноги и выдернул их из дыры. Двоих ускеврениских слуг отшвырнуло в кусты, и теперь они поднимались на ноги, оставаясь настороже. Хелара брыкалась, ругалась и рвала свою красную мантию о железные гвозди, торчащие из дверного порога, на котором остался большой почерневший след.

Перекрывая возню и ворчание, Эскевар крикнул — В доме кто-то есть!

Вестибюль и лестница были завалены штукатуркой и битыми плитками. Доски пола выступали над почерневшим пространством. Смуглый чернобородый человек в зеленом халате спустился по лестнице, чтобы взглянуть на врага. Ошеломленный разрушением, он слишком долго медлил. Поддерживаемая Воксом, высокая Хелара добралась до искореженного и замусоренного пола. Отбросив назад дымящуюся накидку из красно-тигровой кожи, маг увидела крадущегося человека. — Ратиган? Ты неуклюжий воришка пирогов! Ах ты, косоглазый змей! Я предупреждала тебя никогда не возвращаться в мой город!

Пронзительно выругавшись, Хелара скрестила руки на груди. Пойманный в

ловушку на лестнице, Ратиган пошатнулся, когда град сосулек разбился о его личный щит. Лед колол стены, рвал портреты, ломал перила, мгновенно замерзая и делая каждую поверхность скользкой, как стекло.

Пригнувшись, чтобы не упасть, Ратиган согнул три пальца и вызвал поток пустынного жара, от которого лед превратился в пар. И все же, он едва избежал падения с лестницы.

Опуская пальцы вниз, Хелара метнула второе заклинание. Кислотный дождь хлестал с потолка. Ратиган корчился, его плоть разъедали ядовитые струи, а одежда дымилась. Он храбро пытался колдовать. Туман завихрился вокруг ног Хелары, затем материализовался в змеиные головы с зубами. Не прерывая своего заклинания, волшебница в красном топнула ногой, и змеиные головы испарились.

Перекрывая пение магов, скрип и стоны дома, Тамлин крикнул Эскевару — Падрейг упомянул Ратигана зеленого! Может надо было сказать Хеларе?

Эскевар так и не успел ответить, потому что за домом раздался знакомый смертоносный свист. Через несколько секунд вокруг разрушенной галереи заклокотали страшные скрежещущие звуки. Низко прыгая или наполовину паря на коротких крыльях, звери отчаянно лаяли и рычали, готовые вцепиться в захватчиков. За ними трусцой бежали чужеземные горцы в грубых рубахах и жилетах из шерсти гнашеров. Они не могли далеко отступить, выкрикивая команды, потому что дом окружали кирпичные стены.

Открыв рот в безмолвном воинственном крике, Вокс высоко вскинул топор и прыгнул с галереи в атаку. Эскевар, свистя мечом и ножом, ударил и зарубил первую же собаку, приземлившуюся на пологое крыльцо. Тамлин выхватил свой длинный меч, но почти ударил Магдон, которая, не будучи бойцом, спряталась сзади него для защиты, ее бледно-розовые глаза были круглыми, как фонари. Крича: «Ускеврэн!» — домашние стражники яростно кололи гнашеров и горцев. Тем временем в разрушенном фойе, Хелара осыпала осажденного Ратигана бранью и заклинаниями.

В этой безумной схватке Офелия-альбинос показала свои «скрытые таланты».

Со взволнованно-скрипящим возгласом: «Ал-скара-туэй!» — ее короткая рука прочертила в воздухе линию. Пять огненных полос завихрились в ночи, затем ударили, вспыхнули и взметнулись пламенем повсюду. У бежавших на них гнашеров внезапно загорелась шерсть и вспыхнули спины. Медвежья накидка Вокса обуглилась и источала тошнотворную вонь. На его плечах горела туника, обозначавшая его принадлежность к дому Ускевренов. Краска, кирпич, щепки, кусты и голые деревья вспыхивали полосами, с которых пламя капало, как со свечного воска. Офелия согнула левую руку, крикнула и снова ударила. Еще одна пятиполосная радуга огня зашипела на людях и гнашерах. Приготовившись к большему, пальцы ее правой руки засветились. «У нее нет каких-нибудь других заклинаний?» — Спросил Тамлин крича через плечо.

— Мы в этом новички! — призналась Магдон. Ее сестра бросала огонь по ветру, зажигая и друзей, и врагов.

Присев на корточки, Тамлин наблюдал за дракой, колдовством, визгом, поножовщиной и собачьими боями, которые кипели снаружи и внутри шатающегося дымящегося дома. — Послушай, Магдон, кажется, все под контролем! Я собираюсь кое-что разведать!

— Не оставляй меня! — чирикнула маг-недоучка. Пытаясь схватиться за плащ Тамлина, она промахнулась и соскользнула с крыльца.

С мечом в руке, накинув плащ на голову, Тамлин проскочил через разбитую дверь, увернулся от визжащей Хелары, поскользнулся на льду, увернулся от пылающего гобелена, свисавшего со стены, и помчался по темному коридору.

Он обнаружил, что не так уж и темно. Странные чары Офелии закрепились на верхнем этаже. Языки пламени лизали голову Ратигана, отчаянно цеплявшегося за разрушенную лестницу. Этот старый дом будет гореть, как свечное дерево, подумал Тамлин, если только сначала не развалится. Пол задрожал, а дым стал гуще. Молодой лорд раздумывал, не сбежать ли ему.

Со второго этажа донесся крик. Знакомый крик.

Не в силах подняться по парадной лестнице, Тамлин бросился в заднюю часть дома. Открыв двери, он обнаружил барак, где, очевидно, спали горцы, столовую, кладовую, грязную кухню и заднюю лестницу для слуг.

Убрав меч в ножны, Тамлин с топотом взобрался наверх. Огонь метался по потолку и лизал краску и лак. Сквозь вопли Хелары и рев Ратигана Тамлин снова услышал крик из передней комнаты. Пол был расписан красными и желтыми квадратами. Суеверный, Тамлин прыгал от желтого к желтому, чтобы добраться до двери.

Когда Тамлин взялся за щеколду, искра магии прожгла дыру в его лайковой перчатке. Выругавшись, молодой лорд уставился на дверь. Запертая и магически защищенная, решил он, такая же, как и входная дверь, хотя и не столь сильное заклинание. Комната, вероятно, предназначалась для того, чтобы не пускать сюда горцев. Это не должно было остановить кого-то действительно решительного, как Тамлин, возможно, впервые в своей жизни.

Накинув плащ на плечо, лорд протаранил дверь. Искры сверкали, жгли и ослепляли. Его плащ тлел и обугливался. Зашипев, Тамлин стиснул зубы и потянул снова, сильнее. Снова. К его удивлению, дверь распахнулась. Молодой лорд споткнулся на пороге и растянулся на голом пыльном полу.

— Тамлин! Хвала богам! Пожалуйста, освободи меня!

Вскочив на ноги, Тамлин радостно ухмыльнулся. Заррина была взъерошена, с ввалившимися глазами, но жива. В одном месте штукатурка была выскоблена, и там стоял крепкий столб, к которому наручниками были прикованы ее запястья. Провисшая скамья и ведро были единственной мебелью. Пол накренился, как палуба корабля, когда полуразрушенный дом осел.

— Тамлин! — Слезы текли по грязным щекам Заррины. На ее пурпурном жилете не было золотых пуговиц, похоже их украли. — О, я так рада, что ты пришел! Я почувствовала запах дыма и боялась сгореть заживо!

— Да, да, не волнуйся. Риск в моей крови, в конце концов, как и героизм. А

мы, Ускеврены, всегда держим свои обещания. — Тамлин возился с путами Заррины, чувствуя себя невероятно довольным, из-за того, что нашел ее. И все же он торопился, потому что языки пламени лизали дверной проем, а дым клубился на потолке. — Что это будет за история для пабов! Подумай, как будет гордиться Вокс, а отец ... Ох нет! Подожди!

Тамлин опустил цепи. — Сначала мы должны все уладить.

Заррина в ужасе раскрыла рот. — Не шути, Тамлин! Освободи меня! Огонь...

— Нет, мне очень жаль. Дело прежде удовольствия, как любит ворчать отец. Я должен пересмотреть тарифы на ворота. — Тамлин повысил голос, перекрывая треск пламени, стоны дома и лязг заклинаний и оружия снаружи. От дыма он закашлялся. — Отец был недоволен нашей сделкой. Ты не поверишь, какие мерзкие эпитеты я вытерпел, Зар! А теперь посмотрим... Насколько я помню, вы собираете пошлины на северных воротах, а мы застряли с западными. Или все было наоборот? Нет, именно так. Так что нам нужно...

— Ты обезумел? Ты или сошел с ума или пьян! — Заррина гремела кандалами. — Немедленно сними эти цепи! Вытащи меня отсюда, или я убью тебя!

— Боюсь, я не—*ай!* — Потирая подбородок, Тамлин скovyрнул струп, оставшийся от предыдущей драки. — Колеса колдунов, это моя ночь заставляет меня страдать!

— Ладно, ворота твои — Слезы от страха и дыма хлынули из глаз Заррины — Ты можешь взять Северные ворота, а я возьму западные! Просто пожалуйста...

— Нет. — Тамлин попытался собраться с мыслями. Это была долгая ночь. — Эскевар сказал никогда не принимать первое предложение. Но как насчет этого...

— Хорошо, ты можешь забирать оба поста у ворот, поглоти их дьявольская тьма! — Взвизгнула женщина. — Возьми их! Я, Заррина Фоксмантл, настоящим передаю Вашему, кровавому бессердечному чудовищу Ускеврену, все налоги и пошлины, собранные у обоих ворот! Фоксмантлы снимают с себя права на прибыль за любые ворота! Все ворота в городе! А теперь освободи меня, или я с тебя живьем шкуру спущу!

— Думаю, этого достаточно. Тамлин закашлялся, взясь с кандалами. Замки были из новой латуни, но цепи — старые. Вытащив свой ножик, Тамлин ударил им по кандалам. Новомодный клинок, ослабленный своей причудливой зацепляющей лезвие канавкой, немедленно сломался.

— Чертова тьма! Не удивительно, что Вокс ненавидит эту штуку! — Вытащив свой длинный меч, Тамлин обеими руками ударил по цепям. Наконец он разрезал их. Заррина прыгнула с скамейки, как ракета, и помчалась к двери, звеня цепями. Откашляв дым, Тамлин оставил свой меч воткнутым в столб и последовал за ней.

Повсюду полыхало и вспыхивало пламя. На лестнице никто из волшебников

уже не воевал, потому что фасад дома почти обвалился. Заррина и Тамлин скатились вниз по разрушенной лестнице, выскользнули из раздавленного дверного проема, пробрались через расколотую галерею и, наконец, оказались на улице. В безопасности.

Тяжело дыша ледяным воздухом, Тамлин обернул плащ вокруг дрожащей Заррины. Прижавшись друг к другу, они смотрели на продолжающийся хаос.

Покосившийся дом ярко горел. Куски дерева посыпались в сад. Плающие деревья выбрасывали искры, которые ветер разносил по всей округе. Горожане сновали в мерцающей темноте, неся ведра и таща пожарные крюки. Стражники Хулорна работали группами, с копьями на перевес, чтобы убить последних гнашеров.

Другие охранники боролись с огнем или уводили соседей в безопасное место. Двое горцев лежали мертвыми, еще двое были связаны и стояли на коленях. На улице валялись предметы домашнего обихода, книги и одежда. Гордая Хелара смотрела на пламя с ухмылкой на лице. Магдон и Офелия смотрели на нее с благоговением. Селгонтцы толпились, собирались в группы, задавали вопросы и мешали.

Очнувшись от безумия, Эскевар подбежал к Тамлину и хлопнул его по плечу. Он был грязный и окровавленный, но ухмылялся. — Двойка! Слава судьбе, что ты жив! И ты нашел Заррину! Браво! Мы победили всех вокруг! Ратиган, этот зеленый волшебник, убежал с воплями, его одежда наполовину превратилась в камень, а волосы пылали! И вы никогда не догадаетесь, кто пришел! Паломник Падрейг! Он подбежал, размахивая руками, потому что его дом горел! Он сдал его в аренду волшебнику! Вот откуда он узнал о Ратигане!

— Это может дать ответы на несколько вопросов. — Тамлин заговорил поверх белокурой головы Заррины — И что же ты сделал?

— О, ничего, — уклончиво ответил Эскевар. — Из-за всех этих летающих клинков Падрейг получил удар по голове и упал в подвал, бедняга.

С шумом и грохотом дом рухнул на фундамент. В небо полетели искры. Деревья шипели, как фейерверк. Люди кричали. Эскевар заметил кого-то и со смехом убежал в темноту.

— Не могу поверить, что ты воспользовался моим отчаянным положением. Заррина выглянула из складок плаща Тамлина. — Это было несправедливо, Тамлин. Низко и подло. Держать чьи-то ноги у огня, чтобы заключить выгодную сделку, - это гнусно, подло, коварно, лживо и... нехорошо.

Девушка вздрогнула и прижалась к Тамлину. — Мне просто холодно, так что не бери в голову. Но я признаю, что ты был умен. Я бы сделала то же самое. Может быть, у тебя есть надежда, Тамлин. Со всеми этими планами, которые кипят в этом городе, моя семья может найти тебя полезным, если ты захочешь остаться в семейном деле.

— О, я не знаю. Тамлин посмотрел на пылающий, бушующий хаос, охвативший раннюю утреннюю улицу. — Я нахожу семейные дела такими скучными.

**Дочь
Цена**
Вороника Уитни-Робинсон

*перевод: Redrick
Редактура: Энори Найтингейл*

— Кто вы? — спросил мужчина с лицом льва, перекрикивая музыку.

— Я и сама не знаю, — хихикнула его партнёрша по танцу, девушка с волосами цвета вороного крыла, - и даже если бы знала, зачем мне говорить об этом вам? С этими словами она запрокинула голову и рассмеялась. Партнёр закружил её по полу. Звук смеха привлёк несколько удивлённых взглядов ближайших пар, но большинство просто усмехнулось про себя. Тазиенна Ускеврэн была известна своим пылким нравом.

Сегодня был один из праздников Ллииры, и Ускеврены открыли двери Штормового Предела для многочисленных гуляк. В главном зале особняка было полным-полно самых знаменитых членов селгонтской элиты.

Гости по-разному нарядились на праздник. Некоторые ограничились лишь масками да украшениями, но другие пошли на невероятные крайности, чтобы перевоплотиться в выбранное обличье. Без остановки играли музыканты, а воздух был полон густым ароматом различных деликатесов.

— Позвольте вмешаться, — сказал партнёру Тазиенны другой мужчина, аккуратно оттеснив пару в сторонку.

— Так, минуточку! — зарычал лев на высокую фигуру в плаще и капюшоне.

— Песня ещё не закончилась!

Однако мужчина в капюшоне просто провёл ладонью перед лицом человека в маске льва. Протесты танцора умолкли. Партнёр Тазиенны немедленно повернулся к ней и мило попрощался. После ухода льва, человек в капюшоне вопросительно наклонил голову и протянул руку, приглашая девушку на танец. Но та, взбешённая случившимся, спокойно достала кинжал, который служил ей не просто украшением. Человек в капюшоне не шелохнулся. Что-то в его манерах и осанке показалось Тазиенне знакомым, и она воспользовалась лезвием кинжала, чтобы откинуть капюшон. На неё был устремлён ястребиный взгляд серых глаз. Она прижала лезвие кинжала к его шее. Мужчина стоял неподвижно, глядя на неё. Мимо них пронеслась ближайшая пара, слишком увлечённая музыкой, чтобы заметить развернувшуюся сцену.

— Я буду вам крайне признателен, — наконец сказал он, — если вы нацелите свою маленькую иголочку куда-нибудь ещё.

Он указал глазами на её оружие, по-прежнему прижатое к его шее.

— Ах, простите, — насмешливо отозвалась Тазиенна.

С этими словами она подбросила кинжал, чтобы тот приземлился остриём вниз на один из её затянутых в перчатку пальцев. Удерживая кинжал таким образом, она глубоко поклонилась и повела джентльмена танцевать. Она вернула оружие в скрытые ножны и приняла руку мужчины.

Несколько пируэтов спустя она нехотя пожурела мускулистого светловолосого мужчину:

— Стеорф, я же предупреждала — никогда не играть со мной в такие фокусы.

— Заклинание было абсолютно случайным, — ответил он. — Я просто не хотел устраивать шумиху сегодня вечером. Мне показалось, что так будет проще всего.

Напряжение покинуло её лицо, и девушка усмехнулась новому партнёру. Её глубокие зелёные глаза утратили суровый блеск, и она тихонько рассмеялась.

— По правде говоря, — призналась она, — я немного завидую. Даже у меня не получается так быстро избавляться от мужчин. Может быть, когда-нибудь ты научишь меня этому трюку, — подразнила она.

— Тази, ты же знаешь, что я не выдаю секреты своего ремесла, — ответил он, используя сокращённое имя, что было позволено лишь немногим. — Иначе мать никогда меня не простит, — серьёзно добавил мужчина.

Помня о том, насколько угрюмым он может быть на публике, Тази ускорила темп их танца и попыталась улучшить настроение спутника. — И кем ты нарядился сегодня? Со всей этой чёрной одеждой? — спросила она.

— Я всего лишь часть мрака, — только и ответил мужчина.

Увидев, что её попытка ни к чему не привела, Тази вырвалась из его рук и сделала пируэт. — В таком случае, как думаешь, кем нарядилась я?

Стеорф увёл Тази с площадки для танцев и минуту рассматривал девушку. Она носила платье непопулярного стиля. В последнее время, заметил мужчина, Тазиенна предпочитала одеваться по кормирской моде. Кроваво-красное платье было сшито из какого-то дорогостоящего бархатного сукна и соблазнительно её облегало. Из-под свободной полной юбки торчали плоские туфли. Тесные рукава подчёркивали её сильные стройные руки, а золотое ожерелье к ним в пару подчёркивало изгибы девушки ещё больше. Тонкое лицо закрывала затейливая маска с длинными чёрными перьями, которые сливались с её короткими и такими же чёрными волосами.

— Могу предположить, что ты какая-то экзотическая птица, сбежавшая из Охотничьего сада Хулорна, — сказал он и добавил после быстрого взгляда, —

или настоящая заноза для твоей матери.

Стеорф кивнул на женскую главу дома Ускевренгов, которая кипела от злости в нескольких шагах от них, буравя пристальным взглядом их пару.

Тази бросила быстрый взгляд на мать и отвернулась.

— Да она всегда злится. Считает, будто я всё делаю неправильно.

— Она по-прежнему бесится из-за твоих волос? — спросил Стеорф.

— Ну, — начала оправдываться Тази, — короткая стрижка мне идёт, а длинные волосы плохо сочетаются с кормирским платьем.

Она отступила на шаг и снова чуть присела в намёке на книксен.

— С другими твоими занятиями они тоже плохо сочетаются, — ехидно заметил мужчина.

Тази хотела дать гневную отповедь, но замолчала, когда подошла её мать.

— Добрый вечер, молодой маг, — вежливо поприветствовала женщина Стеорфа. — Надеюсь, вы хорошо проводите время?

Стеорф глубоко поклонился и ответил — Конечно, мадам Шеймур. Бал Ускевренгов в очередной раз пользуется необычайным успехом. Для меня честь попасть в число ваших гостей.

— Похоже, что твоей матери, Илэйн, здесь нет, — с сожалением заметила платиновая блондинка, оглядев зал.

— Нет, миледи. Мать просила передать свои извинения.

— Что ж, — вежливо отозвалась Шеймур. — Я уверена, что лучшая волшебница Селгонга не всегда может похвастаться наличием свободного времени. С этим последним замечанием она устремила серо-стальные глаза на дочь. — К слову о свободном времени. Тазиенна, ты не видела сегодня Талбота?

— Кажется, мой большой младший брат ещё не вернулся с охоты. В чём дело, мама? Он испортил какой-нибудь из твоих тайных планов? Ты приготовила для него парад потенциальных невест, а он пропустил представление?

Шеймур не клонула на эту наживку. — Я немного волнуюсь, — тихо отозвалась она. Прежде чем Тази смогла добавить что-нибудь ещё, Шеймур продолжила уже более твёрдым голосом — Не забивай свою прелестную маленькую головку. — Она шагнула к дочери и принялась расправлять её костюм. — Впрочем, не думаю, что ты вообще о чём-то волнуешься. Тебе не обязательно. — Она отступила в складках синего и серебряного атласа. — Наслаждайся вечером и не забудь уделить внимание некоторым из наших гостей, дорогая Тазиенна. — Шеймур развернулась и направилась прочь от пары.

Разозлённая уколом матери, Тази окликнула её — Мама? Мне нравится твоё платье. Серебро подчёркивает теплоту твоих глаз.

Шеймур натянуто улыбнулась дочери, прежде чем зашагать дальше.

— Неужели нельзя было без этого обойтись? — спросил Стеорф, как только Шеймур отошла за пределы слышимости. — По-моему, она искренне волнуется о твоём брате.

Тази отмахнулась. — Могу поспорить, Талбот растянул поездку именно для того, чтобы избежать сегодняшнего вечера. Везунчик. Что же до моей матери — она просто пробуждает во мне самые худшие стороны. Знаешь, через несколько лет я могу стать такой же, — заметила девушка после небольшой паузы. Стеорф шагнул к ней ближе. — Не станешь даже за тысячу лет, — прошептал он. Она улыбнулась, и мужчина сделал к ней ещё один шаг.

— Это частный разговор или желающие могут присоединиться? — вмешался рыжеволосый эльф, одетый роскошно, почти кричаще. Его бархатный камзол аметистового цвета был покрыт золотой вышивкой, а в разрезах на рукавах виднелась рубаша из лавандового шёлка. Его кожаные сапоги с каждым скрипящим шагом кричали о своей новизне. В отличие от большинства других гостей, он совсем не носил маски.

Стеорф напрягся, но Тази лишь захихикала. — Похоже, — ответила она, — что сегодня у меня не выйдет урвать хоть чуточку приватности. Пожалуйста, присоединяйся, — радушно пригласила девушка. Эльф немедленно шагнул мимо Стеорфа, как мимо пустого места, и встал рядом с Тази. Он взял её ладонь и галантно поднёс к губам.

— Милый Эбейн, ты как всегда — истинный джентльмен, — она глубоко присела, но заметила напряжённость Стеорфа. Ей не хотелось наблюдать сегодня за пикировками этих двоих, так что девушка попыталась разрядить ситуацию. — Стеорф, не принесёшь ли мне вина? — невинно спросила она. — Из-за всех этих танцев я чувствую ужасную жажду.

— Да, милый мальчик, — махнул ему Эбейн. — Постарайся добыть нам напитки.

Эбейн предпочёл не заметить, как взвился Стеорф, и обратил всё своё внимание на Тази. Девушка выглянула из-за плеча эльфа, улыбнулась Стеорфу и одними губами произнесла: «пожалуйста».

— Я с радостью отыщу для Эбейна целый котёл и помогу нырнуть ему туда с головой, — пробормотал себе под нос Стеорф. Он чуть не улыбнулся, вообразив себе эту картину, и отошёл в поисках выпивки.

— В этом красном платье по лодыжку ты выглядишь просто блистательно, — Эбейн использовал этот комментарий как повод, чтобы потянуться и взять руки Тазиенны в собственные усеянные кольцами ладони. — Облегающие рукава подчёркивают твои тонкие руки, а это золотое ожерелье... — Он сделал многозначительную паузу.

— Думаю, из всех присутствующих лишь твоя матушка не одобряет твой кормирский наряд.

— Мать много чего не одобряет, — ответила Тази, позволяя Эбейну держать себя за руки. — Но я выбираю наряды не затем, чтобы доставить ей удовольствие.

— И хорошо. Иначе ты выглядела бы жалко, — со смехом заметил он.

Тази убрала свои руки. — Что привело тебя сюда этим вечером? Когда мы в последний раз говорили, ты упоминал какие-то другие планы.

— Планы меняются, красавица, — ответил он. — Ты же знаешь, как это бывает.

— Он подался вперёд и как будто мимоходом провёл рукой по золотому ожерелью на Тази. Девушка мгновенно схватила его худую руку и заломила её.

— Ты забываешься, Эбейн, — предупредила девушка.

— Разве? — он многозначительно посмотрел на неё.

— Однажды тебе придётся заплатить за свою фамильярность, — легкомысленно пообещала Тази.

— Рано или поздно, — возразил он, — нам всем приходится платить.

Прежде чем Тазиенна смогла что-то ответить, вернулся Стеорф со слугой. Последний нёс поднос с напитками и различными закусками. От внимания Стеорфа не укрылась хватка Тази на запястье Эбейна, но он промолчал. Трое выбрали бокалы вина, и Тази со Стеорфом стали ждать, пока Эбейн перебирал еду. Наконец, он нашёл подходящий кусочек.

— Я удивлён, — начал Эбейн, вытерев уголок рта серебряным шарфом, — что сегодня ты остаёшься здесь, Тазиенна. Обычно ты не задерживаешься на подобных вечерах.

— Как наблюдательно с твоей стороны, Эбейн. На самом деле я кое-кого разыскиваю.

— Неужели не меня? — в притворном ужасе спросил Эбейн, хватаясь за сердце. — Я сломлен.

Его пантомима сработала. Тази засмеялась и легонько шлёпнула его по руке.

— Ты помнишь небольшую вечеринку, которую моя семья устроила несколько дней назад? — спросила она.

— Как я могу забыть? — Эбейн начал перечислять достоинства платья, которое было на Тази тем вечером. Девушка прервала его, прежде чем комментарии затянулись. Чересчур усердные комплименты эльфа начинали действовать ей на нервы.

— Я не это имела в виду. Ты заметил мужчину, с которым мать весь вечер пыталась меня свести?

— Высокий, хмурый парень, очень похожий на вот этого нашего сокола, — Эбейн указал тонким пальцем на Стеорфа. — Насколько я помню, у него на

шее была необычная татуировка.

Несмотря на всю свою помпезность, Эбейн обладал наметанным глазом, и мало что могло укрыться от его внимания.

— Он самый. Как всегда, чтобы порадовать мать, я немного с ним пофлиртывала.

— Немного, — буркнул Стеорф.

— Когда вечер уже подходил к концу, — продолжила Тази, пытаясь не обращать внимания на ремарки Стеорфа, — я подарила ему кое-что на память. На самом деле он был весьма привлекательным. Обычно протеже моей матери совсем не такие симпатичные. Эта татуировка придавала его облику экзотичность.

Эбейн погладил её руки в перчатках, хотя его целью был не только флирт.

— Ты не отдала изумрудное кольцо, которое всегда носишь, — проницательно заметил он. — Я по-прежнему чувствую его на твоём пальце. Ты когда-нибудь его снимаешь?

— Оно всегда со мной. Это старый подарок одного мага.

Эбейн звонко рассмеялся.

— Тебе двадцать один. Что ты можешь знать о «старости»?

— Как я говорила, — продолжила Тази немного ворчливо, вырвав руки, — я подарила ему кое-что в знак моего расположения. Она замолчала и убрала густой локон с левого уха, открывая алмазную серёжку.

— Он получил вторую, — объяснила девушка, — и сегодня вечером я планирую забрать серьгу из его жилища. Затем под каким-нибудь подходящим намёком я потребую, чтобы он показал мне серьгу и доказал тем самым, сколько я для него значу. Когда он не сумеет этого сделать, я обвиню его в неверности и снова буду свободна! — В глазах девушки заплескали весёлые искры.

— Откуда ты знаешь, что его не будет дома? И даже если так, он может взять серьгу с собой, — заметил Стеорф. — Он может оказаться преданным ухажёром.

— Какой же ты неверующий, раз спрашиваешь меня о таком. Разве я когда-нибудь ошибалась? Не отвечай, — быстро добавила Тази.

— А что ты будешь делать, если тебя поймают? — спросил её Стеорф.

— Уж ты-то должен знать, на что я способна. Эбейн, напомни мне как-нибудь рассказать про тот раз, когда я спасла его шкуру, — она ткнула пальцем в сторону Стеорфа. — Прошло почти семь лет, а он по-прежнему ходит за мной хвостиком из благодарности.

— После этого, напомни мне рассказать, как всё было на самом деле, — отозвался Стеорф, у которого от вина начал развязываться язык.

— Дома его не будет, — уверенно продолжила Тази. — Все заслуживающие внимания селгонтцы сегодня вечером находятся здесь. И, — добавила она, — из одного нашего разговора я узнала, что Циредор жаждет видеть и быть увиденным. Его не будет дома. Хотя, — она замолчала, чтобы оглядеть костюмированное сборище, — должна признать, что пока что я не смогла отыскать его в толпе.

— Надеюсь, ты права, и он находится здесь, — серьёзно ответил Стеорф.

— А я надеюсь, что тебя не поймают — как в тот раз, когда ты пыталась обокрасть меня, — любезно добавил Эбейн.

Из-за маски ни один из мужчин не мог сказать, покраснела ли Тази от этой ремарки. Под маской её лицо нахмурилось при воспоминаниях о не такой уж и далёкой ночи. Когда мать представила её Эбейну, Тази попыталась украсть парочку его вещей из комнаты эльфа в гостинице «Дамские бёдра». Она неверно выгадала момент, и Эбейн вернулся до того, как Тази покинула сцену преступления. В результате произошла борьба, и той ночью Эбейн многое узнал про Тази. Он почувствовал её смущение и подмигнул.

Девушке не нужно было даже поднимать взгляд, чтобы догадаться, что Стеорф сейчас взорвётся. Она знала, что юноша терпеть не мог фамильярности, с какой Эбейн говорил об их встречах. Последнее, чего она хотела сегодня — спровоцировать сцену или оттолкнуть Стеорфа. Для этого она слишком им дорожила.

Одного прикосновения её руки к запястью мага хватило, чтобы его натянутые мышцы расслабились. Однако злость никуда не пропала из его мрачного взгляда. Не обращая на них внимания, Эбейн беззаботно продолжал:

— Нам стоит попробовать повторить, дорогая, — вещал эльф, — когда будешь готова взять реванш.

— Ты прав, — парировала Тази. — Посмотрим, по-прежнему ли ты готов к битве со мной. Но этим мы займёмся позже.

С тех пор, как Эбейн столь приятным образом открыл для себя многочисленные чары Тази, они не раз обменивались такими репликами в компании посторонних. Эльф был достаточно осторожен, чтобы не выдать слишком многое; у него были собственные тайны, и Тази тоже держала их в секрете. Тем не менее, иногда они подходили опасно близко к правде.

— О чём вы двое болтаете? — вмешался Стеорф, больше не в силах сдерживать свой гнев.

— Похоже, ты не так уж часто бываешь в городе, правда? — со смехом отозвался эльф.

— Ну хватит, — зашипела на них Тази, разводя в стороны. — Я хочу ускользнуть без шума, и если вы начнёте драку, это разрушит все мои планы.

Стеорф обуздал свой норов.

— Здесь не так уж много женщин в красном. Похоже, уйти незамеченной будет непросто.

Он кивнул в сторону Шеймур.

Тази на мгновение задумалась, прежде чем объявить — В таком случае, мне просто необходимо, чтобы меня заметило как можно больше людей. Джентльмены. — Она в последний раз присела в книксене и отошла в поисках нового партнёра. Стеорф ничего не сказал и оставил заинтригованного Эбейна в одиночестве.

Тази выбрала среди ближайших кавалеров мужчину в маске с узором домино и позволила ему увести себя на площадку для танцев. Она улыбалась его банальным репликам и смеялась в нужные моменты. Когда ритм изменился, она позволила вмешаться другому мужчине. Поток сменяющихся партнёров позволил Тази выкинуть двух мужчин из головы. У неё были другие планы на вечер, и планы эти требовали всей её смекалки.

Когда настал подходящий момент, Тази поблагодарила своего последнего партнёра и незаметно выскользнула из бальной залы. За её уходом из противоположных концов помещения следили две пары глаз.

Тази не терпелось сменить платье. Хотя стиль наряда был выбран специально, чтобы разъярить мать, кормирская мода нравилась Тази лишь немногим более её сембийских нарядов. Она считала, что любые платья только замедляют носительницу и выдают её присутствие. Пока что девушке не повстречалось достаточно удобного и скрытного платья.

Направляясь в свои покои, Тази заметила Лараджин, одну из семейных горничных, болтающуюся в конце коридора. В живом разуме Тазиенны родилась идея.

— Лараджин, — позвала она испугавшуюся девушку. — Мне нужна твоя помощь. Тази вошла в свои покои, Лараджин — следом.

Девушка подошла к гардеробу и распахнула дверцы. Она ловко забрала небольшой узелок из самых глубоких недр шкафа и бросила его на ближайшее кресло. Затем повернулась к служанке.

— Пожалуйста, разденься, — приказала Тази. — Сегодня вечером ты должна сыграть для меня роль. — Увидев озадаченное лицо горничной, она рассмеялась.

— Я подумала, что вам нужна помощь с вашим платьем, — пробормотала Лараджин. Она легонько подчеркнула слово «вашим».

— Ты абсолютно права, — подтвердила Тази, сдерживая смех, и начала снимать с себя красное платье. — Мне действительно нужна помощь с этой штукой. И ты-то мне и поможешь. — Она отстранила Лараджин, пытавшейся

помочь с раздеванием, и вытянула руки из облегающих рукавов.

— Начинай раздеваться, — сказала Тази, в спешке чуть не вырвав несколько пуговиц. — Я не могу торчать здесь всю ночь. И так уже потратила достаточно времени этим вечером.

Лараджин стала снимать свою бело-золотую униформу горничной, по-прежнему не догадываясь, что задумала хозяйка, но втайне радуясь избавлению от собственного костюма.

Тази выскользнула из танцевальных туфель и выступила из лужи красного бархата на полу. Не задумываясь, она подошла к дивану и начала развязывать кожаный узел. Лицо горничной озарилось пониманием, когда та увидела новую одежду хозяйки. Тази потребовалось лишь несколько привычных движений, чтобы переодеться. После этого она обратила внимание на практически голую горничную.

— Подойди сюда, — Тази указала на грудку вечерней одежды. — Давай помогу. В каждом шаге Лараджин сквозила нерешительность.

— Ох, да прекрати смущаться, — приободрила её Тази. — Для тебя это не впервые. — Лараджин с некоторым удивлением посмотрела на неё.

— О чём вы, госпожа? — тихо спросила она.

— Я видела тебя здесь и раньше. Ты примеряла некоторые из моих — как бы это сказать — менее приличных нарядов. В конце концов, у нас практически одинаковый размер.

Увидев, как тревога расходится по гладкому лицу Лараджин, Тази быстро добавила:

— Я не возражаю. На самом деле, можешь брать любую одежду. Но сегодня ночью ты должна оказать мне услугу, раз у тебя мой размер. Я хочу, чтобы ты притворилась мной на весь остаток вечера.

Она подтолкнула Лараджин в центр её сброшенного вечернего наряда и принялась помогать ей одеться.

— Госпожа Тазиенна, это не сработает, — заявила Лараджин, умоляюще протянув руки.

Тази поймала руки горничной и принялась засовывать их в рукава, как будто одевала ребёнка.

— Ни о чём не волнуйся, — успокоила она. — Тебе просто придётся несколько часов побыть в моей шкуре.

Тази зашла служанке за спину и начала зашнуровывать верх платья. Лараджин ещё раз попыталась запротестовать, но Тази туго затянула корсет, и причитания девушки закончились громким охом. Тази развернула её к себе лицом.

— Всё отлично сработает, — предупредила её Тази. Улыбаясь, она принялась

завивать ржавые локоны Лараджин в стиле, который производил впечатление более короткой стрижки. Через какое-то время Лараджин набралась храбрости возразить хозяйке даже после первой болезненной отповеди. — Госпожа, я просто хочу сказать, что мне будет сложно притворяться из-за разницы наших волос и глаз.

— В таком наряде никто не будет приглядываться к твоим глазам, но насчёт волос ты права, — секунду спустя ответила Тазиенна, постукивая пальчиком по подбородку. — Твои выглядят так, как будто тебя поцеловало солнце, а мои — черны как ночь.

Она задумчиво накрутила на палец чёрный локон.

— Чёрные, — прошептала она, — как уголь... или сажа. — С быстрым смешком Тази подбежала к камину и сунула руки в холодную золу. Затем она поманила Лараджин грязным пальцем. — Уверена, что это легко смоеся, — заверила свою служанку Тазиенна, припудривая волосы женщины пеплом и золой, — и прекрасно решит проблему неподходящего цвета.

Тази закончила свою работу и похлопала Лараджин по голове, чтобы заставить её поднять взгляд. — Теперь, — приказала она, — перестань закусывать губу, стань прямо и улыбнись.

Тази обошла девушку кругом и оказалась у неё за спиной. Она положила руки на плечи Лараджин и наклонилась к её правому уху. — Ты справишься, — приободрила она. — И может быть, даже повеселишься.

Снова обогнув служанку, Тази добавила несколько последних инструкций. — Всё, что тебе нужно — потанцевать с полудюжиной моих текущих ухажёров. Это займёт не более пары часов. Не смотри им в глаза слишком часто, — продолжала она список, шагая вокруг неподвижной Лараджин, как учитель фехтования, — и не отвечай на любые их вопросы. Я никогда не отвечаю. Моя мать сейчас слишком зла на меня, чтобы заговорить сегодня вечером, а отец слишком занят делами. У него не будет времени говорить с тобой. То есть со мной, — улыбнулась Тази. — У тебя всё будет в порядке.

Какая-то часть неловкости Лараджин растаяла от слова «веселье». Тази видела, что девушка потихоньку проникается идеей этого розыгрыша. Может быть, она не безнадёжна, решила на. Молодая хозяйка не слишком беспокоилась, что дела пойдут худо и Лараджин раскроют. Она заметила, что с тех пор, как Лараджин наняли в их особняк, её наказывали значительно реже прочих горничных. Между ней и моим младшим братом должен быть какой-то уговор, подумала про себя Тази. Лараджин будет в безопасности.

— Пойдём, — сказала Тазиенна и подтолкнула горничную к двери.

Сжившись с ролью заговорщицы, Лараджин осторожно выглянула в коридор, но увидела, что они с Тази одни. Две женщины, совсем по-разному одетые,

вышли из комнаты. Без единого слова обе направились к главной лестнице. Однако Тази остановилась, не доходя до нужного места, и Лараджин вопросительно повернулась к ней. — В чём дело? — громким шёпотом спросила служанка.

— Всё в порядке, — заверила её хозяйка. — Я просто иду в другую сторону. Выскользну через окно в конце коридора.

— Не волнуйтесь, — неожиданно сказала Лараджин. — Вас никто не узнает. Я сама едва вас узнаю.

Улыбаясь, Тази объяснила — на самом деле, есть пара гостей, которые могут меня узнать, а мне сегодня не хочется больше ничего объяснять. Иди же, — покровительственным тоном приказала она девушке двумя годами старше. — Только не увлекайся. В конце концов, мне нужно поддерживать репутацию. Она лишь на мгновение смогла удержать серьёзное выражение, а потом тихонько рассмеялась. Лараджин присоединилась к ней, и девушки пожелали друг другу удачи.

Какое-то время Тази наблюдала, как Лараджин спускается по главной лестнице — поначалу не слишком уверенно. Тази с удивлением увидела, что её ухажёры слетелись к Лараджин, когда та спустилась, протягивая руки и приглашая её на танец. Она следила, как Лараджин осторожно выбрала одного, и счастливчик потащил её на площадку для танцев. Не беспокоясь о своём двойнике, Тази направилась к окну.

Те же самые две пары глаз, что следили, как она покидает балльную залу, теперь наблюдали за «возвращением» девушки. Их нельзя было так легко обмануть.

* * * * *

В холодном вечернем воздухе Тази стало легче дышать. Именно в это время суток она больше всего чувствовала себя свободной. Её дни были полны семейных обязанностей и бдительных глаз, но ночи она сделала своими, и по-настоящему смаковала эти часы. Первая её остановка будет в квартале Бычьей Крови — собрать немного информации и выпить кружку-другую. Она легко двигалась по улицам, так довольная своим побегом, что не заметила тёмную фигуру, державшуюся на приличном расстоянии позади. Вскоре у Тази появился другой повод отвлечься.

Крики, более жуткие, чем те, что обычно можно услышать в квартале Бычьей Крови, привлекли внимание девушки. Она свернула с главной улицы и наострила уши в поисках источника этих тревожных воплей. Чтобы найти причину, ей потребовалась всего секунда поисков на небольшой боковой улочке.

В задней части переулка Тази различила троих. Двое крупных мужчин прижимали к стене женщину. Должно быть, она и была источником криков. Мужчины носили промасленные штаны, типичные для людей, привычных к морской жизни. Матросам пришлось поблуждать, чтобы забраться так далеко от Селгонтского залива, но Тази не удивилась, что они нашли, как поразвлечься. Даже в тусклом свете было видно, что женщина — настоящая красавица. Видела Тази и то, как мужчины оценивающе разглядывают жертву. Один из них протянул руку, на которой не хватало пальцев, чтобы коснуться лица жертвы. Должно быть, он не слишком ловко управляет с канатами и сетями, весело подумала Тази. Его низкий спутник держался в нескольких шагах, вполне удовлетворённый тем, что дожидается своей очереди, и прихлёбывал из кувшина, который эти двое, очевидно, делили между собой. Женщина была не так довольна ролью их игрушки и попыталась сопротивляться.

Ну, либо это, либо выпивка в «Лисице», подумала Тази. И сразу же бросилась в драку.

Женщина — её одежду порвали и испачкали — скорее благодаря удаче, чем какому-либо умению сумела порезать Беспалого. Тот зашипел и отдёргнул руку. Вид собственной крови привёл его в ярость, и Тази заметила, что гнев прожёт себе путь сквозь его хмельной дурман. Он взбешённо уставился на женщину. Игра перестала его веселить.

— Ты за это заплатишь, — прорычал он и стиснул кулак. Когда он занёс руку для удара, Тази подошла к нему сзади и эффективно проткнула рапирой мышцы плеча. От неожиданности и боли мужчина упал на колени. Тази быстро ухмыльнулась женщине, но та не ответила.

Наверное, боится, что от меня будет больше неприятностей, чем от этих двоих, подумала Тази. В чёрной коже и с мечом она не производила впечатление respectable дамы.

Тази упёрлась сапогом между лопаток Беспалого и вырвала меч. Коротышка, не настолько пьяный, как его дружок, какой-то миг стоял с открытым ртом, а потом отбросил кувшин и пришёл на помощь товарищу. Он позабыл о женщине, которую они затащили в тупик, когда понял, что дело дрянь.

Тази видела решительное выражение на его лице. Похоже, Коротышка не любил проигрывать. Она целиком завладела его вниманием.

Коротышка отпихнул женщину с дороги, и та рухнула на колени на камни переулочка. Тази беззвучно засмеялась, когда мужчина едва не споткнулся о свою предполагаемую жертву. Женщина не пыталась убраться с пути. Тази подумала, что та, наверное, в шоке — *а может, просто туго соображает?*

На её месте, подумала Тазиенна, я бы исчезла со скоростью молнии.

Но времени на размышления не осталось — второй мужчина достал нож. Он целил Тази в лицо, но девушка легко увернулась от грубой атаки. Инерция заставила Коротышку врезаться в Беспалого, который пытался встать на ноги. — Ну давайте, — поддразнила их Тази. — Я встречала троллей пограциознее, чем вы оба.

Коротышка выпутался из конечностей Беспалого и неуверенно поднялся на ноги. — Не играй со мной, парень! — воскликнул он, осыпав её дождём слюны.

Тази усмехнулась в ответ на эту угрозу. В очередной раз её кожаный жилет и штаны, короткие волосы, умение в обращении с мечом, не говоря уже о плохо освещённом переулке, сделали своё дело. *Как же на самом деле просто обманывать людей,* — с презрением заключила девушка.

— Я вполне способен научить тебя хорошим манерам, — продолжал угрожать Коротышка.

Тази поставила рапиру в землю, как трость для ходьбы, и щегольским жестом опёрлась на неё левой рукой.

— И каким же манерам ты меня научишь, старый развратник? — ехидно поинтересовалась она. — А её чему ты хотел научить? — Она кивнула на женщину, по-прежнему сидящую на коленях. — Думаю, тебе с твоим другом лучше возвращаться в залив, — предложила Тази. — Здесь вы как рыба на суше.

Мужчина ничего не ответил и вместо этого снова бросился на неё. Немного сместив свой вес, Тази подняла рапиру перед собой и легко блокировала выпад. Они стояли лицом друг к другу, близко, как партнёры по танцу. Она посмотрела мужчине прямо в глаза и с ангельской улыбкой на губах подняла правую руку и резанула его кинжалом по бедру. Лицо Коротышки исказилось от боли, и он рухнул наземь, напрасно хватаясь за кровоточащую рану. Быстрый взгляд на его напарника убедил Тази, что Беспалый по-прежнему баюкает свою руку и этим вечером больше не представляет угрозы для неё или любой другой женщины. Она шагнула мимо двух мужчин к их жертве, которая наконец-то перестала дрожать и поднялась на ноги. — Соберись, — резко приказала Тази. — Пора уходить.

В тёмном переулке Тази показалось, что женщина по-прежнему находится в состоянии шока. Она тупо смотрела на спасительницу. Если женщины будут медлить слишком долго, к матросам может вернуться их гонор. Тази схватила женщину за руку и потащила её из переулка. И, поскольку ей нравилась противоречивость, она задержалась, чтобы сорвать чёрный шарф с шеи и бросить его мужчине с раненой ногой.

— Возьми, — с отвращением сказала Тази, — пока не истёк кровью до смерти.

Здесь и так грязно. С этими словами Тази потащила женщину к людным улицам.

Прежде чем заговорить, они прошли какое-то расстояние. Наконец женщина положила на Тази вторую руку и легонько потянула. Тази остановилась и повернулась к только что спасённой незнакомке. Факелы на улице горели не очень ярко, но было заметно, что женщина не из Селгонта. Мерцающий свет синевой отражался на её черных волосах и освещал смуглый тон кожи. Одежда тоже выдавала в ней чужеземку. Вихрь шелков, пускай даже порванных и испачканных, намекал на пустыню. Но в этом торговом городе не так уж редко встречались путешественники из таких далёких краёв.

— Я хотела поблагодарить вас, — начала чужеземка тихим, но глубоким голосом. — Похоже, я перед вами в долгу, госпожа.

Тази была поражена, что женщина так легко различила её маскарад. Прежде никто не раскрывал её настолько быстро.

— Откуда ты знаешь? — выпалила она. — Разве мои волосы и одежда тебя не обманули? — Тази остановилась, чтобы дёрнуть за свои короткие чёрные локоны.

Впервые с момента их встречи Тази увидела улыбку женщины. — Такие вещи не способны меня обмануть, — ответила та мягким, мелодичным голосом, — поскольку я слепа.

Тази была ошеломлена. Она подтащила женщину ближе к свету и подняла её лицо вверх. В мягком сиянии факела Тази смогла рассмотреть ледяную белизну глаз женщины. В них не было узнавания.

— Это объясняет, почему ты так плохо дерёшься, — хмыкнув, заметила девушка. — Ты не видела приближения этих парней.

— Это так, но я определённо почувствовала их запах, — улыбнулась в ответ женщина.

На лице Тази расцвела искренняя улыбка. Ей нравилась незнакомка. Дочь Тамалона Ускеврена считала, что хорошо разбирается в людях, и прислушивалась к своей интуиции. — Что ж, раз мы будем путешествовать вместе — даже на такое скромное расстояние, как эта улица — я хотела бы знать твоё имя, — заметила она.

- Меня зовут Фанна иль'Кун, — с лёгким поклоном представилась женщина.

— А меня, — с немного большей бравадой ответила Тазиенна, — зовут Тази. Когда я выхожу в этот квартал в подобной одежде, — добавила она, — то отзываюсь лишь на это имя.

— Тогда мне нужно «увидеть», что ты носишь, — сказала ей Фанна.

Тази не догадалась, что имеет в виду женщина под «увидеть», учитывая её состояние. Прежде ей не доводилось встречаться со слепыми. Охваченная

любопытством, Тази повернула за угол, прочь от любопытных глаз, и сказала Фанне «посмотреть», что бы это ни значило.

Чужестранка осторожно подняла руки и потянулась к густым волосам Тази. Она нежно позволила своим чувствительным пальцам скользнуть по прядям, затем провела ладонями по лицу спасительницы. Она чувствовала гладкую кожу, высокие скулы и тонкий рот Тази. Был там и след от пудры, и аромат парфюма, указывающий на богатую жизнь. Однако её пальцы не могли рассказать о морской зелени глаз Тази. Тем не менее, она могла определить, что Тази была немного выше. Когда её руки опустились по тонким, но мускулистым рукам Тази, Фанна «увидела», что Тази носит необычный для женщины наряд. На самом деле, Фанна осознала, что одежда на девушке вообще не женская. Её умелые пальцы узнали поверхность кожи и шёлка. Покрой одежды Тази больше подходил к скрытной деятельности, которой чаще всего занимались мужчины. Губы Фанны расплылись в улыбке.

— Насколько я понимаю, теперь ты видишь, — сказала Тази.

— Да, — глубоким голосом ответила Фанна. — Кажется, я начинаю понимать. Ты не та, кем кажешься.

— И да, и нет. Это пока что неясно, — добавила Тази, не желая вот так сходу выкладывать этой незнакомке всё. — Но хватит! От всех этих игр у меня разыгралась ужасная жажда. Выпьешь со мной?

Какой-то миг Фанна не могла найти слов. Её смущение было очевидным.

— Ну, я наверняка испортила тебе планы на вечер, когда порезала твоих спутников. Самое меньшее, что я могу, — щедро предложила Тази, — предложить себя вместо них.

Черноволосой незнакомке потребовался всего миг, чтобы принять решение. Жизнь давно научила её принимать, что дают. Она грациозно протянула руку. Тази заметила у неё на коже странный узор, но не стала об этом упоминать. Она взяла Фанну под руку, как следовало хорошему спутнику, и они направились на улицу Ларавкан. Тази прижала свободную ладонь ко рту в тщетной попытке подавить одолевающий её смех. К тому времени, как она распахнула выдавшую виды дверь в «Разбитую лисицу», обе женщины неудержимо смеялись. Поскольку «Лисица» была не самым приличным заведением, никто из посетителей не обратил внимания на сцену, устроенную «юношей» и его дамой.

Тази и Фанна уселись за столик в отдалённом уголке бара. Пухлая служанка зажгла старую свечу, приклеенную к столу грудой расплавленного воска, и приняла заказ. Она была новенькой и не узнала Тази. Это вполне устраивало дочь Ускевренгов. Тази и так казалось, что сегодня ночью её узнали слишком многие. Единственный, кто дал об этом знать, когда они со спутницей вошли в

задымленное помещение, был Алалл Улол, один из владельцев заведения. Конечно, он должен был узнать девушку — именно ему она вручала свои ежемесячные платежи. Семейный особняк был достаточно просторным, но Тази испытывала необходимость иметь жилье, которое принадлежало бы ей целиком, без связей с её более «респектабельной» жизнью. Комната в «Лисице» прекрасно подходила на эту роль.

Не зная точно, кто сопровождает Тази, Алалл напрягся за барной стойкой. Его отвислые щёки, покрытые густыми серыми бакенбардами, подтянулись, и Тази поняла, что мужчина готов прийти ей на помощь, если потребуется. Она быстро кивнула хозяину, и тот расслабился. За три года он приобрёл серьёзную заинтересованность в её благополучии. В свою очередь девушка начала доверять Алаллу и его жене, Калакалан. Калли знала о Тазиенне больше, чем кто-либо другой.

Когда им принесли напитки, Тази принялась расспрашивать Фанну о её слепоте. Сама Тази редко говорила о личных делах, не считая Калли и иногда семейного дворецкого, Эревиса Кейла, но она специально пыталась узнать, как можно больше о людях вокруг. Кейл научил её, что знания — ценный товар. Кроме того, у слепой женщины, разгуливающей без сопровождения в незнакомой части города, должна быть интересная история. Однако прежде чем Фанна успела рассказать что-то существенное, Тази почувствовала присутствие у себя за спиной. Фанна тоже ощутила это и замолчала.

Тази расслабленно подалась вперёд, как будто уже опьянев, и вытащила кинжал из правого сапога. Как только человек хлопнул её по плечу, она резко развернулась, выставив кинжал перед собой. Нищий в лохмотьях дрогнул, но устоял.

— Прости, — усмехнулась Тази, когда узнала старика. У неё была целая сеть осведомителей, и он был одним из самых надёжных. — Принёс то, что мне нужно?

— Иначе меня бы тут не было, — просипел мужчина. Он достал клочок бумаги с несколькими неровными линиями на нём. — Жилище, которое ты искала, — предложил он.

Пока Фанна спокойно прихлёбывала выпивку, Тази сунула оружие в ножны и схватила бумагу, быстро взглянув на неё. Когда Тази убедилась, что может прочитать старческие каракули, она протянула осведомителю свою нетронутую кружку и незаметно сунула ему монету. По выражению мужчины было непонятно, какая награда порадовала его больше.

Тази швырнула кинжал в балку рядом с баром, чтобы привлечь внимание Алалла. Не обращая внимания на его разъярённый взгляд, она мило улыбнулась и дала знак обновить их напитки.

— Кажется, я по-прежнему не понимаю, — как ни в чём не бывало, продолжила Тази разговор с Фанной. — Ты говоришь, что мать продала тебя из-за слепоты?

Тази заставила себя смотреть в бело-ледяные глаза Фанны. Девушка заметила, что эти глаза вызывают у неё беспокойство. Сложно было поверить, что Фанна не может видеть с их помощью. Кроме того, Тази сложно было сопоставить жизнь, которой жила Фанна, со сдержанной женщиной, сидящей прямо перед ней. Несуществующие отношения Фанны с матерью заставили девушку задуматься. Хотя она иногда отчаянно ссорилась с собственной матерью, Шеймур, в душе Тази знала, что её мать никогда даже не подумает о чём-то настолько жестоком.

Фанна по-птичьи наклонила голову и смахнула с лица прядь иссиня-чёрных волос.

— Она хотела убить меня при рождении, — спокойно сообщила она, — но её религия такого не позволяет. Мне повезло, что она была такой набожной, уже не говоря о том, что отличалась настоящей красотой. Мужчины платили огромные суммы за общество Ибины иль'Кун. Из-за этого местная харчевня в Калимпорте хорошо за меня заплатила. Они были уверены, что я вырасту такой же красивой, как мать, и может быть, пойду по её стопам.

В ответ на это Тази щёлкнула языком, как будто пытаюсь сказать: «Ну это очевидно!»

— Но что могла маленькая слепая девочка предложить харчевне? — спросила она вслух.

— Я быстро выучила планировку «Конца пустыни», — объяснила Фанна. — И освоившись с ней, я справлялась не хуже любой служанки. Были клиенты, которые платили сверху за то, чтобы их личности оставались в секрете. Слепая девушка казалась для них очевидным выбором. Большинство людей забывают, что отличаются не только лицом, но ещё голосом и даже, — она наморщила нос в притворном отвращении, — запахом.

— Ты когда-нибудь занималась профессией матери? — тихо спросила Тази.

— Мне повезло, — без колебаний ответила Фанна. — Мне не пришлось никому себя продавать. Когда срок в «Конце пустыни» подошёл к концу, мой контракт выкупили. За время нашего долгого путешествия в Селгонт покупатель так и не назвал мне своего имени. Единственное, что он потребовал — нарисовать свой знак на моей руке.

Фанна протянула правое запястье, чтобы Тази могла его рассмотреть.

Это была татуировка, которую Тази заметила на улице. Она попыталась вспомнить, кому принадлежит знакомый узор. Тази знала, что недавно видела похожий. Её озарило — это была экзотическая метка, которую Циредор носил

на шее.

— Когда мы прибыли, — продолжала Фанна, не зная про откровение Тази, — он сразу же без всяких объяснений меня покинул.

— Как давно это было? — взволнованно поинтересовалась Тазиенна.

— Несколько дней назад, насколько я могу судить, — ответила слепая женщина. — Он сказал, что найдёт меня, если я ему понадобится. Вскоре после этого мне повезло встретить вас, «лорд» Тази.

Любопытство Тази достигло пика. Каким образом Циредор связан с этой девушкой? Если у него был один секрет, подумала она, то, наверное, имеются и другие.

Тази не терпелось отправиться по своим делам, поэтому она воспользовалась паузой. — Всё это крайне познавательно, но у меня есть другие планы на вечер, — сообщила она Фанне. — Я скоро вернусь.

Пока Алалл заканчивал обслуживать посетителя, Тази высвободила свой кинжал из балки рядом с баром. Она беззаботно облокотилась о доску и принялась изучать кончик лезвия. Увидев, что тот слегка притупился, девушка достала оселок из кармана и принялась затачивать лезвие.

— Пропасть и тьма, ты меня в могилу сведёшь, дитя, — упрекнул её Алалл, чьи круглые, как яблоки, щёки покраснели от возмущения. — Однажды у тебя сойдёт прицел, а пострадаю из-за этого я!

Тази наклонилась через барную стойку и легонько поцеловала хозяина в одно из этих красных яблок. — Ну-ну, — проворковала она, — ты же знаешь, что я никогда не промахиваюсь. А если невозможное когда-нибудь и случится, — она ухмыльнулась, — твой дух может покоиться с миром, зная, что твоя жёнушка как следует меня поколотит. В конце концов, она больше десяти лет прослужила в сембийской армии.

— Почему-то мне от этого не легче, — вздохнул Алалл, закатив глаза к низкому потолку. Но поцелуй уже сделал своё дело. Мрачное выражение хозяина смягчилось, как случалось всегда в обществе девушки.

Тази сунула руку в потайной карман и достала несколько монет. Она протянула ему какую-то часть, и, после некоторых размышлений, добавила ещё пару. — За выпивку. Остальное — за дополнительный ключ к моей комнате.

— Только не говори, что потеряла свой, милочка, — заметил Алалл.

— Нет. Видишь эту черноволосую женщину за моим столом? — сказала она, понизив голос и указывая на Фанну. Алалл кивнул. — Она поживёт какое-то время в моей комнате, и я хочу, чтобы она могла уходить и приходить, когда вздумается.

Алалл сумел скрыть своё удивление. Тази уже несколько лет снимала номер в его гостинице, и он мог вспомнить только двух других гостей, которых она у

себя принимала. Девушка никогда не позволяла им оставаться на такой долгий срок, чтобы потребовался ключ.

— Будет сделано, — пообещал он. — И я дам Калли знать о твоей гостье, чтобы она не подумала, будто девочка в тебя втюрилась и не спустила её с лестницы просто по привычке.

Тази ухмыльнулась, когда ей об этом напомнили. Не так давно ей уделял слишком много внимания один из клиентов «Лисицы», очарованный юношей, за которого она себя выдавала. Тази попыталась незаметно отступить в свою комнату, но у джентльмена были другие, дружеские идеи. Однако Калли убедилась, что Тази оставят в покое. Жена Алалла, в которой было не менее шести футов роста, взяла назойливого ухажёра за шкирку и бесцеремонно швырнула вниз по старым и скрипучим ступенькам. Тази поняла, что в «Лисице» нашла безопасную гавань и новых родителей.

Тази развернулась, собираясь уходить, и Алалл бросил ей обратно несколько медяков. Тази усмехнулась в ответ на его суеверие. Немногие из торговцев в Селгонте до сих пор верили, что если отдать немного денег обратно клиенту, тот однажды снова к тебе вернётся. Алалл верил.

Вернувшись к столу, она сказала Фанне — Боюсь, сегодня ночью мне нужно отправиться в другое место.

Фанна с улыбкой кивнула, но Тази видела следы тревоги на её лице. Тази без запинки продолжила — Почему бы тебе не взять напиток и не подняться ко мне в комнату? Может быть, мы даже сумеем уговорить Калли найти тебе что-нибудь более существенное перекусить. — Она подошла к стулу Фанны и помогла той сориентироваться.

Устремив свои пугающие глаза к Тази, Фанна напряжённым голосом спросила — Что ты имеешь в виду «к тебе в комнату»? — Похоже, люди по-прежнему могли удивить Фанну.

Направив слепую женщину к лестнице, Тази заявила — Я ведь сказала — я испортила тебе планы на вечер и хочу возместить потерю.

Фанна остановилась перед лестницей и упрямо не двигалась с места. Она обеими руками вцепилась в запястье Тази и уставилась на неё своими незрячими глазами. — Ты меня не знаешь и ничего мне не должна. Я сама справлюсь, — со стальной решимостью сказала она. Теперь настала очередь Тази недоумённо наклонять голову.

— Я не сомневаюсь, — заверила она, — но зачем отказываться от моего предложения? Тебе сегодня некуда идти, и я у тебя ничего не прошу. Почему бы не сказать «да»?

После небольшой паузы Фанна прошептала — Почему ты мне помогаешь?

Тази похлопала свободной рукой по стиснутым рукам Фанны. — Ты мне

нравишься. Вот так всё просто. Мне так хочется. Понимаешь?

Вместо ответа Фанна стиснула руку Тази и повернулась лицом к лестнице. Они осторожно поднялись в комнату Тази. Помещение было достаточно скромным — с кроватью, деревянным столом и парой стульев. Под кроватью стояло несколько запертых сундуков, но Тази как будто не волновало, что в её тайных покоях присутствует Фанна. Открывая двери в свою жизнь, она делала это без всяких задних мыслей.

— Давай зажгу масляную лампу, — начала Тази, не успев осознать, что Фанне свет не нужен. На этот раз её неловкость сгладила сама Фанна, поблагодарив подругу.

— Оставь. Я пытаюсь жить, как зрячая, — объяснила она. — Тогда людям не так неуютно быть со мной рядом. — Она тепло улыбнулась Тази.

— Что ж, похоже, ты уже устроилась. Я попрошу принести еды. О деньгах не беспокойся.

Когда Тази подошла к двери, Фанна снова её остановила. Опасаясь каких-то слёзных благодарностей, Тази протестующе подняла руки. Но следующие слова Фанны застали её врасплох. — Будь осторожна сегодня ночью. Видимость бывает обманчива.

С этими странными словами, эхом отдающимися в голове, Тази снова спустилась по лестнице. Она опять кивнула Алаллу и вышла в ночь. Там, вдали от назойливых взглядов посетителей «Лисицы», она вытащила кусочек пергамента, который оставил ей старик, и снова проверила адрес. Согласно его источникам, какими бы они ни были, старик нашёл жилище Циредора. Оно располагалось поблизости.

Всё идёт так, как мне хочется — сказала себе Тази, уверенно направляясь вниз по улице Ларавкан. *Сначала я избавлю Циредора от безделушки, которую ему подарила, и избавлю себя от его общества. Затем узнаю, как он связан с Фанной. Не хочу, чтобы он имел к ней какое-то отношение.*

Тази открыла в себе желание защитить новую знакомую. Однако серьёзные мысли никогда не задерживались у неё в голове надолго, и вскоре она стала представлять, как Шеймур будет искать ей нового жениха. Образ рассерженной матери вызвал у девушки приступ смеха. Как обычно, смех быстро прошёл.

Внезапно из-за угла вынырнула группа расфуфыренных гуляк. Тази невольно потянулась к кинжалу, но когда увидела, что гуляки не представляют угрозы, взяла себя в руки и сдержанно кивнула им. Встреча лишь укрепила её во мнении, что каждый заметный житель Селгонта сегодня будет на той или иной вечеринке.

Тази шла всё тише и тише, оставив зланный квартал Бычьей Крови. Для

немногочисленных людей, всё ещё встречающихся на мощённых тротуарах, она казалась молодым человеком на прогулке. Тази прекрасно научилась маскироваться и сливаться с местностью. Но этой ночью она была не единственной, кто обладал такими навыками, и преследующая её от самого Штормового Предела тень по-прежнему держалась рядом.

Прогулка была не слишком долгой, но какое-то время заняла, и Тази воспользовалась этим, чтобы подготовиться. Запах соли в воздухе означал, что Селгонтский залив находится совсем рядом. Хотя она ни за что бы не призналась, в начале таких экскурсий у девушки всегда пересыхало в горле. Да и сердце немного частило. Но самым сладким обычно было окончание этих диких вылазок. Слова не могли описать изумление и радость, которые она чувствовала, когда снова и снова добивалась успеха. Тазиенна вынуждена была признаться себе, что втайне рада знакомству с человеком, с которым можно этим поделиться, который наслаждался этим не меньше её самой. Но хотя Стеорф был чудесным спутником подобными ночами, Тази обнаружила, что больше всего ей нравится развлекаться самостоятельно.

Умелая воровка шла по улице Ларавкан, потерявшись в собственных мыслях. Несколько лавок были ещё открыты. В конце концов, это ведь был Селгонт, а бизнес есть бизнес в любое время суток. Немногочисленные посетители занимались собственными делами и не обращали внимания на юношу в чёрном, быстро идущего вниз по улице. Вскоре в поле зрения показалась пекарня Хабриты.

При виде ориентира, Тази кивнула себе и у закрытой сейчас, но оживлённой по утрам пекарни повернула направо. Через несколько шагов по Сарн-стрит притаился небольшой сад. В Селгонте встречались такие островки зелени, и самым крупным среди них был Охотничий сад Хулорна. Сад перед Тази был намного, намного меньше, но временное жилище Циредора должно было прилегать к поросшему деревьями углу. Тази прошла через рощу к своей предполагаемой цели.

Девушка тихо двигалась сквозь густой кустарник, прилегающий к ограждённому саду Циредора и радуясь, что ранее смазала свою кожаную одежду маслом — та совсем не скрипела. Ей не так повезло, как отсутствующему товарищу девушки, Стеорфу, который научился заклинаниям, обеспечивающим тишину вне зависимости от его одежды или экипировки. Тази должна была признать, что его навыки производили впечатление. Он становился таким же грозным, как его мать. Тази подумала, что однажды он станет достойным наследником Илейн, если сможет отказаться от подобных проказ в пользу респектабельной жизни.

Она тихонько приблизилась к стене сада, которая ограничивала вид на заднюю

часть съёмного дома Циредора. Большинство ближайших зданий были высокими домами, каменными зданиями, похожими друг на друга. Тази надеялась, что ей сведения правдивы, и что она получила то, за что заплатила. Если нет, она скорее всего позаимствует пару безделушек у того, кому принадлежит эта резиденция, а позднее возьмёт за горло старика в «Лисице». Стена сада, находящаяся в неплохом состоянии, была почти вдвое выше девушки. В расположенном за ней саду тесно стояли деревья. Сквозь их кроны Тази видела небольшую часть дома. У двух комнат наверху были небольшие балкончики, нависающие над зеленью. Несколько других комнат были слабо освещены каким-то заклинанием постоянного света. Несколько долгих мгновений Тази наблюдала за этими комнатами. Она не увидела никаких теней и решила, что никого нет дома. В такое время слуги, которых нанял Циредор, скорее всего будут в кухне или кладовой, напиваясь элем. Тази по опыту знала, что дворецкий её собственной семьи, Эревис Кейл, держал небольшой запас бренди в собственной комнате. Она часто согревалась этим бренди в его компании.

Тази не стала тратить время на воспоминания. Ловко и беззвучно она вскарабкалась по стене. Она выбрало место, прикрытое ветвями, и оказавшись на вершине ограды, на какое-то время застыла там, припав на четвереньки. С тёмными волосами и в чёрной одеждой девушка казалась лишь ещё одной тенью. Сад как будто был пуст, но осторожность никогда не помешает. Некоторые из домовладельцев держали огромных собак, и Тази быстро узнала, что собаки — не те существа, с которыми стоит ссориться. На её правом запястье по-прежнему виднелись шрамы от первого столкновения с подобным зверем. Однако в этом саду были только деревья. В противоположном конце улицы за Тази наблюдал тёмный силуэт. Он ждал.

Не зная о наблюдателе, Тази прыгнула вниз и скользнула через сад. Она заметила какое-то движение в комнате на первом этаже, в западной части дома. Наверняка это слуги, подумала она. Тази незаметно подобралась к двустворчатым дверям на востоке, ведущим, вероятно, в гостиную. Из рукава своей рубахи она достала прикреплённые там отмычки. Девушка с пятнадцати лет носила с собой такие инструменты. Быстрый поворот запястья — и раздался приятный щелчок открывшегося замка. Она улыбнулась про себя и добавила новое число к мысленному счёту своих успехов.

Поскольку дом держали в отменном состоянии, дверь гладко отворилась без единого звука. Теперь время пошло. Тази начала обыск здания.

Она легко прошла через первый этаж с его гостевыми комнатами, активно избегая кухни и кладовых, и скользнула по лестнице наверх. Помещения были обставлены просто — Циредор, похоже, путешествовал налегке. Это

добавляло ему загадочности. Знакомые купцы Тази всегда брали с собой кучу вещей. Стены были практически голыми, не считая богатых занавесок на окнах, а в комнатах не было украшений или личных вещей.

Тази умело скользила из одной комнаты в другую, высматривая шкатулку или футляр для драгоценностей. Она уже проникала в дома богатых купцов и знала все трюки: тайные ниши, фальшивые камни, которые отодвигались в сторону, полые двери и обязательные ловушки. Но каждое из мест, где она ожидала встретить нечто подобное, оказывалось пустым. Раздражённая девушка продолжала поиски.

Когда Тази обыскивала спальню, её кое-что напугало. Комната была усеяна многочисленной мелкой резьбой с жуткими образами и заставлена еретическими статуями. «Интересно», подумала она с немалым отвращением. Быстрый взгляд не нашёл ничего дорогостоящего, но Тази стало интересно, что за человек Циредор на самом деле.

Её острый взгляд уловил блеск серебра на прикроватном столике. Тази вытащила блестящий предмет из-под одного из омерзительных изображений. Это был значок с серебряными журавлями на зелёном фоне. Тази слишком хорошо знала этот герб.

— Соаргилы, — хрипло прошептала она. — Какое отношение имеет Циредор к Соаргилам?

Зная, что чем дольше задерживается, тем выше риск быть обнаруженной, Тази покинула спальню, разозлённая отсутствием прогресса. Она лихорадочно размышляла. У него где-то должен быть кабинет, поскольку к дому не прилегало никакого офиса. Возможно, она сможет узнать, какая связь между Циредором и самыми ненавистными врагами её семьи — врагами, девизом которых было «Всегда сводим счёты». Циредор пожалеет о любых делах, которые вёл с этим проклятым отродьем, уж об этом Тази позаботится. Никому не позволено угрожать её семье.

Единственным местом, куда она не заглядывала, оставался погреб. Тази ненавидела погреб; они представляли собой тупик, а значит — западню. Кроме того, чтобы достигнуть погреба, необходимо было прокрасться через занятую кладовую, но будь она проклята, если уйдёт отсюда с пустыми руками. Она быстрее спустилась по лестнице и подошла к кухне. Помещение было погружено во мрак. Она видела горшки и сковородки, висящие рядом с окнами. Очевидно, слуги прибрались и всю пользовались отсутствием хозяина. Проходя мимо окон, Тази быстро выглянула наружу. Насколько она могла судить, волноваться следовало лишь о людях в соседней комнате. В ночной черноте она не различила фигуру, сидящую на стене сада. Зато фигура увидела её.

Приблизившись к кладовой, Тази распласталась по стене. Она слышала несколько тихих голосов. Тази осторожно выглянула из-за двери. Единственный старый фонарь тускло освещал помещение. Очевидно, слуги Циредора не пользовались теми же заклинаниями света, что остальной дом. Их было трое, сгрудившихся вокруг стола в дальнем конце комнаты, увлечённых тихой беседой. Было что-то хитрое, почти скрытное в том, как они говорили. Может быть, весело подумала Тази, планируют обокрасть своего временного хозяина. Какая невероятная будет ирония, с наслаждением размышляла она.

Освещение и расположение стола намного упростили её следующий шаг. Большая часть кладовой была погружена в тень, и Тази медленно скользнула вдоль стены. Она уже проделывала такое раньше, но из-за близости слуг и риска обнаружения сердце забилося чаще. Тази казалось, что в любой момент оно может выскочить из тесного жилета.

Четыре шага — и она у лестницы. Какая-то часть девушки по-прежнему чувствовала себя неуютно от мысли обыскать погреб, но теперь она набралась решимости. Она должна была защищать семью. Избегая истёртой середины ступенек, Тази практически беззвучно спустилась в погреб. Здесь висел густой запах плесени и запустения. Она чувствовала сырость практически на вкус. Комната смердела. Вонь была такой ошеломительной, что девушка чуть не передумала. Но она не могла проигнорировать вызов. Тази решительно двинулась дальше, зажимая ладонью рот и нос.

В грязи на плитках пола Тази заметила многочисленные отпечатки. Для нормального потока слуг, спускающихся за алкоголем, отпечатков было слишком много. Циредор не так давно остановился в городе, и насколько знала Тази, не устраивал шумных вечеринок, чтобы ему потребовался такой существенный запас выпивки. Должно быть, что-то другое заставляло его спускаться сюда. Она принялась тщательно обыскивать помещение.

У задней стены она нашла то, что искала: потайную дверь рядом с бочонками эля. Девушка по опыту знала, что не стоит идти напролом. Справа от двери стояли ящики. Она взобралась на них, почти упираясь головой в низкий потолок. Под таким углом ей было удобнее искать ловушки или магические печати на двери. Как ни странно, таковых не было.

— Неужели он настолько неосмотрителен, — недоверчиво прошептала Тази, — чтобы считать, будто никто сюда не доберётся? Ну-ну, ему многое предстоит узнать о жизни.

Замок был достаточно простым, и дверь вскоре распахнулась, открывая взгляду чистую и сухую комнату. Заклинания, активированные открытием двери, разогнали тьму, но обнажили при этом нечто настолько мерзкое, что к

горлу Тази подступила желчь. Она многое повидала за проведённые в квартале Бычьей Крови и ещё более мрачных местах годы, но подобного зверства не видела никогда.

Комната была аванзалом — у входа были расположены две другие двери. В задней части помещения, у стены, стоял пухлый диван с высоченной грудой подушек. Вплотную к нему располагался стол, засыпанный свитками. В углу стола виднелась шкатулка. Плитка пола была двух цветов — тёмного и светлого. Тёмная плитка складывалась в большой круг, немного превосходящий диаметром средний человеческий рост. Но Тази затошнило из-за того, что располагалось внутри круга.

Там лежал мальчик-подросток. Ключья одежды выдавали в нём лодочника, одного из многих жителей городка из кораблей, связанных вместе в Селгонтском заливе. Одного из бесчисленных орд, пропажу которого никто не заметит и не станет докладывать. Как и пропажу новоприбывшей чужеземки, подумала Тази. Мальчик лежал с вытянутыми конечностями, без всяких пут. В оковах не было нужды.

Он был распотрошён с головы до пят. Кожа на туловище была аккуратно раскрыта, подобно страницам книги. Каждый из его крупных внутренних органов лежал рядом с телом. Испуганным взглядом Тази видела, что кровеносные сосуды и соединительные ткани по-прежнему соединяют органы с телом. Мускулы были извлечены и туго натянуты. Почти против собственной воли Тази подошла ближе. Всюду был медный запах крови.

Приблизившись, Тази увидела, что длинные ленты его внутренностей были уложены странным узором. Они как будто складывались в символы, формируя сообщения, которые ничего не значили для воровки, кроме единственного знака, который она уже видела сегодня утром: татуировки на руке Фанны. Знака, который носили и чужеземка, и Циредор. Девушка подумала, что он мог приготовить для Фанны именно такую участь. Однако Тази пришлось заставить себя принять тот факт, что мальчишка по-прежнему дышал! Какая-то злая магия заставляла работать его лёгкие и сокращаться сердце. Его губы безмолвно двигались, а пустые глазницы сочились кровавыми слезами. Она с душераздирающей необратимостью знала, что ему уже не помочь и нужно избавить несчастного от страданий. Невозможно доставить его к целителю вовремя. Мальчика уже не спасти.

Как, вопрошал её разум. Как она может убить несчастного?

Тази медленно шагнула к распростёртому телу.

Холодная рука схватила её за плечо, и из горла девушки вырвался крик. Тази резко обернулась, инстинктивно выхватив клинок. Там стоял Циредор, и на его лице медленно расплзалась улыбка. На нём по-прежнему был карнавальный

костюм; мужчина был похож на злобную саламандру. На его плечах висела маска. Превосходя Тази больше чем на голову, он казался ещё более высоким из-за стройного телосложения. У него были густые тёмные волосы, которые он держал коротко стриженными. Усы и борода подчёркивали впалые щёки. Но после того, что увидела сегодня Тази, она перестала считать Циредора привлекательным.

— Какой приятный сюрприз — обнаружить вас здесь, Тазиенна Ускеврен. Я был разочарован вашей неудачной заменой на балу и решил, что сегодня мне уже не представится возможность увидеться с вами, — понимающе произнёс он, медленно обходя её кругом. — Я и так привёл бы тебя сюда достаточно скоро, но похоже, что тебе не терпелось.

Она с ужасом увидела в его левом ухе свою серьгу, поблескивающую в гаснущем свете.

Дверь захлопнулась у неё за спиной. Тази вздрогнула и выше подняла меч. Циредор не обратил внимания на её оружие. Он прошёл мимо девушки к дальней стене, туда, где стоял стол. Он небрежно начал рыться в многочисленных свитках, как будто забыв о присутствии Тази. Сердце молотом стучало у неё в груди, и во рту не осталось ни капли влаги. — Кто же ты такой, — сумела прохрипеть девушка, — раз способен на подобное? — Она дрожащей рукой указала на мальчика.

Циредор даже не оторвался от бумаг.

— Ох, да брось, Тазиенна. Ты же умная девочка. Зачем задавать такие глупые вопросы? — Он положил свиток и подошёл к ней.

— Я, разумеется, маг, а некоторая магия обладает высокой ценой. Это, — он указал на мальчика, — на самом деле пустяк. У меня множество таких, как он, носителей моего знака, разбросанных по всему миру. Когда угасает один, пустоту всегда заполняет другой.

Циредор взмахнул рукой в небрежном жесте, и меч Тази вырвался из её хватки и отлетел в другой конец комнаты. Он приземлился с глухим стуком. Циредор указательным пальцем приподнял за подбородок её пепельное лицо, чтобы встретиться с девушкой взглядом.

— У всего есть своя цена, милашка Тазиенна.

Она смахнула его руку и чуть попятилась. — Какие дела ты ведёшь с Соаргилами? — спросила она, выигрывая время, позволяя разуму отыскать способ спастись. Охваченная безмолвным ужасом девушка понимала, что ей угрожает смерть или что-то хуже. Должен был найтись путь к бегству.

Циредор ответил — Как бы это сказать?.. «Знакомые» вашей семьи наняли меня для выполнения определённых поручений. Они просят не так уж много, учитывая оплату. Он подошёл ближе. — Кроме прочего, они просили тебя, —

шёлковым голосом прошептал он, обходя девушку. — Но ты можешь перебить их цену. В конце концов, они заслужили мою преданность лишь на время.

Деревянную дверь в комнату практически сорвало с петель. Тази и Циредор оба потеряли опору, когда затрясся фундамент и во все стороны полетели обломки. Подобно духу отмщения, в комнату ворвался Стеорф с пылающими глазами, больше не притворяющийся тенью. Тази, сморгнувшая пыль из глаз, была уверена, что никогда не видела его таким. Не промедлив и секунды, Стеорф схватил менее массивного Циредора за плечи и ударил его о ближайшую стену, поступив с магом точно так же, как с тремя его слугами наверху. Стеорфу следовало закончить на этом схватку, но он замер, чтобы бросить встревоженный взгляд на Тази, которая как раз поднималась на ноги. Это промедление стало его гибелью.

Циредор просунул свою руку между рук Стеорфа. От лёгкого прикосновения мужчины вспыхнули зелёные искры и швырнули Стеорфа через всю комнату. Широкая мускулистая спина Стеорфа смягчила удар и спасла его. Однако сила взрыва оглушила юношу, и он скользнул на пол.

Тем временем Тази воспользовалась передышкой, чтобы попытаться вернуть себе меч. Она не ушла далеко. Циредор прошептал несколько слов, и Тази ударило оземь. Меч был всего в нескольких мучительных дюймах от её руки. Внутри вспыхнула боль. Она свернулась комочком. Во рту был вкус крови и страха.

— Милая, милая Тазиенна, ты как будто никогда не повзрослешь, — хмыкнул Циредор. — Слишком много времени в своей короткой жизни ты провела за играми. Продолжая говорить, он начал обходить её съёжившееся тело по кругу. — Только посмотри на себя, — продолжал он, смакуя момент, — по-прежнему играешь в переодевание, как будто какое-то странное дитя. Тебе не кажется, что пора вырасти? — Он сделал ещё один жест. Тази заметила, что свет в комнате поблек, а затем горячая белая боль затмила её зрение. Каким-то образом она сумела перекатиться на колени, упёршись лбом в холодный пол. Девушка была уверена, что её мозг пылает. Тысячи кинжалов вонзились ей в череп. Кровь сочилась из пор на голове, а волосы начали расти с невероятной скоростью. От боли она сжала кулаки. Несмотря на страдания, она почувствовала, как кольцо с изумрудом врезалось в кожу. Слова, сказанные ей несколько лет назад магом, которого она повстречала ещё ребёнком, эхом прозвучали в лихорадящем мозгу.

— Так-то лучше, — проворковал Циредор. — Теперь ты больше похожа на устаревший портрет, который прислали мне Соаргилы. Короткая причёска тебе никогда не шла. Может быть, я даже оставлю тебя себе ненадолго.

Тази вслепую потянулась за мечом. Циредор ловко отпихнул его ногой.

— Не могу поверить, что ты прожила так долго, девочка, — прошипел Циредор. — Ты так плохо приспособлена к жизни.

— Ты удивишься, когда узнаешь, на что я способна, — отозвалась Тази, заставив себя посмотреть на него сквозь кровь и снова отросшие волосы. Стеорф тоже неуверенно поднялся на ноги и подошёл к ней.

подавив злобный смех, Циредор кивнул на Стеорфа и заметил — Даже твой наёмник тебя не спасёт.

— Он не наёмник, — простонала по-прежнему охваченная болью Тази.

— Ох простите, — с насмешливым поклоном ответил Циредор. — Я хотел сказать, наёмник *твоего отца*.

Эти слова пробились через боль, которую испытывало её тело. Забыв о сиюминутной опасности, Тази потребовала ответа — Что ты имеешь в виду? Циредор улыбнулся и скрестил руки на груди. Он наслаждался, как кошка, играющая с пойманной мышкой. Тази чувствовала, что ему приятна эта игра, а их боль — сладка и желанна.

— Тазиенна Ускеврен, ты хочешь сказать мне, что совсем ничего не знаешь о махинациях своего отца? Что тебе ничего неизвестно о факте, что последние семь лет этот начинающий маг, — он замолчал, чтобы указать на Стеорфа, — находится на службе твоего отца? Он остаётся с тобой лишь потому, что ему за это платят!

Тази, не обращая внимания на смертельно опасного мага перед собой, с трудом встала на ноги и медленно повернулась к Стеорфу. Эмоции стекли с её лица, как воск с кабацкой свечи. Их место заняла мрачная ярость. Впервые в жизни Тази выглядела так устрашающе. Стеорф попятился на шаг.

— О чём он говорит? — прошипела девушка.

— Всё не так, как кажется, — быстро ответил Стеорф.

— Значит, это змея просто капает яд мне в уши. Ты это хочешь сказать? — прорычала Тази. В её голосе не было снисходительности.

— Я твой друг, — сказал Стеорф. — Я всегда был твоим другом.

Тази не дала ему передышки. — Ты получаешь деньги от моего отца?

Стеорф опустил голову, не в силах встретить пылающий взгляд Тазиенны.

— Боюсь, — процедила та сквозь сжатые зубы, — что я тебя не слышу.

Циредор прислонился к дальней стене, ухмыляясь при виде развернувшейся сцены. Очевидно, он собирался позволить ей продлиться ещё несколько мгновений.

— Да, получаю, — прошептал Стеорф.

Мир Тази рассыпался на куски. Она зажмурила глаза, чтобы сдержать готовые пролиться слёзы. Ярость поднялась внутри, и она стиснула левую руку в кулак. Она замахнулась, чтобы ударить юношу.

Циредор больше не смог сдерживаться. Он радостно зааплодировал жалкому зрелищу, которое они воплощали. Прежде чем Тази смогла ударить своего неудавшегося спасителя, маг прошептал единственное слово, и из его протянутых рук хлынул зелёный свет. Свет разделился на четыре сияющих шара, которые схватили Стеорфа за лодыжки и запястья. Заклинание подняло и приковало мага к стене не менее надёжно, чем железные кандалы. Он боролся, но в его волшебном арсенале не было ничего подходящего, чтобы противостоять магической силе Циредора. Мрак сгустился вокруг, и Циредор снова повернулся к Тази.

Кровь текла по лицу и шее девушки. Её новые волосы в нескольких местах испачкались. Её кожаная одежда висела клочьями. Девушка едва держалась на ногах. Но на её устах застыла скупая мрачная улыбка.

— Хватит, дитя. Нам пора уходить, — заявил Циредор. Он хлопнул в ладоши, и из них ударил резкий зелёный свет.

«К этому кольцу нельзя относиться легкомысленно», — предупреждение Дурлана, лунного эльфа, эхом повторялось в голове Тази. — У его магии есть цена, — предостерегал он девушку целую жизнь тому назад. — Ты почувствуешь невероятную боль, намного сильнее, чем всё, что ты можешь себе представить, и кольцо выпьет все твои силы, но оно охранит тебя от любой злой магии.»

Когда смертоносный снаряд полетел в её сторону, Тази вытянула левую руку в отрицающем жесте и произнесла древнее слово. Боль от пыток Циредора была ничем по сравнению с раскалёнными ножами, которые пронзили её тело. Перед девушкой возник бледно-серый щит и отразил атаку мага.

Тот замер от изумления. Прежде волшебство ни разу его не подводило.

Тази воспользовалась его замешательством. Почти ослеплённая болью, она всё равно сумела сунуть руку в правый сапог и схватить свой кинжал. Больше никаких тренировочных бросков в «Лисице» — сейчас от её умения зависела сама жизнь девушки. Она выбросила руку вперёд.

Кинжал ударил Циредора под сердце. На его лице отразилась смесь изумления и шока, он согнулся пополам и упал на колени. Тази не упустила свой шанс. Она заметила, как мигает и гаснет свет во время их драки, и подозревала, что сражение истощает силы Циредора, хотя у мага ещё оставался резерв. Единственным шансом был мальчик. Его гаснущая жизнь каким-то образом питала Циредора.

Пока маг пытался вытащить её кинжал, Тази бросилась через всю комнату к дивану. Она схватила большую подушку и спотыкаясь, добралась до мальчика. Нужно было сделать лишь одно. Тази упала на колени, больше не чувствуя боли, и склонилась над безглазым ребёнком.

— Мне так жаль, — прошептала она, едва сдерживая слёзы. — У тебя не было ни единого шанса.

С этими словами она прижала подушку к его лицу и надавила всем своим телом.

Мальчик протянул недолго. Потребовался лишь краткий миг, чтобы Тази забрала свою первую жизнь.

В комнате стало очень темно. Оковы Стеорфа начали мерцать. Циредор, который сумел вырвать из тела кинжал, отчаянно пытался остановить поток крови с помощью своей одежды. Всё пошло не так, как было запланировано. Раненый и оставшийся без энергии, он сдался.

— Я с тобой не закончил, Тазиенна Ускеврэн, — мрачно предупредил он. — Мы связаны, ты и я, и конец ещё не написан. — С этими словами он отшвырнул её кинжал в сторону и призвал последние останки своей магии. Тёмную комнату заполнил яркий свет. Когда свет наконец угас и в глазах у Тази прояснилось, Циредора нигде не было. Девушка осталась наедине со Стеорфом и грудой праха, который когда-то было телом мальчика.

Какое-то время в помещении было тихо. Тази просто наклонилась над прахом ребёнка и медленно раскачивалась взад-вперёд, уперев руки в колени. Она почувствовала на плече руку.

Она смахнула руку прочь и вскочила на ноги.

— Даже не смей ко мне прикасаться, — предупредила она Стеорфа сквозь сжатые зубы. Тот казался одновременно потрясённым и измотанным. — У тебя нет на это права, и я уверена, — с горьким смешком добавила она, — что отец за это не платит.

— Тази... — слабо начал он, но девушка не дала ему шанса.

— И сколько же ты получаешь? — спросила она. — Сколько стоит твоя преданность?

Стеорф казался разбитым. Тази не могла не заметить, что следующие слова раздирают ему душу. — Прошу, не заставляй это выглядеть так ужасно, Тази. У всех есть цена. Тебе следовало бы знать. В этом городе всё продаётся и покупается. Не притворяйся настолько потрясённой. Цена есть даже у тебя.

Через секунду он добавил — Я всегда был верен.

— И сколько «Солнц» потребуется, чтобы ты был верен кому-то другому? — Тази резко отвернулась от него. Она не могла позволить Стеорфу видеть себя такой. Это стало бы самым горьким из их поражений, а она отказывалась снова проигрывать сегодня. Глядя на то, что осталось от мальчика, она резко сменила тему. — Нужно позаботиться о прахе.

Ухватившись за возможность помочь, Стеорф торопливо сказал — Не волнуйся. Я займусь похоронами.

Он подошёл к девушке на шаг, но та не собиралась мириться. — Так ведь тебе за это платят, не так ли? Чтобы ты заботился о таких вещах и прибирал за мной? — Не дожидаясь ответа, она с отсутствующим видом подобрала кинжал и сунула за пазуху большинство свитков, которые казались важными. Сквозь пелену в сознании она понимала, что потребуется любая информация о Циредоре, которую получится собрать в ближайшем будущем. Она шагнула к двери.

— Подожди, — крикнул вслед Стеорф. — Позволь проводить тебя до дома.

— Не беспокойся, — не оборачиваясь, огрызнулась девушка. — Единственное, от чего ты должен беречь меня с этого момента — моя злость на тебя. — С этими словами она ушла.

Оказавшись на улице, Тази прислонилась к стене, прижав ладонь ко рту. Слезы были так близко, а с ними — и череда воспоминаний о времени, проведённом со Стеорфом, о прогулках и шутках. Сейчас всё это казалось далёким, как будто воспоминания принадлежали кому-то другому. Всё, что она считала правдой, бросили ей в лицо. Теперь девушка была больше, чем просто одинока. Каким-то образом она преодолела короткий путь по улице Сэма к Штормовому Пределу, оставшись никем незамеченной. Было бы сложно, практически невозможно, объяснить свой внешний вид — она выглядела одновременно как вор и как знатная дама. Она двигалась автоматически. Тази вошла в семейный особняк — бал закончился ещё несколько часов назад — и рухнула в первое же кресло, попавшееся ей в тёмной комнате на первом этаже. В таком полубессознательном состоянии её и обнаружил Кейл, прибиравший за ушедшими гостями. Дворецкого потрясло зрелище, которое она из себя представляла.

— Тазиенна, — воскликнул он. — Что с тобой случилось?

Зрелище, которое она из себя представляла — в крови и лохмотьях, с волосами прежней длины — потрясло его настолько, что он назвал девушку по имени.

Тази устремила мутный взгляд к его бледному облику. — Ох, Эревис, — прохрипела она. Его бледное худое лицо никогда не казалось таким дорогим, как сейчас. Но в душе пустили корни сомнения. Она остановила себя прежде, чем заговорить, и спустя какое-то время спросила, — У тебя есть цена, Кейл? Кроме той, что платит отец за твою преданность и твои услуги, у тебя есть цена?

Кейл молчал. Что-то превратило обычно весёлую девушку в нечто иное. Он не знал, как себя вести.

— Не обращай внимания, Кейл, — устало продолжала Тазиенна. — Я знаю, что ты предан нам. Но, наверное, я должна быть осторожна. Однажды ты можешь быть предан кому-то другому.

Она отвернулась от изумлённого Кейла и осторожно поднялась по главной лестнице в свои покои наверху. Сегодня ночью болели её тело и душа. Ей было всё равно, даже если кто-то увидит её такой, но никто не увидел. Для родственников и слуг было слишком поздно. Она добралась до своих покоев незамеченной.

Оказавшись внутри, она подошла к столу для одежды и рухнула в кресло с подушками, которое стояло рядом. Какая-то часть её разума знала, что следует привести себя в порядок, избавиться от крови и грязи, обрезать длинные локоны, которые лезли в глаза. Но девушка была измотана. Она обнаружила, что глядит на своё отражение в зеркале и не узнаёт женщину, которую видит. Отличия заключались не только в крови и волосах; они были намного глубже. Она вспомнила мальчика и то, как прервала его жизнь.

Двигаясь медленно, как будто под водой, она протянула руку, чтобы коснуться лица в зеркале.

Чего стоит моя жизнь? — молча спросила себя Тази.

Женщина в зеркале молчала.

Второй сын

Тридцать дней

Дэйв Гросс

Перевод: Энори Найтингейл

Сквозь темные ветви Арчвуда Талбот Ускеврэн бежал, спасая свою жизнь.

Черные ветки хлестали его по лицу, а ежевика цеплялась за плащ. Чудовищная сила схватила его сзади, больно откинув голову назад. Застежка врезалась ему в горло, прежде чем сорваться вместе с плащом. Тал споткнулся и чуть не упал, но его сапоги снова воткнулись в скользкую землю, и он опять побежал. Он не осмеливался оглянуться.

Тварь была почти рядом с ним. Тал слышал ее тяжелое дыхание, ощущал исходящий из темноты мощный жар. Он представил себе тиски челюстей на своей шее, затем выбросил эту мысль из головы и вложил всю силу в свои трясущиеся ноги.

Он побежал к единственному маяку, который видел, — яркому пятну залитого лунным светом облака на опушке леса. Если он правильно помнил, лунный свет обозначал край поляны. Он надеялся, что кто-то из его отряда сбежал и остался там с копьями.

Как только Тал ощутил проблеск надежды, он врезался в твердую ветку.

Удар швырнул его на землю, выбив дыхание из легких. Его преследователь пролетел над головой, едва не задев Тала, на мгновение затмив залитые лунным светом облака. Ветка, ударившая Тала, хрустнула под тяжестью существа, и оно рухнуло на землю, преградив ему путь.

Тал не мог различить очертания существа, но чувствовал, как оно напряглось, готовясь к атаке. Страх охватил тело, но Тал откатился в сторону как раз в тот момент, когда существо набросилось на него. Слишком медленно. Он вскрикнул, когда когти впились ему в спину.

Тал попытался броситься вправо, но оскаленные челюсти сжали его руку и затрясли, как тряпичную куклу в зубах злобной собаки. Он пролетел сквозь темноту и больно ударился спиной о холодную зимнюю землю.

Когда он поднялся на колени, еще один удар обрушился ему на голову. Искры вспыхнули в его черепе, и он почувствовал прохладную влагу на голове. Образ обнаженного мозга мелькнул у него в голове, и рот уже было раскрылся для крика, но затем он снова вскочил на ноги и побежал, сберегая дыхание.

Тал больше не чувствовал ног, и его левая рука беспомощно повисла вдоль тела. Он бежал силой воли, силой ужаса. Он знал, что существо находится в нескольких дюймах позади него, но оглядываться назад было равносильно смерти. Не тогда, когда он все еще был в тисках смертоносного Арчвуда, где медвесовы явно не впадали в спячку.

Тимора, богиня, известная как Госпожа Удачи, должно быть, услышала одну из его наполовину произнесенных молитв, потому что Тал больше не врезался ни в одно дерево, прежде чем вырваться из-под ветвей удушливого леса.

Он выскочил на поляну, опьяненный надеждой, только чтобы понять, что Бешаба, Госпожа Несчастий, должно быть, тоже слышала одну из этих молитв, потому что это была не опушка, лежащая за тьмой.

Это был обрыв.

Тело Тала развернулось, когда он падал, и секунды его падения растянулись в один долгий миг совершенной ясности. Он увидел огромную фигуру своего преследователя, силуэт которого серебрился на фоне освещенных луной облаков. Он стоял на самом краю пропасти, по которой бежал Тал, и, казалось, раздумывал, не прыгнуть ли ему вслед.

— Раск! - крикнул резкий голос из-за спины зверя. Прежде чем Тал успел увидеть, отвернется ли тварь или прыгнет вниз вслед за ним, темная земля приняла его в свои объятия, и он потерял сознание.

* * * * *

Пикси продолжала бить его по голове крошечной дубинкой, так что Тал неохотно открыл один слипшийся глаз. Он попытался прихлопнуть заразу, но сумел только ткнуть себя в глаз. Рука у него была слабая, а пальцы толстые и вялые, как холодные сосиски.

Эта мысль заставила сообщников пикси со смехом выскочить из своего укрытия у него в желудке. Тал перекатился на бок, и его вырвало.

Моргая, он всматривался в жидкое желтое месиво, ожидая увидеть мокрых маленьких созданий, выжимающих свои шапки и ругающихся. Может быть, ему удастся раздавить одного.

В его рвоте не было пикси, и Тал начал понимать, что ритмичный стук доносится снаружи.

Он с трудом сглотнул. Мерзкий привкус во рту был знакомым. Каким гадким лекарством его накормили? Как долго он спал? С усилием он перекатился на спину и заморгал, оглядываясь по сторонам.

Он находился в незнакомом домишке. Конечно, любой простой дом должен быть незнаком отпрыску семьи Ускеврен, чьи башни поместья Штормовой Предел были одними из лучших особняков Селгонта. Вместо теплого аромата благовоний Тал ощутил землистый запах древесного дыма. Вместо богатых гобеленов он увидел пучки сушеных трав, связки чеснока, лука и множество других непонятных корней, свисающих со стропил. Посреди всего этого была приземистая каменная печь, пламя которой плясало на трех увядающих поленьях.

Холодный свежий воздух и тонкие лучи утреннего света проникали из-под грубой деревянной двери и сквозь простые ставни. Тал сделал глубокий, очищающий вдох. Даже несмотря на слабость, он чувствовал себя прекрасно, потому что остался жив, и еще лучше, что кто-то, кроме отца, спас его после неудачной охоты. Выздоровление в доме лесника даст ему время чтобы прикрыть красивой историей свое фиаско.

Тал перестал обманывать себя. Это было куда серьезнее, чем провести ночь в тюрьме за драку в таверне. Насколько он знал, он был единственным выжившим из всей охотничьей команды.

Тал попытался сесть, но у него закружилась голова. Только тогда он почувствовал острую боль от ран. Он осторожно приподнял шерстяное одеяло и осмотрел повреждения.

Его левая рука была аккуратно перевязана и прижата к груди, которая была обмотана еще большим количеством бинтов. Голова у него зачесалась, и он почувствовал, что на голову тоже наложили повязку. Тал осторожно ощупал затылок, но, к счастью, рана оказалась поверхностной и не обнажала кость. Тот, кто нашел его, должно быть, был искусным целителем, возможно, даже священником. Тал был не особо верующим, но сделал себе мысленную заметку пожертвовать деньги на эль в следующем месяце в храм Тиморы в Селгонте. Она, конечно, осыпала его достаточным количеством удачи, чтобы компенсировать прискорбную ошибку с обрывом.

Тал снова попытался встать. Ему удалось подсунуть под себя здоровый локоть и свесить ноги с кровати. Его спину покалывало и ломило от долгого лежания на соломенном тюфяке. Он понял, что рубящий звук прекратился, сменившись приглушенными голосами.

Тал поднялся с кровати, но не смог полностью развернуться. Сгорбившись,

он подошел к окну и заглянул в щель между ставнями. Яркий свет, отраженный от снега, заставил его сначала моргнуть, но потом он увидел аккуратный ряд дров и плоский пень, служивший колодой для рубки. На пне сидела фигура, так плотно закутанная в шали и плащ, что Тал узнал в ней женщину только по голосу, грубому, но твердому, как старая шкура. Она разговаривала с кем-то, кого Тал не мог видеть.

— ... уже закончилось. Возьми немного у Абея. Поторопись, чтобы вернуться до заката.

— А что, если не сработает? — ответил другой, более молодой женский голос. Тал попытался открыть ставень, чтобы лучше видеть, но молодая женщина добавила — что тогда?

Тал оставил ставни закрытыми. Он присел на корточки на случай, если одна из женщин посмотрит в его сторону.

— Если мы сумеем заставить его спать еще десятидневку, — сказала старуха, — и если Дхауна Майритар одобрит это, и если он подчинится ее воле...

— И если поисковая группа не вернется, сказала молодая. — Даже с учетом свежеевыпавшего снега, я не думаю, что они купились...

— Фиена, — прервала старшая. — Ни один из этих вариантов не имеет значения, если ты не выполнишь свое задание в ближайшее время.

— Да, мама, — покорно ответила Фиена. Тал слышал, как ее неуверенные шаги хрустели по снегу, когда она уходила.

— Не мешай, — крикнула мать Фиены. Звук рубки возобновился. — Он большой парень, и к нему возвращаются силы.

Дрожь страха пробежала по венам Тала. Он понятия не имел, почему эти женщины могли убить его, но это должно было иметь какое-то отношение к нападению на его охотничий отряд. Командовали ли они медвесовами, которые пронеслись через лагерь? Если так, то почему они до сих пор не убили его?

Очевидным ответом был выкуп.

Тамалон Ускеврен, отец Тала, возражал против его охоты по многим причинам. Среди них была постоянная угроза похищения ребенка одного из самых богатых и влиятельных людей Селгонта. В городе Тал почти всегда был на виду, и он подозревал, что его отец послал телохранителей, чтобы следить за ним, его братом и сестрой. Тал старался не обращать на них внимания, лишь бы они никогда не мешали ему.

Однако похищение не казалось правильным ответом. Правда, охотничий отряд состоял почти исключительно из молодых отпрысков богатых Селгонтских семей, но звуки, которые Тал слышал в ночь своего нападения, не были звуками молодых мужчин и женщин, захваченных в плен. Они были разорваны на куски.

Тал вздрогнул. Огонь еле теплился. Он вспомнил, что мать Фиены скоро вернется со свежими дровами.

Он подумал было забраться обратно в постель и притвориться спящим,

ожидавая шанса сбежать, но понял, что это, возможно, его единственный шанс. Он прикинул положение двери по отношению к старухе. Да, она увидит его, если он попытается выскользнуть наружу.

Лихорадочно соображая, Тал принялся искать свою одежду. Не было никаких признаков его рубашки, но он обнаружил, что его сапоги затолкали под кровать. Он попытался надеть их одной рукой и чуть не потерял равновесие. Он лихорадочно искал хоть какой-нибудь клинок в беспорядке шкафов и наконец нашел короткий нож для чистки овощей.

Он оторвал руку от груди, затем осторожно вытянул ее, морщась от ожидаемой боли. Удивительно, но рука чувствовала себя хорошо, хотя и немного онемела от долгого удержания. Он срезал бинты. Шрамы под ними были розовыми и тусклыми. Даже если кто-то и применил к нему магию исцеления, то тал ожидал увидеть хотя бы струпья.

Сколько же он спал?

Тал использовал нож, чтобы сделать разрез в середине двух шерстяных одеял. Он также отрезал себе кусок бечевки, чтобы закрепить свой импровизированный плащ. Наконец, он использовал обе руки, чтобы надеть на него ботинки. Его раненая рука не только не болела, но он чувствовал прилив бодрящей силы. Он знал, что это был трепет страха, но это прояснило его голову и придало силы его конечностям.

Он подкрался к двери и повернул голову, прислушиваясь. Он не услышал никакого звука рубки, только приглушенное ворчание и скрип, когда дверную ручку взяли с другой стороны. Тал почувствовал внезапный приступ нерешительности. Он не был уверен, что сможет заставить себя ударить старуху. С другой стороны, он был совершенно уверен, что не позволит ей убить себя. Не раздумывая, он схватил со стены холщовый мешок, обернул его вокруг руки, сжал кулак и стал ждать.

Дверь открылась, и Тал увидел невысокий сверток из одежды, несущий огромную охапку свежих дров. Удар Тала попал прямо в центр фигуры. Дрова разлетелись во все стороны, и старая женщина со стоном упала на землю.

— Прости! — выпалил Тал. Он почувствовал острый укол вины, когда увидел удивленное лицо старухи, круглое, почтенное и даже доброе, но вспомнил, что она могла быть заклинательницей, которая исцелила его. Одного ее слова было бы достаточно, чтобы победить его.

— Прости, — повторил он и стукнул ее головой об пол. На этот раз ее глаза закатились, а затем закрылись. Поморщившись, Тал приложил ухо к ее губам. К своему облегчению, он услышал вздох.

Он поднял женщину на руки и отнес на кровать. Она была намного легче, чем он ожидал, или же он был сильнее, чем чувствовал. Он устроил ее так удобно, как только мог, а затем надежно привязал к кровати оставшейся бечевкой.

— Фиена вернется до темноты, — сказал он старухе. Он чувствовал себя глупо, утешая бессознательное тело своей потенциальной убийцы. Тем не менее, он нежно коснулся ее ушибленной щеки, прежде чем повернуться,

чтобы уйти, желая точно знать, почему она планировала скрывать его.

Выйдя на улицу, Тал прищурился, глядя на белоснежный пейзаж. Вдалеке виднелось то, что он принял за опушку Арчвуда. Судя по ней и положению солнца, он определил направление на Селгонт. Это будет долгий путь пешком, но в конце — дом, безопасность и, возможно, ответы на некоторые вопросы.

* * * * *

Первый день пути был самым ужасным. Тал был гораздо более голодным, чем он предполагал, покидая лесную хижину, и он ничего не знал об охоте без копья и дюжины слуг, чтобы выманивать добычу. Он закричал от радости, когда наткнулся на караванную тропу Даэрлун — Ордулин, как раз, когда его силы начали ослабевать.

С наступлением темноты ветер стал свирепым, и Тал присел на корточки в сугробе, чтобы укрыться от ночного ветра. Он не мог уснуть — он и так проспал слишком долго. Вместо этого он подождал, пока утихнет пронизывающий ветер, и всю ночь продолжал идти на восток.

Через несколько часов после заката, упорство Тала было вознаграждено появлением тележки странствующего торговца. При других обстоятельствах Тал с радостью дал бы обещание Ускеврену отплатить за оказанные услуги. Однако, учитывая недавние события, он опустил свою фамилию, когда просил подвезти его. К счастью, торговец был достаточно добр, и с радостью приветствовал безоружного пассажира. Четыре дня спустя он оставил заметно исхудавшего и голодного Тала неподалеку от ближайшего города Ордулина, а сам продолжил путь на запад, к порту Йонн.

Тимора продолжала улыбаться Талу, возможно, наслаждаясь иронией судьбы сына аристократа, вынужденного носить самодельную одежду и выпрашивать еду и проезд. Едва он начал раскаиваться в своем решении повернуть на юг, подальше от хмурых стражников у ворот Ордулина, как попытал счастья в последний раз, и попросил подвезти его погонщика телег, направлявшегося на юг. Добряк не только предложил ему ехать в своем фургоне с сеном, но и каждый день угощал теплой едой. Тал решил отплатить этому человеку сторицей.

Через девять дней после побега Тала, повозка фермера проезжала по улицам городка Оверуотер, где останавливались караваны, прибывающие в Селгонт или покидающие его. Летом это место будет кишеть путешественниками и торговцами. Но даже в разгар зимы он был усеян палатками, повозками и выючными животными, фыркающими на холодном воздухе. Большинство из них были из соседнего Ордулина, небольшие торговые караваны поддерживали оживленную торговлю с портовым городом. Их деятельность превратила навоз и грязь в едкое болото, которое грозило поглотить их всех в теплые дни. Для носа Тала эта вонь была почти желанной. Он возвращался домой.

Они выехали из Оверуотера, чтобы проехать по Высокому Мосту. Удачно

названное семиэтажное сооружение было забито магазинами, рыночными лавками, тавернами и достаточным количеством караульных помещений, чтобы держать их в узде. В дальнем его конце Тал увидел Кларунские ворота.

На его фронте были вырезаны великолепные водяные лошади, которые, казалось, выпрыгивали из реки, образуя свод центральной арки.

После долгого отсутствия Тал остро ощущал пульс города. Он слышал его в болтовне на мосту, в неровном стуке копыт по булыжнику. Он почувствовал запах человеческого мускуса этого места, приглушенный, но не скрытый ароматами Мулхоранда и тэйскими специями.

Он всматривался повсюду в поисках какого-нибудь знакомого, кого-нибудь, кого он мог бы удивить своим чудесным возвращением. Благовоспитанные жители Селгонта были помешаны на моде, и каждый день тысячи цветов и фасонов одежды проходили по улицам города. Фермер проехал почти весь мост, прежде чем Тал заметил знакомое лицо.

Вываливаясь из маленькой пивной, рыжеволосый мужчина чуть не столкнулся с отрядом Скипетров, городских гвардейцев.

С пьяной грацией человек аккуратно скользнул между пятью скипетрами, едва потревожив их темно-зеленые плащи. Стражники выглядели устрашающе в своих черных кожаных доспехах с серебряной чеканкой. Один из них сделал вид, что обмахивает воздух перед своим лицом и морщится от невидимого облака, окружающего пьяницу.

— Возвращайся домой, Чейни, - устало предупредил скипетр. Очевидно, он уже разговаривал с этим человеком раньше. — Убирайся с улиц, пока тебя не переехал ночной извозчик.

Тал положил руку на плечо своего спутника-крестьянина. — Подожди минутку, — попросил он.

Должным образом предупрежденный, Чейни закрутил свой собственный красный плащ вокруг одной руки и сделал сложный, нетвердый поклон. Его взъерошенные волосы упали на глаза, когда он невнятно произнес — Как только куплю кувшин, в котором можно утонуть... — Глаза Чейни остановились на Тале, и он изумленно уставился на него.

Скипетры оглянулись на Тала, затем снова повернулись к Чейни, неодобрительно нахмурившись. Один из них взял Чейни за руку. — Давай найдем тебе хороший тюфяк.

— Подожди, — крикнул Тал, слезая с повозки. Скипетры смотрели на него с сомнением, а Чейни продолжал смотреть с недоверием. — Я прослежу, чтобы он благополучно добрался до дома.

Скипетр, державший Чейни за руку, с явным неодобрением оглядел его импровизированный наряд. Один из его сослуживцев нетерпеливо подтолкнул стража, и он смягчился.

Чейни продолжал пялиться на Тала, даже после того как Скипетры ушли. Тал улыбнулся ему в ответ. — Это ты, Тал? — Спросил Чейни, с сомнением глядя на обросшего в пути густой кудрявой бородой Тала.

— Да, вроде как, я.

— Они до тебя не добрались! — невнятно произнес Чейни. Он осторожно потянулся, чтобы коснуться грубой имитации плаща Тала, затем схватился за него, чтобы сохранить равновесие. — Они просто украли твою одежду.

Чейни казался крошечным рядом со своим большим другом. Там, где Тал был широкоплеч, Чейни был худощав и узок. Его умные глаза сверкали даже сквозь туман эля, а тонкий нос и острый подбородок придавали ему вид вечного озорника. Его лукавую внешность смягчали гладкие щеки, сохранявшие иллюзию молодости, что делало его моложе, хотя на самом деле в свои двадцать он был на год старше.

— Сколько у тебя сейчас денег? — спросил Тал.

Чейни нащупал свой кошелек, прежде чем Тал забрал его у него. Заглянув внутрь, он нахмурился на содержимое, прежде чем бросить все это крестьянину.

— Если вы останетесь на ночь в «Обзрении», — сказал он, — я пришлю вам еще немного.

— Это все мои деньги! — пожаловался Чейни, все еще протягивая руки, несмотря на то, что крестьянин уже поймал его кошель. Кустистые брови фермера удивленно поползли вверх, когда он понял, что кошелек оказался увесистым.

— Этого более чем достаточно для того, что я сделал, — сказал он.

— Все равно, — сказал Тал. Он намеревался наградить доброго попутчика таким количеством денег, какого тот не видел уже десять лет, но даже это не уменьшило бы ежемесячного жалованья Тала.

— Я не скажу «нет», — уступил фермер, дружески кивнув. Он щелкнул вожжами и продолжил свой путь по мосту.

Тал взял Чейни за плечи и развернул к воротам. — Давай приведем тебя в порядок.

* * * * *

Чейни нужно было выспаться, чтобы окончательно протрезветь, поэтому Тал передал его на попечение хмурой экономки в квартире Чейни. Вскоре после этого Тал стоял перед своим собственным городским домом.

Это было узкое строение из равных частей серого камня и коричневых виноградных лоз, которые весной придавали зданию ярко-зеленый оттенок. Он стоял среди пяти таких же зданий, каждое из которых было отделено от соседних узким переулком.

Тал поднялся по короткой лестнице и весело постучал в дверь. Ему не терпелось увидеть выражение лица Экарта, когда щепетильный камердинер увидит на Тале пару старых одеял и пояс из бечевки.

Через несколько мгновений Тал снова постучал в дверь, но безрезультатно. — Конечно, — подумал Тал, — Экарт должен вернуться в башни Штормового Предела. Он проскользнул в боковую аллею, где лестница спускалась к боковому входу. Там Тал спрятал ключ за расшатанным камнем, несмотря на

протесты Экарта насчет грабителей. Он был рад видеть, что он все еще там.

Когда он повернулся, чтобы открыть боковую дверь, то услышал внезапное шипение. Он поднял глаза и увидел толстого рыжего полосатого соседа, сидящего на карнизе наверху. Это была одна из дюжины кошек, обитавших на этой улице, и Тал часто видел ее возле крыльца, куда Экарт по утрам ставил обеды или блюда с молоком.

— Ну вот, котик, — сказал Тал. Он протянул руку, чтобы дать маленькому зверьку понюхать себя, но кот яростно фыркнул и исчез.

Тал понюхал себя и нахмурился от кислого запаха. — Не могу винить тебя, — пробормотал он. — Мне действительно нужна ванна.

Войдя внутрь, Тал с удивлением обнаружил, что винный погреб освещен двумя яркими лампами. Еще более тревожным был вид пустых винных полок и штабеля ящиков. Один был все еще открыт и переполнен упаковочной соломой.

— Только не говорите мне, что они продали дом, — устало пробормотал Тал. Он знал, что пропал без вести уже давно, но его семья, конечно же, еще не потеряла надежду. Он достал из открытого ящика бутылку собственного вина Тамалона, драгоценного грушевого вина, которое отец подарил ему на день рождения в начале года.

— Я должен предупредить вас, — раздался с лестницы чопорный и дрожащий голос, — что я вооружен и не испытываю никаких угрызений совести, стреляя в грабителя.

Тал убрал улыбку, прежде чем повернуться и заговорить тоном своего отца. — Убери эту игрушку и скажи мне, где, черт возьми, ты взял остатки моего вина!

— Мастер Талбот! — пискнул Экарт, опуская свой ручной арбалет так быстро, что он выстрелил в лестницу. Взглянув вниз, он побледнел, увидев болт, аккуратно подрагивающий у него между ног. Поднял глаза на Тала, он побледнел еще больше. — Но... Но мы думали, что Вы...

— Все еще жду ответа про вино! — прикрикнул Тал. Он изо всех сил старался сохранить серьезное выражение лица. Он редко использовал голос отца, чтобы смутить Экарта, но это всегда срабатывало. Чейни настаивал, что это потому, что Экарт получал именно такие упреки каждый раз, когда он сообщал о Тамалоне Ускеврене, беспутном сыне.

— Оно в Штормовом Пределе, сэр, вместе с остальными вашими вещами. Экарт сглотнул, увидев, как высокие брови нахмурились в еще одной идеальной имитации старшего Ускеврена. — Лорд Ускеврен счел за лучшее перенести всё в ваши комнаты.

Когда смысл сказанных дворецким слов дошел до Тала, он тихо сказал своим собственным голосом, — потому что он думал, что я мертв.

— О нет, сэр, — ответил Экарт с искренним огорчением. — Ваш отец — все мы-никогда не теряли надежды. Ваш отец просто почувствовал, что по возвращении вы предпочтете безопасность дома.

— Ты имеешь в виду заключение, — перебил его Тал, теперь уже по-

настоящему рассерженный. Внезапная вспышка гнева удивила его, потому что, как бы сильно он не обижался на то, что родители все еще нянчатся с ним, он также ценил их заботу—особенно после его недавнего испытания.

Тал заметил, что бледные губы Экарта беззвучно шевелятся, словно у рыбы, вытащенной из воды. — Все в порядке, Экарт, — сказал Тал более мягко. — Я понимаю, что отсутствовал ужасно долго.

Экарт изо всех сил старался скрыть свое огорчение, но Тал должен быть уверен, что слуга не успеет доложить о его возвращении до того, как он сам отправится в Штормовой Предел.

— Просто проследи, чтобы к завтрашнему утру здесь все было в порядке, — сказал Тал с озорным блеском в глазах.

— К завтрашнему утру! - пробормотал Экарт. Но...

— Только сначала приготовь мне горячую ванну. Ванна ведь все еще на месте?

— Да, но...

— И позови парикмахера. — Тал почесал подбородок. — Мне не нравится эта борода.

— Да, но...

— И принеси мне чистую одежду—не из поместья, имей в виду. Купи новую.

— Да, но...

— И у тебя есть деньги?

— Да, но...

— Хорошо. После того как ты подготовишь мне ванну, вызовешь парикмахера, и купишь мне одежду, возьми сотню пятизвездников, отнеси их в гостиницу Обозрение, и отдай их крестьянину по имени Мотт.

—Крестьянину! Но сэръ...

—Спасибо, Экарт. Это всё.

С выражением неподдельной боли на лице Экарт кивнул в знак согласия. Тал на мгновение почувствовал себя виноватым за то, что вел себя так грубо.

—О, и Экарт?

—Да, мастер Талбот?

—Я рад снова видеть тебя.

* * * * *

Прежде чем приблизиться к башням Штормового Предела, Тал остановился, чтобы посмотреть на свое отражение в замерзшей воде общественного фонтана.

Его серые глаза блестели из-под черных волос, аккуратно подстриженных над коротким воротничком. Экарт нашел ему теплые шерстяные чулки голубовато-серого цвета, гармонировавшие с рукавами рубашки, видневшимися сквозь прорези синего камзола. Ансамбль дополняли любимые

длинные сапоги Тала. В правый он засунул изящный, но простой кинжал. Это была вынужденная мера - выходить вооруженным на улицу. Как бы ему ни нравилось упражняться с мечом, он ненавидел неизбежные столкновения, которые его рост вызывал у городских смельчаков, хвастающихся перед друзьями и толпой. Иногда быть большим человеком труднее, чем маленьким.

Расправив теплый плащ, Тал отошел от фонтана и направился в Штормовой Предел.

Особняк был одним из самых новых в Селгонте, но на первый взгляд он выглядел как скопление несчастных случаев и безумных идей дюжины разных архитекторов. Сам дом представлял собой огромное каменное собрание башен и башенок, каждая из которых имела свой собственный характер. Потребовался бы долгий процесс внимательного созерцания, чтобы понять, что кажущаяся случайной совокупность структур образует единое, хотя и сложное целое.

Конюшни и караульное помещение образовывали более короткую ветвь Г-образной границы вокруг открытого двора. Четырехугольник замыкали искусные сады, окаймленные фруктовыми деревьями.

Единственными людьми, стоявшими снаружи на холодном полуденном ветру, были четверо охранников. Их предводитель подмигнул Талу, давая понять, что его прибытие ожидается. Вздыхнув, Тал улыбнулся в знак благодарности за предупреждение и направился к двери. Она открылась при его приближении, и там стоял Эревис Кейл, семейный дворецкий.

— Как хорошо, что вы вернулись домой, мастер Талбот. — сказал худощавый человек. Его голова и лицо были безукоризненно выбриты, но одежда свободно висела на угловатом теле. Почему-то Кейл всегда казался выше, чем Тал, хотя и был на несколько дюймов ниже.

— Не удивлен видеть меня, да, Кейл? — Тал улыбнулся, чтобы скрыть свое разочарование. Ему нравился дворецкий, который обладал сверхъестественной способностью знать, что должно произойти, прежде чем это произойдет. Тал так и не решил, был ли этот талант сверхъестественным или просто незаконным.

Кейл слабо улыбнулся, редкое выражение на его тонких губах, которое могло бы показаться пугающим тому, кто не знал его лучше. Иногда старшая сестра Тала дразнила его «Мастер мел», думая, что Тал никогда не осмелится поступить так же. Он не сомневался, что Кейл услышит об этом, и Тал сжался при мысли о неодобрении этого человека.

— Я не знаю, как ты это делаешь, — сказал Тал, качая головой. — Все еще нет шансов, что ты заменишь Экарта?

Улыбка Кейла стала почти теплой. — Я подозреваю, что Лорд Тамалон не сможет меня отпустить, молодой господин.

— Да, — согласился Тал. — подозреваю, что все именно так.

— Ваш отец ожидает вас в библиотеке, Мастер Талбот.

— Спасибо, Кейл - ответил Тал, входя в холл. — Кто-нибудь...?

Вопрос Тала был задан, когда в него врезалась настоящая комета старшей

сестры. Все, что он увидел перед тем, как мощные руки сомкнулись вокруг его шеи, было вспышкой алой ткани и чернильно-черными волосами.

— Тази! — с трудом выдохнул он.

— Ты невероятный дурак! Нужно было тебе приехать сюда сразу же, как только ты вернулся в город. Разве ты не знаешь, как мы волновались?

Тал обнял ее в ответ, достаточно крепко, чтобы она ослабила хватку его легких. Она была крошечной по сравнению с ним, но она была свирепой и сильной. — Ты бы говорила иначе, если бы почувствовала мой запах, когда я только приехал.

Тазиенна, которую чаще все звали Тази, подалась назад на расстояние вытянутой руки. На секунду Талу показалось, что в уголках ее глаз блеснули слезы, но она сдержалась. — Они искали тебя повсюду, но нигде не могли найти и следа.

— Я знаю, - Ответил Тал. — Я вернулся, как только смог. Он демонстративно оглянулся через плечо, как будто хотел осмотреть свою спину.

— Что ты делаешь? — спросила Тази.

— Просто хочу убедиться, что ты не приколола мне хвост.

Они рассмеялись, а Кейл смотрел на них с непроницаемым равнодушием. Он хорошо знал, что не видел многих детских шалостей и розыгрышей, которые Тази проделывала с Талом. Однажды она уговорила его выпить зелье, от которого он позеленел почти на десять дней. Верный до конца, Тал взял на себя вину — и наказание — когда их матери пришлось пережить смущение из-за появления Тала в таком виде на празднике Зеленотравья.

Это была самая незначительная шутка Тази. Самая большая угроза их юношескому Союзу возникла, когда Тази вышила кроликов и ягнят на всем белье Тала перед тем, как он отправился купаться с маленькими сыновьями из полудюжины других семей. С другой стороны, все узнали много нового о кулачных боях, и он вернулся самым грозным драчуном из своей когорты тем летом. Более того, он быстро подружился с Чейни Фоксмантлом, который до сих пор нес на себе всю тяжесть мучений других мальчиков.

— Это так похоже на тебя-заставлять нас всех ждать, — раздался еще один знакомый голос из внутреннего зала. Тал поднял голову и увидел своего старшего брата, стоящего в дверях.

Тамалон Ускеврэн Второй, более известный, как Тамлин. Даже будучи на шесть лет старше Тала, он был намного меньше своего младшего брата, но держался так, словно был намного выше во всех отношениях. Он небрежно прислонился к дверному косяку, лениво поглядывая на свои ногти, словно пытаясь разглядеть там свое отражение. Из-за его изысканной одежды новый наряд Тала казался таким же паршивым, как и его недавний импровизированный наряд.

— Я рад что ты не мертв, младший брат.

Тази хмуро посмотрела на Тамлина, возможно, ожидая, что он будет более снисходителен к чудесному возвращению их младшего брата. Однако если бы

он был хоть немного дружелюбнее, то мог бы сойти за самозванца.

— Я тоже рад видеть тебя, — ответил Тал.

— А, наконец-то у нас есть что-то общее, — заметил Тамлин. Он победоносно улыбнулся, и Тал снова понял, что друзья Тамлина нашли в нем. Он мог бы быть очаровательным парнем, если бы не приходился ему братом.

Прежде чем Тал успел придумать подходящий ответ, из-за спины Тамлина появилась громадная фигура. Это был Вокс, немой телохранитель Тамлина. Он нависал над Тамлином, как горная тень, черные волосы рассыпались по его квадратной голове, пока не собрались в одну варварскую косу через левое плечо. Рост и грубые черты лица этого человека наводили на мысль об огрской крови, и Тал втайне презирал его.

Когда дети Ускевренов были намного младше, Тамлин и Вокс выбросили из окна надоедливую Тази. Разрываясь между желанием броситься на помощь сестре и избить брата до полусмерти, он предпочел поговорить с Тази, не рискуя столкнуться с чудовищным Воксом. Его гнев вспыхнул ярче, когда он обнаружил, что они сломали сестре руку. Тамлин настаивал, чтобы дети согласились на ложь, чтобы избежать наказания своих родителей. Тази быстро все простила, но с того самого дня Тал понял, что не может доверять Тамлину, и навсегда возненавидел этого грубияна, который не дал ему наказать своего высокомерного старшего брата.

— Я должен навестить маму, прежде чем идти на встречу с Тамалоном, — сказал Тал.

— Она у себя в покоях, — сказала Тази. — Мы только что вернулись из оперы, когда услышали, что ты вернулся. — Она сжала руку Тала и скорчила ему гримасу. Она знала, как мало Тал наслаждался общением с Тамалоном. Он благодарно улыбнулся ей в ответ.

— Мы встретимся позже, — пообещал он. Он направился к западному коридору, демонстративно избегая Тамлина и Вокса. Этот жест не остался незамеченным Тамлином, на лице которого Тал заметил улыбку перед самым уходом.

Шеймур Ускеврен была в своей гостиной. Комната отражала ее индивидуальность, потому что она была женственной, но не казалась изящной, дорогой, но не кричащей. Темно-пурпурные драпировки дополнялись полудюжиной картин, от безмятежного пейзажа до великолепной инсталляции событий Смутного времени, когда боги ходили по Фазруну, воевали друг с другом и умирали.

Тал боялся, что мать превратит это недавнее доказательство его безответственности в очередную лекцию о множестве неправильных направлений, по которым проходит его жизнь. Зачем общаться с этими театральными негодяями, спросила бы она, когда опера — респектабельное место? Почему бы не заняться скульптурой, живописью или композицией? По крайней мере, она не будет настаивать, чтобы он пошел по стопам отца и занялся семейным бизнесом. Эта судьба была уготована Тамлину или, что более вероятно, Тази, как только Тамлин проявит себя неумелым

управляющим.

Однако, войдя в ее гостиную, Тал обнаружил, что мать вовсе не склонна спорить.

Шеймур осталась сидеть на элегантной кушетке, когда Тал вошел в комнату, приветствуя его сдержанной улыбкой, предназначенной для почетных гостей. Это пронзило его до глубины души, ибо не было большего признака ее неудовольствия.

— Мама, - начал он. — Прошу прощения за все беспокойство...

— Иди сюда, Талбот, — сказала она.

Тал опустился на колени рядом с ее кушеткой. Она долго смотрела ему в лицо, потом положила его голову себе на плечо и не отпускала.

— Мама, — начал он.

— Тише, — сказала она, и он повиновался. Она держала его так с четверть часа, не говоря больше ни слова. Наконец она несколько раз погладила его по голове, приподняла голову, заглянула ему в лицо и сказала — Теперь иди к отцу.

* * * * *

Медленно проходя по коридору в кабинет отца, Тал слышал шорох туфель и тихое позвякивание серебряных колокольчиков. Слуга отошел в боковой проход впереди него, без сомнения, чтобы избежать конфликта между Тамалоном и его блудным сыном.

Однако, оказавшись в узком коридоре, Тал увидел, что служанка ждет его, скромно сложив руки под грудью. Ее взгляд был почтительно прикован к ковру.

Она была одета в белое платье до колен, по форме домашней прислуги Ускевренгов, семейные цвета были видны в разрезах ее рукавов и обтягивающем золотом жилете. С чепца того же золотистого цвета свисали колокольчики, которые он слышал, — устройство, предупреждающее членов семьи о прибытии слуги.

Мастер Талбот, - сказала она, глядя на него снизу-вверх. Ее светло-карие глаза казались желтыми в ровном золотистом свете зачарованных канделябров коридора.

Тал изобразил на лице свое лучшее выражение преувеличенного разочарования, затем многозначительно оглядел пустой коридор. — Где же публика, которая делает меня «Мастером Талботом»? - спросил он. — Ты забыла о нашем обещании?

На четыре года старше его, Лараджин была с Ускевренами, сколько Тал себя помнил. В детстве они часто играли вместе. Однажды летней ночью, сбежав от взбурдаженных взрослых слуг на семейном пикнике Ускевренгов, они бродили по окрестным полям, пока светлячки не поднялись с земли. Измученные, они лежали на вереске и смотрели на звезды. После долгого молчания, Лараджин сказала Талу, что это их последняя ночь вместе. По

возвращении в Штормовой Предел она должна принять почтительные манеры других слуг. Она больше не была ребенком.

— Но мы же друзья, — запротестовал шестилетний Тал. — Это несправедливо.

— Здесь я всегда буду твоим другом, — ответила Лараджин, приложив кончик пальца к сердцу. — Но теперь я должна называть вас «мастер Талбот» и отвечать только тогда, когда вы обращаетесь ко мне.

— Это глупо, — сердито сказал Тал. Он нахмурился и стал обдумывать варианты.

— Если я этого не сделаю, меня накажут, — рассудительно сказала она.

— Нет, если тебя никто не слышит, — возразил Тал. — Когда мы останемся одни, ты можешь звать меня Тал, и мы будем друзьями, и никто не узнает.

Казалось, что Лараджин готова запротестовать, но потом она согласилась. — Тогда мы будем тайными друзьями.

Тал потянулся к ее руке в тайном пиратском рукопожатии. Это было секретно, потому что пираты были единственной игрой, которая обеспечила бы ему взбучку, если бы его застукали. Отец ненавидел пиратов.

— Обещаю, — сказал Тал. — Мы навсегда останемся друзьями, даже если это останется тайной.

— Обещаю, — согласилась Лараджин, возвращая тайный знак, ее рука сжала его запястье, а затем сжала кулак в его собственной руке, уже почти такой же большой, как ее собственная.

— Навсегда.

Спустя тринадцать лет Тал помнил об этом обещании.

— Я не забыла, — ответила девушка, — но мы больше не дети. Спустя секунду она добавила — Тал.

— Нет, — согласился Тал, — но обещание есть обещание. Он нежно обнял ее за плечи своими массивными руками, намереваясь обнять ее так же, как и свою сестру. Но прежде чем он успел это сделать, он почувствовал какое-то совсем не братское волнение и не осмелился притянуть ее к себе.

Должно быть, Лараджин что-то заметила на его лице, потому что убрала его руки со своих плеч. — Лорд Тамалон Старший ждет вас, — напомнила она ему. Ее тон был официальным, но она уняла кольнувшую его боль последним теплым пожатием рук Тала.

Он улыбнулся в знак согласия, глубоко вздохнул и повернулся, чтобы войти в библиотеку.

* * * * *

Семейная библиотека Ускевренгов не была самой обширной в Селгонте, но недостаток объема она восполняла комфортом и красотой.

Помимо неизбежных полок со свитками и книгами, библиотека содержала фантастическую коллекцию произведений искусства. Что отличало ее от многих других коллекций в городе, так это то, что каждая вещь была явно

эльфийской.

Большинство жителей Селгонта предпочли бы иметь дело с красными магами или туйганскими варварами, чем с эльфами великого леса к северу от Сембии. Столетия соперничества и конфликтов выжгли глубокое негодование в сердцах Сембийцев, настолько, что их презрение не ограничивалось эльфами королевства Кормантор. Очень немногие эльфы любого рода жили в Сембии, и любая ассоциация с их народом считалась позорной.

Хотя Тамалон Ускеврэн не разделял фанатизма своих соотечественников, он был достаточно мудр, чтобы ограничить свою любовь к эльфийским вещам уединением своей библиотеки. Тал не удивился, обнаружив его там, в окружении сказочных масок зеленых эльфов, чудесных ловцов снов золотых эльфов и мучительно красивого хрусталя лунных эльфов.

Среди всех этих красот за шахматным столиком сидел Тамалон Ускеврэн. На нем были расставлены изящные фигурки из слоновой кости и красного дерева, без сомнения вырезанные эльфийским мастером.

По выражению лица отца кол понял, что светской беседы не будет.

— Начни с самого начала, — сказал Тамалон Ускеврэн. Седовласый патриарх уже сделал свое стандартное открытие, поставив пешку на четверку королевы. Он хмуро уставился на лежащие перед ним фигурки из слоновой кости, его черные брови образовали темный шеврон над темно-зелеными глазами.

Тал занял место за фигурами из красного дерева и открыл партию конем, что неизменно раздражало старшего Ускеврэна, считавшего это безрассудством. — После некоторых дебатов мы решили, что медвесовы все-таки впадают в спячку.

Тамалон без колебаний бросился защищать свою пешку.

Тал сразу понял, что это будет быстрая игра в шахматы, которую он предпочитал. Ему часто становилось скучно во время более продолжительного, более обдуманного матча. Он выдвинул вперед своего второго рыцаря, дракона, вставшего на дыбы. — Мы решили поохотиться на кабана. Зимой им почти нечего есть, поэтому они питаются сладкими кореньями.

Тамалон выдвинул пешку, угрожая коню Тала. Но он по-прежнему молчал.

— Сразу после убийства вы потрошите кабана и делаете сосиски. Видите ли, они наполнены этими кореньями, и вы жарите их на открытом огне. Тал снова двинулся вперед, глядя на лицо отца, ожидая реакции. — Ты режешь их, пока они еще горячие.

Наконец терпение старшего Ускеврэна лопнуло. — Если только вы не отсутствовали почти месяц из-за пищевого отравления, я не вижу в этом смысла. — Он атаковал первого коня Тала другой пешкой.

— В первый же день мы убили кабана, — сказал Тал. Он отступил от рыцаря. — На нас напали, когда я покинул лагерь, чтобы избавиться от выпитого славного Старого Уска.

— Значит, ты был пьян, — сказал Тамалон. Он безжалостно следовал за

отступлением, намереваясь показать всю глупость атаки своих рыцарей-Близнецов, как он часто делал.

— Я не был пьян, — возмутился Тал. Наконец-то его конь был в безопасности, и он выдвинул свою пешку. — То, что я отошел от лагеря, вероятно, спасло мне жизнь. Я слышал крики, но не только от других охотников. К тому времени уже стемнело, и люди начали кричать. Я побежал обратно к костру. Прежде чем я успел до него дотянуться, что-то начало преследовать меня.

— Медвесов? — Тамалон освободил слона своего короля, выдвинув еще одну пешку.

— Думаю, что да. — Тал открыл внешнюю линию своего собственного королевского слона.

— Ты видел медвесова? — настаивал Тамалон.

— Нет, я этого не видел. Может быть, это был кто-то другой. Как бы то ни было, у меня не было копья, поэтому я побежал. Тал описал свой ужасный полет через Арчвуд в неприкрашенных выражениях, лишь ненадолго задержавшись, чтобы ответить своим ходом на постоянно меняющуюся доску. — В конце концов, я сбежал.

— И как же это было? — спросил Тамалон Ускеврэн.

— Ловко бросившись с обрыва, — сухо ответил Тал.

Наконец старик встретился глазами с Талом, подозревая, что тот шутит.

— Честное слово, — сказал Тал. — Я не видел, куда бежал, но, возможно, это спасло мне жизнь.

Тамалон атаковал короля Тала с фланга, угрожая пешками своему второму коню, в то же время наступая на своего собственного коня, единорога из слоновой кости. — Расскажи мне остальное.

Остальная часть истории разворачивалась очень похоже на игру в шахматы, быстро и короткими очередями. Тал рассказал свою историю, и Тамалон тут и там вставлял вопрос. Старший Ускеврэн объяснил, что Чейни и другие выжившие уже дали свои показания городской страже, и Тамалон допросил их позже, узнав немного больше.

— Я призвал верховного Хранителя знаний Яннатара, — объяснил Тамалон. — Его помощники сразу же начали прорицания. Ничего.

— Я знал, что эта старуха — волшебница, — сказал Тал, — или, может быть, жрица. Должно быть, она спрятала меня от магии.

— Мы найдем ее, — заверил Тамалон. — Тогда мы узнаем правду.

— Она упомянула имя — Дхауна Майритар.

— Хммм. — Тамалон постучал указательным пальцем по подбородку, обдумывая имя, на мгновение отвлекшись от игры. — Оно кажется мне знакомым. Будто эхо. — Очнувшись от своих раздумий, он возобновил атаку на шахматные фигуры Тала. — Продолжай.

Разговор возобновился, и в конце концов Тал сказал, что приказал Экарту отнести его вещи в городской дом.

— Ни в коем случае! — рывкнул Тамалон. — Ты останешься в Штормовом

Пределе, пока не разберешься с этим делом.

— Шах, — сказал Талбот.

— Что? — Тамалон взгляделся за доской. Он захватил одного из рыцарей своего сына и двух его пешек ценой всего лишь трех своих собственных пешек. Чего он не понимал, так это того, насколько сильно он подставил фланг своего короля. К счастью для него, это был не смертельный шах, и он быстро блокировал его защищенным слоном.

Я буду жить в городе, — сказал Тал. — Не наши люди спасли меня, но спасибо, что прислали их.

Челюсти Тамалона сжались, но он сдержался и ответил — Сынок, глупо оставлять себя незащищенным после такой очевидной попытки.

— Кто знает, что она был нацелена на меня? Было еще десять сыновей из таких же богатых семей.

— Не таких богатых, — вставил Тамалон. — И не моих сыновей.

— Отец, — ровным голосом произнес Тал. — Я не собираюсь возвращаться в Штормовой Предел.

— Я могу перестать платить тебе за квартиру, — предупредил Тамалон.

— Да, и ты можешь лишить меня удовольствия. Я перееду к Чейни и начну получать свою долю в театре.

Ты не сделаешь ничего подобного! — взревел Тамалон. Тал с трудом подавил улыбку при мысли о том, что всего несколько часов назад он играл роль своего отца. Неужели он показался Экарту таким разъяренным? — Этот расточитель — худший компаньон для тебя! Его компания окажет на тебя дурное влияние!

— Шах, — сказал Тал, встретив сердитый взгляд отца. Он даже не был уверен, что это правда, пока Тамалон не посмотрел на доску и не нахмурился.

— Кстати, о Чейни, — сказал Тал, стараясь, чтобы его слова не прозвучали резко и неуверенно, — он, вероятно, ищет меня прямо сейчас. Рад снова тебя видеть. Спасибо, что искали меня. Я скоро приеду. Он встал, не теряя мужества, но, подойдя к двери и услышав голос отца, запнулся.

— Тал, — сказал Тамалон. Он почти никогда не пользовался коротким именем Тала. — Я хочу для тебя только самого лучшего, Мой мальчик. Я просто хочу, чтобы ты был таким...

— Больше похожим на тебя, — сказал Тал с печальной улыбкой, заканчивая невысказанный, но извечный мотив их отношений. Он открыл дверь и перешагнул порог.

— Тебе вовсе не обязательно быть таким же, как я, — сказал Тамалон, когда дверь закрылась. — Просто *будь* кем-нибудь. Просто *сделай* что-нибудь. *Сделай что-нибудь из себя.*

— Когда-нибудь я сделаю, — пообещал Тал из-за двери. — Вот увидишь.

* * * * *

Чейни так крепко спал в своей квартире, что Тал оставил его в покое. Он

знал, что Экарт все еще будет деловито следить за возвращением домашней обстановки, чтобы не навлечь на себя гнев Тала. Хотя слуга и не был Эревисом Кейлом, Тал с удивлением и некоторым чувством вины отметил, что он вселил в этого человека страх перед Тамалоном Старшим. Если бы он мог подражать не только голосу, но и манере держаться, то, возможно, ему удалось бы быстро убедить госпожу Квикли, что в ее следующей постановке он будет не солдатом, а кем-то другим.

Мысли о театре напомнили всем, что труппа, вероятно, еще не слышала о его возвращении. Сегодняшнее представление началось больше часа назад, но до конца спектакля еще оставалось время.

Выйдя на улицу, Тал огляделся в поисках отцовской охраны. Он улыбнулся, заметив краешек синего плаща, метнувшегося обратно в ближайший переулок. Иногда он играл в какую-нибудь игру с наемными людьми своего отца, бросаясь в переулок или используя заднюю дверь таверны, чтобы ускользнуть от них. Учитывая его недавнее испытание, он не возражал против нескольких охранников сегодня вечером.

Тал приложил ладонь ко рту и закричал: «Я иду в театр!» — Один из семейных охранников высунул голову из-за угла. Он коснулся края своего шлема с выражением, состоящим из равных частей вины и благодарности. Тал ответил на любезность тем, что не оглядывался через плечо на каждом углу.

«Широкие Королевства» представляли собой простой театр под открытым небом, с несколькими постоянными заклинаниями, защищающими от дождя и холода. Госпожа Квикли вложила целое состояние в строительство здания с такими удобствами, так что никто из труппы не жаловался на ее щедрые доли в каждой постановке. Она даже заплатила, чтобы снять дорогое заклинание, которое она заказала, чтобы заглушить аудиторию. Вместо того чтобы улучшить концентрацию актеров, они постоянно нервничали из-за того, что не вызывали достаточного количества смеха, рыданий или, что самое главное, аплодисментов.

Тал знал, что вечернее представление почти закончилось, поэтому он направился прямо к выходу на сцену. Ему пришлось трижды повторить фирменный стук, прежде чем дверь открылась, по-видимому, сама собой. За ней Тал увидел знакомый хаос веревок и декораций.

— Тал! — крикнул высокий, хриплый голос у его ног. Крошечное зеленое существо с яркими кошачьими глазами вскарабкалось на его одежду и нежно ухватилось за волосы.

— Ломми! — воскликнул Тал. Когда маленький таслой не скакал по сцене в роли клоуна, он обычно находился на стропилах, управляя механизмами вместе со своим братом Оттером. Тал нежно обнял крошечное существо, прежде чем попытаться отцепить его. Ломми не сдвинулся с места, прижавшись длинным плоским лбом к щеке Тала. Тал никогда не видел, чтобы этот интимный жест был обращен к кому-то, кроме Оттера или госпожи Квикли, приемной матери таслая.

Если бы Тал вытянул Ломми прямо, то таслой был бы ростом чуть больше

двух футов. Он казался еще меньше, когда прыгал по полу или раскачивался на снастях, его тонкие черные волосы поблескивали позади него. Чаще всего и Ломми, и Оттер были невидимы для случайного наблюдателя, прячась в тенях наверху.

— Ломми *очень* счастлив, — Прошептал таслой. — Ломми боялся что Тал мертвый, но Оттер сказал Тал вернется.

— Тал рад что Оттер прав, — ухмыльнулся Тал. Безразличие таслов к местоимениям было инфекцией среди актеров, и эти существа часто несли проклятия актеров, которые путались в своих репликах после разговора с одним из них. Тал был почти уверен, что эта идиосинкразия — не культурная черта, а та, которую госпожа Квикли культивирует для экзотического эффекта.

— Шшш! — предупредила актриса, стоявшая у одного из входов на сцену. Затем молодая женщина узнала Тала и приветливо помахала ему рукой. С Ломми, счастливо сидящим у него на плече, Тал присоединился к ней у занавеса, где они смотрели заключительные сцены пьесы.

Миллион Дрей взял на себя ту роль, которая была бы у него, если бы он не исчез. Как вспыльчивый сын незаконного короля, он должен был встретить свою судьбу в руках законного принца, которого играла Сивана Аласпер, женщина такой андрогинной красоты, что она часто брала на себя роль молодых людей. Такая гендерная игра была отличительной чертой труппы госпожи Квикли, и она часто сочиняла комедии, основанные на старом трюке.

Как герой, Сивана стояла перед ценным реквизитом труппы, заколдованным длинным мечом с удобной для театра волшебной силой производить свет, пламя или множество волнующих звуков по команде. Пока Тал смотрел, Сивана схватила оружие и произнесла строчку, в которой тщательно скрывались командные слоги. Оружие вспыхнуло синим светом, доказывая притязания юного героя на трон.

Тал поставил сцену боя несколько месяцев назад, с нетерпением ожидая возможности сыграть темного принца. Он старался не чувствовать ревности, когда Миллион прыгнул в атаку с помощью трамплина, спрятанного за небольшой грудой искусственных камней. Стройный актер грациозно перелетел через плечо своей соперницы, приземлившись позади нее, чтобы нанести первый удар.

Борьба отличалась от первоначальной постановки Тала во многом, как правило, чтобы воспользоваться преимуществами более легкого телосложения. Тал с некоторой досадой заметил, что сцена смерти изменилась и теперь включает в себя один из четырех потайных люков сцены. Он чувствовал, что быстро злоупотребил этим приемом, но должен был признать, что толпе было приятно видеть, как побежденный самозванец спускается в девять адов, а торжествующий принц наносит ему смертельный удар.

Когда аплодисменты стихли, и актеры покинули сцену, Тал оказался в центре всеобщего внимания. Ресурсы дома Ускеврэн возможно выдали его возвращение, как только он ступил в город, но все в «Широких Королевствах» были поражены, увидев его во плоти. Вскоре у него закружилась голова от

объятий, поцелуев и случайных дружеских ласк.

— Не думай, что это означает, что ты получишь роль обратно, — предупредил Миллион.

— Как я могу превзойти это представление? — Сказал Тал. — Но в следующий раз моя очередь пустить в ход меч.

— Сначала тебе придется забрать его у меня, - объявила Сивана, взмахнув клинком, прежде чем вскочить и схватиться за прутья большой стальной клетки, висевшей за сценой. Труппа все еще не нашла применения гигантскому реквизиту, который госпожа Квикли купила для постановки «Королевского пленника» прошлой весной.

Тол ухмыльнулся и направился к ней, но не успел сделать и шага, как сильные руки обхватили его за талию и оторвали от пола.

— Мой мальчик! — воскликнул хриплый голос. Госпожа Квикли опустила его на землю ровно настолько, чтобы поцеловать в губы. Как обычно, от нее пахло чесноком и травами.

Квикли была крупной женщиной, почти шести футов ростом и крепко обтянутой мускулами. Она была единственной в труппе, кто мог поднять Тала с пола, и когда она держала его на расстоянии вытянутой руки, чтобы посмотреть на него, он сомневался, что сможет избежать ее мощной хватки.

— Ты выглядишь немного хуже, — сказала она оценивающе. — Аппетитно, как всегда, — добавила она с лукавой усмешкой, показывая заметную щель между передними зубами. Черты ее лица были широкими и почти комичными, даже без яркого макияжа, который она носила на сцене и вне ее. Никто не осмеливался угадать ее возраст, хотя, судя по тысячам историй, которые она рассказывала о своих пяти покойных мужьях, ей можно было дать лет сто.

— Давайте послушаем всю историю, — быстро прогремел он, — и не в таверне, полной наостренных ушей. — Кто будет любезен и принесет нам бочонок?

* * * * *

Долгое путешествие и многочисленные встречи с тех пор, как он вернулся, наконец, настигли Тала вскоре после наступления темноты. С некоторым трудом он отделался от своих друзей обещанием скоро вернуться.

Его городской дом был недалеко от театра, поэтому он пошел пешком. Он проделал весь путь до дома, прежде чем понял, что забыл позвать охранников своего отца. Помня об иронии судьбы, он надеялся, что потерял их не случайно.

Он забыл попросить у Экарта еще один ключ от входной двери, поэтому Тал снова направился к выходу из подвала. Когда он спускался по лестнице, его ботинок ударился обо что-то, вызвав керамический звон. Он наклонился, чтобы поднять ее. Миска из кухни.

С пронзительным криком разъяренное животное бросилось с выступа прямо в лицо Талу. Бритвенные когти разорвали его кожу, прежде чем существо

оттолкнулось и упало на землю. Тал обернулся и увидел, как рыжий полосатый кот бежит через улицу, шипя и воя, будто его выгоняют с его территории.

— Черт возьми! — прошипел Тал. Он дотронулся до щеки и почувствовал влагу. Его привязанность к местным кошкам ослабевала с каждым днем.

* * * * *

— Получи, зараза! — воскликнул Тал. Его меч был размытым пятном на фоне слабеющего барьера отступающих парирований. Между каждым резким ударом клинков он слышал тяжелое дыхание своего противника. Тал еще не вспотел, несмотря на ночь, полную тревожных снов.

— Хватит этого тебе? — громко спросил он.

— Ни..! — выдохнул соперник Тала. — Никогда! — Он поспешно удалился, быстро пересек улицу, не ослабляя бдительности.

— Значит, сейчас добавлю! — воскликнул Тал. Схватив клинок двумя руками, он нанес серию сокрушительных ударов по голове и шее. Им не хватало ловкости, но его превосходящая сила заставила оружие противника опуститься. Когда он увидел, что вынудил человека слишком низко защититься, Тал сделал ложный выпад влево. Как и ожидалось, его противник переусердствовал с парированием.

Вместо того, чтобы ударить в оставшийся незащищенным правый бок, Тал низко развернулся и нанес размашистый удар по ногам человека. Его быстро соображающий противник превратил парирование в прямой удар в бедро Тала. Более быстрый фехтовальщик мог бы преуспеть. Этот же упал на деревянный пол с оглушительным стуком. Прежде чем он успел пошевелиться, клинок Тала оказался у его горла.

— Я сдаюсь! — воскликнул упавший человек. Он выронил меч и с громким стуком упал на пол.

— Ты должен был подпрыгнуть, — предложил Тал. Он одной рукой снял тренировочный шлем и положил его на пол. — Это выглядело бы великолепно.

— Боги знают, что я достаточно настрадался от твоих рук. Ты действительно мастер фехтования.

Тал протянул Чейни свободную руку и поднял его с пола. — По крайней мере, я трезвый фехтовальщик, — ответил он, поднимая его на ноги. — Ты победишь меня, когда у тебя будет еще несколько дней, чтобы окончательно протрезветь.

— Не дай Бог, — сказал Чейни. Даже среди печально известной гедонистической семьи Фоксмантл он был известен своими излишествами. Даже в тех редких случаях, когда он на мгновение трезвел, Чейни не мог победить Тала в сражении на мечах. На самом деле Чейни был самым худшим из тридцати двух учеников мастера Феррика.

Тал использовал эти матчи со своим другом, чтобы разработать маневры для боевых сцен в театре. Чаще всего это означало резкий удар или два от деревянного тренировочного меча Чейни, тогда как Тал пробовал яркие, но

неудачные атаки.

— Мне понадобится бутылка или две, чтобы притупить боль от этого похмелья, - добавил Чейни, пытаясь снять свой мягкий шлем. — Я надеюсь...

Громкие, медленные хлопки прервали их беседу. Чейни и Тал подняли головы и увидели, что в тренировочный зал мастера Феррика вошли еще двое мужчин.

Один из них шагнул вперед, продолжая шутливо аплодировать. Он был узкобедрым и широкоплечим, с длинными светлыми волосами, собранными в тугие косы цвета слоновой кости, которые соответствовали Канту на его бордовом камзоле. Он носил элегантно завитые усы над тонким красным разрезом рта. Элайл Соаргил считал себя самым искусным фехтовальщиком в школе мастера Феррика.

— Bravo, — сказал Элайл. — Я постараюсь вспомнить этот вдохновенный маневр. Это, несомненно, пригодится, когда в следующий раз я столкнусь с пьяным в стельку матросом.

— Сомневаюсь, что он когда-нибудь сталкивался с пьяными матросами, которых встречал, — заметил Чейни театральным шепотом. Тал не смог скрыть улыбки.

— Если ваш подхалим желает получить урок хороших манер или фехтования, мастер Ускеврэн, — фыркнул Элайл, — он может обратиться непосредственно ко мне.

Тал почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом. Это был не первый раз, когда Чейни оскорбляли подобным образом, но это все еще раздражало. С тех самых пор, как они в детстве стали друзьями, Чейни воспринимался сверстниками не более чем как приспешник Тала. Чейни происходил из особенно сомнительной и почти нищей ветви дерева Фоксмантлов. Не прекращались слухи, что он искал дружбы Тала, чтобы улучшить свое положение.

Чейни открыл было рот, чтобы возразить, но Тал перебил его: — Я бы поучился.

Усы Элайл дернулись. Тал не мог сказать, доволен ли этот человек или раздражен. Тал был гораздо лучшим бойцом, чем Чейни, и он был достаточно силен, чтобы не бояться слухов о том, что Элайл платил портовым грузчикам, чтобы они избивали тех, кто превзошел его на тренировках.

— Очень хорошо, - ответила Элайл после долгой паузы. — Нужно брать на себя ответственность за своих питомцев.

— До трех? — спросил Тал.

— Да.

В последний раз усмехнувшись Чейни, Элайл стянул перчатки и вернулся за своим снаряжением. Ему понадобится несколько минут на разогрев.

Тал мысленно улыбнулся. Он считал Элайла плохим фехтовальщиком и планировал победить. Он больше беспокоился о Чейни. Тал надеялся, что он не обидел его своим вмешательством. Он обернулся, чтобы увидеть выражение лица своего друга, но Чейни все еще смотрел на Элайла, пока тот

расшнуровывал свой камзол.

Тал взглянул на другого мужчину, вошедшего вместе с Элайлом. Это был Раду Малвин, второй сын одного из мелких купеческих семейств Селгонта. Раду был почти одного роста с Талом, и его волосы были такими же черными. На этом сходство заканчивалось, ибо если Тал был массивным, то Раду — тонким, как хлыст. Его черные глаза были холодны, как у змеи, и Тал по опыту знал, что этот человек и быстр, как змея. Тал был уверен, что Раду — лучший фехтовальщик в школе.

Раду ответил на взгляд Тала, но ничего не сказал. Он закончил зашнуровывать свою мягкую тунику и перекинул лодыжку через стойку для растяжки. Он наклонился грациозно, как лебедь, касаясь своим высоким лбом голени.

— Будь осторожен, — сказал Чейни. — Если ты побьешь его слишком сильно, тебе придется целый месяц прикрывать спину.

— Это твоя работа, — ответил Тал. — А это значит проявить немного милосердия к местным виноградникам.

— Проклятие! — сплюнул Чейни. Он одарил Тала искренней благодарной улыбкой. — Но это самое малое, что я могу сделать для моего верного телохранителя.

— Самое меньшее, — согласился Тал.

Элайл объявил о своей готовности, властно фыркнув. Он стоял на среднем круге Центрального тренировочного ринга. Черная черта, делившая красный внешний круг и зеленый вдвое меньше означала равновесие и равное противостояние.

Тал занял свое место напротив Элайла и встретился взглядом со противником, как всегда настаивал мастер Феррик. Они надели свои тренировочные шлемы. Не говоря больше ни слова, оба мечника отсалютовали, и в конце Элайл изобразил изящный тефирский жест. Этот маневр с деревянным мечом казался неуклюжим и нелепым.

— Будь осторожен, Тал, — сказал Чейни, — Он дразнит тебя, чтобы ты сдался.

Элайл не отрывал глаз от Тала, но нахмурился, услышав колкость. Тал усмехнулся. Ему нравилось упражняться с мечом, и он решил немного побаловаться.

— Встаньте в центр... — сказал Чейни... — Начали!

Сначала Тал стоял неподвижно, наблюдая, как Элайл шагнул налево, потом вперед, потом назад. Вместо того чтобы принять приглашение своего противника на танец, Тал рванулся вперед с громким топотом, что заставило Элайла преждевременно парировать удар. Атака Тала, на мгновение позже, чем ожидалось, сильно ударила Элайла по костяшкам пальцев. Элайл не выронил оружие, но когда его хватка ослабла, Тал сделал выпад и ударил Элайла по шлему.

— Один, — сказал Тал, возвращаясь на позицию в центре круга. Он почти видел красный румянец на щеках Элайла на носу и щеках под его

тренировочным шлемом.

— Один, — решительно согласился Элайл. Он говорил так, словно хотел пожаловаться на позорное нападение, но знал, что это совершенно справедливо. Ему следовало быть более осторожным.

— Встали — громко сказал Чейни. — Начали!

На этот раз Элайл пошел в прямую, но осторожную атаку. Сначала он исследовал защиту Тала, аккуратно, опасаясь ответного удара. Поначалу Тал воздерживался от контратаки, выискивая возможность нанести особенно унижительный удар вместо того, чтобы довольствоваться обычным порезом.

Финты Элайла были хороши, и вскоре он добавил подсечку с колющим ударом. Первая почти удалась, и Тал понял, что оставаться в обороне будет труднее, чем он ожидал.

Однако, прежде чем он успел сменить тактику, Тал ошибся на полшага и почувствовал сильный удар в бедро.

— Один-один, — торжествующе произнес Элайл. Тал пожал плечами, извиняясь перед Чейни, и снова занял позицию.

В следующем поединке Тал снова попытался перейти в наступление. Он изо всех сил выбил клинок Элайла наружу. Однако вместо того, чтобы броситься вперед за острием, Тал развернулся, перехватив клинок из правой руки в левую, и нанес амбициозный размашистый удар наотмашь по мягкому плечу Элайла.

Это было бы впечатляюще, если бы он удался.

Вместо этого он чуть не вывернул руку из сустава, когда Элайл ткнул острием своего деревянного клинка ему в плечо.

— Полагаю, такие вещи нравятся простолюдинам, — презрительно заметил Элайл. Обычно невосприимчивый к таким колкостям, Тал почувствовал, как его щеки вспыхнули. Это была глупая атака, но она могла обернуться чем-то хорошим для следующего представления. Если бы у него получилось, как бы взбесился Элайл!

Тал сравнивал счет в следующем поединке, продавливая соперника превосходящей силой, а затем заманив Элайла в поспешную контратаку. Тал ловко отклонил удар в голову и поднырнул под клинок Элайла, чтобы ткнуть его двумя руками в бицепс. Раздосадованный, Элайл откинул деревянный клинок, прежде чем Тал успел его выхватить.

Заняв позицию для последнего раунда, Тал заметил, что Раду Малвин стоит за пределами боевого круга, напротив Чейни. Даже когда он снова повернулся к Элайлу, Тал чувствовал на своей спине свинцовый взгляд Раду.

... Начали! — Тал понял, что потерял концентрацию слишком поздно, чтобы парировать стремительно несущийся выпад Элайла. Неужели Элайл начал атаку до команды? Тал изогнулся, чтобы уклониться от тела Элайла, затем быстро поднял клинок, чтобы заблокировать быстрый, но слабый удар, когда Элайл оправился от выпада. К сожалению, этот маневр оставил Тала на одном колене. Прежде чем Тал успел опомниться, Элайл ударил его ногой в переднее колено, развернув вправо и открыв весь левый бок для атаки.

Игнорируя боль в колене, Тал наклонился вправо, откатываясь, чтобы избежать удара. Элайл пошел следом, резкий стук его меча об пол трижды ударил прямо за шлемом Тала прежде чем он поднялся на ноги в низкой защитной позиции. Тал испугался, что он мог выкатиться за пределы поля, но ни Раду, ни Чейни его не окликнули.

Даже не глядя вниз, Тал знал, что стоит на Красной внешней линии. Если бы он сделал шаг назад, касание досталось бы Элайлу, который даже сейчас продолжал яростную атаку, рассчитанную на то, чтобы заставить Тала отступить. Тал твердо решил не двигаться.

Когда он отогнал жгучее смущение от того, что поставил себя в такое слабое положение, то почувствовал, как его окутывает приятное спокойствие.

Клинок Тала задвигался быстрее, когда его сердце успокоилось. Вскоре он уже не чувствовал оружия в своих руках, и тогда его руки стали скорее воспоминанием, чем осязаемым присутствием. Клинок больше не был его сознательной защитой. Он стал зеркалом собственного оружия Элайла, двигаясь туда, куда он двигался не по своей воле, а просто потому, что должен был.

Разочарование отразилось на лице Элайла, и он уже не чувствовал себя так уверенно, как раньше. Ярость мужчины перешла в отчаянный выпад. Вместо очередного удара мечом Элайл всем своим весом навалился на грудь Тала.

Тал пожал плечами так же плавно, как будто надевал мантию, обернувшись вокруг себя и оказавшись за спиной Элайла, и его противник выпал за границу красного круга.

Элайл приземлился с болезненным хрустом и приглушенным проклятием.

— Да! — радостно вскрикнул Чейни.

Тал моргнул, словно выходя из транса. Затем он усмехнулся и повернулся к Чейни. — Я думал, он меня достал, — сказал Тал, снимая шлем.

У Чейни не было времени закричать, но выражение его лица было достаточно предупреждающим. Тал пригнулся и подался вправо, как раз вовремя, чтобы увидеть, как тренировочный клинок Элайла полоснул по тому месту, где мгновение назад была его незащищенная голова.

Прежде чем Аллен успел прийти в себя, Тал крепко сжал его запястье. — Довольно, — сказал он.

Лицо Элайла побелело от ненависти. Тал увидел, как его глаза расширились и наполнились слезами, когда Тал сильнее сжал его запястье, чувствуя, как кости скрежещут друг о друга, прежде чем Элайл охнул. Деревянный тренировочный меч с грохотом упал на пол.

Элайл подавил яростные слезы, когда Тал отпустил его. — Ты еще пожалеешь об этом, Ускеврэн.

Тал зарычал, низко и гортанно. Нечеловеческий звук пронзил Элайла. Несколько долгих секунд он стоял, глядя в глаза более крупного мужчины с неприкрытым ужасом в глазах.

Момент прошел, и Элайл скривил свои тонкие губы в уродливой, дрожащей усмешке. Тем не менее, он сдержал язык за зубами и поспешил прочь, чтобы

встать рядом с Раду Малвином.

Раду посмотрел на испуганного человека с таким выражением, словно заметил, что тот стоит рядом с кучей дымящегося навоза. Едва заметно раздвинув ноздри, Раду грациозно отступил в сторону, повернувшись спиной к Элайлу.

Брошенный Элайл поспешил собрать свои вещи и ушел, все еще баюкая ушибленное запястье.

— Все прошло хорошо, — заметил Чейни. — Тебе так не кажется?

* * * * *

Выйдя из боевой школы, Тал и Чейни зажмурились от сильного морского бриза, гулявшего по складам. Прежде чем выйти на улицу, они остановились у проезжавшего мимо фургона с элем. В этот момент рядом с ними появился Раду Малвин. Тал заметил, что ветер не треплет волосы и одежду этого человека, и задумался, что за чары он носит для такого эффекта.

Болтовня едва знала этого человека, но младший брат Раду, Пьетро, участвовал в злополучной охоте. К счастью для Мальвинов, Пьетро был одним из немногих, кто добрался до своих лошадей в первые минуты нападения. Как и Чейни, он остался невредим.

— Приношу свои извинения за то, что помешал вашему занятию, мастер Малвин, — сказал Тал.

Раду склонил голову набок.

— Возможно, я смогу загладить вину за то, что прогнал вашего противника. Может, потренируемся завтра?

— Нет, — ответил Раду.

— Может быть, в другой раз...

— Нет.

— А почему нет? — спросил Чейни, склонив голову набок, словно уловив звук, который ему не понравился. — Ты пришел сюда с этим дураком Элайлом.

— Все в порядке, Чейни, — сказал Тал. — Давай посмотрим, кто сегодня сидит в Зеленой перчатке.

— Нет, не все в порядке, — перебил Чейни, — Что с тобой, Тал? Мальвин? Он вдвое лучше Элайла, а ты собрался сразиться с ним лицом к лицу?

— Чейни! — возмутился Тал.

Вместо того чтобы стукнуть Чейни, как это было принято среди их сверстников, Раду просто снова кивнул, как бы признавая точку зрения Чейни. — Это верно. Мастер Ускеврэн мастерски владеет мечом.

Голова Чейни качнулась, как будто он только что получил удар, игнорируя оговорку «мастерски.»

— Так почему же?

Талу очень захотелось чтобы Чейни заткнулся.

— Я встречусь с тобой в кругу, — сказал Раду, устремив на Тала свой ничего

не выражающий взгляд, — как только ты начнешь относиться к нему с уважением.

Чейни открыл было рот, чтобы возразить, но Тал остановил его, подняв руку.

— Это не театральная репетиция, — сказал Раду. Мало кто из сверстников Тала высоко ценил театр, но голос Раду звучал особенно презрительно.

— Я просто развлекался с Элайлом, — сказал Тал. — Я не хотел проявить неуважение.

— Ты не понимаешь, — холодно сказал Раду. — Тебе не следовало позволять Соаргилу прикасаться к тебе. Твои выходки оскорбляют круг, твой меч и тебя самого. С этими словами Раду Малвин отвесил самый небрежный поклон и отвернулся.

Чейни коротко огрызнулся, но Тал заметил, что он не бросил вслед Раду ни одного ехидного замечания.

— Он сам не знает, о чем говорит, — сказал Чейни. — Ты один из лучших фехтовальщиков Селгонта.

— Нет, — медленно проговорил Тал — не думаю. Слова Раду взволновали его больше, чем он думал. — Но, может быть, так и должно быть.

* * * * *

В тот вечер Тал вернулся в свой городской дом один. Солнце только что село, и тени тянулись по булыжной мостовой в обманчиво теплом свете уличных фонарей.

За весь день он выпил не одну бутылку Эля, но был достаточно умен, чтобы следить за тенями. Фигура, следовавшая за ним последние несколько улиц, вероятно, была одним из людей его отца. По крайней мере, он сделал над собой усилие, чтобы остаться вне поля зрения.

Весь день Тал и Чейни обменивались сплетнями и пели песни с портовыми грузчиками и торговками в Зеленой рукавице. Когда начали прибывать более богатые посетители, они перебрались в менее колоритный «Черный олень», где обменивались грубыми шутками и флиртовали с грубыми женщинами из этого притона контрабандистов.

Чейни выскользнул вместе с очаровательной молодой служанкой из дворца Хулорна. Как и Тал, он предпочитал простых женщин купеческой знати. Чейни считал их захватывающими и опасными, и чем более дурной репутацией они пользовались, тем лучше. В отличие от своего друга, Тал просто находил таких женщин более доступными, свободными от неизбежных притязаний богатых.

К сожалению, даже простые женщины, узнавшие о наследии Тала, часто становились более амбициозными, чем интересными. При первых признаках скрытого мотива интерес Тала испарялся. Таким образом, его переживания были значительно менее эпическими, чем у Чейни.

Эта мысль особенно рассердила его. Он ненавидел думать, что самым

ценным его качеством была случайность его рождения.

Эти мрачные мысли настолько отвлекли его, что он прошел мимо своего дома. Обернувшись, он увидел фигуру в капюшоне, которая пристально смотрела на него из-за угла дома. Женское лицо в обрамлении каштановых волос, яркие глаза — возможно, голубые или зеленые — вот и все, что он увидел, прежде чем она скользнула в темный переулок.

Она наблюдала за ним. Он был в этом уверен.

Тал побежал туда, где она только что была. В темном переулке в свете уличных фонарей виднелись лишь блестящие дорожки невысоких балконов и лестничных клеток. Тал пожалел, что Луна не взошла и не светит прямо в темноту. Женщина могла прятаться где угодно в этом сумраке.

Широко раскрыв глаза в темноте, Тал осторожно шагнул вперед. Он раздумывал, стоит ли позвать женщину. Но что он скажет?

Прежде чем он нашел хоть какой-то след своей таинственной женщины, из высокого дома рядом с ним появился свет. На балконе второго этажа стояла пузатая женщина с лампой в руках. Поверх ночной рубашки на ней был яркий вышитый халат.

— Прелесть моя? — позвала она, — Это ты?

— Это я, госпожа Даннет, — ответил Тал. Он вышел из темноты в круг света от ее фонаря.

— О, — Разочарованно произнесла та. — Как здорово что вы вернулись домой, мастер Талбот. Вы случайно не видели моего прелестного Тыковку?

— Боюсь, нет. — На мгновение Тал задумался, не избавилась ли его таинственная женщина от кота, но не мог придумать причины, по которой она это сделала. После царапины, которую маленький ублюдок нанес ему вчера, Тал обнаружил, что его не трогает мысль о безвременной кончине Тыквы.

Тал пожелал госпоже Даннет доброй ночи и сам отправился в постель.

* * * * *

В своих снах он вновь переживал ужасы Арчвуда, только на этот раз зверь загнал его в угол. Монстр преследовал его раз за разом, мучая, но не нанося смертельного удара.

Серый свет просачивался сквозь занавески в окне спальни Тала, но какой-то шум пробудил его от мучительных кошмаров. На этот раз Тал проснулся достаточно трезвым, чтобы понять, что кто-то стучит в дверь его спальни. На самом деле, кто-то еще стучал в дверь его шкафа — изнутри.

— Мастер Талбот, — позвал Экарт из коридора.

— Помогите мне! — Крикнул незнакомый голос из шкафа. — Они все еще там!

Тал начал было вставать, но остановился, почувствовав что-то странное в комнате. Занавески хлопали в открытом окне, вызывая мурашки на его обнаженном теле. Это было странно, потому что он был не из тех, кто спит голым.

Тал спустил ноги с кровати. Встав, он поскользнулся в какой-то мерзкой скользкой жиже на полу и рухнул рядом с ней.

Его голова ударилась об пол рядом с разорванным и окровавленным лицом Элайла Соаргила. Тал поскользнулся на разбросанных внутренностях мужчины.

Тал закричал, голос из шкафа закричал, и Экарт закричал из коридора. Тал первым остановился, пробираясь через жуткий беспорядок к двери в коридор. Он обнаружил, что она заблокирована тяжелым сундуком, вытащенным из-под кровати Тала. В углу позади него лежало еще одно мертвое тело, точнее, большая его часть, остальные черты были неузнаваемы.

Тал закричал снова. Голос из шкафа тоже. Экарт же кричать даже не переставал.

Проглотив подступившую к горлу тошноту, Тал отодвинул сундук от двери, чтобы впустить Экарта. Его слуга взглянул на Тала и снова начал кричать, но Тал быстро зажал ему рот большой ладонью. Его руки были залиты кровью, и он чувствовал липкость всего своего обнаженного тела. Она была на его ногах, груди, руках, даже на лице.

— Дайте-ка подумать, — сказал Тал, но ужасная догадка уже оформилась в его сознании. Наконец-то он узнал, что за таинственный человек напал на него в Арчвуде. Теперь он понял, почему за ним следили до самого города.

— Приведи Чейни, — сказал Тал, убирая руку ото рта Экарта. — Больше никого, и я говорю серьезно. Ты же не хочешь быть тем, кто расскажет об этом моему отцу, не так ли?

Успокаивая себя, Экарт продемонстрировал некоторое количество твердости характера. Он вытащил из жилетного кармана носовой платок и торопливо промокнул кровавый отпечаток ладони у рта. — Нет, сэр, — решительно ответил он. — Мне бы этого не хотелось.

* * * * *

— Я знаю пару человек из «Оленя», которые позаботятся о телах за несколько монет, — предложил Чейни.

— Да, — сказал Тал, — но сколько стоит их молчание? И надолго ли?

— Верно, — согласился Чейни. — Как только они поймут, кто ты такой, их уже ничто не удовлетворит.

— Кейл знал бы, что делать.

— То, что знает Кейл, знает и твой отец.

— Иногда я в этом не уверен, — задумчиво сказал Тал. — Но в конце концов мой отец должен узнать. Я не могу позволить себе лечение на свои деньги. Даже если бы я мог, в Селгонте нет священника, который не рассказал бы об этом отцу позже.

— Я думал, что исцеление работает до того, как ты...ну, знаешь...изменился...

— Этого я не знаю, — вздохнул Тал. — Я вообще не знаю, что значит быть

оборотнем. — Он отмылся вскоре после того, как Экарт ушел искать Чейни. Но он все еще чувствовал себя грязным. — Может быть, мне стоит просто сидеть в городской страже?

— Не будь дураком! — сказал Чейни. — Во всяком случае, подумай о том вреде, который это может причинить твоей семье.

— Я только что убил двух человек! — возразил Тал. — Третий все еще заперт в моем шкафу. Сколько еще вреда я могу причинить? — Единственный оставшийся в живых после ночного побоища охотно рассказал свою историю, хотя было трудно разобрать детали из-за его испуганного лепета. Он был взломщиком замков и гордился тем, что работает только на самых богатых работодателей.

Элайл Соаргил предложил ему и его неуклюжему спутнику по двести пятизвездников, чтобы они избили Тала до полного подчинения, а затем удерживали его, пока Элайл сам нанес бы несколько ударов.

Они вломились в городской дом и нашли дорогу в спальню Тала, где планировали затаиться в засаде. Вместо этого они нашли чудовище.

— А что если это не твоя вина?

— Как это может быть?

— Что если кто-то сделал это с тобой нарочно? — сказал Чейни.

Тал обдумал это предложение. — Это слишком не похоже на правду, — сказал он наконец. — Даже если нападение на нашу группу было спланировано, как они могли знать, кто выживет?

— Может быть, им было все равно, кто из нас это был, — предположил Чейни. — Или, может быть, мы все должны были умереть.

— Старуха знала, что на меня напал оборотень, — сказал Тал. — Но была ли она частью заговора? Или она просто пыталась помочь?

— Она должна была участвовать в этом, — сказал Чейни. — Это слишком большое совпадение, что она нашла тебя там, в лесу.

Тал кивнул. Это было слишком удобно.

— Сейчас важно поместить тебя в безопасное место. Жаль, правда, что шкаф уже занят.

— Этого все равно будет недостаточно, — сказал Тал. — Мне нужна крепкая клетка. И на случай, если я выберусь...

— Чтобы убить оборотня, нужен заколдованный меч, — сказал Чейни. — Ты будешь в безопасности, пока не столкнешься с волшебником или кем-то с магическим оружием.

— В театре есть такая большая, прочная клетка, — сказал Тал.

— И ты можешь быть уверен, что быстро все уладится. — Чейни оживился, хотя Тал был полон отчаяния.

— А вот и меч, на случай, если я выберусь.

— Ты не выйдешь, — сказал Чейни. — Я имею в виду, *это* не выйдет наружу. Ты же сам сказал, что ничего не помнишь со вчерашнего вечера. Это доказывает, что это не ты. Это... ты знаешь. Тварь. Волк. Оно.

— Но если он все-таки выйдет наружу, — сказал Тал, — мне нужен кто-то,

кому я могу доверять, чтобы позаботиться о нем. Ты нужен мне там с мечом.

— Послушай, — сказал Чейни, — Экарт и я сможем позаботиться обо всем, что сейчас происходит. Иди, поговори с Квикли.

— Я серьезно, Чейни. Ты нужен мне там сегодня вечером, и мне нужно твое обещание, что ты убьёшь эту тварь, если она выберется из клетки.

Чейни вздохнул, — я буду там.

— Пообещай.

— Обещаю.

* * * * *

— Ты был кем?

— Я был...

— Нет, нет, я расслышала с первого раза, — сказала Квикли. Она прикусила кончик большого пальца и отвернулась, чтобы пройти рядом с большой стальной клеткой. — Как ты думаешь, мы могли бы превратить это в пьесу? Конечно, мы будем ограничиваться несколькими представлениями в месяц, и...

— Квикли! — Воскликнул Тал. — Это серьезная проблема, а не возможность ее использовать... — По хитрому выражению ее лица он понял, что она его разыгрывает. — Могу я рассчитывать на то, что ты будешь держать это в секрете?

— Ты же знаешь, что можешь, парень. Я отменю сегодняшние шоу и сообщу, что половина актеров заболела речной лихорадкой. Это должно удержать другую половину от разнюхивания причин сегодня вечером. — Она по-товарищески обняла Тала. — Мы доведем это дело до конца, только ты и я.

— И Ломми! — крикнул голос с темных стропил. Тал посмотрел вверх и ожидаемо увидел две пары желтых глаз. — И Оттер!

А вы и уши развесили? — отругала их Квикли.

Тал на мгновение заколебался. — Чейни тоже с нами, — добавил Тал. — Он будет здесь к закату. Он понадобится, если клетка не выдержит.

— И что же он будет делать в таком случае?

— Нам нужен меч, Квикли.

Остатки фальшивого веселья вконец исчезли с ее щек. — Ты же не всерьез, Тал. Должен быть другой способ.

Он покачал головой. — Я лучше умру чем убью кого-то снова. Даже Элайл не заслуживал такой участи. Представь, если завтра утром я проснусь в Штормовом Пределе

— Клетка выдержит, — с напускной уверенностью сказала Квикли, ухватившись за один из прутьев и потянув. Та не сдвинулась с места.

— Будем надеяться, что так.

* * * * *

Чейни прибыл за час до восхода Селуны с заверениями, что уладил все проблемы в городском доме. Он также сделал кое-что, что, как он уверял Тала, заставит Экарта некоторое время молчать, но не сказал, чем именно он этого добился.

— Заходи, — сказала Квикли. Ломми и Оттер опустили клетку на пол, и Тал вошел внутрь. Быстро запер дверь и закинул ключ на столик, подальше от решетки.

— Не хочешь, чтобы мы отвернулись или типа того? — спросил Чейни.

— А что если я скажу «Да»? — ответил Тал.

— Ну нет, — заметила Квикли, но Тал видел напряжение на их лицах. Он подумал о таслоях, глядящих сверху вниз.

— Что бы ни случилось, — громко сказал Тал в темноту стропил, — вы двое, оставайтесь наверху.

Ломми и Оттер проквалили сверху нечто, похожее на согласие.

— Ну, — сказал Чейни, — я не собираюсь стоять все время. — Он быстро нашел для себя пару стульев и удобно устроился в лучшем из них.

— Меч! — внезапно сказал Тал. — Не забудь про меч.

— Хорошо, хорошо, — сказал Чейни тоном, который убедил Тала, что он не забыл об этом.

— Ты никогда не найдешь его сам, — быстро сказала она. — Я покажу тебе, где он. Она повела его вниз по узкой лестнице в маленькую бутафорскую комнату под сценой.

Тал поймал себя на том, что жалеет, что никто из них не остался. Он поднял глаза к потолку, но ни Ломми, ни Оттера нигде не было видно. Он с трудом удержался, чтобы не окликнуть их. Они, вероятно, были напуганы больше, чем он, и убежали, чтобы не видеть его ужасного превращения.

Из реквизиторской донесся приглушенный стук

— Чейни? — позвал Тал. — Ты ведь еще не пил, правда? — Он старался говорить беззаботным тоном, но новый страх закрался в его сердце. — Чейни? Квикли?

Никто из них не ответил.

Он попробовал еще раз. Когда никто не ответил, он замолчал, вцепившись в прутья клетки. Время словно застыло.

Тал услышал, как две пары шагов поднимаются по лестнице из реквизиторской. — Ну же, — сказал он слабым голосом. — Перестаньте шутить, вы двое. Эхо его голоса заставило его замолчать, и он увидел, как два человека спустились по лестнице. Но это были не Чейни и не Квикли.

Незванные гости были одеты в длинные серые плащи с откинутыми капюшонами, открывавшими их лица. Тал сразу же отметил семейное сходство. У Фиены был решительный подбородок матери и слегка вздернутый нос.

— Что вы сделали с моими друзьями? — требовательно спросил Тал. Он хотел, чтобы его голос звучал устрашающе, но ему не удалось симитировать

голос отца.

— С ними все в порядке, — заверила его старуха голосом, который Тал помнил по своему выздоровлению. Она повернулась к дочери и жестом указала на Тала в клетке. — Это тебя успокаивает?

— Да, Мама. Возможно, я поспешила.

— Для тебя еще есть надежда, юный Ускеврэн, — сказала старая женщина, — но только если воля твоя сильна.

— О чем ты говоришь? — возмущался Тал. — Кто ты такая?

— Меня зовут Малива, я слуга Селуны.

— Богини луны, сказал Тал.

Малива кивнула, затем указала на молодую женщину рядом с ней. — Это Финна, моя дочь и послушница. Мы вытащили тебя из зарослей ежевики в Арчвуде и попытались излечить от твоего недуга. Теперь мы предлагаем последний шанс избежать проклятия зверя.

— Но за это надо платить, — с подозрением сказал Тал.

— Цена действительно есть, — согласилась Малива. Она достала из-под плаща хрустальную фляжку. Внутри сосуда светилась густая перламутровая жидкость. Пока Тал смотрел, эта штука, казалось, двигалась, извиваясь, как медуза. — Это Лунный огонь. Я проделала долгий путь ради чести предложить его тебе.

— Он может дать тебе власть над зверем, — сказала Фиена, — но только если ты не охотился и не пожирал своих собратьев.

Тал почувствовал, как тяжелый вздох вырвался из его груди. — Вот тут-то у нас и возникла проблема. Ты знаешь...

— Я знаю, — перебила его Фиена. — Пока мать путешествовала в город Ордулин, чтобы выпросить у Дхауны Майритар частицу Лунного огня, я последовала за тобой сюда, в Селгонт. За последние две ночи ты никого не убил.

— Ты, должно быть, проспала, — сказал Тал. — Сегодня утром в моей комнате нашли два трупа. Он вдруг понял, как легко было бы солгать, но что-то в этих незнакомых женщинах заставило его сказать правду.

Слабая улыбка Маливы сказала ему, что он прошел небольшое испытание. — Мы были не единственными, кто последовал за тобой, — сказала Малива. — Раск убил людей, которые следили за тобой, а потом выследил тебя до твоего дома.

— Раск... — медленно произнес Тал. — Это имя я слышал в ту ночь, когда на меня напали.

— Раск - слуга Лорда Тварей, — сказала Малива, — жрец бога Малара. Нам, детям Селуны, поручено следить за зверствами его рода. Это он возглавил нападение на ваш охотничий отряд. Теперь он называет тебя своим учеником.

— Он тот оборотень что заразил меня? — отважился спросить Тал. Женщины кивнули.

— Он редко выходит из леса, — сказала Малива, — но что-то привело его сюда...

Сверху, со стропил, громко скрипнула балка. Услышав этот звук, Малива и Фиена одновременно отступили назад, сжимая талисманы, которые они носили на шеях, их голоса пели два разных заклинания.

Со стропил донесся резкий смех. Этот звук издавал не Ломми.

Фиена подняла свой талисман, как щит. Пара глаз, окруженных звездами, сверкнула на амулете. Прежде чем Фиена успела закончить заклинание, огромная темная фигура придавила ее к земле.

Это был огромный человек, даже больше, чем Тал. Его кожаная куртка была расстегнута, обнажая густые седые волосы на мускулистой груди и руках. Украшенная бисером повязка удерживала его непослушные локоны на расстоянии, а на лбу красовалось бронзовое изображение когтистой лапы. Его усы росли по обе стороны широкого рта, а щеки и шею покрывала седая щетина.

Он с рычанием склонился над Фиеной, которая застонала и ошеломленно покачала головой. Раск перевел свои сверкающие голубые глаза на Тала и свирепо улыбнулся.

Со вспышкой в руках Маливы появился бело-голубой клинок света. Не говоря ни слова, она высоко подняла оружие. Раск резко повернулся к ней и выплюнул одно-единственное слово: стоять!

Тал видел, что руки Маливы дрожат, но ее заколдованный клинок был крепко зажат над головой. Раск стоял, возвышаясь над старухой.

— Ты слаба! — заявил он, сжимая кулак в нескольких дюймах от ее морщинистого лица. — Сила кроется только в сердце зверя.

Раск ударил Маливу в живот с такой силой, что она оторвалась от пола. Ее паралич был прерван, и она тяжело упала на спину. Тал услышал, как треснул ее череп о деревянный пол.

— Прекрати это! — крикнул он из глубины клетки. Настоящий гнев усилил его голос, превратив его в оружие.

Раск снова обернулся. — Не волнуйся, братец-волк. Я приберегаю их для твоей первой настоящей охоты.

— Отпусти их, — сказал Тал. Он чувствовал себя беспомощным в клетке, но не мог молча смотреть, как Раск убивает женщин. Он надеялся выиграть достаточно времени, чтобы Чейни смог оправиться от того, что сделали с ним Малива и Фиена. Он надеялся, что драматичные манеры Раска были настоящими.

— О, я так и сделаю, — зловеще согласился Раск. Он повернулся к Фиене, которая ползла по полу к Маливе. Он снова вознес молитву Малару, повелителю зверей, богу охотников. — Забирай свою мать и беги, — сказал он Фиене.

Фиена повиновалась так быстро, что Тал понял — слова Раска несли в себе силу Повелителя зверей. Она потащила Маливу к задней двери сцены.

— Ты, мой щенок, — сказал Раск, снова поворачиваясь к нему, — разочаровал меня. Ты бежал, как олень в прошлую луну, но ты должен научиться быть не только добычей, но и охотником.

— Тогда научи меня, — сказал Тал, надеясь выиграть еще несколько минут. Это было слишком, ведь луна отразится на нем. Он надеялся, что окажется лучшим актером, чем думал, и молился, чтобы Раск был не самым взыскательным зрителем.

Усмешка Раска подсказала Талу, что тот ему пока не доверяет. — Это твой последний шанс, братишка.

Тал поморщился от этой фразы. Он не хотел иметь никакого отношения к этому чудовищу.

— Прежде чем ты присоединишься к великой охоте, ты должен сделать больше, чем одного несчастного кота, — прорычал Раск. — Это последний раз, когда я буду учить тебя.

— А как насчет Лунного огня? — рискнул спросить Тал. — Разве мы не должны взять его? Старуха сказала, что это даст нам контроль над...

Ложь! — сплюнул Раск. — Это уловка, чтобы сделать тебя рабом их хнычущей, слабой богини. Он лишает зверя силы и подчиняет твою волю их воле. Сегодня они станут нашей добычей.

— Я должен был догадаться. — Тал сжал кулаки, лицо его окаменело. Он выдержал паузу, насколько хватило смелости для драматического эффекта. — Я никогда им не доверял.

Раск искоса взглянул на Тала.

Тал стиснул зубы и подумал обо всех попытках контролировать свою жизнь: о матери, отце, даже о Маливе и Фиене. Он вызвал голос отца. — Сначала я возьму старую суку, — прогремел он. — Она пыталась приручить меня своими зельями, но теперь почувствует мои зубы на своем горле.

Раск ухмыльнулся и внимательно посмотрел на Тала.

— Давай постоим под открытым небом, — пророкотал Тал. — Пусть взойдет луна. Мы омоем ее в крови.

Тал кивнул в сторону стола, и Раск нашел ключ. Он вставил его в замок клетки, но потом остановился. — Я вырву твое сердце, если ты убежишь от меня, — предупредил он.

— Больше никакого бегства, — сказал Тал. — Время Охоты.

Удовлетворенный этими словами, Раск открыл клетку. Тал прошел мимо него на сцену. Раск следовал за ним по пятам, высматривая малейшие признаки слабости. Торшеры отбрасывали тревожные тени на лица обоих мужчин.

Тал мерил шагами сцену, его настоящая тревога позволяла легко выглядеть беспокойным и нетерпеливым. Пока он шел через один из люков, в его голове начал формироваться план.

— Луна восходит, — пророкотал Раск. — Ты ее чувствуешь?

Тал заметил какое-то странное давление в ушах и глазах. — Да, — сказал он. — Это похоже на шторм.

— Это оно, — согласился Раск. — Открой свое сердце. Зверь пошлет тебе силы и мужество.

Тал стоял прямо на люке. Он не мог открыть его сам. Поглядывая на

открытые галереи, он высматривал какие-нибудь признаки присутствия Ломми или Оттера. — Откройся, сердце! — воскликнул Тал. — Открой свои глубины зверю! — *Он надеялся, что таслой поймет.*

Раск воздел руки к небу. — Малар, Лорд Тварей, Повелитель охоты, услышь мою молитву и благослови моего помощника. Дай нам свое...

Люк открылся, и Тал исчез в маленькой реквизиторской.

— Нет! — завопил Раск. Он бросился к закрывающейся крышке. Его пальцы скользнули в щель и помешали ей закрыться. — Дурак! Слабак! Я убью тебя!

Тал слышал треск дерева, когда Раск толкнул люк. Он нашел то, что искал, и побежал к другому люку в темной бутафорской комнате. Он потянул за рычаг и снова поднялся на сцену.

— Я здесь, — крикнул Тал из-за спины Раска. Он поднял заколдованный меч и произнес слова активации. Горячее пламя со свистом пронеслось по лезвию длинного меча.

Раск начал читать еще одно заклинание. Тал бросился к нему, чтобы ударить прежде, чем он успел бы закончить, но увидел последствия прежде, чем добрался до своего врага. Пальцы мужчины стали длинными и толстыми. Ногти превратились в острые костяные ножи.

Меч Тала скользнул по новым ужасным когтям Раска. От скрежещущей вибрации и мерзкого звука у него заболели зубы. В своем стремлении нанести первый удар, он слишком широко раскрыл свою защиту.

Раск нанес удар наотмашь по животу Тала, разрывая ткань и плоть. Тал задохнулся от боли и попытался восстановить бдительность.

Человек-зверь продолжил атаку, яростно рубя обеими гигантскими руками. Тал почувствовал ужасную слабость в животе, когда он изо всех сил пытался поддерживать защиту, парируя влево и вправо, пока попятился через сцену.

Даже сквозь боль Тал ощутил еще одно острое ощущение. Волосы по всему телу встали дыбом, суставы ныли. Начиналась трансформация.

Раск тоже это почувствовал и перестал выть в небо. Тал почувствовал, как в его груди поднимается дикий крик, но он изо всех сил старался сдержать его. Раск опустил глаза, чтобы встретиться взглядом с Талом, и медленно приблизился, наслаждаясь страхом, который увидел в своей жертве.

Тал отступал, пока не выбежал со сцены. Боль в животе вернула к мучительной жизни. Он на мгновение задумался, проживет ли он достаточно долго, чтобы умереть волком. Часть его надеялась, что он умрет первым.

Потом он заметил трамплин.

На лице Тала появилась безумная усмешка. Выиграет он или проиграет, он закончит этот бой на своих собственных условиях. Сжимая обеими руками пылающий меч, он побежал к своему врагу.

Раск приготовился к стремительной атаке, его дарованные Богом когти развернулись перед ним щитом из клинков. Тал ударил по трамплину обеими ногами и взлетел высоко над костлявыми щитами, перевернувшись вперед, когда он направил меч по большой дуге над головой.

Раск переместился как раз вовремя, чтобы спасти свой череп. Меч пронесся

мимо щеки оборотня и рассек мясо и кости его плеча.

Тал тяжело рухнул перед своим поверженным врагом. Он чувствовал, как внутренности вываливаются из живота, но у него не было сил даже ухватиться за них. Он поднял голову, чтобы взглянуть в лицо своей смерти.

Он поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как отрубленная рука Раска отвалилась от его тела. Струи артериальной крови казались черными в желтом свете.

Агонизирующий вопль Раска был оглушительным, когда Тал упал спиной на сцену. Их кровь смешалась в разрастающейся луже.

* * * * *

Второе выздоровление Тала было гораздо более болезненным, чем первое. Малива и Фиена вернулись вовремя, чтобы спасти ему жизнь, но они еще не использовали силу Селуны, чтобы исцелить его должным образом. Когда на следующий день они вернулись в его высокий дом, рядом с ним стояли Чейни и Экарт.

После того, как они залечили его раны, Малива вызвала Лунный огонь. Тал уже рассказал Чейни и Экарту свою историю. Сегодня утром слуга вел себя особенно тихо, все еще злясь на то, что провел ночь связанным и запертым в чулане вместе со сломанной отмычкой. Его холодный взгляд следовал за не чувствовавшим никаких угрызений совести Чейни, куда бы он ни пошел.

— Наконец-то, — сказал Чейни, любуясь пузырьком с лунным огнем. — Вот тебе и решение всех твоих проблем.

— Нет, — ответил Тал. — Я этого не хочу.

Брови Фиены подскочили, но Малива казалась озадаченной.

— Но, сэр, — прервал наконец молчание Экарт, — как еще вы можете положить конец этому проклятию?

— Эта штука не работает для меня, пока я не поклянусь служить Селуне. Так ведь?

— Это правда, — спокойно ответила Малива.

— Я не вижу в тебе священника, — сказал Чейни с легкой насмешкой.

— Я тоже, — согласился Тал.

— Есть много способов служить Селуне, — сказала Малива. — Все, что требуется, — это преданность.

— Ты имеешь в виду повиновение.

Малива с легкой улыбкой наклонила голову.

— Разница между тобой и Раском только в том, какую цель вы ставите. Вы оба считали, что я требую повиновения.

— Раск хотел превратить тебя в такого же зверя, как он, — сказала Фиена.

— Я уже думал об этом, — вмешался Чейни. — В том охотничьем отряде нас было больше дюжины. Ни одна из этих «охот» не преследовала ни меня, ни тех, кто сбежал. Почему они так интересуются Талом?

Странно, что он последовал за тобой в город, — заметила Малива. Она

посмотрела ему прямо в лицо, как будто рассматривала его в первый раз. — Он проявляет к тебе особый интерес, Талбот Ускеверн.

— Он еще *не закончил*, — сказала Фиена. Мы нашли кровавый след, ведущий ко входу в театр, но Раск сбежал. — Ты поступил бы мудро, доверившись Селуне. Она предлагает силу, чтобы противостоять его виду.

— Я ценю то, что ты сделала, — сказал Тал. — Экарт проследит, чтобы тебе хорошо заплатили за мое исцеление. Но мне нужно больше времени, чтобы обдумать эту историю с лунным огнем и Селуной.

— Если ты позволишь зверю править твоим сердцем, — предупредила Фиена, — ты будешь уничтожен. — Огонь в ее голосе был ошеломляющим.

— Я найду способ, — пообещал Тал. — Но я найду свой собственный путь.

— Иногда это лучший выход, — сказала Малива. — Мы останемся в Селгонте, пока ты не найдешь этот путь.

Фиена посмотрела на Тала долгим взглядом, чтобы подчеркнуть точку зрения матери, угроза смешалась с некоторыми другими эмоциями в ее пристальном взгляде. — Мы будем следить за тобой, — сказала она.

— Я понимаю, — сказал Тал. Он знал, что Малива и Фиена жестоко расправятся с ним, если он сдастся чудовищу, которое Раск поместил в него. — У меня есть тридцать дней.

Дворецкий Возрождение Пол С. Кэмп

Перевод: keij

Редактура: Faer, Энори Найтингейл

Кейл забежал вглубь переулка, вжался в стену и нервно оглянулся. Позади были только тьма и пустая мостовая. Пусто. После изнурительного забега он жадно, словно кузнечные меха, вдыхал воздух. Дворецкий втягивал в себя густую вонь переулка, кисловатый запах рвоты и мочи, выдыхая её назад облачком пара, отчётливо видимым на морозе.

Успокойся, приказал он себе. Но приказать было проще, чем выполнить. Кто-то преследовал его; кто-то, увязавшийся следом сразу, как он вышел из Залов Штормового Предела. *Но кто это? И зачем преследует меня?*

Кейл двинулся вдоль стены, пока не достиг небольшой, усыпанной мусором ниши, высеченной в кирпичной кладке. Укрывшись в её тени, он постарался замедлить сердцебиение и дыхание. Кейл знал, что, без сомнений, облака пара, выдыхаемые им, выдадут его укрытие не хуже громкого крика. Усилием воли он успокоился.

Неровности в кирпичной кладке искушали Кейла, суля лёгкий подъём наверх, но он быстро отмёл эту идею. *Слишком опасно*. Если преследователь

настигнет его, когда он будет беспомощно висеть на стене...

Тихо, напряжённо выдохнув, он осторожно вытащил из ножен на поясе кинжал и стал внимательно вглядываться во тьму перед собой. По-прежнему пусто. Может быть, он оторвался...

Внезапно, во мраке переулка возник силуэт. Невысокая, тощая фигура, освещённая тусклым светом уличного фонаря. Кейл застыл на месте и затаил дыхание. Какое-то время преследователь колебался, будто бы опасаясь западни, затем устремился вглубь переулка. Тихое шипение извлекаемого клинка отозвалось набатом в ушах Кейла. Он крепче сжал кинжал вспотевшей ладонью, при этом, пытаясь глубже вжаться в тень ниши.

Незнакомец пробирался по узкому переулку, держа наготове короткий меч. Пристальный взгляд преследователя упал туда, где прятался Кейл, но устремился дальше, так и не задержавшись на ней. Всё ещё не дыша, Кейл разглядывал мужчину. Тьма скрывала черты лица преследователя, но отточенные движения и манера держать клинок выдавали в нём профессионального убийцу. Старая пословица, когда-то давно услышанная Кейлом на тёмных улицах Вестгейта, неожиданно всплыла в его памяти: «Только убийца способен узнать убийцу».

Мужчина остановился на расстоянии шага от ниши, где сидел Кейл, пристально вглядываясь во тьму перед собой. Затем он что-то удовлетворённо пробормотал себе под нос, намереваясь продолжить свою погоню дальше по переулку...

Кейл выпрыгнул из укрытия, нанеся преследователю удар кулаком в челюсть, выбив ему несколько зубов. В результате чего тот зашатался и попятился.

Кейл легко уклонился от контратаки ошеломлённого убийцы, нанеся ещё один тяжелейший удар; на этот раз в нос. Словно яичная скорлупа хрустнула кость и фонтаном тёмно-красных брызг на лицо убийцы хлынула кровь. Оглушённый, тот выронил короткий меч и со стоном распластался на мостовой. Сразу после падения убийцы, Кейл, не мешкая, прижал его коленом к земле, приставив к горлу кинжал.

— Пошевелишься, и ты покойник, — прошептал Кейл.

Убийца, лишённый возможности дышать носом, хватал воздух ртом, быстро заполняющимся соплями и кровью.

— Да, да. Не двигаюсь.

Даже вблизи Кейл не узнал мужчину, хотя в Селгонте он знал большинство собратьев по ремеслу.

— А теперь говори, - приказал Кейл. — Рассказывай всё. Но если я решу, что ты лжёшь...

Слегка кольнув горло убийцы кинжалом, он позволил угрозе повиснуть в воздухе.

Страх придал ясности слезящемуся взгляду мужчины.

— Да, да. Сейчас только приду в себя...

Он попытался рассмеяться, но поперхнулся собственной кровью.

Кейл подождал, пока приступ кашля окончится, и спросил:

— Кто тебя нанял?

Убийца призадумался всего лишь на секунду.

— Дом... Малвинов. Пьетро Малвин.

Кейл согласно кивнул. Прозвучавшее было похоже на правду. Без сомнений, нанять убийцу для устранения Ускевренов было в стиле Пьетро Мальвина. Глупец и болван. Кейл сильнее надавил коленом на грудь убийцы.

— И кого именно тебе приказали убить?

— Никого, — убийца захрипел, а затем поспешно добавил, — Вернее любого... любого Ускеврена. Я решил, что ты — один из сыновей.

Он склонил голову набок и выплюнул кровавый сгусток.

— Но, раз я ошибся, танар'ри меня подери, кто же ты?

Вместо ответа Кейл одарил пленника холодным молчанием и жёстким взглядом. *Глупый вопрос*, подумал он. *Если вдруг тебе стал бы известен ответ, то ты был бы уже мёртв.* Удерживая кинжал у горла мужчины, Кейл раздумывал, пытаюсь решить, как ему следует поступить. Ему не стоит передавать убийцу Скипетрам, городской страже Селгонта. Появится слишком много вопросов. А ему необходимо как можно скорее добраться до «Оленя». Там его ждёт Ривен. Может быть...

— Ты дворецкий, — уверенным голосом выпалил убийца. — Но Тьма, твои повадки не похожи ни на что, виденное мною ранее.

Кейл нахмурился. *Болван! Глупец.*

— В чём дело? — голос убийцы стал более резким. И он понял, что совершил ошибку. — Что я такого сказал? Разве ты не дворецкий?

Кейл смотрел на испуганного мужчину холодным взглядом. И теперь он точно знал, как ему следует поступить, хотя и находил это весьма неприятным. Очевидно осознав надвигающуюся опасность, убийца попытался вырваться. Но Кейл надёжно, словно тисками, удерживал его.

— Эй, стой, подожди... хрмп...

Сильною рукою Кейл закрыл рот мужчине, придвинувшись к нему вплотную.

— Ты прав, - прошептал он в ухо мужчине. — Я всего лишь дворецкий.

Блеснул кинжал, рассекая горло убийцы. Умирающий мычал в ладонь Кейла, пока его кровь заливала промёрзшую мостовую. Кейл, не испытывая никаких чувств, наблюдал за происходящим. Через пару мгновений всё было кончено.

Кейл стёр кровь жертвы со своего кинжала её же плащом и встал на ноги. Он не испытывал удовольствия от убийства, но понимал, что это было необходимо. Если бы он позволил убийце доложить о своих похождениях Мальвинам, то кто-нибудь из них насторожился бы. Пускай Пьетро и идиот, но Раду Мальвин таковым не был. А Кейл не мог позволить этому случиться.

Кое-чему необходимо оставаться в тайне, размышлял он. *И не важно, какой ценой.*

Даже не взглянув назад, Кейл, оставив остывающее тело за спиной,

двинулся в таверну «Чёрный Олень».

* * * * *

В камине остывали прогоревшие угли. Лишь тусклый оранжевый свет одинокой масляной лампы был единственным источником освещения в «Чёрном Олене». С висевшего как попало на крюке за стойкой бара, фитиля мерцающего фонаря струилась густая чёрная копоть, поднимаясь вверх и смешиваясь с табачным дымом, что клубился у самых потолочных балок. Тусклое, пританцовывающее пламя создавало запутанную мозаику теней и неясных очертаний, игравших в устрашающе безжизненных глазах и на неподвижных лицах безмолвных клиентов «Оленя». Они напоминали потерянные души, которые, как утверждали некоторые, бродили по самому верхнему проклятому кругу Девяти Адов в поисках упокоения.

Кейл нахмурился, задержавшись в продуваемом сквозняком дверном проёме «Оленя». *Вот уж действительно – потерянные души.*

А ведь и он сам не был безгрешен, лишь в трёх кварталах отсюда бросив тело убитого им человека.

Примерно около двадцати завсегдатаев сидели по двое-трое за засаленными столиками «Оленя». Их едва слышное перешёптывание меж собой не мог разобрать даже Кейл, обладавший отменным слухом, но он прекрасно представлял себе содержание этих бесед. Дворецкий ведь и сам неоднократно вёл подобные разговоры – заключал незаконные сделки, раздавал взятки, принимал заказы на убийства...

Драйзека Ривена нигде не было видно. Злясь, Кейл пересёк общий зал и подошёл к стойке бара, отдав четыре медяка за кружку пива. Он занял столик в углу, вдали от единственного входа в «Олень», из-за которого открывался отличный обзор на остальную часть помещения. Запахи пота, пролитого пива и рыбьего жира, служившего топливом для фонаря, создавали устойчивое зловоние, присущее «Оленю» и так волнующе знакомое Кейлу. Все они напоминали ему о человеке, которым он когда-то был, о человеке, вершившем свои чёрные делишки под покровом ночи. Кейл снова вспомнил о мужчине, чьё тело он оставил позади в тёмном переулке, понимая в глубине души, что дух умершего теперь будет преследовать его. Он всё ещё совершал неблагоприятные поступки.

Пытаясь прогнать из мыслей образ напуганного убийцы, умоляюще взирающего на него, Кейл сделал большой глоток кислого пива и со стуком опустил кружку на стол. Несколько хищных лиц обернулись на шум, но его ледяной взгляд быстро заставил их вернуться к своим делам. Кейл провёл по лысой голове внезапно вспотевшей рукой, рукой, которой он не так давно перерезал горло другому человеку.

— Ты стал другим, — нашёптывал он себе, будто пытаясь прочитать заклинание. — Ты изменился.

Он понимал, что труп, оставленный им в переулке, высмеял бы это

утверждение. Кейл верно служил Тамалону Ускеверну последние девять лет, но это не имело значения. Он по-прежнему был убийцей. Всё остальное, не смотря на то, что разыгрываемый им спектакль был весьма убедителен, было обманом. Если Тазиенна когда-нибудь узнает о его лжи...

Рассердившись, Кейл тряхнул головой, выбросив Тазиенну из своих мыслей. Сейчас не время впадать в сентиментальность. Он не мог позволить себе проявлять слабость в обществе Ривена. Этот злобный ублюдок мог почуять слабость, как серая акула Внутреннего Моря чуяла запах крови в воде. Кейлу нужно было быть внимательным.

Минуты тянулись бесконечно долго, а Ривен всё не появлялся. Раздражение Кейла нарастало. Его пальцы непрерывно выстукивали ритмичную мелодию по ручке стула, на котором он сидел. *Зачем Ривен вызвал меня? По плану ближайшая встреча должна была состояться не раньше, чем через десять дней. И где тогда, во имя Девяти Проклятых Кругов, он сам?*

Внезапно дверь «Оленя» распахнулась, и в помещение таверны с видом, будто всё вокруг принадлежит лично ему, вошёл Драйзек Ривен. Не оглядываясь по сторонам, он отправился прямо к стойке бара, позволив своему алому плащу развиваться сзади, словно потревоженная лужа крови. Не проронив ни слова, он принял кружку пива из рук тощего, грязноволосого бармена, и обратил свой взор на общий зал, принявшись пристально изучать его с презрительной ухмылкой на лице. При этом его правая рука удобно устроилась на эфесе одной из двух сабель, висящих у него на поясе.

Любопытные, следившие за его шествием к стойке бара, тут же отвернулись, вернувшись к своим делам, не решаясь взглянуть ему в глаза. От Драйзека Ривена исходила аура смерти. Среди Ночных Ножей у него была репутация безжалостного убийцы. Никто в «Олене» не стал рисковать, пытаясь ответить ему взглядом на взгляд. Никто, кроме Кейла.

Тяжёлый взгляд Ривена упёрся в его ледяной взор. Блеск единственного здорового глаза убийцы показал, что он узнал Кейла. Драйзек направился к его столу. Кейл нервно слизнул солёный пот с губ. Ривен напоминал ему дикую кошку — небольшую, сильную и смертельно опасную.

Спокойнее, приказал он себе. Кейл был значительно выше Ривена, но он знал, что его собственные клинки значительно уступали изящным саблям вспыльчивого убийцы. Он натянул на лицо маску безразличия, такую же, как и у Ривена, сядившегося на противоположный стул.

— Опаздываешь, — спокойно произнёс Кейл.

Ривен, прихлёбывая пиво, рассматривал собеседника через край кружки. Он поставил её на стол и спокойно ухмыльнулся:

— И что? — ответил убийца, судя по всему пытаясь вызвать агрессию собеседника.

Кейл не отступил, хотя и понимал, что рискует нарваться на сталь. Он ткнул пальцем в сторону рябого лица убийцы и продолжил шёпотом:

— В следующий раз, когда ты заставишь меня ждать, я просто развернусь и уйду. И как ты думаешь, что из этого выйдет? Мы дадим

возможность Праведнику самому решать, кто из нас прав.

Слова заставили собеседника усесться на место. Кейл, как и Ривен, был заместителем главы гильдии. В то время, как Кейл нащёптывал на ухо Праведнику советы, склоняя того к осторожности и терпению, Ривен, точно так же, как и сейчас, подталкивал того к кровопролитию и насилию. И, как правило, развитие событий показывало, что прав был Кейл. Ривен не хотел заставлять Праведника делать выбор между ними. Пока не хотел.

Кейл удовлетворённо наблюдал, как самодовольная улыбка Ривена превратилась в гримасу неудовольствия. Сжав губы, убийца уставился на него тяжёлым взглядом.

— Ты слишком часто угрожаешь мне, Кейл, и за это я выпотрошу тебя как тунца. Будь проклят Праведник.

Тем не менее, не желая уступать, Кейл подался вперёд и пристально посмотрел в изувеченное шрамом лицо Ривена. Несколько лет назад, выполняя очередное задание, убийца лишился глаза, но так и не соглашался носить повязку, брезгуя ею. Шрам, пустое отверстие на лице, словно открывал дверь в его душу, такую же изуродованную и пустую.

— Ты знаешь, где меня можно найти, — парировал Кейл.

К чести Ривена, он тоже не собирался уступать.

— И то верно, - тихо ответил убийца. — Знаю.

Сквозь аккуратно подстриженную бородку сверкнули покрытые табачным налётом зубы.

— Праведник не будет вечно оберегать тебя, Кейл. Когда его время уйдёт, я всё ещё буду поблизости. Вот тогда мы и продолжим эту беседу, — угрюмый и пристальный взгляд Ривена сулил кровопролитие.

Кейл откинулся на спинку стула, стараясь выглядеть равнодушным.

— Что-то здесь начинает пованивать. Давай перейдём к делу, посыльный.

Ривен вскочил на ноги, и сабля выскочила из ножен быстрее, чем Кейл сумел вытащить кинжал. Ощутив у горла остриё клинка убийцы, дворецкий медленно убрал руку с рукояти кинжала. Сердце Кейла колотилось в бешеном ритме. Плавнo покачивая саблей под подбородком собеседника, Ривен долго смотрел на него. Кейл вернул молчаливый взгляд. В конце концов, убийца убрал клинок в ножны и спокойно уселся на стул. Он получил удовольствия намного больше, чем его собеседник от своей шутки.

— Ты слишком медлителен, Кейл, — поддразнивал убийца.

— Очень медлителен. Ты похож на дворнягу... только лаешь, — он подался вперёд, громко клацнув зубами и устремив взгляд единственного глаза, наполненный жгучей ненавистью, словно прямо в душу Кейлу. — Но никогда не кусаешь.

Он откинулся на спинку стула и удовлетворённо скрестил руки на груди.

Мы ещё посмотрим, ублюдок, подумал Кейл. Как только ты покажешь мне свою спину, я покажу тебе твою могилу. Эти слова чуть не сорвались с губ дворцового, но он смог сохранить спокойствие.

— Что ты хотел мне сообщить, Ривен? — напомнил Кейл.

Перед тем как ответить, убийца намеренно долго осушал свою кружку:

— А сообщение такое, Кейл: Наглета наняла нас.

— Наглета! С каких пор мы стали работать на тэйских шпионов?

— С тех пор как она стала платить платиной, — взвился Ривен. — А теперь заткнись и слушай.

Убийца подался вперёд и заговорил шёпотом. Зловоние его дыхания породило у Кейла желание заставить его заткнуться.

— У Хулорна скоро возникнут вопросы, и Наглета желает, чтобы его ответы были выгодны Тэю. Праведник заверил её, что мы сможем проследить за этим.

— И что это за вопросы?

— Это не моё дело, — тихо ответил Ривен. — И не твоё тоже. Нам просто необходимо обеспечить результат.

Кейл сразу понял суть разговора. Он отрицательно покачал головой и поспешно заговорил, пытаясь отвлечь собеседника.

— Я уже объяснял Праведнику, что у меня нет подходов к Тамалону Ускеврону. Я работаю на него, но не рядом с ним.

— Ты только так говоришь, — парировал Ривен. — Но ты «работаешь у него» уже много лет. Это беспокоит Праведника. И меня тоже. Никто не забывает сказанного тобой, Кейл. Но твоя неспособность немного вымазаться в грязи вызывает у окружающих кучу вопросов.

Сузив глаза, Кейл подался вперёд. Услышанное замечание было весьма близко к истине. — И какие же вопросы? — его левая рука, скрытая столешницей, нащупала рукоять кинжала.

— Вопросы о том, кому принадлежит твоя преданность, — ответил Ривен, вернув собеседнику твёрдый ледяной взгляд.

Иронично хмыкнув, Кейл откинулся на спинку стула, придав себе равнодушный вид.

— Не удивительно, что ты всё ещё мальчик на побегушках. Ты не видишь выгоды в агенте Ночных Ножей в доме Ускевреных? Я множество раз доказывал свою полезность Праведнику, но я не могу найти того, что не существует. Нам придётся использовать кого-то другого.

Ривен засмеялся и его смех походил на болезненный кашель. — Всё уже решено. Мы используем Ускеврена. У него самый влиятельный голос среди всего Старого Чонсея¹. Так как от тебя толку в этом вопросе не было, я убедил Праведника предпринять более решительные действия.

При словах «более решительные действия» в животе Кейла засосало. Старым Чонселем называли небольшой круг богатейших и влиятельнейших семейств — элиту города Селгонта. И не многие из них были такими же «чистыми», как Ускеврены, а заслуживавших пристального внимания Ночных Ножей и того меньше. Домом Ускеврен руководил Тамалон, и он же, Тамалон, внушал уважение. Кейл уже знал, что будет дальше.

---

¹ Старый Чонсель – Old Chauncel. Старое название Селгонта – Чонсельгонт.

— Сделаем примерно так, — продолжал Ривен, ухмыляясь. — Ты организуешь похищение младшего сына. Как же его имя... По-моему, Талбот? Когда маленький ублюдок окажется у нас, отец сделает всё, что мы пожелаем. Если — нет, я отделю Талбота от его внутренностей и займусь старшим отпрыском.

Кейл с трудом погасил бурю эмоций, зародившуюся в его душе, сумев сохранить спокойный вид. *Похищение Талбота!* Мальчишка лишь недавно вернулся в Селгонт после несчастного случая на охоте в угодьях близь города. Его даже не было в Штормовом Пределе, семейном поместье, находящегося в городской черте. После трагедии он проживал в одной из резиденций Ускевренов, рассеянных по всему городу. *И там он — лёгкая цель*, подумал Кейл. Судя по всему, Ривен не знал этих подробностей, иначе Талбота схватили бы безо всякой помощи Кейла.

Кейл глубоко вздохнул, пытаясь на лету выдумать оправдание.

— Похищение мальчишки — глупость, — произнёс он. — Тамалон станет мстить. Все Скипетры города набросятся на гильдию.

Скипетры Селгонта могли весьма затруднить деятельность гильдии, если такой уважаемый дворянин как Тамалон будет подталкивать их к действию.

— Нет. Определённо — это неразумно. Передай Праведнику, что этот план невыполним.

— Я ничего не буду передавать ему, — выплюнул Ривен, стукнув кулаком по столу. — Ты сделаешь то, что тебе сказано. Праведник понимает риск. Ты выяснишь нужное время и сообщишь сюда, Джелкинсу.

Он ткнул пальцем через плечо, указав на тощего бармена.

— А я пока соберу команду. У тебя есть два дня в запасе.

Кейлу кое-как удалось кивнуть в знак согласия. Он поднялся со стула на негнущиеся ноги. *Два дня! Всего лишь два дня!* Он должен предать Тамалона, подчинившись воле Праведника, или раскрыть свою подноготную и потерять всё, что имело значение. Как бы он не поступил, ничто не останется таким, как прежде. Если он предаст своего господина, то не сможет себя простить. Если пойдёт против Праведника — не более чем через неделю он станет трупом. Если он признается во всём — Тамалон уволит его, а Тазиенна будет ненавидеть. Он не сможет пережить этого.

От отчаяния, мимолётное видение — Ривен, корчащийся с кинжалом в горле — показалось божественным вдохновением. Никто в «Олене» не обратил бы никакого внимания на это, а объяснение для Праведника он придумал бы позже. *Проклятье, ведь это именно то, что я докладывал Праведнику последние девять лет — выдуманные истории.* И всё вернётся на круги своя.

Он потянулся рукой к рукояти кинжала. Ничего не подозревавший Ривен склонился над столом, допивая своё пиво. Кейл уставился на шею убийцы, чувствуя, как манит его живая неприкрытая плоть. Один удар в горло, и он услышит бульканье — то же самое, что он слышал недавно от человека,

чьё тело он оставил в переулке.

— Неудачная идея, — произнес, не оборачиваясь Ривен. — Такой поступок, Кейл, был бы весьма неблагоразумен.

Кейл услышал насмешку и предостережение в словах убийцы. Промолчав, он развернулся и вышел из «Оленя». Ему надо было обдумать сложившуюся ситуацию.

* * * * *

Выйдя на улицу, он чуть не лишился сознания. Безднадёжность положения давила на его плечи тяжким грузом. Помрачневший Кейл припомнил одно понятие из дворфской философии и стал беззвучно повторять его одними губами, словно заговор.

— *Korvikoum*, — прошептал он. Мудрецы часто переводили его как «судьба» или «предназначение», но Кейл знал, что его значение было немного другим и было ближе к определению «неотвратимое последствие предыдущих решений».

В этот момент он возненавидел философию дворфов. «Судьба» перекладывала ответственность на другие плечи, на неведомую космическую силу. *Korvikoum* же водружал её на плечи Кейла.

— Я не стану предавать Ускевренов, — поклялся он в ночную тьму. — Не стану. Лучше я умру, но не увижу страданий Талбота.

Решение проблемы чётко предстало перед ним.

— Да, сначала погибну я, — поклялся сам себе Кейл, одарив мрачной улыбкой окружавший его мрак.

Он набрал полную грудь прохладного зимнего воздуха, насыщенного запахом соли, принесённого ветром из залива Селгонта, и двинулся вперёд. Кейл призадумался. Он должен был найти выход лучше смерти.

От чопорных улиц, лежащих у него на пути, веяло недостатком. Торговые лавки выстроились в ряд вдоль широкой аллеи и даже у самых скромных из них имелись крашенные крыша и окна. У большинства были мощённые камнем водоотводы и резные подоконники, изготовленные из редких пород древесины. Скульптуры диковинных существ — кентавров, химер и даже сатиров — украшали каждую городскую площадь, созданные мастерами, нанятыми, без сомнений, несуразным правителем города, Хулорном. Селгонт Кейлу тоже казался несуразным. Город очень старался выглядеть воплощением изящества и благородства, но сумел лишь придать себе вид вульгарно покрашенной шлюхи. Видимость богатства ширмой прикрывала порочность большинства дворян, готовых вонзить в спину любого кинжал, по сути бывших той же чернью, только образованной. Большинство, но, само собой, за исключением его господина.

С первых же дней службы в Штормовой Предел, Кейл проникся уважением к Тамалону Ускеврону за справедливость, честность и самодостаточность — редчайшие качества среди прогнившей аристократии,

входящей в состав Старого Чонсея. Кейла восхищал характер Старого Филина. За прошедшие годы он и Тамалон стали своего рода друзьями. Сподвижниками, если можно так выразиться. И если Кейл хочет сохранить эти отношения, ему необходимо помешать похищению Талбота, не выдав того, что он агент Ночных Ножей — одной из гильдий воров и убийц Селгонта. От отчаяния дворецкому показалось, что перед ним есть только один путь. И путь опасный.

Ничего иного ему не осталось.

Кейл на ходу придумал зачатки плана и повернул на восток, к игорным домам у пристани. Если его план обречён на успех, то ему понадобится помощь. А доверять он мог только одной персоне, персоне весьма маленького роста.

* * * * *

Кейл проверил три игорных дома, прежде чем обнаружил полурослика Джака восседавшим за карточным столом «Алого Валета». Убогое заведение с посредственной выпивкой и прилегающим обеденным залом, «Валет» со временем стал одним из популярнейших мест среди членов младшей аристократии Селгонта. Заведение влекло изнывающих от скуки младших наследников, стремящихся проиграть семейное золото, как уличный торговец сладостями влечёт избалованных детей. Однако аристократы были лишь частью пёстрой толпы посетителей. Многие другие, от странствующих авантюристов и законопослушных торговцев, до бандитов и сутенёров, заполняли игровые столы и приватные комнаты. В таких заведениях, считал Кейл, проявлялась истинная природа Селгонта, отчётливая, но не очевидная. Не будь таких мест — строгая социальная иерархия давно бы сменилась всеобщим братством порока.

Прежде чем подойти к столу, где сидел Джак, Кейл продрался сквозь толпу к бармену и истратил достаточное количество золота, договариваясь на счёт одной из уединённых комнатушек на втором этаже. Комнаты, как правило, использовались для особых игр, тайных сделок и противозаконных встреч. В случае с Кейлом всё было намного прозаичней — его разговор предназначался только для ушей Джака.

Понаблюдав некоторое время за входной дверью и, убедившись, что Ривен не последовал за ним, он прошёлся по ковру, покрывающему пол заведения, пока не остановился примерно в семи шагах от стола Джака. Сквозь снующую толпу он бросил взгляд на горы монет, блестящих на драпированном столе, и достигавших высоты пивных кружек, стоявших неподалёку. Копна рыжих волос коротышки колыхнулась, когда он повернулся и заговорил с сердитыми аристократами, разделившими с ним стол, но не его удачу. Они играли в «Клинки и Весы», карточную игру, требующую от игроков в равной степени и мастерства, и удачи. Кейл знал, что Прыткий Джак обладал и тем, и другим, не смотря на то, что внешне был

больше похож на неоперившегося юнца, чем на матёрого игрока. У пижонов не было ни единого шанса.

В замшевом, с голубой вышивкой, берете и в высоких сембийских сапогах, Джак выглядел миниатюрной копией окружавших его щёголей. Только длинные и взъерошенные бакенбарды выдавали его возраст. Кроме того, коротышка ещё был и жрецом Брандобариса, бога полуросликов, и вором, являясь мошенником выдающегося таланта. И к тому же единственным другом Кейла во всём Селгонте.

Через пару минут взгляд Джака скользнул по Кейлу. Выражение радостного удивления вмиг исчезло с лица коротышки, когда тот незаметно качнул головой, призывая к осторожности. Не мешкая, полурослик перевёл своё внимание на игру, лишь изредка осторожно поглядывая на Кейла.

Джак был знаком с языком жестов, не смотря на то, что промышлял в запруженном организованными бандами преступном мире Селгонта как самостоятельная единица. Его положение вызывало у Кейла ассоциации с одиноким пловцом, пересекающим наполненное акулами Внутреннее Море, имея при себе из оружия лишь столовый нож. И поэтому, пока Джак делал вид, что увлечён игрой, Кейл незаметно просигнализировал: «Второй этаж. Седьмой номер. Поторопись».

Джак незаметно кивнул, посмеиваясь над шутками аристократов. Кейл отправился наверх зная, что полурослик поднимется сразу, как только освободится.

Дворецкому не пришлось ждать слишком долго. Через четверть часа дверь комнаты отворилась, и туда впорхнул Джак, демонстрируя улыбку, белые зубы и звонкий кошель, набитый золотом.

— Произошло нечто важное, раз ты решил прервать этот поход во славу Тиморы, — заметил он, упомянув имя богини удачи. — Что случилось, Кейл? Я опять наступил на больную мозоль Праведника?

Джак частенько переходил дорогу Ночным Ножам и тот факт, что он до сих пор оставался жив, свидетельствовал о том, что Тимора действительно была к нему благосклонна.

— Нет, нет. Ничего подобного. — Кейл тяжело вздохнул и погладил лысину. — У меня проблемы, Джак. И мне нужна твоя помощь.

Лицо полурослика стало серьёзным. Он уселся напротив Кейла и оперся руками о стол.

— Рассказывай.

— Ножи требуют от меня организовать похищение Талбота Ускеврена.

Дальше можно было не объяснять. Джак знал всё и о взаимоотношениях Кейла с Ножами, и о том, что он тайно покровительствовал Ускевренам, вместо того, чтобы выдавать Праведнику информацию об их уязвимых местах.

Коротышка облокотился на спинку стула и присвистнул. — Полагаю, это доводит твой мозг до кипения? Во имя Тьмы, Кейл, я много лет назад советовал тебе покинуть Ночных Ножей.

Кейл устало улыбнулся. — Легче сказать, чем сделать, дружище.

Праведник не позволит мне уйти. Я слишком полезен. Если бы я попытался, он бы убил меня или раскрыл бы мою тайну Тамалону, после чего... — Дворецкий покачал головой, не желая озвучивать тревожные мысли.

— После чего тот поступит аналогично, — закончил за него Джак. В его зелёных глазах сверкнула злость. — Вот уж действительно — Праведник! Волосатые ноги Обманщика, ведь он убийца и безжалостный жрец Маска.

Он забарабанил костяшками волосатых пальцев по столу, сочувственно глядя на Кейла. — Ну и что ты придумал?

Кейл сжал кулак, поднеся его к лицу, и посмотрел в глаза Джаку. Он решил рассказать всё. — Я решил устроить засаду группе, которую отправят похитить парня, и убить их всех. После чего сообщу Праведнику, что мы попали в засаду конкурентов, и только мне удалось вырваться.

Кейл ожидал, что полурослик обвинит его в помешательстве, но к его удивлению Джак лишь согласно кивнул.

— Полагаю, если никто не уйдёт, это может сработать. Кто командир группы?

— Драйзек Ривен.

— Ривен, — тихо зашипел Джак. — Это проблема.

Он откинулся на спинку стула, раздумывая и поглаживая подбородок. Кейл молча ждал, не желая давить на друга. Ведь он предложил коротышке не самую лёгкую задачу.

К его удивлению через минуту на лице Джака возникла мрачная улыбка. — Мы давно дружим, Эревис, — произнёс полурослик. — Можешь на меня рассчитывать.

Кейл восхищённо посмотрел на друга. Хотя он был благодарен Джаку за поддержку, но пока не мог принять её. До тех пор, пока он не рассказал коротышке всё. Кейл не мог просить Джака рисковать жизнью ради человека, которого он совсем не знает. — Джак, я хочу... — он замешкался, откашлялся и начал сначала. — Ты многого не знаешь обо мне и моём прошлом. Я имею в виду тот период жизни, что был у меня до Селгонта.

Джак поднял в жесте небольшую ладонь и отрицательно покачал головой. — Действительно, но это твоё дело, Кейл. Ты не должен мне ничего объяснять.

— Я знаю, но сейчас... Сейчас ты имеешь право знать, кому ты предлагаешь свою помощь.

Джак внимательно посмотрел на него, словно пытаясь прочесть мысли. Наконец, полурослик вздохнул и уселся на стул. Скрестив руки на груди, он стал напоминать человека, ожидающего урагана.

— Пусть будет так, если ты настаиваешь.

Кейл призадумался, не зная с чего начать. Он стремился разделить тайну, спрятанную в глубине души, но не знал, как Джак отреагирует, услышав её. Ему больше не к кому было обратиться, покинь коротышка его сейчас. И Кейл заставил себя начать. — Ты знаешь, что я прибыл в Селгонт из Вестгейта?

Джак кивнул. Вестгейт стоял на пути от Внутреннего Моря к Побережью Мечей; большой, богатый город, переполненный торговцами и ворами, пиратами и убийцами.

— Я приехал сюда, потому что я бежал.

Джак подался вперёд, а взгляд его зелёных глаз излучал любопытство.

— От чего?

Рассказывая, Кейл уставился на свои руки, стыдясь своего прошлого. — Когда я был юн, меня завербовали Ночные Маски.

При упоминании печально известной в Вестгейте, но ныне уже не существующей организации, Джак слегка присвистнул.

— Тьма, — тихонько выругался он.

Кейл не обратил внимания на его возглас и продолжил, — Я прошёл обычную подготовку...

На лице Джака появилось сомнение. У полурослика очевидно возникли свои соображения по поводу того, какова она — «обычная подготовка» Ночных Масок. Кейл торопливо продолжил. — ...но меня быстро перевели на работу с бумагами.

Джак вскочил. — Ты? Писарь? Переводы и всё в этом роде? — он хихикнул и слегка поклонился Кейлу. — Я всегда знал, что на твоё же счастье ты дьявольски умён, Кейл. Сколькими языками ты владеешь?

— Девятью.

— Девятью!

Кейл вздохнул с досадой. — Если ты перестанешь перебивать, — заметил он, — возможно, до рассвета я успею рассказать всё остальное.

Джак начал было что-то говорить, но передумал и прикрыл свой неугомонный рот. Рассердившись, он уселся на стул.

Кейл грустно улыбнулся. Коротышка был похож на поставленного в угол и наказанного капризного ребёнка. Дворецкий продолжил рассказ тихим, хрипящим голосом. — Долгие годы я делал то же, что и любой член гильдии Масок — воровал, убивал и шантажировал. Даже с учётом того, что в основном я занимался документами, меня не устраивало происходящее. И я начал подворовывать у гильдии. Когда стало слишком жарко — я бежал в Селгонт. — Он эмоционально взмахнул руками, подарив Джаку скупую улыбку. — Остальное ты знаешь.

Какое-то время Джак сидел молча, с интересом уставившись на Кейла, будто не веря услышанному. Когда дворецкий утвердительно кивнул, Джак поёрзал на стуле и придал лицу серьёзное выражение. — Да неужели. Я действительно знаю остальную часть этой грустной истории, мой лысый друг. Дальше было что-то вроде того: несмотря на советы своего преданного и бесстрашного друга, полурослика Прыткого Джака, ты по глупости присоединился к Праведнику и его банде головорезов. В иерархии гильдии, наполненной некомпетентными болванами, ты быстро продвинулся до должности заместителя, отстаивая идею размещения шпионов братства в благородных домах. Его лицо стало невозмутимым, а взгляд наивным. — Я

ничего не пропустил?

Кейл улыбнулся сам себе. Джак тоже улыбнулся и продолжил. — К несчастью для тебя, ты попал туда, где жизнь вынудила тебя привязаться к Тамалону Ускеврону, а если быть более точным — к его дочери. Ты оберегал их долгие годы, кормя Праведника безвредной информацией. Ах, ты иногда подавал ему весьма сочные куски, касающиеся других благородных семей, но не дал ничего такого, что бы могло всерьёз навредить Ускевренам. А теперь, порождённая тобой система развернулась и укусила тебя за хвост.

Korvikoum, снова подумал Кейл.

— И теперь тебе предстоит пожать плоды своего труда.

Кейл согласно кивнул.

— И теперь...

— Я знаю, — огрызнулся Кейл.

— Отлично.

Некоторое время Джак сидел молча. Он покачал головой, и его лицо стало серьёзным.

— Разобраться в этой паутине — слишком сложная задача для одного человека. И я удивляюсь, как ты до сих пор умудрялся не запутаться во всём этом.

Кейл помалкивал. Он вдруг почувствовал нахлынувшую усталость.

— И твоё настоящее имя не Эревис Кейл, ведь так? — тихо произнёс полурослик. — Ты скажешь, как тебя зовут на самом деле?

Кейл отрицательно покачал головой. — Тебе не стоит его знать.

Джак согласно кивнул. — Пожалуй, да. То, как я тебя зову действительно не имеет никакого значения. Ведь мне уже известна твоя сущность.

Задумавшись, полурослик протянул руку к сумке и вытащил трубку из слоновой кости, затем забил в неё табак и закурил. Кейл молча следил за манипуляциями друга. В последних словах Джака была заключена вся его жизнь. Чуть позже полурослик продолжил. — Это ничего не меняет, Кейл. Я по-прежнему твой друг и я всё ещё в твоём распоряжении.

Он выдохнул облако ароматного дыма.

Кейл смог лишь кивнуть, выразив благодарность за своевременную поддержку. Он предоставил полурослику шанс.

— И каков план? — спросил Джак, основательно затянувшись.

Кейл улыбнулся. — Давно ли ты совершал поездки в дворянском экипаже?

* * * * *

Погруженный в размышления, Кейл вернулся в Залы Штормового Предела около полуночи и нашёл обитель окутанной тьмой. Он проскользнул через дверь для слуг и поднялся по винтовой лестнице в простую комнатку, служившую ему жилищем. Чувствуя, что ему необходимо поговорить с

Тамалоном, Кейл облачился в форму дворецкого — нелепые черные штаны, белую рубашу, фиолетово-чёрный шнурованный жакет — и тихонько обошёл огромное строение, подозревая, что другого шанса может и не быть.

Послезавтра, — думал он с сожалением, — я, возможно, уже не смогу вернуться в этот дом.

План засады на отряд Ночных Ножей был весьма рискованным. Ему и Джаку, чтобы остаться после всего в живых, потребуется удача и благословение Тиморы.

У меня нет выбора, — напомнил себе Кейл. Рассказав правду Тамалону, он лишится всего. Дворецкий потеряет доверие Филина, а Тазиенна никогда не простит ему предательства. Само собой, он сможет сбежать. Поступить так же, как и в Вестгейте.

Тогда в Вестгейте у него не было ни дома, ни друзей, ни привязанностей, которые помешали бы ему броситься наутёк. Сейчас же у него была семья, друг и люди, которых он любил.

Я сам виноват в этом, — решил он. Уверенный в этом, он спустился по лестнице, отправившись на поиски лорда Ускеврена.

Дворецкий нашёл хозяина расположившимся там, где и всегда, среди книжных полок библиотеки, расположенной на первом этаже. Тамалон сидел в своём любимом кресле, спинка которого была вырезана из ореховой древесины, что завозилась из Радужной Долины. Лорд отчуждённо смотрел на шахматную доску, что стояла на низком столике перед ним. По расстановке фигур было видно — партия не окончена. Пара серебряных кубков и полупустая бутылка Рубинового Шторма располагались на полу возле кресла. Свет тусклого, пляшущего пламени очага подчёркивал задумчивость на лице Тамалона.

Кейл тихо застыл в дверном проёме, внезапно потеряв желание тревожить своего хозяина. Обратив внимание на вино и неоконченную шахматную партию, он понял, что очередная игра Тамалона с Талботом закончилась ссорой. — *Возможно, сейчас не лучшее время...*

— Эревис! — воскликнул Тамалон, заметив его, и улыбнулся. — Очень рад твоему возвращению. Как продвигаются твои дела с кузеном?

Кейла передёрнуло внутри. Несколько лет назад, поняв, что Тамалону не помешает знать о происходящем в преступном мире Селгонта, он придумал себе кузена, человека с сомнительной репутацией, вхожего в определённые круги, и с которым Кейл был вынужден общаться. И хотя информация, предоставленная дворецким Тамалону от имени этого вымышленного кузена, неоднократно оказывалась полезной, позволяя узнать о том или ином заговоре конкурентов, упоминание о нём только лишний раз убеждало Кейла в том, что вся его жизнь — сплошная ложь.

— Дела идут хорошо, господин. Они приняли неожиданный поворот, но всё скоро наладится. Всё будет отлично. Но я так и не успел уладить всё до сих пор, и вынужден просить об одолжении.

— Конечно. — Тамалон указал на удобное кресло по другую сторону от

шахматной доски. — Располагайся, старый друг.

Кейл неспешно прошёлся по паркету и решительно уселся в кресло.

— Выпьешь? — спросил Тамалон, наполняя собственный кубок.

— Нет, спасибо, господин.

— Закончим? — предложил Тамалон, с лёгкой улыбкой, указав на застывшие фигуры.

Кейл ответил слабой улыбкой и осмотрел доску.

Фигуры Талбота были нефритовыми. Тамалон всегда играл теми, что были из слоновой кости.

— Мой господин стремится завлечь меня в западню. Слон ставит мат в четыре хода.

Громко хохотнув своим низким голосом, Тамалон шутливо поднял кубок. Кейлу понравилось то, что хозяину вернулось хорошее настроение.

— Отлично, Эревис, великолепно. Но как случилось так, что мы с тобой до сих пор так ни разу и не сыграли?

— Потому что я вряд ли способен превзойти моего господина. Нет, я просто уверен в этом, — произнёс Кейл со слабой улыбкой.

Услышав лесть, Тамалон устало махнул рукой. — Если бы это было правдой, старый друг, могло бы показаться, что Селгонт переполнен дураками, так как на каждом шагу я сталкиваюсь с трудностями. Без твоей поддержки...

Он замолчал, устало опустив лицо. Когда лорд его поднял, на нём снова играла печальная улыбка. — Я стал забываться. Ты упомянул об одолжении?

В этот момент Кейл оказался в шаге от того, чтобы открыться ему. Видя, как хозяин отказывался прогибаться под тяжестью проблем — непутёвые сыновья, равнодушная жена и непрекращающиеся заговоры завистников — дворецкий еле нашёл в себе силы преодолеть восхищение. — *Какие могут быть тайны от человека, который полностью доверяет ему?*

Ещё немного, и он с лёгкостью сможет открыть хозяину своё прошлое. Это было так просто...

Нет! — пронеслось в голове у Кейла. — *Даже такой человек как Тамалон не простит моего обмана.*

Усилием воли он отогнал желание открыть правду, и вместо этого сказал:

— Да, господин. Простите мне мою наглость, но у моего кузена появились кое-какие незначительные трудности. Не могли бы вы мне предоставить на два дня отпуск, старый экипаж и здание на улице Люрвин?

Услышав это, Тамалон подался вперёд. Пристальный взгляд и выгнувшиеся густые брови выдавали его мысли.

— Судя по всему, этот вопрос весьма важен для тебя, Эревис. И, может быть, я сам смог бы тебе помочь.

— Нет, господин, — быстро ответил Кейл, хотя и был благодарен Тамалону за предложение. — Я должен пойти один. Я не могу рисковать репутацией семьи Ускевренов, имея дело с моим неблагонадёжным кузеном. Это дело должно касаться только меня и его.

— Хм.

Кейл заметил понимание во взгляде Тамалона и осознал, что Филин догадывается о лжи. И всё же господин уважал его личную жизнь и не стал больше расспрашивать. За это Кейл стал уважать его ещё больше.

— Ладно, Эревис. Экипаж твой, впрочем, как и дом.

— Спасибо, господин, — сказал Кейл, вставая из кресла. — Лорд Ускеврэн, я не знаю, чем это всё закончится, но...

— Эревис, — оборвал его Тамалон. Во взгляде лорда отразилось беспокойство — Почему ты отказываешься от моей помощи? Я же вижу, как ты взволнован. Ты, как никто другой, должен понимать, что мне можно доверять, как многие годы я полностью доверял тебе. И после всего ты не расскажешь мне, что случилось?

Кейл подавился привкусом собственной лжи. Он опустил голову, пытаясь скрыть наполнившие глаза слёзы. — *Я полностью доверял тебе.* — Но он сам себе не доверял.

Тамалон вздохнул и кивнул, нарушив неприятно долгое молчание.

— Я понимаю, у всех нас есть свои секреты. Береги себя, Эревис.

— Конечно, господин, — едва выдавил из себя Кейл и спешно покинул библиотеку.

Сломленный чувством вины, он добрёл до своей комнаты, зажёл свечу и поставил её на стол. Кейл рухнул в кресло, в котором он обычно предавался чтению, и обхватил голову руками. Он долго сидел, вдыхая запах собственного обмана. — *Забросить к Ускеврэнсам осведомителя было моей идеей. Именно по моей инициативе предыдущий дворецкий погиб во время уличного ограбления. Я сам сделал всё это.*

Это было прежде, чем я узнал их, — оправдывал себя Кейл, — *прежде чем я сам изменился...*

Лёгкое постукивание о дверной косяк достигло слуха дворецкого. Он сам оставил входную дверь открытой.

От сотканной в слабом свечении красоты Тазииенны у него перехватило дыхание. Обтягивающие кожаные штаны и облегающая шнурованная безрукавка являли взору плавные изгибы её тела. Её чёрные волосы были коротко острижены в соответствии с кормирской модой, акцентируя внимание на гладкой коже лица и блестящих зелёных глазах. Вид у девушки был одновременно и наивным, и хладнокровным. Эта красота — напоминавшая совершенную невинность — словно магнитом притягивала к ней Кейла.

— Я услышала, как ты входил, — произнесла она с игривой улыбкой на лице, — И увидела, что твоя дверь осталась открытой...

Когда девушка увидела его лицо, её улыбка сменилась выражением взволнованного беспокойства. — Что случилось, Эревис?

Тазииенна быстро пересекла комнату и уселась на подлокотнике его кресла. Её нежное прикосновение к плечу заставило трепетать сердце Кейла. Её запах, смесь лаванды и розового масла, опьянял его.

Она не для тебя, глупец, — мысленно отчитал сам себя Кейл. — *Она на*

десять лет младше, да к тому же дочь твоего господина. Вот и станет ли она иметь дело с таким проходимцем и лжецом как ты?

Его внутренний протест растаял от тепла, испускаемого её телом.

— Эревис, что с тобой? Что произошло?

Вернув самообладание, Кейл посмотрел ей в глаза — Разве тебе не пора? — при этом на его лице появилось выражение заботы.

Она одарила дворецкого таким взглядом, что увидь его её мать, она была бы горда за девушку.

— Не надо менять тему, Эревис Кейл. Я спросила тебя, что случилось.

Несмотря на строгий тон, её нежные глаза были полны беспокойства. Кейл сник.

— Да, Тазиенна. Кое-что случилось. Кое-что... ужасное. Я должен уехать на некоторое время. И я надеюсь... надеюсь вскоре вернуться.

Её поза стала напряжённой.

— Надеешься? Ты о чём? Куда ты собрался?

Кейл отрицательно покачал головой.

— Я не могу сказать тебе, Тазиенна...

— Ты выполняешь какое-то указание моего отца? Если он подвергает тебя опасности... — Она вскочила на ноги, всем своим видом показывая, что намерена отправиться на поиски Тамалона.

— Нет, он тут совсем не причём.

Он хватил пальцами за руку девушки, вернув её на место. Её кожа была как бархат.

— Ничего подобного, — повторил он, ощущая её плоть на кончиках покалывающих пальцев. — Это личное дело.

— Личное? Тогда расскажи мне о нём. Возможно, я смогу помочь.

Она задрала безрукавку, открывая взору кинжал, висящий на поясе, и часть манящего, оголённого тела.

— Ты же знаешь, я не новичок в делах подобного рода.

Дела подобного рода. Единственное, что знала Тазиенна о его прошлом — что он мог прекрасно скрываться в тени. Он не раскрывал все свои умения. А то, о чём рассказывал, преподносил как отголоски бурной молодости.

— Да, — признал он. — Я знаю, что ты не новичок.

В поисках отражения своей души, Кейл взглянул в её глаза. Несколько секунд она смотрела на него, затем, смутившись, отвела взгляд прочь. Не смотря на её «дикость», он был уверен, что руки девушки всё ещё не запятнаны кровью. И Кейл хотел, чтобы они дальше оставались такими же чистыми.

— Меня ждут дела совсем другого рода.

— Ты считаешь, что я не смогу справиться с твоими проблемами? — Её осанка и выпяченная, железная челюсть подсказали Кейлу, какого именно ответа ждёт девушка.

— Дело не в этом. Просто я должен отправиться в одиночку.

— Почему?

— Проклятье, Тази, я не могу тебе объяснить это!

Она едва не подскочила от такого обращения. Никогда раньше он не называл её Тази. Только Хозяйкой Ускеврэн в присутствии посторонних или Тазиенной, когда они оставались наедине. Она быстро подавила удивление и сказала — Я так понимаю, что ты не скажешь мне почему.

Не желая поддаваться гневу, он опустил голову. Нет, этого не стоило делать. Особенно, во время, вероятно, последней их встречи.

— Я просто не могу, Тазиенна. Пожалуйста, не спрашивай.

В течение нескольких секунд она раздражённо и холодно смотрела на Кейла. — Отлично, Эревис Кейл. Отправляйся своим путём. — Она отвернулась и направилась к выходу. Стук каблуков девушки замедлялся с каждым шагом, а её гнев угасал. Дойдя до двери, она остановилась.

— Будь осторожен, Эревис, — произнесла она, не оборачиваясь. — Независимо от того, куда ты идёшь, будь осторожен. Позаботься об этом так же хорошо, как ты обычно заботишься обо всём остальном, хорошо? А потом... возвращайся.

Кейл услышал печаль в её голосе, но прежде чем он успел ответить, девушка захлопнула дверь и побежала по коридору.

— Прощай, Тази, — прошептал он, вопреки мешавшим слезам, капавшим из его глаз.

И Кейл провалился в беспокойный сон, прервавшийся ещё до рассвета.

* * * * *

Красный воск, запечатывавший письмо и судьбу, капал на пергамент как кровь. Кейл написал послание ранним утром, пройдя точку невозврата, насмехающуюся над грузом в его душе. *Сегодня вечером*, — говорилось в письме. — *В десять часов. Пастушья Площадь. Небольшой отряд стражи.* Простое письмо с сообщением, понятным только Ривену. Но когда оно дойдёт до адресата, жизнь Кейла изменится. Или закончится. Это письмо приводило в движение механизм и делало его выбор необратимым.

Любой выбор является необратимым, — упрекнул он себя. — *Именно поэтому ты и попал в такую затруднительную ситуацию.*

На рассвете, пока все Ускеврены ещё спали, Кейл сделал большую часть необходимых приготовлений. Ему казалось, что спешка была необходима, чтобы оставить Ривену как можно меньше времени на подготовку группы. Без подробностей дворецкий сообщил слугам о своём отсутствии и отдал необходимые распоряжения по хозяйству. Он лично подготовил экипаж и погрузил в него собственный, надёжно запертый сундук, притащив его из своей комнаты.

Словно в гробу с трупом внутри, в этом сундуке были похоронены атрибуты его прошлой жизни: зачарованная кожаная броня, снятая с окровавленного тела врага, Сельбрина Дэла, на пристани Вестгейта; по-прежнему острые клинки, длинный и короткий, как всегда готовые выполнить свою смертоносную работу; волшебное ожерелье и исцеляющие зелья,

полученные им от Амонта Корелина, благодарного ему мага. Кейл надеялся, что сундук останется закрытым навсегда, а содержимое никогда не будет извлечено наружу, но обстоятельства разрушили его надежды. Старый Кейл должен был воскреснуть.

Невесело улыбнувшись, он встал из-за стола и, перейдя всю комнату, приблизился к посыльному, стоявшему в дверях. — Отнеси это в «Чёрный Олень», — сказал он, отдав послание. С лица мальчишки моментально исчезло скучающее выражение, а глаза широко распахнулись. — Ты знаешь, где это?

— Да, сэр, — произнёс он, не сумев скрыть дрожи в голосе.

— Хорошо. Письмо отдашь лично в руки бармену. Его имя — Джелкинс. Скажешь ему, что оно для Ривена. Всё понятно?

- Да, сэр. Вручить Джелкинсу, бармену «Чёрного Оленя». Для Ривена.

Кейл вытащил сверкающее золото из кармана жилета и сунул монету в руки испуганного посыльного. У мальчишки перехватило дыхание; как правило, с посыльными расплачивались серебром.

— Спасибо, сэр.

— Не за что. Можешь идти.

— Удачного дня, сэр.

Улыбаясь, мальчишка, видимо припомнив о стоящей на улице стуже, застегнул пальто, надел пару шерстяных рукавиц и умчался. Кейл знал, что улыбаться он будет только до тех пор, пока не забудет о сиянии золота и не вспомнит о мрачном задании. И всё же, бояться было нечего. Днём в «Олене» было безопасно. Хищники выходят на охоту только с наступлением темноты.

* * * * *

Словно призрак, Кейл скользил сквозь тьму. Перемещаясь по тёмным улицам района складов с длинным мечом и кинжалом за поясом, он чувствовал себя необычно. Необычно и ужасно. Хотя он обычно скрывал свою тёмную сущность, этим вечером он сознательно дал ей волю. Если ему суждено добиться своего, ему понадобится старый Кейл — убийца и вор, не имеющий ничего общего с дворецким. И ему лишь оставалось надеяться, что всё вернётся на круги своя, когда ночь передаст эстафету дню.

Кейл приблизился к Пастушьей Площади с юга, на мгновение замер и нырнул в тень каретной мастерской. Перед ним возвышались высокие кирпичные складские здания, самые типичные строения этого района города. Широкие улицы, которые он собирался использовать в качестве путей подхода, были пусты и лишь студёный ветер гонял по ним снежные вихри. Кейл хмуро обдумывал увиденное. Не смотря на то, что Найтол достиг середины, улицы не должны были быть настолько пустыми. Торговля никогда полностью не останавливалась в Селгонте. Даже в разгар зимы, даже в это время суток. Непривычно безлюдные улицы усложняли задачу Кейлу.

Успокойся, — приказал он себе. — Здесь пусто потому, что те стражники, которых не прогнал холод, подкуплены Ривеном. Ночные Ножи

всегда так поступают.

Однако не будь Кейл осторожным, он не смог бы выжить долгие годы в преступных мирах Вестгейта и Селгонта. Он несколько минут внимательно осматривал остальные подходы к площади. Там никого не было. Его острый слух не улавливал ничего необычного. Даже всепроникающий грохот телег с Пути Ронкеля тонул в завывании ветра. Наконец, проверив окрестности, Кейл скользнул сквозь тени к трёхэтажному зданию склада, бывшему его первой целью.

На то, чтобы всё подготовить, у него в запасе было чуть больше четверти часа — небольшой запас. Когда колокола Храма Песни зазвонят десять часов, повозка, управляемая переодетым Джаком, прибудет сюда с запада. И тогда все ужасы Девяти Проклятых Кругов Ада вырвутся на свободу.

Кейл знал, чего ожидать от отряда Ночных Ножей. Так как в послании Ривену говорилось о небольшом количестве охраны, в отряде вряд ли будет больше двадцати человек. Праведник не сможет выделить больше людей; в конце концов, в гильдии состояло всего лишь тридцать-сорок человек. *Шесть-семь бойцов с сетями Ривен разместит по периметру площади. Ещё от четырех до шести человек будут на крыше с верёвками,* — подумал мрачно Кейл, осматривая заднюю кирпичную стену высокого склада. — *Они обеспечат прикрытие на тот случай, если что-то пойдёт не так.*

Сперва нужно убрать их.

Довольный тем, как быстро навыки и суждения убийцы вернулись к нему, Кейл жестоко улыбнулся. Он беззвучно передвигался меж теней. Его кожаная броня была легче одеяний дворецкого. А длинный меч удобно пристроился на его боку. Смерть уже шла за Ночными Ножам.

Это и есть твоя сущность, — пронёсся в его голове голос, принесший неприятную мысль, к которой Кейл поспешно добавил, — *по крайней мере, этой ночью.*

Он провёл рукой по стене. Кладка была неровной и выщербленной, покрытой многочисленными уступами. — *Даже не снимая кожаных перчаток, подъём будет простым.* — Кейл полез вверх.

Через пару минут он очутился на крыше, на высоте сорока футов. Кейл так и не услышал ничего подозрительного, а улица внизу была по-прежнему пуста. Медленно подобравшись к краю, он осторожно, не выдавая себя облаком выдыхаемого пара, осмотрелся.

Кейл заметил их в пятидесяти футах от себя на противоположном конце крыши — два силуэта убийц Ночных Ножей, обвязанных верёвками, выделялись в тусклом свечении Селуны. Однако они были неподвижны. Кейл злое ухмыльнулся.

Ему надо было приблизиться незаметно. Кроме большого деревянного корыта и нескольких старых ящиков, укрытий на крыше не было. Не испугавшись, он двинулся вперёд, скрываясь в тенях у края крыши, не позволяя себе попадать под свет Селуны. Оказавшись в пяти шагах от цели, Кейл замер, а затем бросился вперёд.

Не успев пройти и трёх шагов, он поскользнулся в какой-то луже. Ноги Кейла устремились вверх, и он сильно ударился спиной о крышу.

— Ох, — вырвалось у него и груди. Задыхаясь, он изо всех сил пытался поднять клинок, подозревая, что два Ночных Ножа устремились к нему, и, зная, что у него были доли секунд, чтобы спасти себе жизнь.

Но ничего не произошло.

Всё ещё задыхаясь, Кейл уселся и осмотрелся. Странно, но убийцы даже не пошевелились. Лужа, в которой он поскользнулся, была липкой и, на удивление, тёплой, пропитав его плащ...

Кровью. У ног убийц её было ещё больше. Кейл посмотрел на свою ладонь, измазанную в крови, и содрогнулся. Он вскочил на ноги и отодвинул оба тела от края. Надрезанное горло и удар в область сердца. Обоих убийц прирезали и вернули на место. Профессиональная работа.

— Тьма, — тихо выругался Кейл.

Он посмотрел вниз на площадь, но ничего не увидел. — *Проклятье, что тут происходит?*

Колокола Обители Песни пробили десять часов. — *Скоро придет Джак.*

Страшная догадка пришла ему в голову. Кейл рванул к восточному краю крыши и бросил взгляд через переулок на соседний склад. Он не смог ничего разглядеть в темноте. Без колебаний он прыгнул через восьмифутовую пропасть и приземлился, перекатившись, на соседнюю крышу. Вскочив на ноги, он торопливо отправился, борясь с резкими порывами ветра, к тому краю крыши, который выходил на площадь. Ещё два трупа, обвитых так и неиспользованными верёвками, валялись в собственной крови.

Звон колоколов умолк и внезапно возникшая тишина показалась зловещей. И по-прежнему пустая площадь.

— Тьма и пустота, — пробормотал Кейл. — Джак едет в засаду.

* * * * *

Джак заставил фыркающих лошадей двигаться лёгким галопом. В этом темпе экипаж подпрыгивал над улицей так, словно камень, запущенный по водной глади, но полурослик хотел сохранить некий запас скорости по прибытию к Пастушьей Площади. — *Не хочу быть слишком лёгкой мишенью,* — думал он, криво ухмыляясь.

Если бы не Кейл, он бы ни за что не впутался в это дело. Не смотря на то, что полурослик время от времени шёл на риск по призыву своего бога, Джак предпочитал всё обдумывать, а не рассчитывать на удачу. Мастер Скрытности и сам из-за каприза мог пройти по бесконечному аду Баатора, но Джак поступил бы так же лишь всё обдумав и при наличии уважительной причины. Друг, оказавшийся в беде — это уважительная причина. Возможно, это не совсем соответствует надеждам Брандобариса, но...

— Но ты же бог, — прошептал Джак в небо, потянувшись сквозь одежду

и дважды дотронувшись до священного символа, висевшего на поясе. — А я — человек. У тебя больше прав на ошибку.

И застенчиво улыбнувшись, он поспешно добавил, — не в обиду было сказано.

Но этой ночью Мастер Скрытности, сам частенько поступающий дерзко, вряд ли останется недоволен. Джаку и Кейлу понадобится вся хитрость Обманщика, чтобы бескровно повернуть это дельце.

Когда Джак приблизился к Пастушьей Площади, он придиричиво перепроверил свою «маскировку». Он сидел на верхотуре, на месте кучера, одетый в большую серую шубу, покрывающую всю длину его ног. Чуть ниже была пара ботинок. Всё это вместе создавало иллюзию сидящего на экипаже взрослого человека. На такой маскировке настоял Кейл. — Всё должно выглядеть естественно, — сказал он, — или Ночные Ножи учуют засаду. Полурослик, управляющий каретой аристократа, в Селгонте выглядел определённо неестественно.

И я могу наслаждаться маскарадом, — подумал Джак, — а в это время Кейл сделает всю грязную работу.

Убедившись, что его внешность хотя бы отдалённо напоминает человеческую, он посмотрел на запад и направился к площади. Устойчивый звук цокота копыт отзывался эхом от брусчатки. Запорошенная снегом улица была пуста. Джак направил лошадей под арку, выводившую на западный край Пастушьей Площади, слегка замедлив их бег и направив экипаж в опасную зону.

Если Кейл, чтобы сбросить подозрения, собирался выбрать идеальное место для засады, то он справился с этой задачей. Пастушья Площадь идеально подходила для этой цели. Это было широкое, вымощенное булыжниками, пространство, окаймлённое по периметру высокими зданиями, являвшимися прекрасными позициями для стрелков. Пространство было уставлено распряжёнными телегами и штабелями забытых ящиков, являвшимися прекрасным укрытием для наземных бойцов. Свет Селуны, просачивающийся меж высоких складов, отбрасывал лоскутное одеяло теней. Джак почувствовал себя неуютно. Ножи могут быть где угодно.

Они не станут стрелять из лука, — убеждал он сам себя. — Это риск. Мальчишка нужен им живым. А шальная стрела вполне может лишить их вознаграждения.

Тем не менее, сердце полурослика забилось чаще. Взывая к Брандобарису, Джак пустил экипаж через площадь.

Внезапный крик заставил его поднять взгляд вверх.

— Убирайся отсюда, Джак! Не Ночные Ножи сидят в за... — выкрикнул Кейл с ближайшей крыши на луиренском, языке полуросликов.

Внезапно со всех сторон раздались голоса, заглушив предупреждение Кейла, и отряд людей, вооружённых клинками и арбалетами, вырвался из близлежащих зданий и устремился к экипажу.

— Волосатые ноги Обманщика, — воскликнул Джак, насчитав более

тридцати нападавших.

Они окружи карету и стали кричать ему, приказывая остановиться. Лошади встали на дыбы и испуганно зафыркали, когда бандиты сомкнулись вокруг.

Быстро обдумав сложившуюся ситуацию, Джак избавился от громоздкой маскировки и прошептал молитву Мастеру Скрытности. И тотчас исчез из виду. Оставаясь невидимым, он спрыгнул с кареты и шлёпнул и без того напуганную лошадь по крупу.

— Гоп!

Бандиты брали разбег и запрыгивали на экипаж. Двое попытались остановить ускорившуюся карету, но испуганные кони сбили их с ног, беспощадно переломав кости ударами копыт. Остальные тоже живо забегали после того, как их командир отдал жестом приказ, всё ещё крича на несуществующего кучера, приказывая ему остановиться. Щёлкнули арбалеты, и болты глухо вонзились в древесину. В этот момент, голос Кейла, всё ещё вещающий на луиренском, перекрыл шум нарастающей суматохи.

— Прячься, Джак!

— О, Тьма! — выдохнул полурослик и устремился к зданию ближайшего склада.

* * * * *

Поторапливаясь, Кейл прикрепил кошку к водоотводу и сбросил с крыши верёвку.

— Тьма, — бормотал он, перебирая руками. — Тьма и пустота.

Ситуация быстро ухудшалась. И скоро Джаку понадобится помощь. Оставалось лишь надеется, что коротышка услышал его предупреждение.

Судя по всему, там не менее тридцати человек, — подумал дворецкий. *— Но, во имя Девяти Проклятых Кругов, кто они такие?*

Орущие люди рассеялись по площади, пытаясь остановить испуганных лошадей. Несколько нападавших уже были затоптаны. Их изувеченные тела валялись на мостовой, а переломанные конечности торчали под неестественными углами. Но рано или поздно лошадей остановят или убьют — это лишь вопрос времени. Кейлу необходимо было действовать и действовать как можно быстрее.

Он заметил недалеко от себя группу кучно стоявших мужчин, оторвал одну из бусин своего ожерелья и швырнул её в цель. Бусина, упав на мостовую среди толпы противников, полыхнула пламенем, озарившим Пастушью Площадь. Ударная волна взрыва растерзала тела, раскидав их обожженные куски, как порывистый ветер разбрасывает опавшую листву. Мучительные крики и вонь горящей плоти наполнили ночной воздух. Кое-кто из оставшихся в живых, так и не определив где скрывается противник, беспорядочно метался по площади, остальные же всё ещё пытались остановить карету. Кейл бросил взгляд, оценив нанесённый ущерб, затем соскользнул по верёвке с края

крыши.

Уже наполовину спустившись к улице, он посмотрел через плечо, выбрал ещё одно скопление бандитов и, вырвав ещё одну бусину из ожерелья, бросил её в гущу врагов. И снова расцвело оранжевое зарево, и снова загорались и погибали люди. Кейл понял, что всполохи огня наверняка привлекут сюда городскую стражу, и он намеревался убраться подальше до их прибытия. Ему только нужно найти Джака и вытащить его из этого безумия.

Кейл опустился к улице, словно к топке, наполненной густым клубящимся дымом, исходящим от тлеющих телег и занявшегося огнём сена. Он всё ещё оставался незамеченным бандитами. Когда оставалось около десяти футов до мостовой, Кейл выпустил верёвку и налету вытащил длинный меч.

И оказался лицом к лицу с Драйзеком Ривеном.

— Ривен? Что тут происходит...

Убийца набросился на него, направив низко оба своих клинка. Грациозно, словно кошка, Кейл отскочил в сторону, лишь почувствовав легкое касание сабель Ривена, распоровших ткань его плаща. Он неуклюже парировал следующий выпад одного из клинков убийцы, но второй слегка зацепил его предплечье. Незначительная царапина. Усмехнувшись, Ривен отступил.

— Что ты творишь, Ривен? Ты...

И тут Кейл всё понял. Ривен предал Ножей, предал Праведника. *Но почему?* — спрашивал сам себя Кейл. — *И на кого он работает?*

— Я так долго этого ждал, Кейл, — прохрипел Ривен. — Поэтому твоя судьба — медленно истечь кровью. Я буду убивать тебя не торопясь.

Он угрожающе замахнулся саблями. Его единственный глаз пылал недобрым пламенем.

Задыхаясь, Кейл опёрся спиной на стену склада. Он моментально прикинул, как бы подняться по закреплённой верёвке, но быстро отказался от этой идеи. Убийца был слишком быстр. Ривен достанет его сразу же, как он повернётся спиной. Кейл понимал, что надо скорее убраться отсюда. И хотя он мастерски владел клинком, Драйзеку Ривену он ровней не был.

Проклятье, где же стража? — пронеслось в голове у Кейла. — *Они должны были услышать взрывы.*

— Неужели тебе нечего сказать? — насмехался убийца.

За спиной Ривена, сквозь огонь и дым, Кейл заметил, что банда, занятая каретой, наконец-то справилась со своей работой, подстрелив лошадей. И с секунды на секунду они ворвутся в экипаж. Остальные, так и не поняв, откуда на них обрушилось пламя, начали осторожно перегруппировываться. А Ривен продолжал издевательским тоном:

— Умник Кейл так ничего и не скажет? Так и будет испуганно молчать? — посмеивался убийца. — Я всегда знал, что ты трус.

Он бросился вперёд, но крики бандитов, занимавшихся каретой, заставили его обернуться, полностью остановив атаку.

— Тут пусто! — кричали они со всех концов площади. — Карета пуста!

Ривен обернулся к Кейлу, и его торжествующая улыбка сменилась взглядом, полным ненависти. — Где мальчишка, Кейл? — задыхаясь от злости, прошептал убийца. — Где он?!

— Я всегда знал, что ты идиот, Ривен, — парировал Кейл, самодовольно улыбнувшись.

Взревев от ярости, убийца ринулся вперёд.

Сабли Ривена, видимо забывшего своё обещание убивать Кейла медленно, со свистом рассекали заполненный дымом воздух. Кейл отступил в сторону от смертельной атаки и обрушил на противника сверху свой удар. Ривен отклонил удар лезвием одной сабли и, крутанувшись на месте, направил вторую в горло Кейлу. Тот рухнул в кучу мусора, стараясь избежать смерти, и едва не лишившись собственного скальпа, затем вновь очутился на ногах. Когда Кейл поднялся, Ривен, одарил его улыбкой, полной ненависти, ударил его в плечо.

В отчаянии, Кейл, отразив мечом вторую саблю, ударил невысокого убийцу ногой в грудную клетку, тем самым высвободив другую саблю противника из своего плеча. Удар вышиб из лёгких Ривена воздух и отбросил его на три шага. Кровь и пот заливали глаза Кейла, который решил использовать перерыв и одним глотком выпил исцеляющее зелье. Одновременно быстро и больно его раны затянулись. Через мгновение кровотечение из ран на плече и голове остановилось.

— Ты... мертвец, — задыхаясь, произнёс Ривен.

За плечом убийцы Кейл заметил, что остальные бандиты пробираются через площадь ближе к их схватке. Стерев остатки крови со своего лица, Кейл решил, что так просто не сдастся. *Мы погибнем вместе, сукины дети,* — подумал он, теребя очередную бусину на своём магическом ожерелье.

— Ну, подходи, — сказал он Ривену, подманивая его длинным мечом.

Ривен восстановил дыхание и ухмыльнулся. — Кейл! Оу-у...— Слова убийцы превратились в стон боли, а из его живота, сопровождаемое фонтаном крови, показалось лезвие короткого меча Джака. Ставший видимым полурослик опёрся на убийцу и вытащил свой клинок. Ривен, захлёбываясь кровью, опустился на колени, а затем со стоном рухнул в кучу мусора.

Джак перешагнул истекающего кровью убийцу, и со злостью произнёс — Слишком много угроз, Драйсек Ривен, — полурослик приблизился к удивлённому Кейлу и одарил его озорной улыбкой. — Ха, неужели ты не рад меня видеть? Давай убираться...

— Нужно закончить дело, — произнёс Кейл, проходя мимо Джака, направляясь к корчащемуся от боли Ривену. Маленькая ладонь полурослика ухватила его запястье, приостановив дворецкого.

— Стой, Кейл! Забудь о нём, Эревис! — Мы должны выбираться отсюда.

Кейл пристально посмотрел туда, куда указывал Джак и увидел отряд оставшихся в живых бандитов, спешащих к ним. Пылающая, задымлённая площадь наполнилась их криками. Арбалетный болт, не причинив вреда,

прожужжал мимо уха и ударился о стену склада. Стреляли раз за разом. Джак был прав.

— Ты прав, — произнёс Кейл.

— И куда мы пойдём? — спросил он. Голос полурослика выдавал сильное волнение. — Они окружили нас.

— Наверх, — Кейл сунул Джаку конец верёвки. — Ты первый. А я обвяжусь ею, когда наступит моя очередь подниматься.

Дворецкий взглянул на площадь. Преследователи быстро приближались и были уже на расстоянии броска копья.

— Давай поторапливайся!

Без лишних слов, Джак начал подъём. Кейл, обвязав конец верёвки вокруг талии, последовал за ним. На середине подъёма он бросил мимолётный взгляд вниз и увидел группу из восьми-девяти целящихся арбалетчиков.

— Джак, арбалеты, — крикнул он коротышке. Пытаясь сделать из себя как можно более сложную цель, Кейл ухватился обеими руками за верёвку и притянул колени к груди. Щелкнули тетивы, и град болтов усыпал стену, на которой он висел. Две стрелы ударили в его широкую спину, но отскочили от зачарованного кожаного доспеха. Однако этого оказалось достаточно, чтобы практически сбить его с верёвки. Подняв взгляд, Кейл увидел невредимого Джака. *Брандобарис хранит своего последователя*, — понял он.

— Поторопись, Джак! Они пока перезаряжаются!

Полурослик ускорился. Он напоминал рыжего мохнатого паука. Но, не успев преодолеть и десяти футов, острый слух Кейла уловил слова заклинания, доносящиеся снизу.

Тьма! — Про себя выругался он. — *Девять Проклятых Кругов, кто эти люди?*

— Держись! — выкрикнул Кейл. — Там заклинатель!

В тот же момент, шипящий разряд молнии устремился снизу и врезался в кирпичную кладку здания, усеяв открытые участки кожи Кейла немилосердно жалящими раскалёнными камешками. Верёвка, как маятник, раскачивалась по фасаду здания. Дворецкий сжал зубы и вцепился в неё. Джак тоже не сорвался вниз, но держался за верёвку лишь руками, а его ноги безвольно болтались в воздухе. Судя по всему, он был оглушен.

Ещё одну такую атаку нам не выдержать, — подумал Кейл. Он взглянул вниз и сквозь дым увидел толпу арбалетчиков, готовых произвести следующий залп. В этой толпе стоял человек, одетый в серую мантию волшебника, и его пальцы сплетали очередное заклинание. Без лишних раздумий, Кейл отщипнул очередную взрывоопасную бусину, одну из трёх оставшихся, и бросил её вниз.

— Подавитесь! — выкрикнул он.

Слишком поздно маг и арбалетчики бросились к укрытию. С оглушительным рёвом бусина взорвалась всполохом бешеного пламени, превратив бандитов в груды обугленного мяса, из которых виднелись кости. И хотя Кейл был уже на высоте тридцати футов, волна раскалённого воздуха

достала его, опалив брови и обуглив сапоги. Эта бусина была самой большой и мощной.

Угроза быть подстреленными исчезла, и Джак с Кейлом без помех преодолели оставшуюся часть пути по стене. Добравшись до крыши, дворецкий отправился к люку, через который преследователи могли подобраться к ним, и заблокировал его собственным кинжалом.

— Бандитов ещё как минимум трое, — пояснил он Джаку. — Они попытаются добраться до крыши и не дать нам сбежать. В лучшем случае у нас в запасе пара минут.

Пошатываясь, Джак рассеяно кивнул.

Кейл подбежал к нему и осторожно обнял коротышку за плечи. — Ты в порядке? В тебя попала молния?

Джак посмотрел в заботливые пристальные зелёные глаза Кейла и его взгляд прояснился. — Да... слегка зацепило. Скоро пройдёт.

Упрямый полурослик вывернулся из объятий Кейла, и тряхнул головой, будто пытаясь прояснить мысли. Затем он достал свой священный символ — платиновую табакерку, украденную у какого-то волшебника — и произнёс исцеляющую молитву. Через мгновение ему стало лучше. Вылечившийся коротышка пару раз удивлённо моргнул и осмотрел крышу с таким видом, будто впервые видел это место.

— Волосатые ноги Обманщика, Кейл, — выругался полурослик. — Маги и Драйзек Ривен? Что здесь происходит?

Прежде чем Кейл успел ответить, закрытый люк начал грохотать. Без лишних слов они с Джаком помчались к восточному краю крыши. Восемь футов отделяли их от безопасной поверхности кровли соседнего склада.

— Ты сможешь перепрыгнуть? — спросил Кейл полурослика.

Джак бросил взгляд на люк, сотрясающийся от тяжёлых ударов тел. Кинжал всё ещё удерживал его, но это не будет продолжаться вечно.

— Я справлюсь, — пообещал он.

Они разбежались и, оттолкнувшись, прыгнули через пропасть. Кейл с лёгкостью преодолел дистанцию, Джак же едва не сорвался вниз.

Приземлившись, Кейл не останавливаясь, вытянул свой последний кинжал и направился к люку этой крыши. Прежде чем он успел приблизиться, крышка люка откинулась и из неё показалась оглядывающаяся белокурая голова. Отбросив сомнения, Кейл спешно добрался до мужчины, схватил за волосы и рывком вытащил на поверхность крыши. Удивлённый преследователь пронзительно вскрикнул и стал неловко размахивать своим мечом.

— Тьма! Эй... ох...

Протесты превратились в стон, когда Кейл по самую рукоять погрузил ему в спину кинжал. Удерживая на весу бандита, словно некую жуткую куклу, Кейл позволил ему истечь кровью. Преследователь дёрнулся и затих. С нижнего этажа склада дворецкий слышал крики ещё большего числа бандитов. Презрительно отбросив труп в сторону, он схватился рукой за

крышку люка. Сделав это, Кейл посмотрел на Джака.

На пепельном лице коротышки застыл ужас. Он в упор смотрел на Кейла. Тот же посмотрел на труп, затем обратил взор снова на Джака.

— Или так, или нам не уйти отсюда живыми.

Джак согласно кивнул, но его взгляд всё ещё оставался отсутствующим.

Он никогда не знал такого меня, — понял Кейл. *— Ах, коротышка, я надеюсь, мы проживём достаточно долго, чтобы ты смог позже решить, стоит ли нам оставаться друзьями.*

Голоса и тяжёлые удары ботинок по лестнице вернули его к реальности. Крепче схватив крышку люка, Кейл сорвал очередную бусину и бросил её вниз, успев прикрыть лаз. Здание потряс взрыв. Из щелей в люке повалил густой дым. Он слышал вопли горящих людей даже через деревянные перегородки и кирпичные стены.

Не глядя на Джака, он наклонил и осмотрел труп. Кейл быстро нашёл то, что искал.

— Тьма! — выругался он.

Из внутреннего кармана, вшитого в подкладку плаща, Кейл извлёк небольшой символ, состоявший из чёрного треугольника, помещённого в жёлтый круг, с изображённой по центру буквой «З». Эмблема рассказала ему обо всём.

— Зентарим, — выдохнул он. Теперь было понятно, почему тут так много народу. Огромная организация, состоявшая из воинов, магов и жестоких жрецов безумного бога Цирика, Зентарим стремился контролировать торговлю и политику во всех уголках Фаэруна. Спектр их методов простирался от законных торговых соглашений до убийств.

Джак взволновано вздохнул.

— Зенты! Боги, Кейл, что здесь происходит?

Кейл вертел символ в руке, а его ум усиленно пытался связать воедино картину происходящего из кусков — тэйцы, зенты, Ривен и Ночные Ножи. Куски мозаики всё никак не складывались, а времени оставалось всё меньше и меньше.

— Я не знаю, — наконец ответил он. — С этим мы разберёмся потом. А сейчас нужно быстро уносить ноги.

То, что Кейл знал наверняка — зенты редко оставляли свидетелей. Они были осторожны. Очень осторожны. Ещё больше вооружённых бандитов должно быть уже блокировали пути отхода. Вырваться будет необычайно трудно.

— Городская стража не придёт нам на помощь, — сказал он Джаку. — Зенты подкупили их. Поэтому нам следует двигаться по крышам, пока мы не вырвемся из окружения. Когда мы достигнем Пути Ронкеля, спустимся на улицу и быстрым темпом направимся к жилым кварталам города. Ты готов?

Джак сжал кинжал одной рукой, а священный символ — табакерку — в другой, и согласно кивнул.

— Я готов, но...

— Но что?

— Ничего, — ответил Джак, покачав головой.

Они собрались двинуться, но полурослик резко остановился.

— Подожди, Кейл. Я... У меня есть предложение получше.

Голос коротышки звучал как-то непонятно сдержано.

— Тут, неподалёку от Пути Стивидора, есть заброшенный магазин верёвок и канатов. В переулке рядом с ним есть тайный ход, ведущий в канализацию. Сейчас время отлива, а значит, через коллектор можно пройти. Мы можем воспользоваться этой дорогой.

Кейл задумался, рассматривая и взвешивая оба варианта. И оба они казались опасной затеей, но дорога до Пути Стивидора была короче.

— Ты уверен, что это безопасно? Если зенты настигнут нас в коллекторах...

Незаконченное предупреждение повисло в воздухе. Джак сомневался лишь мгновение. — Я уверен, — произнёс он на конец. — Зенты не знают о ходе.

— Хорошо, — согласился Кейл, кивая головой. — Тогда в путь.

Головой вперёд они мчались по крышам, их внимание было сосредоточенно на единственном — спасении. Перемещаясь со здания на здание, перепрыгивая одну за другой пропасти между складами, сулившие смерть в любое мгновение, понукаемые криками преследователей, раздававшимися снизу и сзади, измученные и вспотевшие, они наконец-то спустились по фасаду одного из складов и оказались в тених Пути Стивидора.

— Нам туда, — прошептал Джак, указывая коротким пальцем на узкий переулок, расположенный в десяти шагах перед ними.

Два человека в чёрных плащах и с обнажёнными клинками стояли на входе в переулок. Их готовность, видная невооружённым глазом, и настороженные взгляды выдали в них зентов. Кейл бесшумно извлёк из ножен свой длинный меч. Темнота надёжно скроет его приближение. Зенты умрут прежде, чем они успеют заметить его.

— Подожди здесь, — прошептал он Джаку. — Я позабочусь о них.

Джак осторожно положил свою руку на плечо Кейлу. — Подожди, — голос полурослика был напряжён. — Не надо сегодня больше... проливать кровь, хорошо? Я воспользуюсь заклинанием, чтобы нейтрализовать их.

Умоляющий взгляд полурослика пробудил в перерождённом Кейле другого Эревиса. Соглашаясь, дворецкий неохотно кивнул. Джак облегчённо вздохнул и похлопал его по плечу.

Торопясь, словно опасаясь того, что Кейл передумает, полурослик сомкнул глаза и тихонько произнёс молитву, взывая к силе Брандобариса. Он указал пальцем на зентов, и они оба начали задыхаться. Затем застыли без движения. Сила заклинания превратила их в камень.

— Неплохо, — похвалил Кейл.

Джак согласно кивнул, и они рванули вперёд. В тот момент, когда они выбежали из тени, по улице пронеслись возгласы. Кейл обернулся и посмотрел

назад. Он увидел, как четыре вооружённых человека бегут к ним. Им оставалось преодолеть ещё два квартала, но они быстро сокращали отставание.

— Нужно торопиться, Джак. Они наступают нам на пятки.

— Следуй за мной, — произнёс полурослик и устремился вдоль переулка.

Проносясь мимо окаменевшего зента, Кейл сбил его с ног. *Пусть учится хорошим манерам*, — сказал он сам себе, нагоняя Джака. Кучи ящиков, кирпичей и досок захламляли тротуар и затрудняли продвижение. Джак мастерски преодолевал препятствия, и Кейл было подумал, что он сам их тут и установил. Углубившись в переулок на сорок шагов, коротышка остановился перед деревянным поддоном, который был вертикально прислонён к стене. Бормоча, полурослик сунул руку меж его досками. Через секунду Кейл услышал щелчок.

— Готово, — удовлетворённо произнёс Джак. Он налёг на поддон, который откинулся словно распахнутая дверь.

Гениально, — подумал Кейл, когда увидел из-за спины полурослика комнату, с обложенными кирпичом стенами. В центре комнаты был вырыт колодец.

— Осторожно, яма, — сказал Джак. Они оба зашли и прикрыли дверь, защёлкнувшуюся за их спинами. В темноте Кейл услышал, как Джак закрывает замок. Они постояли некоторое время молча, дождавшись пока не смолкли шаги преследовавших их зентов. Потом Джак откуда-то вытащил металлический прут, испускающий с одного конца слабое голубоватое свечение. При этом улыбка полурослика сверкала ярче магического жезла.

— Чуть не попались. Как тебе кажется?

Не смотря ни на что, Кейл тоже улыбнулся. — Почти, — согласился он, и оба захихикали, разгоняя охватившее их напряжение.

— Теперь нужно спуститься. До коллектора восемьдесят футов, — произнёс Джак. — Там приставлена лестница. Я пойду первым.

Полурослик проскользнул в колодец и стал осторожно перебирать ногами по железным прутьям. Кейл последовал за ним и через небольшое время они уже брели по грязным стокам Селгонта, по щиколотки погружая сапоги в зловонную жижу. Эревису постоянно приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой о низкий свод тоннеля. Узкие проходы расходились в трёх направлениях.

— И куда нам нужно? — спросил он.

— Сюда, — ответил Джак и поспешно свернул в левое ответвление.

Странно и неожиданно, но запах коллектора был не так уж и ужасен Кейла. Но не смотря на это, дворецкий как мог старался отвлечься от размышлений по поводу состава жижи, стекающей по его сапогам. Он прокручивал в уме события этой ночи, пытаясь сложить их в единую картину.

Было ясно, что Ривен зентильский шпион, и понятно, что именно он сдал Ночных Ножей и заманил их в засаду. Он и его зентильские друзья

уничтожили группу захвата Ножей и ждали Талбота, которого Кейл фактически должен был отдать им в руки. Зачем? Получается, если бы Ножи схватили Талбота и передали бы тэйцам, Наглета, возможно, вынудила бы Тамалона при общении с Хулорном отстаивать интересы Тэя. Зенты, непримиримые соперники тэйцев по борьбе за сферы влияния, решили сорвать план. Гибель нескольких членов гильдии и вред, нанесённый Праведнику, был бы им только в удовольствие. После того, как засада Ночных Ножей должна была «провалиться», Драйзек Ривен остался бы единственным «выжившим» и мог придумать что угодно. А со смертью Кейла он стал бы главным советником и помощником Праведника. Зенты бы получили контроль над Ночными Ножам и Талбота, которого можно было бы использовать для давления на Тамалона.

И секреты Кейла поставили под угрозу исход всего предприятия.

Кто бы мог предположить, — подумал он, покачивая головой, словно не веря в произошедшее, — что Ривен, этот бесчувственный убийца, способен на интриги. Если бы случайно не выяснилось, что Джаск знает секретную дверь в переулке и способ её открыть...

Если бы случайно...

Волна дрожи прошла по спине Кейла.

— Джаск?

Полурослик остановился и обернулся, его лицо выглядело жутко, освещённое тусклым синим светом волшебной палочки.

— Что?

— Откуда ты знаешь, как открывается замок на той двери? — спросил Кейл, и его рука сомкнулась на рукояти меча.

Полурослик надолго задумался. — И ты только теперь спрашиваешь меня о замке? Брось, Кейл. Тем более, осталось совсем не много.

Он обернулся ко тьме тоннеля и зашагал дальше.

Кейл опустил руку ему на плечо и развернул к себе лицом.

— В каком смысле — совсем не много?

Глаза коротышки полезли на лоб. — Эй! Спокойнее, Эревис.

— Как ты смог открыть замок там в переулке? Проклятье, ты не взламывал его, а точно знал, как нужно его открывать...

— Не двигайтесь, — раздался из темноты впереди чей-то голос.

Кейл оттолкнул Джака в сторону и выхватил клинок.

— На кого ты работаешь, Прыткий Джаск? — прорычал он.

Коротышка отступил назад и поднял руки ладонями вверх.

— Не нервничай, Кейл, — произнёс он тихо. — И успокойся, мы теперь в безопасности.

— Что? — рассеяно переспросил Кейл, всё ещё тщетно пытающийся рассмотреть в темноте хозяина голоса. — Ты сказал в безопасности?

Джаск махнул рукой в темноту перед ними.

— Это арфисты, Эревис. Арфисты, — несколько секунд он молчал, а затем добавил. — Как и я.

Рука Кейла, сжимавшая кинжал, обессилев, опустилась. Пока ошеломлённый дворецкий открывал и закрывал рот, силуэты трёх мужчин, каждый из которых был вооружён палашиом и арбалетом, словно бы сгустились во мраке подземелья.

Джак был арфистом.

Арфисты тайно действовали по всему Фаэруну, борясь со злом, сея добро. Они были повсюду и нигде. Кейл всегда считал их деятельность незначительной: они были слишком робки, чтобы захватить власть, и слишком неорганизованные, чтобы помешать другим сделать это. Похоже, события этой ночи заставят его пересмотреть это убеждение.

А вот то, что Джак был арфистом, заставляло Кейла сомневаться в искренности их дружеских отношениях. Возможно, полурослик всего лишь использовал его в качестве источника информации о Ночных Ножах.

Самый высокий из арфистов, бородатый блондин, окинул Кейла коротким оценивающим взглядом, а затем посмотрел на Джака.

— Не стоило тебе приводить его сюда, Прыткий Джак.

Коротышка, оцетинившись как рассерженный барсук, подскочил к светловолосому гиганту.

— Проклятье, Брелгин, ты же ничего не знаешь! Засада оказалась операцией зентов, а значит выбор у него был не велик — либо укрыться здесь, либо умереть.

— Хм, зенты?... Брелгин с вызовом воззрился на полурослика.

— Но ведь тебя предупреждали, не приводить сюда тех, кто не принадлежит к организации...

— Хорошо, но я уже сделал это. И что, теперь нам менять место тайных встреч? А он всего-то и видел, что нас четверых, и уж точно он не станет рассказывать об этом всем подряд, — Джак обернулся к Кейлу и примирительно пожал плечами. — Мы знаем его тайны, а он узнал нашу. И уж поверьте, ему можно доверять.

Брелгин всё ещё сомневался. А Кейл, всё ещё молчащий от пережитого потрясения, тихо стоял в сторонке.

— Что случилось, то случилось, — уверенно произнёс Джак. — И назад дороги нет.

Брелгин пристально смотрел вниз, на Джака, затем скосил проницательные глаза на Кейла. — Пусть тогда хотя бы помалкивает.

Брелгин и остальные арфисты развернулись и скрылись в темноте. Джак подскочил к Кейлу.

— Мог бы и помочь мне, Эревис. Мне очень жаль, — коротышка похлопал его по плечу. — Нам нужно несколько минут подождать, дав им возможность покинуть это место. С тобой всё в порядке?

— Со мной всё хорошо, — ответил тот, уставившись на коротышку так, словно видит его впервые. — Но, как выяснилось, тебя я совсем не знаю, Джак. Полурослик отступил назад. Выражение его лица было печальным.

— Брось, Кейл. До сегодняшней ночи тебе и так было известно обо мне

всё самое главное. Так же, как и я знал всё о тебе ещё до того, как ты мне рассказал о Вестгейте. Мы друзья. Разве не по зову дружбы я пошёл с тобой этой ночью? Это... — он махнул маленькой рукой толи на тайную комнату, толи на арфистов, — ... моя работа. Но не она определяет то, кто я на самом деле. Неужели не ясно?

Кейл обдумал сказанное и согласно кивнул. *Это моя работа, но не она определяет то, кем я являюсь на самом деле.* Ему оставалось лишь надеяться, что это было правдой. Не только правдой Джака, но и его собственной.

— Ясно.

— Отлично, — произнёс Джак, и, улыбнувшись, махнул рукой во тьму. — Пора. Самое время выбраться из этих коллекторов и разойтись по домам.

Кейл согласно кивнул, хотя понимал, что возвращаться в Штормовой Предел было рано. По крайней мере, пока. Нужно было закончить дело с Ривеном. Если убийца был ещё жив, Кейл знал, где его можно найти.

* * * * *

Кроме Кейла и бармена Джелкинса, в пропитанном зловонием полумраке «Оленя» находилось лишь пару храпящих пьянчуг. Кейл сидел спиной к стене, а лицом к двери. Нетронутое пиво стояло на столе перед ним. Он глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться.

Он появится, — думал Кейл. — Если он жив, то должен появиться.

— Через пятнадцать минут я закрываюсь, — сообщил Джелкинс из-за стойки бара. Кейл кивнул, давая понять, что принял информацию к сведению. Пьяные завсегдатаи так и продолжили храпеть, не обращая внимания на сказанное.

Когда дверь в «Оленя», наконец, распахнулась, Кейл вынужден был напомнить себе, что дыхание — естественная потребность человека. Драйзек Ривен возник в дверном проёме, и, опёршись о косяк, пристально разглядывал общий зал таверны. При виде Кейла, губы убийцы презрительно изогнулись, а на лице появилось выражение ненависти. Тот же в свою очередь смотрел на него пристально и бесстрастно. Так они какое-то время сверлили друг друга взглядами, словно хищники, оценивающие добычу, через пространство общего зала.

Наконец Ривен хлопнул дверью, и, пошатываясь, направился к столу. Наблюдая за неуверенной походкой убийцы, Кейл с трудом подавил торжественную улыбку. У Ривена оказалось достаточно золота, чтобы спасти свою жизнь, но не хватило на то, чтобы полностью исцелиться и залечить болезненную рану в спине, нанесённую Джаком.

— Кейл, — издевательски поклонился Ривен, сморщившись от боли, и сел на стул напротив него.

— Ривен, — отозвался Кейл. От убийцы всё ещё пахло потом и кровью. Дворецкий отчётливо видел напряжение на его лице, различал гнев и ярость, готовую выплеснуться в любую минуту. Ривен был словно чайник, готовый

закипеть от малейшего пламени. И Кейл решил разжечь огонь. — Ну и что дальше?

— Что дальше? — голос Ривена напоминал рычание животного. — Сейчас я покажу тебе, что будет дальше, щенок.

И тут он, рыча, рванулся через стол, но замер на полпути, остановленный болью в спине. Кейл, воспользовавшись моментом, схватил его за плащ и рывком помог преодолеть оставшуюся часть пути. Дворецкий едва не перестарался, ведь они чуть не столкнулись лбами. Лицо убийцы свело от боли.

— Ты ничего не сможешь показать мне, подлый предатель, — прошептал Кейл. Он позволил разгореться собственному гневу, черпая из него силы. Дворецкий тряхнул Ривена, словно тряпичную куклу. От боли убийца зашипел сквозь сжатые зубы.

— Будь ты проклят, зент! Мне придётся тащить твою раненную задницу Праведнику, если я не услышу всё здесь и сейчас.

Кейл выхватил кинжал и приставил его к оголённому горлу Ривена.

— Приступай, — выпалил убийца, плюнув в лицо дворецкому. — Ты считаешь, что я так никому и не рассказал о твоём сегодняшнем маленьком предательстве? Если я отсюда не выйду, Праведник обязательно узнает о нём. Тебе ничего не поможет. Ни твои жалкие оправдания, ни то, что ты будешь валить всё на меня. Ты умрёшь страшной смертью, Кейл.

Кейл вглядывался в лицо Ривена, пытаясь определить, блефует ли тот. *Я не могу рисковать*, — решил он. Дворецкий отпустил убийцу, и тот соскользнул назад, на стул, удовлетворённо хмыкнув.

— Это было отличное представление, Кейл, — произнёс Ривен. — Вы со своим малышом сработали идеально. Я недосчитался семнадцати человек.

Убийца рассмеялся жутким булькающим смехом, от которого Кейла затошнило.

— Да, это бесспорно прекрасное представление. Вот только я всё никак не могу уяснить, ради чего? Неужели ты испытываешь тёплые чувства к этому отпрыску Ускевренов?

— Это не твоя забота, — отрезал Кейл.

Ривен понимающе улыбнулся, кряхтя, потянулся через стол, взял пиво Кейла и отхлебнул из кружки.

— И всё же, вернёмся к моему вопросу, — уже менее самонадеянно напомнил Кейл. — Что дальше?

— Сейчас — ничего, — легкомысленно ответил Ривен. — Всё останется, как и прежде. Мы оба предали Праведника. Нам нужно лишь сохранить эту тайну между нами и придумать для него разумное объяснение провала. Скажем, что отпрыска Ускевренов охраняло намного больше народу, чем ожидалось. И он поверит этому, если мы будем единодушны. Зная, насколько мы... не любим друг друга, он вряд ли заподозрит сговор.

Он жутко улыбнулся сквозь свою козлиную бородку.

— Не правда ли, хорошо звучит?

Обдумывая предложение, Кейл откинулся на спинку стула. Если всё пойдёт так, как говорит убийца, он сможет остаться в гильдии, что было плохо. Но так же это значило, что он мог вернуться к выполнению обязанностей дворецкого Ускевренов, покармливая безобидной информацией Праведника и защищая приютившую его семью. Приняв во внимание непредсказуемый поворот событий этой ночи, он едва ли мог рассчитывать на что-то лучшее. И, кроме того, разве имеет значение ещё одна тайна для погрязшего во лжи человека?

— Звучит многообещающе, — наконец отозвался Кейл. — Но Ускевренов больше не трогаем. И впредь не ввязываем их в дела гильдии. Согласен?

— Согласен, — кивнул Ривен, нахмурившись.

Кейл поднял со стула. — Прежде чем я уйду, Ривен, скажи мне, для чего зентам понадобилось всё это. Какое им дело до этого?

— Это не твоё дело, Кейл, — ответил Ривен. Он сделал ещё один большой глоток пива.

Кейл согласно кивнул. Он ожидал чего-то подобного. — Береги спину, Ривен, — произнёс дворецкий. Проходя мимо убийцы, он стукнул его между лопатками. Ривен поперхнулся пивом и застонал от боли.

— Сволочь ты, Кейл.

Дворецкий улыбнулся, вышел из «Оленя», вдохнув студёный ночной воздух, и двинулся домой.

Возможно, я и сволочь, — размышлял он, криво ухмыляясь, — но всё же у меня есть семья.

Служанка Внешность обманчива

Лиза Смедман

*Перевод: Elstan
Редактура: Энори Найтингейл*

Лараджин сорвала золотой тюрбан с головы и сердито бросила его в сторону. Маленькие серебряные колокольчики, пришитые на нем, зазвенели, когда он покатился в угол рабочего помещения.

— Меня достало все это, — сказала она, встряхивая длинные, рыжие волосы. — Мне кажется, что я не могу ничего сделать правильно.

Кремлар поднял глаза от маслоотжимного пресса. — Что случилось? — спросил дворф мягким голосом. — Ты снова поссорилась с Эревисом Кейлом?

Лараджин сердито вздохнула. — Я не виновата, что кубок вина пролился

на стол, — сказала она, зацепляя пальцем прорезь на рукаве платья. — Как можно подавать завтрак в такой форме? Рукава цепляются за все.

— Тогда это объясняет пятно, — произнес Кремлар, кивнув на ее юбку. Он крутил ручку пресса, и масло сочилось в миску.

Лараджин посмотрела вниз. Белая ткань ее платья была спереди запятнана красной линией. Она пристально посмотрела на дворфа, сидящего за своим рабочим столом, который был сделан к приземистому и короткому телу Кремлара.

Дворфа окружали ингредиенты его профессии: каменные ступки, наполненные порошкообразными специями; горшки с ярко-красными, голубыми и фиолетовыми красками; подносы с ароматными лепестками цветов; и чаши липкого, едкого сока деревьев. Много грязных ингредиентов было вовлечено в производство духов, но так или иначе Кремлар всегда оставался незапятнанным. Его седые волосы и борода были аккуратно заплетенными, а камзол и богато вышитые рукава были чистыми. Даже его руки — с золотыми кольцами на каждом пальце — были чистыми и розовыми, без крупиц порошка или грязных пятен сока где-нибудь на них.

— Как ты это делаешь? — спросила Лараджин, расстегивая шнуровку на передней стороне ее тесного золотого жилета.

— А? — Кремлар снова поднял глаза. — Делаю что?

— Остаешься чистым, — ответила Лараджин. — Господин Кейл всегда читает мне лекцию о моей форме и несоблюдении стандартов семьи Ускеврен. Он ожидает, что я буду носить уголь и не загрязняться, и чистить горшки, не замачивая рукавов. Он всегда разговаривает шепотом с госпожой Шеймур, и я уверена, что это обо мне. Хозяйка одарила меня взглядом более холодным, чем зима, когда я растапливала камин в ее комнате сегодня утром, и она все время наблюдала за мной. Я уверена, господин Кейл сообщил ей, что это я оставила швабру в зале, о которую ее гость споткнулся, и что я опалила утюгом маскарадное платье Тази. Если бы не мои родители, она б уже давно уволила меня — что так же несправедливо, потому что я стараюсь. Это только...

Кремлар закончил мысль за нее.

— Ты не на своем месте, — проговорил он. — Пробуй, так как можешь, ты не в состоянии сгладить все углы.

Лараджин нахмурилась. — Ты хочешь сказать, что я недостаточно стараюсь?

Кремлар покачал головой. — Нет. Когда-нибудь ты найдешь свое место, так же как это сделал я. — Он поднял грубоватые, но аккуратно наманикюренные пальцы. — Могла бы ты вообразить эти руки, работающие киркой или лопатой? Я почувствовал свой путь, когда мой отец пытался сделать из меня шахтера. Я любил искрящиеся драгоценные камни, но пыль и пот — тьфу!

— По крайней мере, меня выпустили сделать покупки, — сказала Лараджин. — Господин Кейл никогда не выражает недовольство о том, как

долго я выбираю. Я думаю, он рад избавиться от меня. — Лараджин начала снимать платье через голову. Кремлар вежливо опустил взгляд пока она переодевалась в более пригодную одежду, которую держала спрятанной в его лавке: коричневую юбку и серую рубашку с рукавами, которые можно было закрепить у локтя на пуговицу. Сбросив свои черные вельветовые туфли, Лараджин натянула промасленные кожаные ботинки с меховой подкладкой. Подобно остальной части ее снаряжения, ботинки были практичны: они сохраняли ноги сухими, даже когда она стояла в канализационной воде.

Так она чувствовала себя намного лучше, чем в дурацкой причудливой форме служанки. Лараджин встала и пробежала пальцами по волосам, собрав их назад от глаз. Затем взяла свой плащ.

— Ты собираешься в сад? — спросил Кремлар. Это было больше утверждение, чем вопрос. Лараджин всегда пробиралась в Охотничий сад, когда ей нужно было освободить голову от мыслей.

Лараджин кивнула.

— Ты можешь достать мне кое-что? — спросил Кремлар. — Я сделаю это стоящим твоего времени и труда: тридцать воронов, если достанешь то, что мне нужно.

— Достану что? — спросила Лараджин. Она могла бы догадаться. Уже не впервые она проворачивала незаконное рискованное дело в частном имении Хулорна ради своей выгоды.

Дворф встал из-за своего рабочего стола. Ростом он доставал до талии Лараджин, и ему пришлось балансировать на пальцах ног, чтобы достать толстую книгу с ее места на полке. Он пролистал несколько страниц, затем постучал пальцем по иллюстрации яркого красного цветка, чьи двойные лепестки напоминали губы женщины.

— Он называется Поцелуем Сьюн, — сказал он. — Есть также волшебное название, которое я даже не буду пытаться произнести. Расцветают цветы только в разгар зимы, их листья покрыты крапинками золота. Название поэтическое: говорят, что растение выросло после того, как богиня поцеловала бесплодную землю в разгар особенно холодной зимы. Цветы имеют изысканный аромат. Растение чрезвычайно редкое, но говорят, что Хулорн имеет образец или два в своем саду. То есть, если он не растоптал их лошадиными копытами во время охоты или не позволил сорнякам задушить их.

— Ими должен владеть тот, кто лучше ценит эти растения, — согласилась Лараджин, — и он должен превратить их в превосходные духи, достойные самой Сьюн.

— Действительно, — почтительно ответил Кремлар. Он посмотрел на нее. — В таком случае, наша обычная договоренность?

Лараджин вручила дворфу свой список покупок и завязанный платок с серебряными воронами, которые господин Кейл дал ей.

— Будет сделано, — сказала она. — Если Поцелуи Сьюн растут в Охотничьем саду, ты получишь их в ближайшее время.

Лараджин натерла жиром петли решетки, подождала мгновение, затем осторожно ее толкнула. Металл был достаточно холоден для того, чтобы пристать к ее обнаженным пальцам, и начал падать легкий снег. Снег означал следы: ей придется оставаться в глубоких частях сада, чтобы никто их не увидел.

Она пролезла через лазейку из-под канализационной решетки фонтана, который находился в центре сада. Он был осушен на зиму. Отвратительная толпа сирен, вырезанных с розового мрамора, злобно смотрела из его центра, струи воды больше не били из их грудей.

Лараджин выбралась из фонтана и направилась в Охотничий сад. Когда он был посажен, больше века тому назад, то содержал клумбы цветов и только расцветающие деревья, но теперь у него был естественный, лесной вид. Деревья сгибались над головой, земля была покрыта мягким, упругим мхом. Не так давно, когда отец Хулорна правил Селгонтом, сад был тщательно ухоженным. Но Андет Илчаммар пренебрегал этим более десятилетия, предпочитая тратить свое состояние на дорогую одежду и состязания. Тем временем посыпанная гравием тропинка заросла травой, а цветы и кусты заросли сорняками.

Лараджин находила Охотничий сад красивым даже зимой, с увядшими цветами и опавшими листьями. Мороз искрился на обнаженных ветвях деревьев, и зимние ягоды добавляли пятна яркой ледяной синевы к подлеску. Сад звал к ней, так как это не делало никакого другого место в городе — даже храм Сьюн. Его тишина и пёстрые тени обращались к части ее, что тосковала по красоте дикой местности. Еще она почувствовала, что узел напряжения между ее плечами начинает распускаться.

Лараджин внимательно осматривала землю, поскольку она ходила, прилежно ища пятна красного цвета. Если бы снег был сметён, увидеть Поцелуи Сьюн было бы гораздо легче. Она остановилась, чтобы выпрямить куст, ветвь которого была сломана чьей-то небрежной ногой и услышала в кустарнике шорох маленького животного. Белка? Она щелкнула языком, но не услышала никакого ответа.

Ее взгляд упал на четкую линию следов на снегу. Она признала по размеру овальных подушечек и отсутствию когтя следы, сделанные домашним котом, вероятно одним из многих домашних животных Хулорна.

Следы были такими же свежими, как и ее собственные. Рядом с ними были еще какие-то странные линии, как будто бы что-то тянули. Могла кошка запутаться в чем-то?

Лараджин потеряла пальцы. — Сюда, котик, — произнесла она. — Подойди, кис-кис.

Кусты слева от нее зашелестели, и Лараджин увидела сверкание цветов. Она затаила дыхание.

Из подлеска осторожно крался не обычный кот, а трессим: кот с большими покрытыми перьями крыльями. Животное имело гладкий сине-серый мех и крылья с перьями столь же красочными, как у павлина, с пятнами блестящей бирюзы, богатого красного цвета, и яркого желтого.

Одно из крыльев было аккуратно сложено на спине существа. Другое тащилось по снегу, его перья намокли и были грязными. Лараджин не только видела, что крыло сломано, она также видела причину. Кто-то — вероятно испорченные дети Хулорна — пытались силой надеть на него детскую рубашку. Рубашка висела клочьями на сломанном крыле, и кот мяукнул от боли и резко остановился, когда зацепился ею за ветвь.

Лараджин сжала кулаки от гнева. Трессимы были волшебными существами, посвященными Сьюн. Как рискует Хулорн, предоставляя одного из них своим детям как игрушку!

Спокойно, шепотом успокаивая животное, она позволила крылатому коту обнюхать ее пальцы.

— Надо же, один из маленьких благословенных, — сказала она. — Позволь мне помочь тебе.

Трессим мягко зарычал и захлестал хвостом, когда Лараджин кончиками пальцев прикоснулась к его крылу. Он попытался вырваться, но рубашка прочно зацепилась за ветви. Шипя, кот царапал ее когтями. Лараджин слышала мягкий треск, когда что-то внутри крыла разорвалось дальше. Шипение трессима возросло до воя.

Что еще хуже, Лараджин слышала кого-то, приближающегося через лес. Это не мог быть один из нескольких оставшихся садовников. Они почти ничего не делали летом и полностью пренебрегали садом зимой. Это должен быть либо член семейства Хулорна, либо один из его приглашенных гостей. Кто бы это ни был, но если Лараджин обнаружат в саду, она будет в большой беде. Однако она не могла оставить трессима страдать.

В то время как шаги приближались, Лараджин молилась Сьюн. Когда она зашептала, кот замолчал. Он посмотрел на Лараджин светящимися желтыми глазами, как будто бы внезапно понимая, что она намерилась сделать. На этот раз, когда она протянула руку вниз, чтобы осторожно сдернуть рубашку с его крыла, он протестовал только мягким рычанием. Он вел себя спокойно до тех пор, пока Лараджин не сдёрнула мгновенно обрывок ткани, затем бросился бежать в лес, таща сломанное крыло.

Лараджин внезапно почувствовала сладкий аромат. Взглянув вниз, она увидела, что стоит на коленях рядом с растением с очень маленькими красными лепестками и листьями, испещренными золотом: Поцелуй Сьюн! Она была уверена, что растения не было там минуту назад, но возможно ее колено смахнуло снег, покрывавший его. Откуда бы оно ни взялось, совсем не было времени, чтобы вырыть его сейчас. Лараджин бросилась за ствол широкого дерева, как раз тогда, когда источник шагов оказался в поле зрения.

Она успела вовремя. Гостем в лесу был непосредственно Хулорн. Лараджин узнала его сразу по знаку отличия на груди его черного бархатного

камзола и тщательно завитым, черным, как у ворона, волосам. Он носил штаны и гульфик цвета королевского пурпура, а также накидку из горностаевой кожи обернутую вокруг его широких плеч. Снег оседал на ней, подобно пушистым белым перьям. Он бормотал что-то про себя, когда шел, его пальцы крутили тяжелое золотое кольцо на указательном пальце левой руки.

Когда Хулорн проходил, Лараджин увидела, что его левая рука заканчивается не пальцами, а когтями – когтями подобными птичьим. Лицо у него было еще ужаснее. Его сторона, повернутая в направлении Лараджин, была покрыта блестящей черной чешуей, а разбухший глаз, что пристально смотрел вокруг, напоминал змеиный.

Уже второй раз за тот день, Лараджин ахнула. Так слухи были верны! Хулорн изменил свое тело черной магией.

Хулорн замедлил свой большой шаг. Лараджин застыла от ужаса, уверенная что он ее услышал или увидел ее следы на снегу. Его несоответствующие глаза обыскивали лес, как будто бы искали что-то конкретное. После этого он повернулся и большими шагами ушел прочь. Когда он уходил, то наступил на Поцелуи Сьун, растоптав их маленькие красные цветки под ногами.

Когда звук шагов затих, Лараджин вышла из укрытия и тщательно отрыла растоптанное растение из земли. Она оглянулась вокруг за трессимом. Девушка хотела взять его в Храм Сьун, чтобы попросить священников излечить крыло, но следы трессима заканчивались возле дерева, на которое он, казалось, залез. Лараджин осмотрела ветви над головой, но не увидела никаких признаков существа.

Уже были почти сумерки. Она никогда не нашла бы трессима сейчас. Ей придется вернуться завтра и найти его позже.

* * * * *

Уже стемнело, когда Лараджин переоделась у Кремлара и подняла корзину покупок, которые он сделал от ее имени. Дворф не был доволен состоянием растения, которое она ему вручила, но услышав, как ее чуть не поймал Хулорн, он, тем не менее, дал ей десять воронов. Кремлар не казался особо удивленным, когда услышал о странной внешности Хулорна, но он дал совет.

— Ты лучше всего держала бы это в тайне, Лараджин. Богатые и могущественные не любят, когда простой народ знает их тайны.

Лараджин поспешно возвращалась через улицы, мимо уличных фонарей, которые бросали длинные лучи тусклого света. Теперь снег был выше ее промокших туфель, и ноги девушки одеревенели от холода.

Поглощенной своими мыслями, ей понадобилось несколько минут, чтобы понять, что за ней кто-то неотступно следует, как тень. Фигура бросалась от одной тени к следующей, тихо, как, падающий снег. Это был вор — или хуже? Только когда он прошел через пятно света, бросаемого уличным фонарем, она лучше его рассмотрела.

Преследователь был стройным мужчиной с узким лицом, одетый в немодный, цвета лесной зелени плащ с капюшоном, натянутым на голову. Его волосы свисали с одной стороны связанные длинной тесьмой с пером, а ноги были обуты в высокие мягкие ботинки. Поняв, что Лараджин заметила его, он быстро вошел в тень — но не раньше, чем она увидела его миндалевидные глаза. Ниже их, его лицо было украшено странными узорчатыми знаками.

Теперь Лараджин испугалась. Парень был эльфом. Но не просто эльфом, а одним из диких эльфов с земель к северу от Сембии. Господин Тамалон Старший может считать диких эльфов благородными дикарями, но для Лараджин — как и для большинства всего населения Сембии — они были на один шаг дальше от животных, по слухам неспособные к состраданию или жалости. Что один из них делает в городе?

На один или два удара сердца, Лараджин застыла, не зная, что делать. Если бы она пошла по своему обычному маршруту к Штормовому Пределу, то преследователь поймал бы ее не дальше, чем за квартал. Не было видно никого из городской стражи. Она сама за себя.

Лараджин внезапно бросилась в узкую аллею, которая была путем напрямик и бросилась бежать. Ее внезапная уловка поймала преследователя врасплох, но парень был быстрым как тигр. Он подбежал к ней сзади и схватил за руку. Когда она попыталась резко его оттолкнуть, плащ эльфа распахнулся. Лараджин увидела костяной кинжал ручной работы на его бедре, висящий рядом с сумкой.

Лараджин упустила корзину, которая упала на снег возле нее. Она открыла рот, чтобы закричать, но незнакомец зажал его своей свободной рукой. Пальцы эльфа были длинными и тонкими, как коричневые и жесткие корни дерева. Они пахли кожей и землей. Он свирепо зашептал ей на незнакомом языке, столь же шипящем как шёпот листьев дерева. Затем он подтащил ее ближе. Лараджин попыталась вырваться, но тонкие руки эльфа были столь же сильными как корни дерева. Он убрал руку, пальцами которой зажимал рот, от ее губ.

Сердце стучало в ушах Лараджин. Должна она закричать? Снег падал густо, приглушая все звуки. Ее губы начали двигаться, шепотом прося милосердия.

— Пожалуйста, — попросила она. — Не делайте....

Лараджин внезапно почувствовала запах цветов. Ноздри эльфа затрепетали. Он втянул носом воздух, пробуя — затем его глаза расширились.

Рука эльфа зажала ей рот. Его вторая рука опустилась к поясу, к месту, где был вложен в ножны его нож. Внезапно, осознав, что он может дотянуться и мгновенно перерезать ей горло, Лараджин бросила себя назад так яростно как могла и вывернула свою голову в сторону.

— Оставь меня в покое! — закричала она. — На помощь! Стража!

Странно, аромат Поцелуев Сьюн стал даже сильнее сейчас, как будто бы Лараджин стояла на мятой области цветов, а не на снегу. Незнакомец утихомирился, освободив хватку на ее запястье. Его тело напряглось, и лоб покрылся морщинами, как будто бы он боролся против какого-то внутреннего

демона. Затем он повернулся на пятках и быстро зашагал прочь, его мягкие кожаные ботинки отбивались на снегу.

Лараджин, прислонившись спиной к стене, задрожала от облегчения, когда увидела одного из стражников Селгонта, бегом огибающего угол. За то время, когда он достиг ее, эльф ушел, поглощенный тенистыми улицами. Стражник помог ей найти мокрую буханку хлеба, выпавшую в снег, затем проводил домой к Штормовому Пределу.

* * * * *

— Ты уверена, что это был Хулорн?

Голос Тала отозвался эхом из темноты позади Лараджин. Он шлепал через сточную трубу позади нее, прямо краем желтого света, бросаемого фонарем в ее руке. Когда он говорил, то зажимал рот и нос надушенным носовым платком, который дал ему Кремлар. Туннели воняли, даже в низкой воде, когда отлив унес большинство нечистот.

— Ты не веришь мне? — спросила Лараджин.

— Я верю тебе, — ответил Тал.

Вероятно, он не кривил душой. В девятнадцать, Тал был на четыре года моложе, чем Лараджин. Он всегда внимательно прислушивался ко всему, что она говорила, хотя она была только служанкой, а он вторым сыном благородного Дома Ускеврэн, в котором она работала.

Вчера вечером, когда Лараджин рассказала ему о Хулорне и о том, как она использовала канализацию, чтобы прокрасться в Охотничий сад, Тал настоял на том, что пойдет с ней, когда она будет возвращаться назад. Он пытался уговорить ее подождать день или два, говоря, что ему нужно время, чтобы заучить наизусть его роль в новой пьесе госпожи Квикли, но Лараджин настаивала на спасении раненого трессима как можно быстрее. Тал, наконец, сдался, будучи уверенным, что они вернутся до наступления темноты.

— Человек, которого ты видела в Охотничьем аду, возможно, был кем-нибудь, кто только напоминал Хулорна, — Тал продолжал. — Или если это действительно был Хулорн, то возможно он носил часть костюма. Я слышал, что Хулорн повредил лицо и руку, когда фонарь пролил горящее масло на него. Возможно, он носит маску и перчатку, чтобы скрыть ожоги. Театральные приспособления могут быть абсолютно реалистическими —

— Чешуя и когти были частью его тела, — убежденно сказала Лараджин. — Это было волшебство—я уверена в этом. Сейчас води себя тихо, или нас обнаружат.

Они приближались к одной из уличных решеток. Бледный утренний солнечный свет лился сверху, вместе со звуками голосов уличных продавцов, торгующих вразнос своими изделиями. Небо прояснилось со вчера, и струйки талой воды стекали с длинных сосулек, свисающих с решетки. Облака разошлись. Лараджин могла видеть полную луну в одном из лоскутов голубого неба.

Они прошли под решеткой и свернули в боковой туннель, затем в другой. Шаги Тала стали неуверенными, и Лараджин остановилась, чтобы дождаться его. Когда он ее догнал, его лицо выглядело изможденным. Затем она увидела, что это просто щетина, придающая его обычно чисто выбритому лицу мрачный вид. Странно, что она так быстро выросла. Тал вспотел, несмотря на тот факт, что воздух в туннеле был достаточно холоден, чтобы Лараджин видела свое дыхание.

— Все в порядке, Тал? — спросила она.

— Насколько мы близко? — спросил он.

Лараджин осмотрела туннель. Они достигли места, где он укреплялся; высокие каменные стены, окружающие Охотничий сад, должны быть прямо наверху. — Почти на месте, — ответила она.

Тал кивнул и махнул Лараджин.

Она прошла еще несколько шагов по туннелю и остановилась, когда увидела пару маленьких блестящих глаз, сверкающих из темноты впереди. Через мгновение, их владелец несясь вдоль одного из поднятых выступов: большая коричневая крыса.

Лараджин отступила к противоположной стороне туннеля, чтобы позволить существу пройти. Она застыла на полушаге, когда оно выползло на свет. Это была не обычная крыса. Существо неуклюже двигалось вдоль выступа, переваливаясь, с одной передней лапой, которая была покрыта перьями, и другой, покрытой толстым белым мехом. Его задние лапы, щелкали по кирпичной кладке подобно очень маленьким копытам. Его лицо...

Лараджин подняла фонарь.

— Все это ужасно, Тал, ты не поверишь, — сказала она дрожащим шепотом. — У этой крысы человеческое лицо.

В тот же момент Тал, который был еще далеко позади фонарного света — повернулся и убежал. Шлепанье его бегущих ног эхом отдалось из-за угла туннеля.

— Тал! — закричала Лараджин. — Куда ты пошел?

Она повернулась, чтобы последовать за Талом — и свет ее качающегося фонаря осветил десятки пар глаз, на выступе. Туннель наполнил шепотом, щелканьем, тянущимся звуком десятков стремительно движущихся уродливых ног. С мягкими всплесками, крысы начали спускаться с выступа. Они плыли в направлении Лараджин, их уродливые тела, оставляли слегка колеблющиеся следы через темную воду.

Одна из крыс полезла вверх по ноге Лараджин. Она почувствовала резкую, жгучую боль в бедре и горячую струйку крови. Она сильно ударила извивающееся существо, сбив его с себя, затем почувствовала другую крысу, лезущую по ее плечу. У нее был клюв птицы, и тварь клевала им ухо Лараджин. Крича, девушка кружилась вокруг, но из-за этого только уронила фонарь. Он погрузился в сточную воду, и свет погас с громким, горячим шипением.

Лараджин чувствовала крыс повсюду на себе. Их зубы разрывали ее кожу;

их лапы подобно человеческим рукам рвали ткань рубашки. Она неистово шлепала их, сбивая со своего тела, но упавших моментально заменяли другие. Одна вцепилась в ее волосы.

Лараджин повернулась и побежала. Хотя туннель был в почти полной темноте, она знала каждый шаг этой канализации. Ее глаза были острее, чем у большинства, особенно в тусклом свете — она смогла четко разглядеть рыжевато-бурые пятна крыс, которые покрывали ее тело. Лараджин свернула направо, затем налево, возвращаясь путем, которым они пришли, сбрасывая крыс с каждым шагом. Некоторые все еще цеплялись за нее, раздирая ее плоть зубами.

Молясь, чтобы не поскользнуться и не окунуться лицом в сточную воду и не быть съеденной заживо крысами, поскольку она с трудом пробиралась в этой вони, Лараджин побежала дальше. Она чуть не заплакала, когда, наконец, увидела впереди пятно света. Когда Лараджин оказалась под ним, она подпрыгнула и ее руки сбили одну из сосулек. Она поймала ее на пути вниз, чудом приземлилась на ноги, и использовала острый конец сосульки, чтобы нанести удары полудюжине крыс, которые все еще цеплялись за ее тело.

Один раз она случайно проколола себе кожу, а после убийства только двух крыс, сосулька сломалась. Девушка подпрыгнула снова — промахнулась и с плеском приземлилась в сточную воду — затем прыгнула третий раз и сумела сбить еще одну сосульку. Держа ее холодными, окоченевшими пальцами, она продолжала яростно наносить удары. Одна за другой крысы падали с нее и либо всплывали мертвыми, либо уплывали прочь.

Лараджин стояла, тяжело дыша в прегражденном пятне солнечного света. Дохлая крыса с высунутым, раздвоенным языком змеи, плавала в воде, возле ее ног. Над решеткой, телеги грохотали мимо, их извозчики не обратили внимания на сражение, которое только что произошло внизу в канализации.

Теперь, когда все было кончено, плечи Лараджин начали трястись. Она нашла себя плачущей: не столько от стычки со смертью, сколько от того факта, что Тал бросил ее, когда она нуждалась в нем больше всего.

* * * * *

Сначала Лараджин не поняла, что кто-то есть в библиотеке. Треск огня в камине приглушал тихий скрип кожи, а высокая спинка и подголовник кресла скрывали человека, сидящего в нем. Она стирала пыль с полки, слишком увлеченная своими мыслями, чтобы класть обратно книги старшего хозяина в том же порядке, хотя знала, что позже будет ловить упреки от господина Кейла за свою небрежность. Книги были все одинаковы для нее: заплесневелые, в кожаных переплетах тома, заполненные историями о давно умерших людях. Эльфийском народе. После вчерашней встречи с диким эльфом, эльфы были последней вещью, о которой Лараджин хотела думать.

И только когда она подошла ближе к огню, чтобы вытереть пыль с шахматной доски и собрать пустые винные кубки со стола рядом с ней, она

почувствовала слабый запах сточных вод, не совсем скрытый запахом мыла. Она заглянула через край кресла с подголовником и увидела того человека, которого искала весь день: Тала.

Он смотрел на огонь обеспокоенными глазами. Его широкие руки были сомкнуты вместе перед лицом, и подбородок опирался на них. Лицо его было чисто выбритым, и он переоделся в новую одежду.

Лараджин постучала щеткой для обметания пыли по столу. Пешка опрокинулась и покатилась по шахматной доске, затем со стуком упала на каменный пол.

Тал поднял глаза, впервые заметив Лараджин. Ряд эмоций пересек его лицо: удивление, облегчение, чувство вины. Он вскочил на ноги и протянул руки, чтобы обнять ее одним из своих медвежьих объятий, но Лараджин резко оттолкнулась назад. Ее нога ударила стол, сбив остальные шахматные фигуры. Она даже не остановилась, чтобы побеспокоиться о том факте, что только что разрушила ход игры-состязания в остроумии между господином Кейлом и господином Тамалоном Старшим. Гнев господина Кейла казался несущественным, сейчас.

— Лараджин, я... — Тал опустил руки. — Хвала богам, с тобой все в порядке. Эти крысы...

— Почему ты сбежал? — спросила Лараджин. Она хотел выплеснуть на него свой гнев, бить руками его широкую грудь и рассказать ему, как страшно ей было, сказать, что она чуть не погибла. Девушка пострадала приблизительно от дюжины укусов, и хотя они были только поверхностными, они причиняли ей острую боль.

— Я должен был уйти, — ответил Тал. Отчаяние отображалось в его глазах. — Я не мог рисковать, что... Я мог бы...

Лараджин села на стол рядом с разбросанными шахматными фигурами. Теперь, когда она была лицом к лицу с Талом, боль в ранах стала холодной и острой, как кончик сосульки, которую она использовала, чтобы убивать крыс. Не говоря ни слова, она подтянула подол юбки, чтобы показать ему укусы на ноге. Кожа вокруг повязки была распухшей и красной.

— Ты обработала раны? — спросил Тал с беспокойством в глазах. — Крысы — больные существа. Их укусы...

— Ты знаешь, как пользоваться ножом, — сказала Лараджин. — Ты один из лучших учеников мастера Феррика. Если бы ты остался защитить меня, то никаких укусов у меня бы не было. Я только хочу знать, почему ты убежал, Тал. Почему?

Тал опустился в кресло с тяжелым вздохом. Он уставился на повязку на запястье Лараджин. На этот раз, когда он протянул к ней руку, Лараджин позволила ему взять свою. В течение долгого времени, они молча сидели, слушая потрескивание огня. Все это время в глазах Тала отображалась борьба с самим собой.

— Лараджин, — сказал он, наклоняясь ближе. — Я должен сообщить тебе кое-что о себе. Я...

В тот момент в библиотеку открылась дверь. Господин Тамалон Старший шагнул в комнату, затем остановился, увидев Лараджин и Тала, сидящих у камина. Темные брови поднялись, когда его пронизательные глаза увидели руку Лараджин в руке у Тала. Испугавшись, Лараджин резко убрала ее и поспешно опустила юбку своей формы. Глаза старого господина сузились. Когда Лараджин поняла, что он должен думать, ее лицо покраснело.

В то время как Тал стоял, смотря отцу в глаза, Лараджин наклонила голову и начала нервно собирать шахматные фигуры назад на доску. Они продолжали падать, и вскоре черные и белые перемешались.

Тал мгновенно прочитал строгий взгляд отца.

— Отец, я могу объяснить. Лараджин... Мы...

— Тал, я хочу поговорить с тобой, — сказал Тамалон. Он использовал свой тихий голос, тот, который он всегда использовал, когда Лараджин и Тал были просто детьми, возящимися вместе по залам и очертя голову бегаящими между сановников и гостей.

Краем глаза, Лараджин увидела, что плечи Тала тяжело опустились. Еще раз, второй сын разочаровал отца. На этот раз он не был виноват, но не мог объяснить почему — если хотел сохранить в тайне ее набег в канализацию.

Лараджин точно знала, что чувствовал Тал. Набравшись храбрости, она выпрямилась и встретила глазами с хозяином, но его взгляд заставил ее замолчать.

— Оставь нас, Лараджин, — сказал он. — Настало время немного поговорить с моим сыном о самообладании.

Выражение лица Тала было смесью отчаяния и страха. В последний раз взглянув на него, Лараджин поспешила из комнаты.

* * * * *

— Тал и я не делали ничего плохого! — сказала Лараджин упрямо. — Хозяин лжет, если говорит, что мы что-то делали.

Когда ее отец поднял руку, Лараджин внезапно поняла, что зашла слишком далеко. Защищать себя — это одно, но сомневаться в словах господина — это совсем другой вопрос. Она поморщилась, но осталась стоять на месте, ожидая пощечины.

Отец остановился с поднятой дрожащей рукой, заметно борясь с собой, чтобы сдержать свой гнев. Талит Веллран был добрым мужчиной, который никогда не брал кнут за все сорок лет, в течение которых он заботился о лошадях семейства Ускевренов. Хотя они с женой часто ссорились, Лараджин никогда не видела, чтобы отец бил мать. Теперь, когда он смотрел на Лараджин, его глаза пылали.

Талит посмотрел на руку, как будто бы она его предала, затем пробежал мозолистой ладонью по гладко выбритой голове. Он зашагал в расстройстве между висящим бельем, прихрамывая на ногу, поврежденную много лет назад. Старая травма беспокоила его только тогда, когда погода менялась к худшему.

За закрытым окном, вечерний воздух был тихим и холодным, но Лараджин чувствовала грядущую бурю эмоций.

Они стояли в сушильной комнате среди потрескивающих жаровен и веревок для белья с сохнувшими скатертями, где Лараджин складывала чистое белье. Талит пришел прямо из конюшни и все еще был одет в свой кожаный фартук. Его белая хлопковая рубашка с золотистыми и голубыми полосами запачкалась и воняла лошадьми и сеном. В отличие от домашних слуг, его работа заканчивалась в начале вечера, после кормления лошадей. Однако он часто работал до поздней ночи. Лараджин делала то же самое — за исключением того, что ее дополнительные обязанности были наказанием от господина Кейла, выполняемыми против воли, а не добровольно.

— Ты должна понимать последствия, — произнес отец напряженным голосом. Его глаза ни разу не встретились с взглядом Лараджин. — Привязанность между господином и служанкой всегда плохо заканчивается. Молодой господин непременно посчитал бы своим долгом обеспечить содержание любого ребенка от подобного союза, но внебрачный ребенок принес бы неприятности семье Ускевренгов. Ты не смогла бы исполнять свои обязанности, если бы вынашивала и нянчила младенца и...

— Это—то, что наиболее важно для тебя? — вставила Лараджин. — Неприятности господина? И мои обязанности? А правда?

Отец повернулся к ней с огорченным выражением.

— Долг иногда более важен, чем правда, — сказал он сердито. — Обязанности держат вместе домашние хозяйства — и семьи. Если бы не моя обязанность твоей матери, ты — Он внезапно остановился, как будто сказал слишком много.

— Ты больше заботишься о своих лошадях, чем о матери, — пробормотала Лараджин. — Или обо мне.

Она не намеривалась произнести это замечание так, чтобы отец его услышал. Лараджин почти повернулась, чтобы снять простыню с веревки, как отец резко развернул ее к себе.

— Я забочусь о тебе, — произнес он голосом, дрожащим от эмоций. — Хотя ты часто разочаровываешь меня. Хотя ты — не моя дочь.

Лараджин заморгала от удивления. Она открыла рот, чтобы спросить отца, не ослышалась ли она — действительно ли он произнес эти слова. Но вместо этого только прошептала — Что?

— Спроси свою мать, — ответил отец. Он позволил простыне опуститься подобно занавесе между ними.

Лараджин стояла, ошеломленная, когда ее отец, прихрамывая, вышел из комнаты. К тому времени, когда она подумала, что нужно побежать за ним, он уже ушел.

Она медленно шла по коридору, ее мысли кружились. Внезапно, долго кипящий гнев отца к матери обрел смысл. Если Лараджин была ребенком другого мужчины, тогда логично, что ревность Талита превратилась в горечь за эти годы. Лараджин видела, что отец все еще любит ее мать, но до сих пор

никогда не понимала, почему он сдерживал свою привязанность — или почему он иногда пристально смотрел на Лараджин как будто бы, задавшись вопросом, кем она была.

Лараджин знала, что она не похожа на отца, так же, как и то, что она не разделяла никаких его манер. Тогда как отец выполнял свои обязанности так спокойно, как обузданная лошадь, Лараджин раздражало само прикосновение к форме служанки. Они отличались как тьма и свет.

Лараджин оказалась в дверном проеме одной из небольших кухонь. Ее мать здесь работала. Шонри Веллран наклонилась над тяжелым деревянным столом, меся тесто. Позади нее огонь ярко пылал в печи, и теплый воздух пахнул дрожжами и сливками. Ее руки, белые от муки, скатывали тесто в длинные, тонкие линии, затем ловко сплетали их. Она выжимала сок из едко пахнущих фруктов на тесто, затем посыпала его коричневыми специями.

Лараджин уставилась на мать, пытаясь посмотреть на нее глазами отца. Шонри недавно исполнилось шестьдесят. Ее когда-то рыжие волосы поседели, и стали ближе к цвету пепла, и ее руки были покрыты морщинами. Хотя она была служанкой всю жизнь, мать Лараджин имела чувство собственного достоинства и нежную красоту, которую не вполне стерли годы тяжелого труда. Она была одной из привилегированных слуг старого господина и ее часто вызывали к большому столу, чтобы похвалить за изысканные кондитерские изделия, приготовленные с редкими специями из четырех концов Фаэруна.

Была ли Шонри призвана одним из гостей господина для оказания внимания разного рода? Была ли Лараджин тем незаконнорожденным ребенком от союза, подобного тому, который ее отец, как он думал, пытался предотвратить?

Как будто бы, ощутив пристальный взгляд Лараджин, Шонри подняла глаза. Она улыбнулась дочери и указала на ступу с зеленоватыми орехами.

— Лараджин, если ты закончила с бельем, ты могла бы ошелушить это для меня?

— Мама, я должна знать... — Вопрос умер на губах Лараджин. Но выражение ее лица передало его молча.

Мать покрыла плетеное тесто влажной тканью. — Что-то беспокоит тебя, — сказала она, жестом подзывая Лараджин ближе. — Скажи мне, что?

Лараджин оказалась не в состоянии сдвинуться с порога. Она крепко схватилась за дверную раму и сказала в порыве — Отец говорит, что я не его дочь. Я ему верю. И хочу знать, кто мой настоящий отец.

Вспышка гнева пересекла лицо Шонри. Через мгновение он сменился выражением решимости. Она похлопала по стулу рядом с ней. — Садись. Пора тебе узнать правду.

Идущая словно во сне, Лараджин медленно пересекла комнату. Она села рядом с матерью и ждала, пока та тщательно вытирала руки в тряпку. Затем Шонри села сама.

— Ты—дочь своему отцу, — сказала она заботливым голосом, — столько

же, сколько ты моя дочь. Всегда помни это.

Лараджин кивнула. Она знала, что мать и отец любят ее. Она считала отношения между собой и матерью близкими, хотя и обращалась к тете Хабрит, когда хотела доверить кому-то свои тайны.

Шонри смотрела на печь, на самом деле не видя ее.

— Двадцать три года назад, я потеряла ребенка, — произнесла она медленно.

Лараджин растерялась. Это было не то, что она ожидала услышать.

— Я не понимаю.

— Ты поймешь, — ответила Шонри. Она продолжила. — Я сопровождала господина Тамалона Старшего в поездке на север к Долинам, в торговой экспедиции. Он попросил меня отправиться с ним, чтобы оценить качество диких лесных орехов и фруктов, которые он намеревался купить. Это была очень важная поездка, краеугольный камень в экономическом благосостоянии домашнего хозяйства, и встреча была назначена на целый год заранее. Это была большая честь для меня. Так что я согласилась сопровождать хозяина, хотя и была беременной и близкой к родам.

Глаза Шонри становились печальными. — Твой отец не хотел, чтобы я ехала. Мы очень долго ждали ребенка...

Она вздохнула. — Я потеряла свое дитя в той поездке. Когда начались роды, мы были глубоко в лесу, далеко от священнослужителя. Младенец умер.

Лараджин коснулась руки матери.

— Как...

— Торговая экспедиция не увенчалась успехом, — произнесла Шонри. — Более половины орехов было повреждено при сборе, и фрукты не созрели должным образом. Мы остались лишь на короткое время — достаточно долго для того, чтобы хозяин пришел к заключению, что урожаи никогда не будут настолько крупными, чтобы принести прибыль.

— В то время как мы были там, местный народ, узнав, что я только что потеряла ребенка, обратился к господину с просьбой о помощи. Одна из их женщин умерла во время родов, и ни одна другая не имела молока, чтобы покормить младенца. Они попросили господина, чтобы его служанка позаботилась о нем. Я взглянула в твои красивые карие глаза и немедленно согласилась.

Лараджин внимательно прислушивалась к каждому слову, сказанному матерью, но ей все же было тяжело поверить в них.

— Я... Я не твоя дочь, так же? — спросила она. — Кто я, тогда?

Шонри слегка пожала плечами.

— Сирота. Мать была незамужней, и никто не знал, кто отец.

Лараджин хотела знать больше.

— Моя мать была женщиной из Долин? — спросила она. — Из какого города?

— Я не знаю, — ответила Шонри. — Мы были глубоко в Запутанных Деревьях, далеко от любого города. Встреча происходила в месте, где росли

дикие орехи и фрукты. Хозяин никогда не спрашивал имя женщины.

Хотя она твердо сидела на стуле, Лараджин чувствовала себя так, как будто бы плавала. Ее ум нащупал кое-что — некоторую, пока еще не высказанную подробность — затем ухватился за нее.

— Ты никогда не говорила отцу, что потеряла собственного ребенка, не так ли? — спросила она. — Он только предполагал, когда сказал, что я не его дочь. Он не знал, насколько был прав.

Шонри поднялась со стула и взяла металлический поднос. Сняв ткань с хлеба, она аккуратно положила его на поднос, затем открыла печь и задвинула его внутрь.

— Ты закончила складывать белье? — спросила она деловым голосом.

Лараджин внезапно поняла, что мать не собиралась больше ничего ей говорить. Привычное расстояние между матерью и дочерью вернулось. Время для доверия закончилось.

— Еще нет, — ответила Лараджин.

— Тогда возвращайся к работе, прежде чем господин Кейл об этом не узнал.

* * * * *

Лараджин спокойно стояла, слушая плеск воды по своим лодыжкам. Храм Сьюн был тих в это раннее утро. Его священники, как правило, служили Леди Любви с ночными пирушками, затем на следующий день отсыпались допоздна. Только в такое утро, когда был особенно красивый восход солнца, они вставали, чтобы приветствовать его.

Снова падал снег, и дул холодный ветер, но вода большого фонтана, который заполнял двор храма, была теплой, как поток летним днем. Мощная жреческая магия хранила мягкую температуру на уровне земли. Снежинки, которые падали в открытый центральный двор, с его красивыми естественными каменными образованиями и волшебным образом оживленными фонтанами, тихо таяли, прежде чем достигали земли. Дрейфующие шары плавали прямо над поверхностью главного бассейна, наполняя храм мягким светом.

Единственной обительницей храма в это время была молодая девушка около одиннадцати лет, одетая в малиновую мантию храма. Она была ребенком с каштановыми волосами, чьи высокие скулы и длинные ресницы наводили на мысль, что однажды она превратится в необыкновенную красавицу. Как и Лараджин, она была неизвестного происхождения. Священники нашли девочку на своем пороге когда-то и приняли ее.

Лараджин поклонялась в храме достаточно долго, чтобы знать имя девочки-служанки: Джейна. Она мало знала о ней. Интересно, Джейну так же мучили вопросы, как и Лараджин? Или знание от рождения того, что она подкидыш позволило девушке смириться со своим неизвестным происхождением?

Лараджин смотрела, как Джейна высыпала чашу бледно-желтых лепестков роз в воду. На мгновение их глаза встретились. Джейна улыбнулась, затем застенчиво отвернулась.

Лараджин пробралась через воду, которая доставала ей до лодыжек, к одному из бассейнов возле центра фонтана. Сформированный в течение десятилетий галькой, которая постепенно превратила валун в естественную чашу, поскольку вода кружила ее в водовороте, бассейн был одним из тех, которые использовали прихожане, чтобы задать вопрос богине. Его камень был испещрен золотыми прожилками и растущими пучками бархатного мха, которые цвели во вневременном тепле.

Лараджин смотрела в чистую воду, которая заполняла бассейн, наблюдая за галькой, лениво кружащей вокруг него, и рябью, текущей по поверхности бассейна. Они исказили ее отображение, смягчая рыжие волосы, которые растрёпано торчали из-под форменной шляпы, и, размывая лицо, слишком длинное и угловатое, чтобы считаться хорошеньким. Обычный посетитель попросил бы, чтобы бассейн показал лицо будущего возлюбленного. Но у Лараджин были другие вопросы на уме.

— Кто я? — спросила девушка. Она окунула палец в воду, затем прикоснулась им к сердцу, оставив влажные пятна на золотой ткани жилета своей формы.

Лараджин почувствовала щекотание на затылке, подобно дыханию любовника, и почуяла безошибочный аромат Поцелуев Сьюн. Через мгновение, крошечные красные лепестки цветка скользнули вниз со струйками воды, которая падала в бассейн, потом в другой. Несмотря на то, что вода еще лилась в бассейн, ее поверхность стала спокойной.

Лараджин посмотрела на отображение, которое она только наполовину узнала. Лицо было ее, но тюрбана не было. Ее волосы были заправлены за уши. Ее уши были...

— Золотое утро, Лараджин.

Лараджин встрепелась, и ее рука упала в бассейн. Рябь покрыла поверхность воды, искажая отображение. Она обернулась и увидела того человека в Селгонте, которого менее всего ожидала увидеть. Диурго Карн, молодой дворянин ее возраста, был священником Сьюн. Он носил священное одеяние: облегающие малиновые штаны и распахнутую рубашку, чтобы показывать свои мускулистые руки и грудь. Черты его лица были такими же красивыми, как Лараджин помнила, с белокурыми волосами, отброшенными назад с высокого лба и зелеными глазами. Не так давно, Лараджин думала, что влюблена в него и мечтала, что богиня улыбнется этому «невозможному» союзу между служанкой и дворянином.

— Золотое утро, Диурго, — произнесла она сдавленным голосом. — Когда ... когда же вы вернулись?

— Десять дней назад.

Десять дней назад, и он даже не подумал узнать, как жизнь Лараджин или хотя бы сообщить ей о своем возвращении.

Лараджин намеревалась больше ничего не говорить ему, но любопытство горело внутри нее. — Озеро Сембер в действительности столь же красивое, как о нем говорят? Вы видели его хрустальные башни?

Диурго пренебрежительно махнул рукой. — Я был вынужден повернуть обратно, прежде чем смог достичь озера. Эльфы убили бы меня, если бы я попытался продолжить путь.

— Вы знали это до того, как отправились.

— Знать и видеть — две разные вещи.

— Да, — сказала Лараджин, увидев его еще более ясно, чем раньше. Несколько месяцев назад, в расцвете весны, она была поймана в его компании: при попытке добраться до знаменитого озера Сембер, водоема священного как для Сьюн, так и для эльфийской богини Ханали, соперницы Сьюн за поклонников красоты. Лараджин убежала из Штормового Предела, чтобы следовать за Диурго, но успела преодолеть небольшое расстояние, прежде чем люди, посланные господином Тамалоном Старшим, заставили ее вернуться в Штормовой Предел. Она умоляла Диурго убедить их позволить ей сопровождать его, но он отказался говорить от ее имени, резко напомнив, что она только служанка, и препятствие для его поисков. Теперь оказалось, что он отказался от своего «священного паломничества», как только путь стал слишком опасным для него.

Лараджин пристально посмотрела на Диурго, не потрудившись скрыть обиду, которую чувствовала. — Чего вы хотите? — спросила она.

— Я видел слабую розоватую ауру вокруг вас только что, когда вы вглядывались в бассейн, — произнес Диурго. — Я уверен, что это был знак богини. И подумал, что смогу помочь вам направить его в...

— Знак, — Лараджин дала ему легкую пощечину. — Как и мои рыжие волосы? Ваша ложь сработала на мне однажды, Диурго, но я не поверю в нее снова. Вы можете найти другую наивную молодую женщину, чтобы проводить с ней ваши «священные пирушки».

Молодой священник выглядел достоинственно, — по крайней мере достаточно, для того, чтобы угадывалась некоторая стесненность. Несмотря на это, он упорствовал. — Я не лгу, Лараджин. Я ясно видел ауру.

— Так же ясно, как я вижу вас, Диурго. — Лараджин сложила руки на груди. — И мне больше не нравится то, что я вижу.

Надменное раздражение вспыхнуло на лице молодого священника. Он пригрозил ей пальцем. — Вы не должны так разговаривать с сыном благородного дома, девушка. — Не говоря ни слова, он сердито пошел прочь.

Злая сама на себя, Лараджин пробралась обратно к краю основного бассейна. Пройгнорировав предложенное Джейной полотенце, она натянула на ноги туфли, взяла свой плащ и вышла через главную дверь храма.

Она прошла почти два квартала, прежде чем заметила, что ее руки и ноги больше не болят. Остановившись, она развязала повязку на запястье, и к своему изумлению увидела, что укус там полностью зажил.

Когда Лараджин шла в направлении парфюмерной лавки Кремлара, она плотно завернулась в плащ. Солнце только-только поднималось над восточной стеной Селгонта, и снег медленно падал со свинцово-серого неба. Лараджин выбросила из головы мысли о Диурго. В отличие от него, она завершила бы свой поиск. Сегодня, несмотря на то, что ужасные твари поджидают ее в канализации, она проникнет в Охотничий сад и спасет раненого трессима.

Она была почти в лавке, когда кто-то свистнул к ней из аллеи. Мгновенно насторожившись, Лараджин еле удержала себя на месте, чтобы не убежать. Когда девушка увидела особу, которая поманила ее из тени, она споткнулась, остановившись.

Это было так, как будто бы Лараджин смотрела в зеркало. Женщине было около двадцати лет, она носила шляпу с колокольчиками, жилет, и платье служанки семьи Ускеврен. Она была такой же высокой и стройной, как и Лараджин, и с такими же чертами лица. Она даже стояла в такой же неуклюжей позе, подражая удивленной Лараджин. Затем девушка подмигнула и стащила тюрбан, открыв короткие, темные волосы.

— Это я, Тази, — сказал двойник. — Довольно хорошая маскировка, ты не считаешь?

— Госпожа Тазиенна, — Лараджин сглотнула. — Почему вы одеты в форму служанки?

— Зови меня Тази, — сказала девушка: замечание, что автоматически стало между ними. Она захихикала. — Я только хотела немного развлечься. Помнишь день, когда я поймала тебя в своей комнате, одетую в кожаные доспехи и позирующую перед зеркалом? Ты настолько напоминала меня — за исключением того, как неуклюже держала мой меч — что это подало мне идею. Я хотела посмотреть, смогу ли сойти за тебя.

Лараджин покраснела, смущенная напоминанием о своем проступке. Она всегда восхищалась госпожой Тазиенной за ее смелость и когда Лараджин намеривалась отправиться вслед за Диурго, она представляла себя искательницей приключений подобно молодой госпоже. После крайне неудачного окончания своего единственного приключения, Лараджин еще больше осознала огромную пропасть, которая разделяла их обоих. Тазиенна, она была уверена, даже не моргнула бы на уродливых крыс в канализации. Крысы напомнили ей о раненом трессиме.

— Я должна идти, — сказала она, бросив взгляд вдоль по улице в направлении парфюмерной лавки Кремлара.

Веселое выражение лица Тазиенны мгновенно посерьезнело. — Не этим путем, — сказала она. — Там три эльфа прямо по улице, так что я не думаю, что ты захочешь с ними встретиться, поскольку они хотели бы познакомиться с тобой.

Глаза Лараджин расширились. — Один из них дикий эльф?

Брови Тазиенны поднялись от удивления. — Ты встречала их раньше? —

спросила она. — Они напоминают довольно непокладистых людей. Им почти удалось схватить меня, а я довольно скользкий угорь. Чего они хотят от тебя?

— Я не знаю, — ответила Лараджин с дрожью. — Возможно они члены конкурирующего дома, который хочет похитить слугу Ускевреннов.

Тазиенна медленно покачала головой, ее зеленые глаза блеснули.

— Я так не думаю, — сказала она. — Я немного понимаю язык эльфов — достаточно, чтобы понять, о чем они говорили. Один из них спросил «Это ее?» и другой ответил — «Она одна. Я почувствовал ее запах». Это они о тебе, Лараджин.

Лараджин испуганно оглянулась. — Где они сейчас?

— Я сделала вид что убегаю, но потом последовала за ними. Они в засаде возле парфюмерной лавки твоего друга.

Лараджин не знала, что ее удивило больше: тот факт, что молодая хозяйка знала о Кремларе, или что дикие эльфы знали ее передвижения.

— Ты также не должна возвращаться в Штормовой Предел, — посоветовала Тазиенна. — Есть ли здесь еще какое-то место, где бы ты могла спрятаться?

Лараджин задумалась на мгновение, затем кивнула. — Я могу пойти к Хабрит, — ответила она. — Или вы думаете, что они будут ждать меня и там?

Тазиенна посмотрела на нее странным взглядом; как будто бы она знала что-то, чего не знала Лараджин. — Пекарня Хабрит должна быть достаточно безопасной, — ответила она. — Иди туда сейчас же. Я отвлеку эльфов и приведу их обратно к Штормовому Пределу, так они будут думать, что ты там.

Лараджин почувствовала прилив облегчения. — Это очень мило с вашей стороны, госпожа Тазиенна.

— Не думай об этом — я давно так весело не развлекалась, — ответила Тазиенна. Она подмигнула. — И ради богов, зови меня Тази, хорошо?

* * * * *

Лараджин выглянула в окно лавки Хабрит на суетливый перекресток. Телеги грохотали мимо, покупатели ссутулившись пробирались через снег, и дворяне в своих пышных нарядах проезжали в застекленных каретах, высоко над забрызганной слякотью улицей. Она видела, как Кремлар шагает под разноцветным снежным зонтиком, сопровождая слугу семейства Соаргилов, который был гружен коробками с образцами духов Кремлара. Но не было никаких других фигур, которых она бы узнала — и Лараджин почувствовала особое облегчение, убедившись, что в поле зрения нет никаких эльфов в зеленых плащах.

— Я ничего не понимаю, Хабрит, — сказала Лараджин, позволяя занавеси упасть. — Я не дочь моих родителей, и теперь эльфы пытаются похитить меня с целью шантажа. Дикие эльфы.

Хабрит, должно быть, услышала нотки отвращения в голосе Лараджин. — Эльфы имеют свое место в мире, так же, как люди и дворфы, — нежно

упрекнула она. Она отмахнулась от покупателя, который пришел купить хлеб, и повесила вывеску «Закрыто» на дверь лавки.

Лараджин не слушала. — Все же, что они делают в Селгонте? Дикие эльфы слишком глуповатые и пугливые, чтобы совладать с городской жизнью. Вот почему они прячутся в лесу. Они не умеют пользоваться деньгами, говорит старший господин. Им не на что их тратить. Зачем им выкуп за меня?

— Они заинтересованы не деньгами.

Уверенность в голосе Хабрит привлекла внимание Лараджин. Она пристально посмотрела на Хабрит. Булочнице было далеко за шестьдесят — она была старше, чем мать Лараджин — но хотя ее лицо покрывали морщины, волосы женщины все еще были богатого коричневого цвета. Она носила их в простой косе на спине. Ее одежда была модной, но простой. В городе, где даже крестьяне украшали свои тела достаточным количеством украшений, чтобы привлечь стаи жадных ворон, единственным украшением Хабрит был серебряный кулон в виде полумесяца, который она носила на кожаном ремешке на шее.

Философия Хабрит — «простое является лучшим, и все ингредиенты в балансе» — отразилась в ее лавке. Она была известна всему городу за свой хлеб. В то время как другие уличные пекари и семейные повара, в том числе мать Лараджин, вырезали и придавали своему хлебу определенные формы, продукты Хабрит были простыми, квадратными буханками, имеющими вид форм, в которых их выпекли. Но вкус... здесь Хабрит превосходила всех других. Она делала хлеб с использованием ингредиентов, о которых даже мать Лараджин не слышала.

Шонри и Хабрит были соперницами еще до рождения Лараджин, и какое-то время длилась хлебобулочная война в хозяйстве Ускевренгов. За прошедшие годы они наладили тесные связи, основанные на общей любви к своему ремеслу. Хабрит, которая, казалось, разделяла мысли Лараджин о глупости моды, стала для нее как родная тетушка.

Теперь Лараджин заинтересовалась, сколько Хабрит в самом деле знала о ней. Пекарь совсем не выглядела удивленной, когда Лараджин рассказала ей, что Шонри и Талит не ее родители.

Хабрит, казалось, услышала мысли Лараджин. — Я знаю, кто твоя мать, — сказала она.

— Вы знаете? — спросила Лараджин испуганно.

Хабрит кивнула. — Я дожидалась подходящего момента, чтобы сказать тебе. Теперь, кажется, этот момент настал. Я только надеюсь, что ты готова выслушать.

— Я готова, — сказала Лараджин, соскакивая с прилавка, на котором сидела. — Скажите мне!

Хабрит задумчиво коснулась кулона на своей шее. — Ты спрашивала о диких эльфах. Я кое-что знаю на эту тему. Я снабжала торговую экспедицию, о которой говорила твоя мать. Тамалон Ускеврен надеялся, что фрукты и орехи, которые росли в Запутанных Деревьях, смогут принести доход, и что

это будет способствовать сохранению леса.

— Что случилось со мной в Запутанных Деревьях? — спросила Лараджин.

— За исключением того факта, что женщина из Долин родила меня там?

— Твоя мать была не женщиной из Долин, — сообщила Хабрит. — Она была диким эльфом.

Мгновение, Лараджин сидела в ошеломленном молчании. Она отказывалась в это верить. Ее мать не могла быть одной из тех татуированных, диких существ. Она покачала головой.

— Моя мать не может быть эльфийкой, — произнесла она. — Я человек.

— Получеловек, — сказала Хабрит.

— Но мои уши не... — глаза Лараджин расширились, когда она вспомнила свое отображение в бассейне в храме Сьун. Она видела свое собственное лицо — но с острыми эльфийскими ушами.

— Так вот что богиня пыталась сообщить мне, — произнесла Лараджин шепотом. Она пристально посмотрела на свои тонкие пальцы, как будто бы видя их впервые, затем провела ими по узкому лицу и острому подбородку.

Хабрит посмотрела в глаза Лараджин. — Богиня? — спросила она.

Это была поддержка, в которой так нуждалась Лараджин. Она рассказала Хабрит о том, что случилось в храме Сьун: о волшебном исцелении своих ран и отражении, которое она видела в бассейне. Она рассказала Хабрит о крысиных укусах, и канализации, и своей встрече с трессимом. Также она рассказала Хабрит о странной внешности Хулорна и волшебном появлении Поцелуев Сьун, чьим ароматом, казалось, очень заинтересованы дикие эльфы. Когда она закончила, Хабрит дрожала от волнения.

— Ты знаешь эльфийское название этого растения? — спросила Хабрит.

Лараджин молча покачала головой.

Хабрит сказала два слова на текущем языке, затем перевела. — Его название на общем языке — Сердце Ханали. Оно также посвящено эльфийской богине красоты: Ханали Селанил. Золотые крапинки на листьях — ее символ. Говорят, что аромат исходит от священников Ханали, когда они работают с магией.

— Я не жрица, — запротестовала Лараджин, — и я молюсь в храме Сьун.

— Сьун и Ханали — конкуренты за смертную любовь и привязанность, но их объединяет одно: священный водоем Эверголд. Хотя богини ссорятся из-за того люди или эльфы более красивые и часто пытаются украсть друг у друга верующих — но если это полуэльфы — они дружественно договариваются друг с другом. Смертный может поклоняться им обоим — и быть благословенным обоими.

Голова Лараджин закружилась. — Вы говорите... что я благословенна? Эльфийской богиней?

Хабрит кивнула. — И человеческой богиней тоже. Это возвращает нас к еще одному вопросу: твой человеческий отец.

— Кто... был им?

— Кто является им, ты подразумевала, — исправила Хабрит. — Никто

иной, как твой хозяин: Тамалон Ускеврэн Старший.

Лараджин пошатнулась, оказавшись напротив прилавка. — Мой хозяин? — прошептала она. Слова Хабрит имели смысл. Не удивительно, что Тамалон Старший так разгневался, подумав, что между Талом и Лараджин роман. Тал был ее братом — или сводным братом, во всяком случае, как младший сын Тамалона. Госпожа Тазиенна была сводной сестрой Лараджин. Неудивительно, что они похожи друг на друга!

Теперь Лараджин поняла, почему ее до сих пор не прогнали с места служанки, несмотря на неблагоприятные донесения господина Кейла. Почему хозяин послал вслед за ней людей, чтобы вернуть ее обратно после того, как она последовала за Диурго.

Несмотря на это, Лараджин было трудно поверить, что старший господин был ее отцом. Тамалон Ускеврэн был серьезным, уважаемым человеком благородного происхождения с безупречной репутацией, который любил и уважал свою жену. Что заставило его переспать с варваркой-эльфийкой?

— Твоя мать была красавицей, — сказала Хабрит. — Столь же красивой, какой тебе предстоит стать, как только ты найдешь свой путь. Она, также, была уважаема своим народом, несмотря на то, что приняла в себя человеческое семя.

— По этой причине эльфы отказались от меня? — спросила Лараджин. — Потому что я наполовину человек?

Хабрит покачала головой. — От тебя не отказались, — произнесла она. — Тамалон забрал тебя. Теперь дикие эльфы хотят, чтобы ты вернулась.

— Вернулась? — проворчала Лараджин. — Вернулась куда? И зачем?

— В Запутанные Деревья, — ответила Хабрит. — «Зачем» — это вопрос, на который я пытаюсь найти ответ.

Лараджин посмотрела на Хабрит свежим взглядом. Материнская забота женщины была большей, чем она показывала. Она знала вещи, которые обычный пекарь знать не должен.

Хабрит кивнула, и постучала по полумесяцу, висящем на ее шее. — У меня есть друзья. Я задаю вопросы и слышу то, что мне нужно. Ответ мы будем ждать не долго.

Лараджин поняла, что Хабрит намекала на то, что полумесяц что-то символизирует. Но она не знала, что.

Рука Хабрит опустилась с ее шеи. Она поискала за прилавком, вытащив сменную одежду, которую сунула Лараджин.

— Сними свою форму, — проговорила она, — и одень это. Это должно держать их в догадке. Жди здесь, и никому не открывай дверь. Я поговорю с парнями, которые тебя беспокоят, затем вернусь обратно.

Лараджин держала одежду в руках. — Но...

Хабрит прижала палец к губам Лараджин. Затем она улыбнулась. — Мы поговорим снова, когда я вернусь, — сказала она. — Не забудь запереть дверь за мной.

Переодевшись в одежду, которую дала ей Хабрит, и, подождав несколько минут, чтобы убедиться, что булочница не сможет увидеть, как она оставляет лавку, Лараджин проделала свой путь через канализацию в Охотничий сад. На этот раз она не видела никаких уродливых крыс. Единственной вещью, которая замедляла ее, было сверхактивное воображение. Каждый всплеск позади нее звучал как шаги эльфа в зеленом плаще. Она не раз оборачивалась, сжимая в руке нож, взятый из пекарни Хабрит, чтобы противостоять тому, что оказывалось только тенью.

Внутри сада, она поспешила к месту, где в последний раз видела трессима. Он мяукнул в ответ на ее призыв, но так слабо, что Лараджин едва слышала его.

Крылатый кот лежал под деревом, едва подняв глаза, когда Лараджин погладила его мех. Он выглядел еще больше потрепанным, чем был два дня назад, его шерсть была мокрой и спутанной, а перья на крыльях оборванными. Из большой опухоли на поврежденном крыле сочился гной.

— О, котик, — произнесла Лараджин со слезами в глазах. — Я должна была вернуться раньше. Мне так жаль.

Она притронулась рукой к опухоли на крыле трессима. Она была горячей под пальцами, несмотря на то, что существо дрожало. Трессим тихо зарычал, но не возражал.

Лараджин хотела поднять раненное существо и отнести его в храм, но боялась, что если передвинет трессима, он умрет.

Она сделала единственное, что могла: помолилась. Сначала Сьюн, потом Ханали. Она умоляла богинь услышать ее и спасти трессима, не дать умереть этому красивому существу.

Лараджин поймала ароматное дуновение: Поцелуи Сьюн. Или, как она уже знала, Сердце Ханали. Цветов нигде не было видно. Охотничий сад был окутан снегом. Все же запах устойчиво рос, как будто бы внезапно расцвели десятки этих маленьких цветов.

Трессим начал мурлыкать. Лараджин бросила на него тревожный взгляд, вспомнив рассказы, услышанные от старых женщин, что кошки мурлычут перед смертью. Она с удивлением обнаружила, что шерсть трессима выглядит менее спутанной, и опухоль на его крыле немного уменьшилась.

Самым удивительным было то, что из ее руки, расположенной над опухолью исходил красный свет. Он лился из ее пальцев в трессима, пульсируя в ритме собственного сердца Лараджин.

Она проглотила свое удивление. Если это магия — если она действительно направляла силу богинь — она не хотела потерять ее. Она сосредоточилась на раненном трессиме, направив каждую унцию своей воли в желание, чтобы крыло стало целым и здоровым.

Она слышала приближающиеся голоса. Один из них она узнала — Хулорн. Все инстинкты говорили ей бежать, но она продолжала

сосредоточиваться на трессиме, делая все возможное, чтобы игнорировать приближающуюся опасность. Единственным признаком ее возрастающей паники была легкая дрожь в руках.

Наконец она услышала то, что нарушило ее сосредоточенность.

— ... это проклятое кольцо, — сказал Хулорн. — Кажется, оно носит проклятие. Оно восстанавливает плоть, но обезображивает ее к своему темному замыслу.

Другой голос, также мужской, был незнаком. Теперь Лараджин слышала хруст снега под их ногами.

— Кажется, его магия связана с той палочкой, — произнес второй мужчина с хрипом. — Я не могу рассеять волшебство одного, не затрагивая другого. Тебе придется сделать выбор: оба, или ни одного.

Трессим пошевелился под рукой Лараджин. Опухоль почти исчезла.

— О, боги! Кто это?

Лараджин подняла глаза. Не больше, чем в шаге или двух стоял Хулорн, его полужмеиное лицо исказили тревога и ярость. Позади него был высокий, темнокожий мужчина, который опирался на узловатый посох. Одетый в дымно-серую мантию, которая делала его немного похожим на тень в заснеженном лесу, он смотрел на Лараджин с выражением, равным удивлению.

— Кто она? — спросил он хриплым голосом.

— Какое это имеет значение? — сказал Хулорн. — Она видела нас вместе. Она видела это. — Он показал свою руку с птичьими когтями.

Темнокожий мужчина кивнул. Он слегка взмахнул своим посохом. — Должен ли я? — прошептал он.

От страха Лараджин охватила сильная дрожь. Она не знала, кем является темнокожий мужчина, но она поняла взгляд его глаз. Хулорн только что приговорил ее к смерти, и темнокожий мужчина должен стать ее палачом.

Лараджин застыла, слишком напуганная, чтобы двигаться, поскольку маг направил на нее узловатый конец своего посоха. В тот же момент, она почувствовала, что трессим пошевелился под ее рукой. Наконец исцеленный, он поднялся на лапы и широко расправил свои блестящие крылья, махая ими и проверяя их силу.

Хулорн положил руку на посох. На мгновение, Лараджин подумала, что он отсрочил исполнение приговора.

— Подожди, — произнес Хулорн. — Трессим стоит двести солнц. Я не хочу его ранить.

С громким воем трессим поднялся в воздух, спасаясь в верхушках деревьев. Лараджин стояла, подняв руки и моля о своей жизни. — Пожалуйста. Я не намеривалась нарушать право владения. Я нашла раненого трессима и только хотела...

Конец посоха темнокожего мужчины потрескивал от магической силы. Черные искры сыпались с его кончика. Лараджин начала поворачиваться, хотя знала, что ей не удастся убежать. Краем глаза она увидела стрелу

потрескивавшей черной силы, прыгнувшую с посоха...

В тот же миг какая-то фигура бросилась из-за дерева. Все еще поворачиваясь, Лараджин только мельком увидела его: зеленый плащ, узкое татуированное лицо. Затем стрела с посоха ударила выскочившую фигуру прямо в грудь. Дикий эльф закричал в агонии, тело внезапно стало неподвижным. Искры прыгнули с кончиков его пальцев, а одежда и волосы взорвались в клочья. Его обугленные останки упали на землю, дымя на снегу.

Лараджин уставилась в ужасе на почерневший труп. Теперь в тишине, повисшей после взрыва, раздался звук.

Она услышала настойчивый шепот на языке, которого не понимала. Затем снова, на общем языке:

— Беги! Беги!

Ее не нужно было убеждать. Ноги как-то нашли опору на скользком снегу. Она увидела еще одну фигуру в плаще, спрыгнувшую вниз с ветви дерева на Хулорна, который обнажал меч, а третья скрытая фигура бросилась на темнокожего мага сзади из-за кустов. Когда Лараджин бежала через лес, ее сердце колотилось, она слышала еще два треска от взрывов позади нее.

В безумной спешке, Лараджин взобралась на край фонтана и легко вырвала решетку. Едва она проползла, как услышала приглушенный звук шагов, приближающихся к находящемуся сверху фонтану. Рыдая, она поняла, что ее преследовали по следам на снегу. Они не смогли бы найти ее след в канализации. В темных туннелях было слишком много поворотов — да и следы в канализационной воде не оставались.

Она прыгнула вниз в туннель, и, поднимая брызги, убежала в темноту.

* * * * *

Лараджин проскользнула через один из входов для слуг Штормового Предела, все еще задыхаясь от беге через город и вонючей канализационной воды. Она не видела никаких признаков преследования — ни стражи Хулорна, ни темного волшебника, ни даже диких эльфов. Она была почти уверена, что Хулорн не сможет узнать ее, если увидит снова, поскольку дворяне, как правило, видят только форму и не замечают слугу под ней. Но это вовсе не значило, что она в безопасности.

Когда Лараджин сняла покрытые грязью ботинки и вытерла волосы, она услышала звук голосов с лестницы, которая вела в основную часть дома. Это был господин, в муках еще одного делового обсуждения с Талендарами, очень важная встреча, на которой Лараджин должна была работать.

Встреча под председательством господина Тамалона Ускеврена. Ее отца.

Мысль была все еще слишком неправдоподобной, чтобы поверить.

Лараджин слышала легкое царапанье по двери позади нее. Она открыла дверь, и увидела трессима, сидящего на пороге. Крылатый кот вошел в Штормовой Предел, как будто он всегда там жил и потерял о ногу Лараджин.

— Что здесь делает это животное? Оно дорого стоит — отправь его обратно

туда, откуда оно пришло.

Крылатый кот удрал назад за дверь, когда господин Кейл спустился в зал. Глубоко посаженные глаза дворецкого сверкали. Он выпрямился, остановился и сжал тонкие губы, давая Лараджин в полной мере понять, как он относится к тому, что она не одета в форму. Его ноздри втянули воздух.

— Где, — произнес он с ударением на каждом слове, — ты была?

Лараджин увидела, как улетает трессим, пятно яркого цвета на фоне падающих снежинок, и закрыла дверь.

— Поклонялась Сьюн, сэр, — кротко ответила она. — Крылатый кот последовал за мной из храма, и я все время была там, пытаюсь избавиться от него.

— Хм. — Господин Кейл, казалось, принял это объяснение. — Одень форму. Немедленно. И направляйся к господину. Там наверху происходит важная встреча.

Лараджин опустила голову. Несмотря на ее позу, она выглядела какой угодно, но только не кающейся. Она пристально смотрела на свои руки — на пальцы, которые вызвали целебную магию Сьюн — или Ханнали — или обеих.

«Я — важная персона», — думала она. — «Защищая меня, погибли три эльфа. Не просто служанка, а кто-то...еще».

Все было так же в семье Ускеврен, но для Лараджин все изменилось. Господин Тамалон Старший, поглощенный своими деловыми встречами и часто преследуемый воспоминаниями о его прошлом, уже не только ее работодатель. Он был ее отцом, и люди, которые умерли, когда сгорел первый Штормовой Предел, были родственниками Лараджин. Госпожа Шеймур теперь стала той, с которой нужно быть вдвое осторожнее. Лараджин даже не хотела представлять, что будет, если госпожа узнает, что она дочь ее мужа, который ее обманывал.

Госпожа Тазиенна — Тази — оставалась все такой же проказливой нарушительницей спокойствия, которой была всегда, но теперь Лараджин видела ее другими глазами. Одна и та же кровь текла в их жилах. Возможно, Лараджин станет такой же безрассудно смелой когда-нибудь.

Господин Тамалон Младший был таким же повесой и расточителем, как и раньше. Знание того, что он ее сводный брат, заставило Лараджин посочувствовать ему. Хотя подробности ей были известны только понаслышке, во время ожидания у стола Ускеврена, она уже могла оценить опасности, с которыми столкнулся Тамлин при доработке торгового соглашения с Фоксмантлами.

Лараджин также увидела Тала в новом свете, не просто как друга, который сознательно перешагнул через линию, разделявшую господина и служанку, а как брата. Она молилась, чтобы Тал спокойно отреагировал на новость, что они родственники.

Только один человек не изменился в глазах Лараджин. Господин Кейл оставался все такой же таинственной, слегка зловещей личностью, какой и был

всегда.

Лараджин медленно пробралась мимо него и быстро пошла в комнату для слуг, чтобы надеть форму. Краем глаза, она увидела, что он смотрит на нее. Сурово.

«Он видит, что я изменилась», — подумала она. — «Интересно, он догадывается, отчего?».

Лараджин не знала, что ждет ее впереди. Но она знала, что ответ дожидается ее где-то. Не здесь, в Штормовом Пределе, даже не в Охотничьем саду, который звал ее все эти годы, а в другом месте: среди диких эльфов Запутанных Деревьев.

